Оптинский патерик

По благословению епископа Саратовского и Вольского Лонгина

Содержание

Монах Григорий (Косых)
Инок Димитрий (Алексеев)
Схимонах Диомид (Кондратьев)
Монах Досифей
Инок Емилиан
Схимонах Ефрем (Косых)
Послушник Иаков Сушенко
Иеромонах Иларий (Червячков-Гурьянов)
Иеромонах Иннокентий (в схиме Иов)
Монах Иннокентий (Горбунов)
Монах Иоанн (Скорняков)
Схимонах Иоанн (Чернов)
Послушник Иоанн
Схимонах Иоанникий (Королев)
Иеромонах Иов
Монах Иосиф
Схимонах Кирилл (Мусатов)
Иеродиакон Кирилл
Схимонах Леонид (Бочаров)
Схимонах Макарий (Грузинов)
Монах Макарий (Дектярев)
Монах Макарий утопший
Послушник Максим Горностаев
Монах Мартин (Кривенков)
Схииеродиакон Мартирий (Кашнов)
Инок Матфий (Кузнецов)
Иеросхимонах Михаил (Андреев)
Послушник Михаил Бакин
Схимонах Нестор (Фуфаев)
Инок Никита (Костинский)
Схимонах Николай (Книжников)
Схимонах Николай (Лопатин)
Монах Нил
Монах Нифонт (Пономарев)
Монах Нифонт
Послушник Павел Бородин
Инок Павел (Тамбовцев)
Иеромонах Палладий (Белоусов)
Послушник Пармен Феодоров
Схимонах Пахомий
Монах Пахомий (Сабодаш)
Монах Петр (Иванов)
Монах Петр (Никифоров)
Монах Рафаил (Фомин)
Иеросхимонах Савватий (Нехорошев)
Монах Савватий
Схимонах Сергий (Пономарев)
Схииеродиакон Сергий (Трунов)
Монах Сергий
Инок Стефан
Инок Стефан
Схимонах Тимон (Трунов)

Предисловие

Настоящее издание "Оптинского патерика" представляет собой первую попытку собрать под одной обложкой жития преподобных Оптинских старцев, жизнеописания подвижников благочестия, просиявших в этой святой обители, и простых оптинских насельников, в жизни которых непременно встречаются назидательные и душеполезные примеры для подражания. Вы прочтете об известных русских пастырях и иерархах, чьи судьбы так или иначе были связаны с Оптиной; узнаете об оптинских мучениках и исповедниках, пострадавших за Христа в годы безбожной власти, а также вспомните наших современников — тричисленных новомучеников, убиенных на Пасху 1993 года.

От составителя

Патерик (от греч. — "отечник") — это сборник рассказов о жизни христианских подвижников, главным образом монахов-пустынников стран христианского Востока и

Запада. Первые попытки их составления датируются IV–VII веками. Несмотря на сходство рассказов патериков в описании событий и поступков их персонажей, каждый отдельно взятый сборник имеет свои неповторимые черты. Как правило, все они различаются принципом подбора материала и системой компоновки произведений (тематическая, хронологическая, алфавитная или по авторским циклам).

В разное время и в различных странах были составлены Синайский патерик (или "Луг духовный" *Иоанна Мосха*), Египетский (в том числе "Лавсаик"), Скитский, Азбучный (Алфавитный), Иерусалимский, Римский (известный как "Собеседование о жизни италийских отцов и о бессмертии души" *святителя Григория Двоеслова*), Древний, Палестинский патерики и др.

По примеру переводных сборников уже в XIII веке на Руси был составлен Киево-Печерский патерик. Он неоднократно перерабатывался и переиздавался, и таким образом в XVII веке было известно уже не менее шести различных его редакций.

Патериковый жанр полюбился благочестивому русскому читателю: Троицкий, Соловецкий, Волоколамский, Можайский, Ярославский, Тверской, Олонецкий, Московский, Афонский, Валаамский, Глинский, старообрядческий Урало-Сибирский патерики стали излюбленным чтением православных христиан.

* * *

В течение последних десяти–пятнадцати лет было издано много литературы об Оптиной пустыни, ее истории и насельниках: отдельные жития преподобных старцев, их поучения, письма, дневники, воспоминания духовных чад и паломников. Но каждая из этих книг в отдельности не дает полного представления о том, чем же являлась эта святая обитель для русского народа на протяжении всего XIX и начала XX века.

Настоящее издание "Оптинского патерика" представляет собой первую попытку собрать под одной обложкой жития преподобных Оптинских старцев, жизнеописания подвижников благочестия, просиявших в этой святой обители, и простых оптинских насельников, в жизни которых непременно встречаются назидательные и душеполезные примеры для подражания. Вы прочтете об известных русских пастырях и иерархах, чьи судьбы так или иначе были связаны с Оптиной; узнаете об оптинских мучениках и исповедниках, пострадавших за Христа в годы безбожной власти, а также вспомните наших современников — тричисленных новомучеников, убиенных на Пасху 1993 года. В силу множества объективных причин настоящее издание никак не может претендовать на полноту изложения; целью этого сборника было собрать те жизнеописания и биографии оптинцев, которые нам известны и доступны на сегодняшний день[1].

"…Оптина пустынь и Саров делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия",— писал замечательный русский религиозный философ Георгий Федотов[2]. Отблески пламени этого костра освещают и страницы книги, которую вы держите в руках. И если они коснутся чьего-нибудь сердца так, что затеплят в нем любовь и веру, согреют мятущуюся душу, значит — свет Оптиной продолжает светить сквозь века и есть еще надежда на исполнение пророческих слов, сказанных преподобным старцем Нектарием: "Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов"[3].

---

[1] Литература, использованная при составлении данного издания, указана в библиографии в конце книги

[2] *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси // Собрание сочинений: В 12 т. Т. 8. М.: "Мартис"; "Sam & sam", 2000. С. 199

[3] Цит. по: *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. ТСЛ, 1995. С. 538; ср.: Житие Оптинского старца Нектария. Оптина пустынь, 1996. С. 128

Глава I. Краткая история и описание Свято-Введенского монастыря Оптина пустынь

"Наша святая обитель привлекает к себе многих богомольцев, и часто слышится такое мнение, что, побывав раз в Оптиной, стремятся туда всей душой. …Вся земля здесь как бы полита кровью и потом святых старцев и молитвами их низводит благодать на души верующих. Нигде в другом месте этого нет".

Преподобный Варсонофий Оптинский
(Беседа 12 апреля 1911 года. Машинопись)

Чем же привлекает паломников эта святая обитель? Почему, несмотря ни на какие повороты истории, до сих пор не иссякает в ней поток богомольцев, жаждущих напитать свои сердца благодатным оптинским духом?

На эти вопросы отчасти отвечает первая глава книги, повествующая об истории возникновения обители и ее скита; о тех великих иерархах, благодаря которым устоял и возродился монастырь; а также об особенном оптинском богослужении и древней традиции старчества, отличавшей Оптину пустынь от многих других русских монастырей.

Возникновение и местоположение монастыря

Оптина пустынь расположена в трех верстах от Козельска, старинного городка Калужской губернии, на правом берегу Жиздры, некогда глубокой и полноводной реки, текущей вдоль векового леса. Стены монастыря, еще совсем недавно белые, голубые главы церквей с золотыми крестами красиво и величаво выступают на фоне громадного и темного бора. Глубокая тишина леса нарушается лишь шорохом падающих веток и птичьими голосами. Воздух напоен дивным ароматом. Сразу при входе в обитель посетитель бывает захвачен необычайной атмосферой покоя и мира, словно открывается дверь в XIV и XV века и оттуда веет стариной, благочестивой Русью, словно души древних подвижников и молитвенников и их тихие келлии раскрывают перед вами свой внутренний мир.

План монастыря очень простой. Посреди широкого двора возвышается собор, построенный в 1689 году, посвященный Введению во храм Пресвятой Богородицы. К северу — церковь преподобной Марии Египетской, бывшая ранее трапезной монахов и превращенная в храм в 1858 году. На юге — храм в честь Казанской иконы Божией Матери, воздвигнутый в 1806–1811 годах и возрожденный после разрушения в 1996-м. С восточной стороны — церковь в честь Владимирской иконы Божией Матери, выстроенная в 1809–1811 годах. До переворота 1917 года в ней читали неусыпаемую Псалтирь, а теперь, после второго рождения храма в 1998 году, здесь находится усыпальница семи преподобных Оптинских старцев. Между церквями находится братское кладбище. На западе возвышается трехъярусная колокольня, воздвигнутая в 1803 году, а за ней, над бывшими святыми вратами монастыря,— надвратная церковь Владимирской иконы Божией Матери. Таким образом, храмовые постройки обители были расположены строго крестообразно. Только в начале XXI века "крестообразность" эта была нарушена возведением с западной стороны Казанского собора небольшого храма в честь Преображения Господня, а с восточной, на территории нового братского кладбища — над могилами убиенных в Пасху 1993 года трех братий, была построена Воскресенская часовня.

Что же касается храмовых построек за стенами монастыря, то с северной стороны обители на территории подсобного хозяйства в 2000 году был выстроен храм в честь иконы Божией Матери "Спорительница хлебов", с южной стороны ограды находится храм преподобного Илариона Великого, бывший некогда больничным, а чуть далее заново восстанавливается кладбищенская церковь Всех святых.

* * *

Существует две версии происхождения названия монастыря. По одной из них, название "Оптина" происходит от слова "общее", то есть монастырь был общим, где

подвизались монахи и монахини. Подобные монастыри были упразднены в середине XVI века постановлением Стоглавого Собора, из чего следует, что Оптина уже существовала в первой половине этого столетия. Другая легенда говорит о раскаявшемся разбойнике Опте, основавшем обитель и принявшем здесь монашеский постриг с именем Макарий. Впрочем, легенды о раскаявшихся разбойниках можно встретить на страницах многих патериков…

В XVII веке обитель именовалась монастырь Оптин Макарьевы пустыни, в XVIII веке — Козельский Оптин Макарьев монастырь, с начала XIX века — Козельская Введенская Оптина пустынь, а ныне — Свято-Введенский монастырь Оптина пустынь. До 1788 года он относился к Крутицкой епархии, в 1788–1799 годах — к Московской и Калужской, с 1799 года — к Калужской епархии. В настоящее время монастырь этот является ставропигиальным.

Первые надежные свидетельства о монастыре относятся ко времени царствования Михаила Феодоровича. В козельских писцовых книгах 1628–1631 годов монастырь назван "государевым богомольем" и сказано, что "в нем церковь Введения Пречистыя Богородицы древяна" и "шесть келей, а в них старцы — черной священник Феодорит с братиею". Братии в конце XVII века было всего 14 человек. Среди жертвователей пустыни того времени упомянуты цари Петр и Иоанн Алексеевичи и царевна Софья.

В Смутное время Оптина пустынь была совершенно разрушена польскими отрядами. В 1724 году монастырь закрыли, строения его (кроме церкви) разобрали и со всем имуществом перевезли в Белевский Спасо-Преображенский монастырь; туда же была переведена и оптинская братия. Введенская церковь стала приходским храмом.

В 1727 году вследствие ходатайства А. П. и Н. А. Шепелевых и Г. А. Ардашева Оптина пустынь была восстановлена как монастырь. В 1731 году ее строителем стал **иеромонах Авраамий**, при котором началось возрождение обители. В 1750 году был заложен новый каменный собор.

В результате реформы 1764 года обитель была оставлена "за штатом" с разрешением иметь 7 монашествующих, включая строителя.

Митрополит Платон (Левшин) и игумен Авраамий

До 1799 года Калужская епархия, на территории которой расположена Оптина пустынь, входила в состав епархии Московской. В 1775–1811 годах Московским и Калужским Преосвященным был митрополит Платон (Левшин; †11/24 ноября 1812). Родился будущий митрополит в селе Чашникове Московской губернии в семье причетника. Образование получил сначала в Коломенской Семинарии, потом перешел в Славяно-Греко-Латинскую Академию.

Он был одним из величайших русских святителей и плодовитейшим духовным писателем XVIII века. Митрополит Платон не только писал и проповедовал, но и других побуждал к тому же. Духовная литература его времени по количеству произведений и по качеству содержания была обширнее и богаче светской.

С наблюдательным, верным взглядом на людей и на вещи, с отличной памятью, он имел дар слова как в проповеди, так и в рассказах. Свободный, простой, живой, увлекательный, любил слушать, любил и говорить.

Сам строгий инок, всей душой преданный монашеству, митрополит Платон устроил множество обителей, благоукрасил и воскресил в них дух истинного монашества, призвав для этого учеников великого старца Паисия (Величковского).

О его монашестве красноречиво говорит следующий случай. Однажды в Троицкой Лавре монах принес ему кусок черного заплесневелого хлеба с жалобой, что их кормят таким хлебом. Митрополит, взяв этот кусок, стал его есть, а между тем завел разговор с монахом и, когда съел, то спросил, как будто забыв, с чем монах пришел к нему. "Жаловаться на дурной хлеб",— отвечал монах.— "Да где же он?" — спросил

митрополит. "Вы его изволили скушать".— "Ну, поди и ты сделай то же, что я",— сказал ему спокойно митрополит, преподнеся таким образом урок монашеского терпения.

А еще было такое. Однажды митрополит Платон стоял на хорах придела Преображения, а возле него встал какой-то священник, не видавший никогда своего митрополита. Перед выходом с Евангелием причетник поставил свечу в северных дверях, а сам, полагая, что пока будут читать "блаженны", успеет сбегать вниз, побежал по лесенке. Между тем диакон подходит с Евангелием к северным дверям, а свечу некому понести. Митрополит, заметив это, говорит священнику: "Возьми свечу, понеси".— "Не подобает,— отвечал батюшка,— я иерей". Тогда митрополит идет сам, берет свечу, преподносит ее, а по входе диакона в алтарь становится против царских врат, пока священник преподает благословение, затем относит свечу на южную сторону и, поставив ее на место, кланяется спесивому батюшке: "А я митрополит!".

Умный и образованный, обладавший редким умением отличать и выдвигать талантливых людей, он любил храм и богослужение, дорожил церковной стариной и заботился о сохранении ее.

Глубокая чувствительность души его проявлялась при богослужении; почти всякий раз при чтении Символа веры и молитвы Господней он заливался слезами от душевного умиления. К Божественной Трапезе всегда приступал со слезами. Отличительными свойствами его благородной души были благодарность, прямодушие и чистосердечие.

Наведением порядка в епархиях митрополит Платон занимался со свойственной ему энергией. Он обращал особенное внимание на духовные школы и обители. Сонм его учеников-иерархов очень велик, а учеными и добропорядочными священниками он наполнил чуть ли не всю Москву и даже ее окрестности.

13 июня 1811 года[4] в связи с тяжелой болезнью (он был разбит параличом) митрополит уволился от епархиальных дел. Скончался великий святитель 11/24 ноября 1812 года в Вифани, где был погребен и нетленно почивает в созданном им Спасо-Вифанском монастыре, в Преображенском храме.

Память Преосвященного владыки благоговейно чтится из рода в род, а совершающиеся по временам знамения милости Божией, исцеления у гроба его служат несомненным вестником того, что за гробом почивший обрел себе блаженную часть спасаемых.

* * *

Именно этому архипастырю обязана Оптина пустынь своим первым возрождением в конце XVIII века. В 1795 году, объезжая свою епархию, митрополит Платон был пленен прекрасным местоположением Оптиной пустыни и решил вывести ее из состояния запустения. Он послал в Оптину строителя Иосифа, который ввел в обители устав Николо-Пешношского монастыря, а затем, в 1796 году, Преосвященный вызвал к себе архимандрита Макария (Брюшкова), отличавшегося высокой духовной жизнью настоятеля Московского Пешношского монастыря, бывшего в духовном общении с преподобным Паисием (Величковским). Митрополит Платон велел ему выделить из своей обители настоятеля, способного обустроить Оптину пустынь, и отец Макарий предложил огородника Авраамия.

Игумен Авраамий (†14/27 января 1817), приснопамятный восстановитель обители, родом происходил из мещан города Рузы. Он был уволен обществом в монашество[5] в

---

[4] Здесь и далее в тексте до 1918 года даты указаны по старому стилю; после 1918 года — по старому и новому стилю. В подзаголовках также приведены оба стиля.— *Ред.*

[5] Законы Российской империи предписывали ряд правил для желающих поступить в монастырь. Эти правила касались различных обязательств перед государством и обществом, регулировали социальные, имущественные, семейные и другие отношения. Уходящий в монастырь должен был исполнить все свои обязательства и получить разрешение (увольнение) от общества. Подробнее об этом см.: *Смолич И. К.* Русское монашество 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1999. С. 257–269.— *Ред.*

1789 году и определен указом в Пешношский монастырь в число братства в 1790 году. Пострижен был в мантию 6 апреля 1791 года, посвящен в иеромонаха в 1792 году и в 1796-м назначен строителем Оптиной пустыни. В 1801 году отец Авраамий был произведен в игумена Лихвинского Покровского Доброго монастыря с управлением и Оптиным, но за немощью от управления Добринским монастырем отказался и начальствовал по-прежнему в Оптиной пустыни в игуменском сане. Скончался игумен Авраамий в сей же пустыни 14 января 1817 года.

Как инок он был спасительным образцом деятельной христианской жизни, за что стяжал нелицемерную любовь от собранного им братства и окрестных жителей, и долго потом чтилась память благочестивого старца служением панихид на гробе его. Сердечная простота, соединенная с духовной мудростью, внушала к нему невольное уважение. Он был радушен и приветлив в обращении и, при совершенной нестяжательности, милостив и сострадателен к бедным.

Когда болезненный и смиренный иеромонах Авраамий получил назначение восстанавливать Оптину пустынь, он пробовал отказаться, но вынужден был подчиниться за послушание. Монастырь тогда находился в крайней нищете. Братии было три престарелых монаха. "Не было полотенца, чтобы вытереть руки служащему литургию, а помочь горю было нечем. Я плакал да молился, молился да плакал…" — вспоминал батюшка.

Во время настоятельства отца Авраамия значительно увеличились доходы Оптиной пустыни, были расширены ее имения, развернулось строительство. Построены новая каменная колокольня со святыми вратами, два братских корпуса, возведена церковь в честь Казанской иконы Божией Матери, больничная церковь в честь Владимирской иконы. В 1809 году по ходатайству игумена число братии было увеличено до 30 человек.

По смерти игумена Авраамия на должность строителя монастыря был избран помощник его, иеромонах Маркелл. Более 20 лет прожил он в обители, но управлял Оптиной только два года и был освобожден от сего послушания согласно его желанию.

В 1819–1825 годах настоятелем был **игумен Даниил**. Он ввел в Оптиной устав Коневского монастыря.

Святитель Филарет (Амфитеатров) и основание скита

Своим духовным возвышением Оптина пустынь особенно обязана святителю Филарету, митрополиту Киевскому и Галицкому (Амфитеатрову; †21 декабря 1857 /3 января 1858). В бытность свою Калужским епископом (1819–1825), в 1821 году, в настоятельство оптинского игумена Даниила, святитель Филарет основал Иоанно-Предтеченский скит (1820–1821) и положил начало старчеству в Оптиной пустыни, для чего привлечены были туда братья-подвижники — преподобные Моисей и Антоний (Путиловы), подвизавшиеся до того в рославльских лесах. Святитель Филарет сам лично имел беседу с отцом Моисеем, в которой и пригласил его в Оптину для строительства скита, а 17 июня 1821 года лично же утвердил план строительства скита, представленный ему отцом Моисеем и игуменом Даниилом, после чего и началось возведение первой келлии и постройка домовой церкви для архиерейского приезда во имя Собора святого Иоанна Предтечи Господня. Скит был устроен в 360 метрах к востоку от обители. Традиции старчества и умной молитвы были положены в основание духовной жизни скита, а потом и всей обители.

Освящение храма в Иоанно-Предтеченском скиту Оптиной пустыни святитель Филарет совершил 3 июня 1822 года и в том же году возвел монаха Моисея в сан иеродиакона и иеромонаха, назначив его духовником обители. В дальнейшем перед началом Великого поста в понедельник сырной недели Преосвященный каждый год уезжал из Калуги в Оптину пустынь, в устроенный им же самим скит, и возвращался оттуда в субботу вечером. Как известно, святитель Филарет вел строго подвижническую жизнь и, несмотря на свои архипастырские труды, до конца своих дней оставался

истинным монахом. Когда в Оптинском скиту ему пытались оказывать архиерейские почести, он возражал: "Митрополит там — в другом месте, а здесь, в скиte, я просто инок". Во время посещений владыкой "своего скита" настоятель скита отец Моисей заменял ему келейника, считая за честь послужить своему архипастырю в его невзыскательных и несложных нуждах.

В 1832 году монастырю было позволено иметь на 30 монахов 30 послушников, а в 1857 году разрешено прибавить еще 12 монахов и 12 послушников.

20 мая 1842 года святитель Филарет, уже будучи Киевским митрополитом, в последний раз посетил Оптину пустынь. Видя, с каким благоговением и любовью собор иноческий стремился принять его архипастырское благословение, Высокопреосвященный владыка, обратясь к предстоящему игумену Моисею, сказал ему: "Отец Моисей! Веди всех их в Царствие Небесное — ни одного не оставляй!". Через час с небольшим по прибытии владыки Филарета в обитель во время молебна ниспослан был обильный дождь после сильной засухи, продолжавшейся целый месяц.

Император Николай I любил говорить, что он спокоен за Россию, имея рядом с собой Филарета Мудрого и Филарета Благочестивого. Под "Мудрым" Филаретом он разумел замечательного Московского святителя, под "Благочестивым" — Киевского владыку.

Митрополита Киевского называли Благочестивым не случайно. Сердце святителя Филарета было по-матерински нежным и широким. Оно могло вместить и вмещало в себя очень многих людей, о которых молился и переживал святитель. Сердиться он совершенно не умел, чужую боль переносил, как свою собственную, а чужие недостатки покрывал снисходительной, ласковой любовью. Когда же была необходима строгость, митрополит подолгу готовился к разговору с провинившимся, молился о нем и о себе, был неспокоен. Даже по крайней необходимости он не мог причинить никому огорчения. В самом дурном человеке святитель Филарет видел сияющий образ Божий, который не осмеливался омрачить.

Виновник слышал мягкий укор вместо строгого выговора, а то еще и получал какое-нибудь небольшое утешение. Долго было памятно "наказание" любовью. Старца любили, как самого близкого и родного человека.

В октябре 1994 года, спустя 137 лет по блаженной кончине святителя Филарета (в схиме Феодосия), нетленные мощи сего подвижника были обретены братией возрожденной Свято-Успенской Киево-Печерской Лавры и перенесены в Дальние пещеры, где они и почивают в настоящее время.

Память святителя Филарета Киевского празднуется 10/23 июня в Соборе Сибирских святых.

Оптинское богослужение

Ни с чем не сравнимое оптинское богослужение являлось, главным образом, той религиозной воспитывающей духовной силой, благодаря которой Оптина пустынь имела такое благотворное влияние и на окрестное население — крестьянское, городское и помещичье, и на многочисленных богомольцев, и на братию монастыря. Богослужению отводилось ежедневно от семи до восьми часов. Оно совершалось строго по церковному уставу, без пропусков, с канонархом, с положенными чтениями, неторопливо, ясно, отчетливо. Благодаря этому содержание церковных песнопений, псалмов и поучений со всем их разнообразным, глубоким смыслом и красотой без затруднений воспринималось и сердцем, и умом молящихся, становилось неотъемлемым достоянием их душ и, таким образом, воспитывало духовно, налагало на них свою благодатную печать, которую они уносили по своим домам, чтобы и там поделиться полученными ими в монастыре благотворными впечатлениями.

Богослужение Оптиной пустыни было школой, в которой незаметно, но постоянно, день за днем и год за годом, получали православное воспитание в течение многих лет тысячи и десятки тысяч паломников из самых различных слоев русского общества. Это

был своеобразный духовный университет русского народа, учивший не внешним познаниям, но воспитывавший чувства *в разуме истины*. Впрочем, нужно сказать, что в этом отношении Оптина пустынь не является чем-либо исключительным в ряду других наших благоустроенных монастырей, оказывавших своим богослужением, его содержанием и напевами такое же воспитательное влияние на богомольцев. Дивная Киево-Печерская Лавра, своеобразная Глинская пустынь, величавая в своей простоте Троице-Сергиева Лавра, пустынный Валаам — все они делали одно общее, всенародное духовно-просветительское дело. Однако, несмотря на единый богослужебный церковный устав, соблюдавшийся всеми вышеперечисленными монастырями, богослужение в каждой обители носило отпечаток своеобразия и неповторимости не только за счет местных распевов и напевов, но и благодаря тому духу, которым отличался каждый прославленный монастырь.

Старчество в Оптиной пустыни

Особенностью внутренней жизни Оптиной пустыни являлось ее старчество, появившееся в ней в конце 1820-х годов и составлявшее ее славу в течение всего XIX века. Именно благодаря старчеству Оптина пустынь стала духовной лечебницей для душ, исковерканных грехом, потерявших или не нашедших смысла жизни, скорбящих и страждущих, ищущих вразумления, утешения и духовного руководства. Можно безошибочно сказать, что значительная часть оптинского братства пришла под кров этой обители, привлекаемая жаждой старческого окормления, и нашла здесь при помощи старцев душевный покой и спасение. Да и большинство богомольцев искало в Оптиной пустыни не только молитвенного утешения, но и разрешения своих сомнений и недоумений, а нередко и тяжелых жизненных драм из уст ее мудрых старцев и через их молитвы и наставления.

Что такое старчество? Старец — это человек, который призывается на это служение Самим Богом, проходит тяжелый подвиг святоотеческим путем, по учению Церкви, достигает бесстрастия, чистоты сердца, преисполняется любовью Божией и благодатью. Старцы были подобны водоемам небесной живой воды, которой они свободно делились с другими. Их жизнь была подобна Христову благоуханию, по слову апостола Павла (см.: 2 Кор. 2, 14–15), она была некой царской кадильницей, источающей непрестанно это благоухание.

Они знали волю Божию и поэтому могли руководить спасением других людей. Апостол Павел говорит о неком таланте рассуждения (см.: 1 Кор. 12, 4, 8), который мы и называем старчеством. Старец — это тот, кто руководит другими людьми ко спасению, к Царствию Небесному, и врачует их страсти, имея этот дар рассуждения. В этом и заключается суть старчества.

Старец — это многоопытный монах, который может руководить другими людьми. И, конечно, в этом ему помогают прозорливость и любовь. Всякий человек, который общался со старцем, попадал под особую благодать, под золотой дождь утешения. Душа измученная, исстрадавшаяся, изорванная, образно говоря, окровавленная, эта иссохшая земля впитывала в себя влагу особой мягкой сердечности, теплоты, внимания, сострадательности и сочувствия со стороны старца. Старец — этот Ангел Божий, светильник тихий — сиял непрестанным светом любви, покоя, тишины и кротости и согревал уставшую душу. И как путники в ночи холодной стремятся к источнику света, так и люди стремились к старцу. Казалось, что из глаз старца струились пучки света, лучи света, которые были отражением его внутренних сияний; выходил человек из келлии старца — как на крыльях летел, и казалось, весь мир, все окружающие люди несли на себе отблески того сияния, того света, который согрел человека в маленькой келлии старца. Такие старцы были особо нужны тем людям, которые боялись открыть раны своего сердца и боялись неосторожного прикосновения к ним.

Старец был таким человеком, который совершенно не существовал для себя. Вся жизнь его была принесена в жертву своим чадам. Это была самораспятая любовь. Старец носил своих духовных чад и всех, кто к нему приходил, в своем собственном сердце, как пророк Моисей носил весь народ израильский в своем сердце. Эта самораспятая любовь, эта жертва, полное забвение себя, полное сочувствие ко всем приходящим, жалостливое, любовное отношение были самыми характерными чертами старца. На всякий стон, всякую мольбу, всякое покаянное и радостное воздыхание отзывалось сердце старца. Старец не мог сказать: "Я сегодня устал, а ты, хоть и плохо чувствуешь себя, страдаешь, перетерпи, переболей, я потом тебя приму" — такого не было. Конечно, так сораспинаться могли только великие старцы. Сам Христос Спаситель был образом для старца: Его страдания, Его любовь были главными примерами.

Старчество придавало Оптиной пустыни особый духовно-светлый облик, пронизывало ее духом благожелательной и снисходительной любви, соделывало ее привлекательной и бесконечно дорогой для грешных душ, ищущих спасения. В старчестве раскрылось истинное значение и истинное назначение Оптиной пустыни. И неудивительно, что у стен этой обители возник целый поселок мирян, мужчин и женщин, семейных и одиноких, для которых стало жизненной потребностью ежедневно слушать оптинское богослужение и ежедневно получать благословение и наставления Оптинских старцев.

Святитель Филарет Московский

Святитель Филарет Московский (Дроздов; †19 ноября /2 декабря 1867) находился в постоянном общении с Оптинскими старцами. Так, когда начались гонения на преподобного старца Льва, он написал Калужскому епископу, что "ересь предполагать в отце Леониде нет причины". Преподобному старцу Антонию он помогал молитвами о страждущих, сотнями стекавшихся в Оптину. А эпиграфом к своему сочинению "Учение о семейной жизни" святитель взял слова преподобного Амвросия Оптинского: "Читая духовные книги без указания…".

Старцы Моисей и Макарий при поступлении в Оптину пустынь привезли с собой списки творений святых отцов в переводах преподобного Паисия (Величковского) и его учеников, а также исправленные преподобным Паисием списки прежних славянских переводов святоотеческих книг. Своим архипастырским благословением святитель Филарет положил начало оптинскому книгоизданию и в дальнейшем оказывал всяческое покровительство этому доброму делу.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал преподобному Макарию о значении Московского митрополита Филарета в издательской деятельности Оптиной пустыни: "…Сообразно тому, как Вы изволите писать, Высокопреосвященнейший митрополит Московский Филарет благоволил написать мне, что он желает напечатания книги преподобного Исаака Сирского. Все монашество обязано благодарностию этому архипастырю за издание отеческих книг Оптиною пустынею. Другой на месте его никак не решился дать дозволения на такое издание, которое едва ли уже повторится…". В 1852 году митрополит Филарет принял в Москве старца Макария и оказал высокое покровительство оптинскому книгоизданию. Очень благосклонно относился святитель и к самому преподобному Макарию, выражая ему свое почтение; они состояли в духовно-дружеской переписке.

В 1860 году старец Макарий, предвидя близкую кончину архимандрита Моисея, при встрече в Москве со святителем Филаретом, пригласившим его для духовной беседы особым письмом, выразил свое желание, чтобы место настоятеля Оптиной пустыни в будущем занял иеромонах Исаакий. Владыка вполне одобрил мнение старца, что и повлияло впоследствии на выбор нового настоятеля.

Ежегодно 1/14 декабря, в день памяти святого праведного Филарета Милостивого, в Оптиной пустыни совершалась Божественная литургия, на которой поминали двух тезоименитых иерархов — Киевского и Московского.

Влияние Оптиной пустыни на представителей русской культуры

"Оптина пустынь исторически оказалась тем местом, где русская интеллигенция встретилась с Церковью. Причем встретилась не на каких-нибудь диспутах или "официальных" богослужениях, а с самой глубиной веры Христовой",— сказал епископ Василий (Родзянко)[6].

Оптина пустынь была неразрывно связана с русской культурой XIX — начала XX века. Огромное количество богомольцев разного возраста, звания и образования стремились именно в Оптину. А между тем до октябрьского переворота 1917 года в Российской империи насчитывалось более 1000 монастырей, около 100 000 храмов. Но именно сюда, в Оптину пустынь, к старцам приезжали многие представители русской культуры: супруги И. В. и Н. П. Киреевские, Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, И. С. Тургенев, П. А. Вяземский, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, С. М. Соловьев, А. С. Хомяков, И. С. Аксаков, К. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев (в монашестве Климент), С. А. Нилус, С. А. Есенин, В. В. Розанов, И. М. Концевич, А. А. Ахматова, С. П. Шевырев, академик М. П. Погодин. Обитель посещали П. И. Чайковский и его брат М. И. Чайковский, Н. Г. Рубинштейн, Гончаровы (почти все родственники жены Пушкина), граф Л. Н. Толстой, граф А. П. Толстой (человек святой жизни, который непрестанно молился и даже носил вериги), А. К. Толстой, поэты А. М. Жемчужников и А. Н. Апухтин, писатель И. Филиппов, Великий князь Константин Константинович Романов (известный как поэт К. Р.) и его дети; великомученица Великая княгиня Елисавета Феодоровна, М. А. Максимович, А. Н. Муравьев, П. Д. Юркевич, Н. Н. Страхов, В. А. Аскоченский, писатель Е. Н. Погожев (Поселянин), князь Н. Д. Жевахов, К. Э. Циолковский, Л. В. Чижевский, граф Ю. А. Олсуфьев, М. А. Новоселов, отец Павел Флоренский, протоиерей Иосиф Фудель и его сын, писатель Сергей Фудель; художник Л. А. Бруни с женой Н. К. Бальмонт, М. Ф. Мансурова (Самарина), поэтесса Н. А. Павлович, Г. В. Чулков, С. Н. Дурылин, М. А. Чехов, будущие маршалы Г. К. Жуков и Г. М. Маленков и многие, многие другие. И большинство из вышеназванных лиц не просто посещали монастырь, а были духовными чадами Оптинских старцев, пользовались их наставлениями и разносили потом свет Оптиной по всей России. Разумеется, этот список далеко не полный; здесь приведены имена лишь наиболее известных паломников из русской интеллигенции.

Николай Васильевич Гоголь был большим почитателем Оптиной пустыни и ее старцев. О своем первом посещении обители в июне 1850 года Гоголь писал графу А. П. Толстому: "Я заезжал на дороге в Оптинскую пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской Горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении… Нигде я не видел таких монахов, с каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили светлой ласковостью Ангелов, лучезарною простотою обхождения; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание: все становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители…"[7].

---

[6] *Василий (Родзянко), епископ.* [Из выступления на пресс-конференции, состоявшейся в Московском Свято-Даниловом монастыре 28 апреля 1993 года] // Московский церковный вестник. 1993. № 9–10 (96–97). С. 4.— *Ред.*

[7] *Гоголь Н. В.* Письмо гр. А. П. Толстому от 10 июля 1850 года. См.: *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 11. СПб., 1897. С. 145–146. Цит. по: *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. ТСЛ, 1995. С. 594; см. также: *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1952. Т. 1. С.194–195.— *Ред.*

Кроме этой своей поездки в Оптину Гоголь был там еще дважды, когда он вернулся после своего паломничества в Святую Землю.

В одном из своих писем в Оптину Гоголь писал: "Ради Самого Христа — молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится,— просите молитв обо мне. Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо; и силы мои не только ничтожны, но их и нет без освежения Свыше. Говорю вам об этом не ложно. …Чтобы удостоил Бог меня, недостойного, поведать славу Имени Его, несмотря на то, что я всех грешнейший и недостойнейший… Ради Самого Христа, молитесь: мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейских дрязг и на всяком месте своего странствования быть как бы в Оптиной пустыни…"[8].

Беседы с преподобным Оптинским старцем Макарием произвели на Гоголя неизгладимое впечатление и очень повлияли на его мысли об ответственности писателя перед Богом.

Федор Михайлович Достоевский приехал в Оптину пустынь облегчить свое горе после смерти любимого сына Алеши. И, вероятно, именно это смиренное "припадание к ногам старца" помогло ему воплотить в романе "Братья Карамазовы" образ "положительно прекрасного человека" — святого старца. Батюшка Амвросий определил состояние души Федора Михайловича словами: "Этот из кающихся". А преподобный старец Варсонофий рассказывал: "Достоевский, который бывал здесь и сиживал в этом кресле, говорил отцу Макарию[9], что раньше он ни во что не верил.

— Что же заставило вас повернуть к вере? — спрашивал его отец Макарий.

— Да я видел рай, как там хорошо, как светло и радостно! И насельники его так прекрасны, так полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу я забыть того, что пережил там, и с тех пор повернул к Богу.

И действительно, он круто повернул вправо, и мы веруем, что Достоевский спасся".

Супруги Киреевские были усерднейшими и главными помощниками старца Макария по книгоизданию. Через Наталию Петровну Киреевскую, которая в юности была духовной дочерью преподобного Серафима Саровского, издатели поддерживали связь с Московским митрополитом Филаретом (Дроздовым).

Все философские работы И. В. Киреевского после знакомства со старцем Макарием были исканием выхода из духовного кризиса, к которому привел европейскую цивилизацию "самодвижущийся нож разума, не признающий ничего, кроме себя и личного опыта". Похоронен он был в Оптиной, близ Введенского собора. Вскоре здесь же был похоронен его брат, П. В. Киреевский, собиратель русских народных песен, стихов и былин, великий "печальник Древней Руси". А через четыре года, когда умер старец Макарий, могилы учителя и ученика оказались рядом.

Исповедание ереси есть изгнание своей волей Божественной благодати из души. **Л. Н. Толстой**, отлученный от Церкви "великий ересиарх", одинокий, охваченный тоской, за несколько дней до кончины все же приходил в Оптину и бродил вокруг скита, но не осмелился туда войти. А старцы его ждали… "Как грешил на целый свет, так и каяться пред ним должен". "Горд очень" — эти слова старца Амвросия точно определили недуг великого писателя, болезнь, с которой в конце жизни пытался он бороться. Умирая, он просил об исповеди. Но старца Варсонофия, приехавшего из Оптиной, к нему не допустили. "Хотя и Лев был, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана",— сказал о нем преподобный старец.

---

[8] *Богданов Д. П.* Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей // Исторический вестник. 1910. Цит. по: *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. ТСЛ, 1995. С. 594–595.— *Ред.*

[9] Вероятно, не отцу Макарию, а отцу Амвросию, так как Достоевский побывал в Оптиной в 1878 году, а преподобный Макарий почил о Бозе в 1860-м.— *Ред.*

Закрытие монастыря

Через год после октябрьского переворота, в 1918 году, монастырь Оптина пустынь преобразовали в сельскохозяйственную артель, но богослужения в обители еще продолжались. В 1923 году монашеская артель была упразднена, все храмы, кроме Казанского, закрыты. Вместо артели в монастыре был создан музей "Оптина пустынь", к которому отошли храмы, трапезная и скит. Служить в храмах запретили. Монастырские корпуса были переданы под общежитие служащим местного совхоза, лесозавода и музея, под контору музея и детский дом. Библиотека монастыря была передана музею, а затем в Государственную библиотеку им. Ленина в Москве.

В 1921–22 годах в Оптину пустынь прислали беженок из Эстонии — их поселили прямо в келлии к монахам по нескольку человек.

В Вербное воскресенье 1923 года начались массовые аресты насельников монастыря. В качестве музейных рабочих и сторожей в обители оставили 15 человек братии вместе с преподобным Никоном, а остальным приказали убираться куда глаза глядят. По благословению архимандрита Исаакия II отец Никон еще год продолжал служить в Казанском соборе монастыря и принимать на исповедь всех приходящих. В 1924 году монастырь был окончательно закрыт.

Возрождение святой обители

Накануне передачи монастыря Церкви в стенах обители находились помещения Козельского сельскохозяйственного ПТУ, а также жилые квартиры. С 1957 года в скиту находился литературный отдел Козельского краеведческого музея, которому были переданы из Москвы некоторые книги монастырской библиотеки. В музее размещалась экспозиция, посвященная Л. Толстому. В скитских монашеских корпусах находилась сельская начальная школа.

Постановлением Правительства РСФСР от **4/17 ноября 1987 года** Оптина пустынь была возвращена Церкви. Определение Священного Синода Русской Православной Церкви об открытии монастыря принято 17/30 декабря 1987 года. Первым наместником ставропигиального монастыря был назначен архимандрит Евлогий (Смирнов; впоследствии архиепископ Владимирский и Суздальский). Осенью 1987 года в Оптину приехал иеромонах Иосиф (Братищев; впоследствии архимандрит, настоятель Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря) с 15-ю строителями из Управления по реставрации и строительству Московского Данилова монастыря. Они начали реставрационные работы (отдельные работы по реставрации велись государством с 1972 года, но возможности реставраторов были невелики, и работы осуществлялись очень медленно).

21 мая /3 июня 1988 года в возрожденной Оптиной был освящен первый престол в надвратной церкви в честь Владимирской иконы Божией Матери и состоялась первая Божественная литургия.

Накануне на могилке преподобного Амвросия была совершена панихида по почившим старцам и инокам, подвизавшимся в Свято-Введенской Оптиной пустыни. *"Вечная память"* прозвучала тихо и торжественно среди монастырских аллей. С 18.00 часов служилась вечерня. Хотя в Оптину уже доставили святой антиминс, вечерня свершалась вне алтаря, перед иконостасом, потому что храм еще не был освящен. После вечерни братия пропела акафист Божией Матери. В самый памятный день, 21 мая /3 июня, в 7 часов утра, наместник Оптиной пустыни архимандрит Евлогий совершил молебен с водосвятием и малое освящение храма.

С этого дня в возрождаемой обители совершается ежедневное богослужение. А через месяц, 23 июня /6 июля 1988 года, в день празднования Владимирской иконы Божией Матери, за Божественной литургией наместник монастыря отец Евлогий совершил в обители первый постриг. В июле того же 1988 года был освящен Введенский собор монастыря.

В 1988 году, на Поместном соборе Русской Православной Церкви, состоявшемся **6–9 июня,** преподобный старец Амвросий был причислен к лику святых. **3/16 октября 1988 года** состоялось обретение мощей старца Иосифа Оптинского.

3/16 ноября 1988 года в годовщину официальной передачи Оптиной пустыни Церкви в обители совершилось чудесное явление благодатной росы от Казанской иконы Божией Матери и мира от иконы преподобного Амвросия Оптинского.

Явление благодатной росы от иконы Богоматери началось около четырех часов дня после обычного молебна (без освящения воды). Икона была привезена накануне ее празднования 21 октября /3 ноября из реставрационной мастерской Свято-Данилова монастыря. Работа над иконой была завершена в необычайно короткий срок, и совершенно неожиданно она была привезена в Оптину автобусом, на который никто не рассчитывал. Уже это было видимым знаком особого благословения Божией Матери. Казанская икона особо почиталась в обители. Свидетельство этому — храм с престолом, освященным в ее честь. Кроме того, именно Казанская икона Божией Матери была главной святыней Шамординского монастыря, основанного преподобным Амвросием.

Икона конца XVII — начала XVIII века, старого письма, написана в строгих традициях древнего канона. Явление благодатной росы на иконе было замечено на груди Божией Матери, в месте несколько ниже благословляющей руки Богомладенца. Собранная на вату влага появилась снова на том же месте и рядом на хитоне Спасителя в виде испарины и небольших капель. Временами от иконы исходило очень тонкое благоухание. Отец наместник приложился к иконе и до начала всенощной благословил отслужить молебен с акафистом Божией Матери. Перед началом акафиста вся роса с иконы была собрана на вату. После окончания молебна на иконе вновь обильно выступила роса. Все присутствующие удостоились быть свидетелями совершающегося чуда. Во время чтения акафиста всех охватил невольный трепет от особого, такого близкого присутствия благодатной силы, близости Самой Пречистой.

По благословению отца наместника была отслужена всенощная с акафистом Казанской иконе Божией Матери. Отец Евлогий сам возглавил службу и благословил каждую среду в память совершившегося чуда на повечерии читать акафист Казанской иконе. Всенощное бдение окончилось в 22.30 (память преподобного Иоанникия Великого).

А в 23.00 аналойная икона преподобного Амвросия начала источать благоухающее миро. Икона была написана для обители летом 1988 года студентом Московской Духовной Семинарии Николаем Чернышовым. Она находилась во Введенском храме со дня Успения Божией Матери. Благоухающее миро начало появляться на иконе в области сердца и руки со свитком, на котором написан текст: "Подобает убо нудиться возрастати в смирении". В полночь был отслужен молебен преподобному Амвросию. Икона продолжала источать миро в небольшом количестве и ночью следующего дня. Некоторые из числа братии были свидетелями этого чуда. Капли мира появлялись почти мгновенно в тех же местах, где были замечены в первый раз. Благоухание ощущалось не всеми в равной мере и не постоянно, а как бы волнами.

Подлинная святыня, совершающееся на глазах чудо почти невольно вызывает трепет, благоговение. Так было и здесь. При этом не было и малого проявления восторженности и болезненной экзальтации. Царил глубокий мир, тот *"свышний мир"*, которого мы просим в молитвах. Все ощущали это веяние *духа хлада тонка* (ср.: 3 Цар. 19, 12), в котором Своей благодатью является Бог, *дивный во святых Своих* (ср.: Пс. 67, 36). Миро источала икона, написанная современным иконописцем,— это явление в нашей Церкви совершенно уникальное и глубоко символическое.

3/16 июля 1989 года в монастырь были перенесены обретенные мощи Оптинского старца Нектария.

4/17 сентября 1989 года в Оптиной пустыни после литургии во Введенском храме готовилась съемка программы для фестиваля киноискусства в Амстердаме. На вопрос

отца Сергия о его вере кинооператор ответил отрицательно. Было неясно, как строить рассказ о монастыре для неверующего, и отец Сергий пошел поклониться мощам преподобного Амвросия, чтобы тот сам все управил, а его вразумил, что делать и как говорить.

После того как все было подготовлено к съемке, отец Сергий подвел оператора к Казанской иконе Божией Матери и поведал ему о событиях мироточения, которое происходило 3/16 ноября 1988 года. Затем они перешли в другой придел, к иконе преподобного, и отец Сергий замер от изумления: на иконе явственно были видны два пятна с потеками мира. В храме никого не было, кроме послушников у свечного ящика в другом конце собора. Отец Сергий, по его собственным словам, не смог скрыть своего удивления, что бесстрастно зафиксировала камера. Оператор заметил ему: "Я вижу, что с вами что-то происходит". Отец Сергий указал на причину. После этого позвали послушника, и когда у иконы появился второй свидетель, началась съемка. Ощутивший Божественный аромат оператор воскликнул: "Жаль, что нельзя снять запах!".

Фильм был показан на фестивале в Амстердаме и имел большой успех. Так преподобный, имеющий "болезное сердце о всех с верою притекающих к нему", вновь вышел на проповедь к людям, и свидетельство об этом распространилось за пределы дальние.

В современном мире, скованном вторгшимся в плоть и кровь людей безбожием, чудеса, подобные оптинскому, наполняют душу христианина горячей надеждой на заступничество Владычицы Небесной и святых.

19 января /1 февраля 1990 года состоялась передача (тогда еще только частичная) Иоанно-Предтеченского скита монастырю Оптина пустынь.

В 1990 году возобновилась издательская деятельность Оптиной пустыни. Изданы жизнеописания старцев, частично — их письма и поучения, и некоторые другие книги.

13/26 декабря 1994 года были обретены мощи Оптинских старцев Антония и Моисея.

1/14 февраля 1995 года обретены мощи старца Исаакия I Оптинского.

13/26 июля 1996 года состоялось прославление Собора преподобных старцев Оптинских и установлено им общее соборное празднование — 11/24 октября. К лику местночтимых святых были причислены: иеросхимонах Лев (Наголкин), схиархимандрит Моисей (Путилов), иеросхимонах Макарий (Иванов), схиигумен Антоний (Путилов), иеросхимонах Иларион (Пономарев), схиархимандрит Исаакий I (Антимонов), иеросхимонах Анатолий старший (Зерцалов), иеросхимонах Иосиф (Литовкин), схиархимандрит Варсонофий (Плиханков), иеросхимонах Анатолий младший (Потапов), иеросхимонах Нектарий (Тихонов), иеромонах Никон (Беляев) исповедник, архимандрит Исаакий II (Бобриков) священномученик.

Вечером 13/26 июля перед торжественным всенощным бдением в Свято-Введенском монастыре Оптиной пустыни Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II был совершен чин канонизации в лике местночтимых святых Собора преподобных отцев и старцев, в Оптиной пустыни просиявших.

В слове Его Святейшества подчеркивалось особое значение и высота старческого служения Богу и ближним.

После того как Святейший Патриарх зачитал Деяния Архиерейского собора о канонизации преподобных Оптинских старцев, на амвон Введенского храма из алтаря была вынесена большая икона новопрославленных преподобных, которой осенили всех молящихся. После пения тропаря, кондака и величания преподобным началось всенощное бдение Собору Оптинских старцев.

27 июня /10 июля 1998 года состоялось обретение мощей преподобных Амвросия, Льва, Макария, Илариона, Анатолия старшего, Варсонофия и Анатолия младшего Оптинских.

Работы по обретению мощей преподобных Оптинских старцев начались за несколько дней до радостного события. 7 июля было получено долгожданное благословение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II приступить к раскопкам. Во время праздничного всенощного бдения накануне дня памяти преподобного Никона Оптинского исповедника собор священнослужителей вышел к месту раскопок. Пропели величание преподобным старцам Оптинским, помолившись об успешном завершении дела при содействии помощи Божией. 10 июля раскопки были завершены, и переоблаченные святые мощи преподобных старцев были положены в заранее приготовленные деревянные раки и выставлены для поклонения во Введенском соборе монастыря.

10/23 октября того же 1998 года, в день памяти преподобного Амвросия Оптинского, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II освятил возрожденный храм-усыпальницу в честь Владимирской иконы Божией Матери, куда и были торжественно перенесены святые мощи преподобных старцев при большом стечении народа.

На Юбилейном Соборе 2000 года преподобные старцы Оптинские были причислены к лику святых Русской Православной Церкви для общецерковного почитания. Празднование Собору преподобных Оптинских старцев установлено 11/24 октября.

Преподобнии отцы наши, старцы Оптинстии, молите Бога о нас!

Первая Пасха в возрожденной Оптиной[10]

Из дневниковых записей 1989 года иеромонаха Василия (Игоря Рослякова), 1989

Говоря сегодня об Оптиной пустыни, невозможно обойтись без слова **возрождение**.

Рассказывают ли о славном прошлом монастыря, судят ли о нынешних его делах, пророчествуют ли о его будущем — во всем и всюду, тайно или явно присутствует это слово. Оно — символ, знак, указывающий направление текущего времени; оно как нельзя точнее определяет суть сегодняшних устремлений, в которых сливается временное и вечное, соприкасаются планы человеческие и судьбы Божии.

Воистину Оптина пустынь "рождается свыше", рождается милостью Божией и дерзновенными молитвами преподобных отцов Оптинских. Но жизнь она обретает не бессловесным младенцем, а четверодневным Лазарем, воплощая собой тот единый смысл, который ставит рядом возрождение и воскресение.

"Воскресение Христово свершилось, и потому вера наша истинна",— говорит апостол Павел [см.: 1 Кор. 15, 14, 17, 20]. Соотнося его слова с судьбой Оптиной пустыни, можно сказать, что величие и слава Оптиной истинны, поскольку положено начало ее возрождению.

Вновь обретающие жизнь по-новому ощущают ее полноту.

Наверное, поэтому Оптиной пустынью по-особому осознавались события Святой Четыредесятницы и Страстной седмицы, наверное, поэтому для нее стала необыкновенной радость встречи Христова Воскресения.

С ношей строительства шел монастырь по пути, отмеченному церковным календарем, и постигал его духовные тайны, и как бы в благодарность воспоминаемые даты оживотворяли монастырские будни, уничижая временные скорби и утверждая непреходящую надежду.

Незаметно истощилась Постная Триодь, весна вступила в свои права, и через распахнувшиеся врата Вербного воскресенья вошла в жизнь монастыря Страстная седмица. Каждый шаг навстречу Пасхе стал осязаем. Четко размерен и ярко освящен

---

[10] Публ. по изд.: Оптинская Голгофа. К убийству иноков на Святую Пасху. М., 1996. С. 23–25; "Хотим или нет, но величит нас Бог…". Дневники, духовные беседы, стихи иеромонаха Василия (Рослякова). М., 2002. С. 24–29; Монахи — возлюбленные дети Господни: Книга воспоминаний о иеромонахе Василии (Рослякове) и о иеромонахе Рафаиле (Огородникове). М., 2003. С. 228–231.— *Ред.*

церковными песнопениями путь, приближающий нас к святому празднику. "Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный..."; чуть вперед и — "Тайной Трапезе в страсе приближившеся вси..."; еще вперед и — "Вечери Твоея Тайныя днесь...."

Вот уже храм полон участников Святой Трапезы, вот растекается по земле четвертковый огонь, вот гробовая тишина сковывает землю, все замирает, и только голос Спасителя разрывает безмолвие Великой Пятницы: "Не рыдай Мене, Мати... востану бо и прославлюся...."

Введенский собор приготовился встречать Спасителя новым иконостасом Никольского придела. Еще вчера храм сотрясался от громких разговоров и стука молотков, как бы всем своим существом вспоминая часы распятия Христа, а ныне сияющий крест иконостаса торжественно возвещает победу жизни над смертью.

Последние приготовления, последние предосторожности.

Не торопясь, заблаговременно стекается народ в храм к вечеру. Пестрая толпа наполняет монастырь. Здесь и козельчане, и москвичи, постоянные прихожане и незнакомые люди, дети, старики, шумная молодежь.

За час до полуночи колокол зовет всех на службу. В храме шумно и тесновато: толпа у свечного ящика, очереди к исповедующим иеромонахам, группы новичков, любопытно рассматривающих иконы. Всюду нетерпение и ожидание. Наконец возглас священника возвещает о начале полунощницы. Еще тонет в громких разговорах волнующаяся речь чтеца, ненавязчиво призывая всех к тишине, но вот хор начинает канон Великой Субботы и первым же ирмосом, словно морскою волною, захлестывает празднословящих и накрывает их своим напевом, лишает их последней дерзости и силы. Всё в едином порыве устремляется навстречу пасхальной утрени. Небольшая суета возникает, когда из алтаря заблаговременно выносят запрестольную икону и крест для крестного хода, но и эта суета быстро сменяется молчаливым и сосредоточенным возжиганием свечей. Ожидание и предощущение радости сковывает все члены людей, и только глаза, оставшись подвижными, устремляются к царским вратам. И вот тихое алтарное пение как бы неимоверным усилием отодвигает завесу, царские врата распахиваются, и поток света и звука устремляется из алтаря в храм, из храма в ночную тьму и властно растекается по всей земле. Отец наместник с клиром, блистанием праздничных одежд умножая пасхальное сияние, следуя по проложенному пути, выходит из церкви. И кажется, что за этим шествием, как за кометой, тянется сверкающий шлейф. Крестный ход огненным кольцом опоясывает храм и замирает только пред его затворенными дверями. И словно срывается с уст возглас: "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его…". Что за великие и таинственные слова! Как трепещет и ликует душа, слыша их! Какой огненной благодати они преисполнены в пасхальную ночь! Они необъятны, как небо, и близки, как дыхание. В них долгое ожидание, преображенное в мгновение встречи, житейские невзгоды, поглощенные вечностью жизни, вековые томления немощной человеческой души, исчезнувшие в радости обладания истиной. Ночь расступается пред светом этих слов, время бежит от лица их. Кажется, что храм сотрясается, его двери растворяются сами, не сдержав могучего потока людского ликования, нахлынувшего на них. Эхо пустого храма подхватывает пасхальный тропарь, но вскоре, сторонясь многолюдства, прячется в куполе храма и исчезает в его белых сводах. Храм становится подобен переполненной заздравной чаше. "Приидите, пиво пием новое…". Брачный пир уготован Самим Христом, приглашение звучит из уст Самого Бога. Уже не пасхальная служба идет в церкви, а пасхальный пир. "Христос воскресе! — Воистину воскресе!",— звенят возгласы, и вино радости и веселья брызжет через край, обновляя души для вечной жизни.

Сердце как никогда понимает, что все, получаемое нами от Бога, получено даром. Наши несовершенные приношения затмеваются щедростью Божьей и становятся не видны, как не виден огонь при ослепительном сиянии солнца.

Как описать пасхальную ночь? Как выразить словами ее величие, славу и красоту? Только переписав от начала до конца чин пасхальной службы, возможно сделать это.

Никакие другие слова для этого не годны. Как передать на бумаге пасхальное мгновение? Что сказать, чтобы оно стало понятным и ощутимым? Можно только в недоумении развести руками и указать на празднично украшенную церковь: "Приидите и насладитеся...."

Светлая седмица проходит единым днем. *И был вечер, и было утро: день один* [Быт. 1, 5]. Кто прожил этот день, тому не требуется доказательств существования вечной жизни, не требуется толкования слов Священного Писания: *И времени уже не будет* [ср.: Апок. 10, 6]. Время возвращается только в Светлую субботу, когда за праздничным обедом отец наместник, поздравляя братию с Христовым Воскресением, желает всем бережно хранить в своих сердцах пасхальную радость.

Сегодня Оптина пустынь возрождается и первенствует: здесь вновь все совершается впервые. Первая Четыредесятница, первая Пасха. Но близко к алтарям лежат могилы старцев, слишком часто в обветшалых монастырских постройках видна отцовская мудрость и заботливость. Поэтому приходится говорить "впервые" — и добавлять "после долгого перерыва".

Восстанавливается связь времен, восстанавливается Оптина пустынь, восстанавливается правда. Глава же всему — восставший из Гроба Христос. "Востану бо и прославлюся!"...

Оптина пустынь. Пасха 1989 г.
И. Росляков

Глава II. Преподобные старцы оптинские

"Непрерывная чреда поколений старцев имела, конечно, огромное значение для внутренней жизни Оптиной пустыни. Но оптинское старчество составило целую эпоху в истории старчества вообще, ибо свои духовные силы Оптинские старцы отдавали людям, жившим в миру; это было своего рода подвигом любви русского иночества, и главным здесь было помочь каждому отдельному человеку понести его тяготы, послужить ему в его нуждах. Впрочем, старцы стремились не только служить людям в духе христианской любви, но еще больше — вводить **в Церковь** тех, кто стоял у ее порога, чтобы в дальнейшем жизнь их строилась в духе христианской морали. …Старчество было мощным аскетическим течением в истории монашества синодального периода, весьма плодотворным явлением в церковной жизни России".

И. К. Смолич
(Русское монашество. М., 1999. С. 351)

В этой главе вы прочтете краткие жизнеописания преподобных Оптинских старцев — "народа Божия печальников", к которым на протяжении XIX и начала XX века, без преувеличения, стекалась вся Россия.

И сегодня тысячи паломников приходят к их святым мощам, испрашивая молитвенной помощи у "земли Российския утешителей".

Много святых подвижников просияло на земле Оптиной пустыни за ее многовековую историю. Но те четырнадцать преподобных, о которых пойдет речь в этой главе, воистину явились непоколебимыми столпами старчества, за послушание принимая на себя сей подвиг духовного водительства ко спасению душ человеческих.

Преподобный схиархимандрит Моисей (Путилов)

День рождения — 15/28 января 1782
Мирские именины — 22 января /4 февраля
День тезоименитства — 28 августа /10 сентября
Иерейская хиротония — 25 декабря 1822 /7 января 1823
Постриг в схиму — 6/19 июня 1862
Кончина (день памяти) — 16/29 июня 1862
Обретение мощей — 13/26 декабря 1994

15 января 1782 года в городе Романове-Борисоглебске (Тутаеве) Ярославской губернии в купеческой семье родился Тимофей Иванович Путилов, ставший впоследствии благочестивым и мудрым строителем, настоятелем Оптиной пустыни архимандритом Моисеем. Назван он был в честь апостола Тимофея, так как отец семейства строго придерживался церковных правил, называя всех своих детей именем святого, празднуемого на восьмой день от рождения ребенка. Маленького Тимофея воспитывали в страхе Божием, с ранних лет наставляя в вере и благочестии. Сам отец обучал своих детей грамоте, а когда старшие сыновья вырастали, то они обучали младших. В училище их не отдавали из-за опасения, чтобы там как-нибудь не испортилась нравственность детей.

По воскресным и праздничным дням их водили в церковь. Дети шли обыкновенно впереди отца, не смея ни разговаривать, ни оглядываться, а в храме они тоже стояли впереди и молились. Иван Григорьевич приучал своих чад внимать службе церковной, и особенно — чтению Апостола и Святого Евангелия. По возвращении домой дети должны были пересказать слышанные за литургией чтения. Вместе с родителем своим дети пели в храме на клиросе, также и дома в праздничные дни нередко исполняли они духовные песнопения. Родители Тимофея уважали благочестивые беседы на духовные темы, и так как были они гостеприимными хозяевами, то дети их с ранних лет общались с посещавшими их дом духовными лицами, в том числе и монашествующими.

В 1800 году семья Путиловых вынуждена была перебраться на жительство в город Углич, а 18-летний Тимофей с братом Ионою был определен в Москву, к откупщику Карпышеву, державшему торговлю. В свободное от трудов время они читали духовные книги и общались с духовными людьми. Здесь юноши познакомились со старицей Иоанновского монастыря Досифеей, которая направила их для духовного окормления в Московский Новоспасский монастырь к иеромонахам Александру и Филарету. Эти старцы находились в свое время в духовном общении с преподобным Паисием (Величковским). По совету отца Александра в 1805 году оба брата поступили в Саровскую пустынь. Там они трудились на разных послушаниях (в кухне, в трапезной) и пользовались духовными наставлениями саровских старцев-подвижников.

В частности, Тимофею был поручен уход за больным строителем обители иеромонахом Исаией (Зубковым) — духовным отцом и собеседником преподобного Серафима Саровского. Брат Тимофея Иона (в монашестве Исаия) так и остался в Саровском монастыре и позже, в 1842 году, стал его настоятелем.

В 1808 году, снова попав в Москву, Тимофей познакомился с казначеем Брянского Свенского Успенского монастыря отцом Серафимом, учеником старца Василия (Кишкина). Последний жил некоторое время на Афоне и в Молдавии, затем странствовал по русским обителям. По приглашению отца Серафима и по совету старца Новоспасского монастыря отца Александра в 1809 году Тимофей Путилов поступил послушником в Свенский монастырь, где в то время собрались замечательные подвижники: иеродиакон Анастасий, ученик старца Василия (Кишкина); монах Варфоломей из молдавского Нямецкого монастыря; схимонах Афанасий (Захаров), ученик и постриженик преподобного Паисия (Величковского). Кроме того, вблизи Свенского монастыря, в брянских и рославльских лесах, подвизались многие пустынножители. В Брянском Свенском монастыре Тимофей проходил послушание пономарское, затем был письмоводителем. В 1810 году он поехал в Москву за новым увольнительным свидетельством, но в Свенский монастырь уже не вернулся.

По совету жившего в Московском Симоновом монастыре иеросхимонаха Алексия (Блинского), который в 1790–1800 годы был строителем Коневского монастыря, а до этого жил в орловских и смоленских лесах, в 1811 году Тимофей Путилов отправился к пустынникам рославльских лесов и вверился духовному руководству отца Афанасия (Степанова), оптинского постриженика, который в свое время в числе 12 человек прибыл из Пешношского монастыря с отцом игуменом Авраамием для восстановления Оптиной пустыни. В рославльских лесах этот отец подвизался безвыходно более 20 лет. С ними

был и монах Досифей, постриженик Площанской Богородицкой пустыни. В лесах Тимофей провел десять лет и был келейно пострижен в мантию отцом Афанасием с именем Моисей. Под руководством этого опытного старца отец Моисей приобрел великую сосредоточенность, кротость, дар молитвы и внимания к себе. Все эти дарования были присущи ему и потом, во всю жизнь его, не только в пустынном безмолвии, но и во время многотрудной и многопопечительной его настоятельской деятельности в Оптиной пустыни.

В 1812 году начавшаяся война с французами понудила подвижников оставить любезное место уединения. Отец Моисей был приглашен в Брянскую Белобережскую Иоанно-Предтеченскую пустынь, жил в Свенском монастыре, а в 1814 году вновь вернулся в рославльские леса, где подвизался еще 8 лет. В 1816 году к отцу Моисею присоединился его младший брат Александр (впоследствии схиигумен, преподобный старец Оптинский), который в 1820 году был келейно пострижен в монашество с именем Антоний. Вступив на тернистый путь монашеского делания, Александр избрал духовным руководителем своего старшего брата — отца Моисея.

В 1821 году по приглашению епископа Калужского Филарета (Амфитеатрова) братья Моисей и Антоний (Путиловы) с монахами Иларием (Дранкиным) и Савватием прибыли в Оптину пустынь для постройки там Иоанно-Предтеченского скита и основания в нем монашеской жизни. В 1822 году святитель Филарет рукоположил отца Моисея в сан иеродиакона, а затем — иеромонаха и вскоре назначил общим духовником Оптиной пустыни. С 1826 года и до своей кончины он был настоятелем монастыря.

В 1837 году иеромонах Моисей был возведен в сан игумена, а в 1853 году — архимандрита. Настоятельство преподобного Моисея отмечено активным строительством на принадлежавших монастырю землях. Построены два придела Введенского храма, выстроена новая трапезная и семь братских корпусов. В 1858 году в старой трапезной устроена и освящена церковь во имя преподобной Марии Египетской и святой праведной Анны. В 1861–1864 годах построена кладбищенская церковь во имя Всех святых. Возведены каменная ограда с семью башнями, библиотека, гостиницы (восемь корпусов с тремя флигелями). Построены два конных двора, скотный двор, кирпичный и черепичный заводы, мельница. Устроен хутор для лугового хозяйства и рыбной ловли на реке Жиздре, приобретены и подготовлены под огороды болотные земли, разбиты фруктовые сады.

Но главной настоятельской заботой архимандрита Моисея было попечение о братии, ее преуспеянии в деле спасения души. В годы его настоятельства в Оптиной пустыни зарождается старчество: он приглашает в обитель преподобного Льва, он же возлагает бремя духовного окормления братии на его последователя — преподобного Макария. При нем приходит в Оптину послушником будущий великий светильник земли Русской преподобный Амвросий. Благодаря тому, что отец Моисей прошел тот же духовный путь внутреннего делания, что и отец Лев, между обоими строгими подвижниками возникло глубокое взаимопонимание и полное единодушие. И если епархиальное начальство не понимало сущности старчества и преследовало старца Льва, то отец Моисей, который был с ним на одном духовном уровне, понимал великое значение старчества, и между старцем и настоятелем никогда не возникало ни малейшего трения.

Большое значение придавал преподобный Моисей и делу книгоиздания. За время его настоятельства в Оптиной было издано 16 томов святоотеческой литературы.

Привыкнув еще смолоду вставать в полночь на молитву, отец Моисей и в бытность свою настоятелем едва ли не каждую ночь повторял это. По крайней мере двое из братий, бывших при нем будильщиками, говорили, что, приходя брать благословение будить братию к утрени, они часто заставали преподобного уже бодрствующим, иногда же молящимся на коленях перед образом Спасителя, а иногда еще лежащим в подряснике. Впрочем, отец Моисей и всегда, ложась спать, не раздевался. Об этом своем подвиге он нечаянно проговорился одному монаху в какой-то поездке. Приехав к вечеру на постоялый двор, они остановились кормить лошадей. Напились чаю и расположились

отдыхать в разных комнатах. Не успел монах раздеться, улечься и хорошенько заснуть, как отец Моисей вошел к нему одетый и говорит: "Ну, пора нам собираться ехать. Что же ты это, брат, и разделся? Я двадцать пять лет и в своей келлии не раздевался во время сна, а ты в дороге разделся, спать ложась; в дороге какое спанье?! Поедем!".

К утрени отец Моисей старался ходить неопустительно и говорил другим, что это наилучшее время для молитвы: "К утрени надобно ходить, потому что во время литургии за нас приносится Бескровная Жертва Богу, а ходя к утрени, мы сами себя приносим в жертву Господу, жертвуем для Него своим покоем". И не только к утрени, но и к литургии, преимущественно ранней, и к вечерне старец старался ходить неопустительно, если не задерживали какие-либо особые дела.

Сам строгий постник и подвижник, отец Моисей был преисполнен самой нежной любви к людям и сострадателен к их погрешностям. Вот один из множества примеров: в обители работал печник, плутовавший и неисправно работавший. Отец Моисей решил его рассчитать, но печник просил прощения и обещал исправиться. Преподобный Моисей простил его и снова нанял. Эконом, узнав об этом, сказал отцу Моисею: "Батюшка! Вы опять того печника наняли, ведь он плут, как и вам хорошо известно!".— "Да ведь он бедный человек, я видел, что на нем и рубашки-то нет, а только кафтан, надобно ему помочь, притом он обещал исправиться".— "Батюшка, когда же он исправится? Он известный негодяй!" — "Как! Человек хочет исправиться, а ты говоришь, что он негодяй! Это ты негодяй! Ступай!". Так эконом и ушел.

Неподражаемо было искусство отца архимандрита говорить с каждым в его тоне: с образованными — на их языке, а с остальными — сообразно с их понятиями и их образом речи. Он хорошо понимал потребность каждого. С удивительным искусством старался он всегда избегать среди бесед разговора о людях в смысле их осуждения. "Да кто же может это одобрить",— бывало, скажет он мягко, уклоняясь от осуждения.

"Слово его было сладко, встреча радовала, приветствие его было драгоценно, так всегда было обдуманно и нежно. Эта прекрасная душа ни перед кем не оставалась в долгу",— писал о старце игумен Антоний (Бочков). Сострадание к бедным отца Моисея не имело предела. Разорившийся торговец привез продавать негодную сбрую. Отец Моисей ее купил и на упрек эконома: "Все гнилье, на что Вы это купили?" — ответил: "Экой ты, брат, какой, ведь продавал-то человек бедный, и у него пятеро детей, все равно надобно ему и так помочь". Таких случаев множество. Не отказывая бедным в помощи, питая множество странников и в трапезной, и в гостинице, и все бесплатно, когда монастырь сам нуждался в средствах, отец Моисей нередко предпринимал и новые постройки только с одной целью — прокормить бедных людей и окрестных жителей. Он построил огромную ограду вокруг монастыря. "Ничего нет, хлеба даже у братии нет, а он этакую огромную постройку ведет. И повел, и повел, да так без перерыва и довел ее до конца, а ограда-то какая, несколько домов каменных можно из нее выстроить…" — роптали на него.

Однажды был пожар, нанесший убыток на две тысячи. Вынесли на пожар чудотворную икону Казанской Божией Матери. Стали с ней против ветра, и последний изменил свое направление, обратился в лес, и пожар был потушен. Отец Моисей после выразился о пожаре так: "Да, уж нельзя не подумать, что это плоды моих грехов. Беды ходят по людям, а не по лесу. Приятен Богу человек в пещи смирения. И так благо мне, что смирил меня Господь".

Всю жизнь преподобного Моисея можно охарактеризовать такими словами: он жил сокровенно в Боге. Среди непрестанных забот и попечений внешних в нем был *сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (1 Петр. 3, 4).

Стяжавший великую веру, безгневие, кротость и другие добродетели, отец Моисей был великим делателем молитвы — царицы добродетелей, и пребывал всегда в молитвенном соединении с Господом, ради Которого и нес многие труды благочестия.

Стоя в храме и внимательно слушая Божественную службу, он нередко так углублялся в молитву, что не замечал, когда кто из братии подходил к нему и кланялся, испрашивая благословения или прощения.

Одна игуменья, окруженная сестрами, встретила отца Моисея на дороге. Все они ему поклонились, прося благословения, но он, всегда приветливый, шел, не замечая никого. Игуменья громко назвала его имя, он очнулся, удивился, что около него целая толпа людей, стал извиняться. Но выражение лица его, орошенное слезами, свидетельствовало, в каком состоянии его застали. Он настолько углубился в молитву, что просто не заметил монахинь.

"Сам-то я хуже всех,— часто повторял отец архимандрит,— другие, может быть, только думают, что они хуже всех, а я на самом деле дознался, что я хуже всех". На отце Моисее сбывались слова преподобного аввы Дорофея: "Как деревья, когда на них бывает много плодов, то самые плоды преклоняют ветви книзу и нагибают их… Так и душа, когда смиряется, тогда приносит плод, и чем более приносит плода, тем более смиряется. Так и святые, чем более приближаются к Богу, тем более видят себя грешными"[11]. На вопрос одного иеромонаха о келейном правиле отец Моисей сказал: "Да, я прежде различные правила исполнял, а теперь мне осталось одно только правило — мытарево: "Боже, милостив буди мне грешному" (ср.: Лк. 18, 13)".

Так смиренно выражался о себе старец, но близко знавшим и понимавшим его жизнь было очевидно в нем не только "деяние", но "в видения восход"[12], то есть созерцательная молитва и богатство дарований. Отец Моисей умел благополучно скрыть себя от людей, почему многие, не знавшие его близко, считали отца настоятеля, хотя и хорошим, но обыкновенным человеком. Только духовные мужи, "востязующие вся", по слову Апостола (ср.: 1 Кор. 2, 15), ощущали благоухание добродетелей преподобного Моисея и считали его высокодуховным старцем, не напрасно проведшем жизнь свою в трудах и подвигах. На нем исполнились слова святого епископа Нифонта: "В последнее время те, которые поистине будут работать Богу, благополучно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время, но пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими отцев, прославившихся знамениями"[13].

Все свои силы преподобный Моисей отдавал служению ближним. Тяжкое бремя настоятельства, неустанные труды на благо братии и обители, занятость ее неисчислимыми нуждами — все это заполняло его день с утра до вечера. Изобиловавший благодатными дарами, он не имел возможности принимать откровения помыслов у братии, встречать и наставлять приезжающих. Но чудо его жизни и его служения — это сама Оптина, процветшая и прославившаяся, ставшая, по существу, духовным центром России.

Отец Моисей не любил много говорить и был особенно осторожен и даже искусно скрытен в рассказах о самом себе. В 1851 году Оптину посетил А. Н. Муравьев, много путешествовавший по всему православному и инославному миру, много писавший, знакомый чуть ли не со всеми духовными лицами и любивший, чтобы все были перед ним нараспашку. Пожелал он узнать и отца Моисея. Долго с ним беседовал, много расспрашивал о его прежней и настоящей жизни, но кроме рассказа о наружном течении этой жизни не узнал ничего. Смиренный и мудрый старец принял путешественника весьма радушно и внимательно, но от пытливых его расспросов как-то сумел уклониться, оставив только сказания о подвигах других старцев и о внешних обстоятельствах своей

---

[11] *Дорофей, авва*. Душеполезные поучения и послания. Поучение второе: О смиренномудрии. Изд. Оптиной пустыни, [1991]. С. 43–44.— *Ред.*

[12] Слова из тропаря общего священномученику.— *Ред.*

[13] Из жизни святого Нифонта Цареградского. Ответ 4 // *Варсануфий Великий, Иоанн Пророк, преподобные.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. М., 1855. С. 654.— *Ред.*

собственной жизни. "Не люблю я таких людей, которых не понимаю",— сказал Муравьев, выходя из келлии отца Моисея, но тем не менее отдал ему в своей книжке "Святые горы и Оптина пустынь" должную, справедливую похвалу и написал, что в его замечательном характере была "строгость духовная и углубление во внутреннюю клеть своего сердца от долгого пустынножительства и соответственные его начальническому положению". И это справедливо: строгость к себе самому и приветливость с ближними были отличительными чертами старца.

Когда же батюшку Моисея постигали великие скорби, и тут преподобный оставался верен самому себе: "Все это за грехи наши,— говорил он,— должно о всем благодарить Господа, праведно налагающего на нас труд к терпению, которое для нас полезнее утешения, возвышающего душу. Видно, так Господу угодно. Скорби не могли бы постигнуть нас без попущения Божия — ради грехов наших. И самые эти скорби охраняют нас от других искушений".

Обладая духовными дарами, в том числе и даром прозорливости, преподобный Моисей всячески скрывал их по своему смирению. Так, бывало, что на вопрос кого-нибудь из братий он смиренно отвечал: "А… это духовное…", уклоняясь от рассуждения на высокие темы, как бы показывая, что не пришел в меру духовного возраста. Однако *не может укрыться светильник, верху горы стояй* (ср.: Мф. 5, 14), и Господь прославил Своего угодника, открывая плоды его святости в проявлениях прозорливости. Так, в последние дни земной жизни старец, издавая болезненные стоны, подозвал своего келейника и говорит ему: "Спроси, что это за женщина? Что ей надо? Зачем она меня беспокоит?". Келейник, не видя никакой женщины, подумал, что это бред, но потом оказалось, что на крыльце действительно стояла женщина, желая получить на память от старца образок. "Вот теперь я спокоен",— сказал преподобный, когда келейник вынес ей образок.

Праведная кончина преподобного Моисея последовала 16/29 июня 1862 года. За десять дней до этого он сподобился принять великий ангельский образ, то есть схиму.

По прошествии трех лет с кончины преподобного Моисея были явлены его святые мощи. При захоронении новопреставленного преподобного Антония схимонах Нестор и игумен Марк разломали склеп и обнаружили гроб преподобного отца Моисея совершенно как новый, несмотря на сырость грунта; приоткрыв гроб, они увидели, что тело его осталось нетленным.

В 1987 году Свято-Введенский монастырь Оптина пустынь был передан Церкви, после чего началось возрождение обители. 13/26 декабря 1994 года честные мощи строителя преподобного схиархимандрита Моисея были вновь обретены братией монастыря в полуразрушенном храме. В настоящее время они покоятся у алтаря в правом приделе храма Казанской иконы Божией Матери.

Преподобне отче наш Моисее, моли Бога о нас!

Преподобный схиигумен Антоний (Путилов)

День рождения — 9/22 марта 1795
Мирские именины — 16/29 марта
Постриг в мантию — 2/15 февраля 1820
День тезоименитства — 17/30 января
Иерейская хиротония — 1827
Постриг в схиму — 9/22 марта 1865
Кончина (день памяти) — 7/20 августа 1865
Обретение мощей — 13/26 декабря 1994

Преподобный Антоний Оптинский (Александр Иванович Путилов) родился 9/22 марта 1795 года в городе Романове-Борисоглебске (Тутаеве) Ярославской губернии и был воспитан в страхе Божием и в духе строгого Православия. Призвание к монашеской жизни он почувствовал еще в детском возрасте, ибо тому способствовали примеры его близких

родственников: дяди, двоюродной сестры и старших братьев — преподобного Моисея Оптинского и Саровского игумена Исаии, которые оставили мир, когда Александру было всего 10 лет. Господь же готовил мальчика к иноческим трудам тяжелыми испытаниями: 10 раз его жизнь подвергалась смертельной опасности, но всякий раз он был избавляем от смерти Божественным Промыслом.

Александр переписывался со своими братьями-иноками, высказывая им свое сокровенное желание последовать их примеру. Но переписка сия попала в руки родителей, и 13-летний пустыннолюбец "пострадал очень чувствительно". В 1809–1812 годах он проживал в Москве, работая комиссионером у откупщика Карпышева и посещая московские храмы и святыни. В 1812 году Александр попал в плен к французам и, проведя 10 дней в страданиях и издевательствах, бежал от них. В 1816 году Александр покинул мир и направился в рославльские леса, где тогда уже подвизался его брат Моисей. Не зная дороги, он отпустил вожжи, и вскоре лошадь сама привезла его к келлии брата. В рославльских лесах подвизались тогда известные старцы-пустынники Варнава, Никита, Иаков, Василиск, Зосима, Адриан, Афанасий, Досифей и многие другие. "Приехавши к брату погостить, я прожил у него 24 года",— говаривал потом старец Антоний.

Прожив в рославльских лесах 4 года, Александр Путилов 2 февраля 1820 года, на праздник Сретения Господня, был облечен в ангельский образ и наречен Антонием, а восприемником от Святого Евангелия стал брат его, отец Моисей. Впоследствии отец Антоний вспоминал, как радостен был первый день его монашеского тезоименитства 17 января 1821 года, проведенный в безмолвии посреди непроходимой пустыни, в молитве и во всенощном бдении. "Воистину,— говорил он,— Пасху Господню в то время чувствовала в себе самой душа моя".

В то время Калужской епархией управлял Преосвященный Филарет (Амфитеатров), архипастырь, отличавшийся особенным монахолюбием и личным аскетическим житием. Возымев желание устроить скит при Оптиной пустыни для того, чтобы по временам удаляться в него, Преосвященный Филарет пригласил для этого дела отца Моисея, который был представлен ему в 1820 году во время случайного своего посещения монастыря. Будучи привлекаем архипастырской любовью владыки, а также благосклонностью и вниманием игумена монастыря отца Даниила, преподобный Моисей принял их предложение, и в 1821 году отцы Моисей и Антоний с двумя преданными им монахами, отцом Иларием и отцом Савватием, отправились в Оптину пустынь.

Место для скита было выбрано в 170 саженях от обители с восточной стороны, в густом лесу. Отец Антоний самоотверженно трудился наравне с наемными рабочими над расчисткой места для постройки, выкорчевывая пни вековых сосен. В 1823 году он был посвящен в сан иеродиакона. Первым скитоначальником был назначен отец Моисей, а в 1825 году — отец Антоний, который пробыл в этой должности 14 лет. В 1827 году его рукоположили в сан иеромонаха. Привлекаемые славою мудрого и кроткого оптинского настоятеля отца Моисея, в обитель стали стекаться со всех концов мудрые и духовные отцы-подвижники. Сам же преподобный Антоний до конца жизни преподобного Моисея сохранял полное и безропотное послушание своему брату-наставнику.

Из-за малочисленности братии начальник скита сам исполнял многие послушания. Жизнь в скиту была строгая; при великих трудах — пища самая скудная. Самовар во всем скиту был только у начальника, к которому всего лишь дважды в неделю все братство собиралось пить чай. Служа для всех примером трудолюбия и неся внешние подвиги, преподобный Антоний в то же время усердно заботился о стяжании духовных добродетелей — смирения, любви, отсечения своей воли и разума.

К добровольным подвигам монашеского жития преподобный Антоний присовокупил и невольный крест тяжелой болезни ног. Более полугода старец не мог выходить из келлии. Но Господу было угодно возложить на преподобного еще один крест.

В 1839 году он был назначен настоятелем Малоярославецкого Черноостровского монастыря, духовная жизнь в котором оставляла желать лучшего. Отец Антоний так страдал душой, так переживал предстоящую разлуку с любимым Оптинским скитом, что в этом состоянии он сподобился видеть небесное явление: ему явился святитель Митрофан Воронежский с сонмом великих святых и сказал ему: "Отец Антоний! Ты жил в раю, знаешь его, а теперь иди трудись, молись, не ленись".

Своему брату, саровскому игумену Исаии, в бытность свою настоятелем Малоярославецкого монастыря преподобный Антоний так описывал удручающую обстановку этой обители: "…Может быть, вам уже известно, что я ради многих и тяжких грехов своих из скита сослан на поселение — при граде Малом Ярославце — в Черно-Острожский штатный монастырь, в коем с 6 декабря и водворяюсь доныне; но не подумайте, батюшка, чтоб новое место и новое звание изменило меня в Духе к вам, ей, нет! Я все тот же нерадивый грешник, что и прежде; а честь игуменская не на дыбки меня подымает, но к земле главу мою склоняет. Я великий сан сей с такою радостию принял — как бы кто честолюбивый лишаем был оного; ибо во всю мою жизнь никогда столь горько не плакал, как при разлуке со святым моим отцом и благодетелем, с которым 24 года пребывал вкупе. О теперешнем же моем новоселье то же могу сказать, что древле святый Давид о израильтянах, находившихся в плену у вавилонян, сказал: *Тамо седохом и плакахом* [Пс. 136, 1]! Вот и я почти ежедневно болезную сердцем моим при воспоминании о первом моем жительстве, а взирая на настоящее, редко остаюсь без слез... И когда нечувственное дерево при пересадке с одного места на другое болит часто, а иногда и засыхает, то возможно ли человеку с чувствительным сердцем быть нечувствительну? Для ведения вашего донесу вам, всепочтеннейший батюшка: врученный мне монастырь есть штатный, в полном смысле сего имени, при самом городе (без промежутку) на большой почтовой Московской дороге. Келлии настоятельские, мною занимаемые,— окошками на оную в расстоянии 10 или не более 15 сажен, так что всякий идущий и едущий виден, и разговор ямщиков пьяных слышен, так что и очи и уши мои наполняются всякою нечистотою. Братии 20 человек, на коих в течение года покупалось по две бочки сивухи, а пиво варивали сами (и сие не ложно); чин церковной службы отправлялся поскору, и ради облегчения поочередно, например, если кто сего дни был у утрени, то после того пять дней почивал, а в день седмый схаживались на славословие вкупе; настоятель — предместник мой, в монастыре и третьей части года не проживал, а когда и бывал, то более упражнялся внешними занятиями около монастыря, а посему братия жила по подобию всегда празднующих!

А праздник Рождества Христова с такою радостию был встречен, что все овцы, не сказавшись пастырю, разбрелись по граду славить, или прямее сказать, бесславить Христа, так что на крилосе[14], некому было сказать и "Господи, помилуй", почему на другой день [я] все врата монастырские запер, чтоб овцы мои на прежнюю пажить не разбрелись. Первые три месяца провел я один с несказанною печалию и на все взирал с заплаканными очами, так что от частых воздыханий и грудь стала болеть, и лишился было и сна и аппетита; но батюшка отец игумен [Моисей] по любви и милости своей отделил ко мне из своего братства человек десяток весьма благонадежных, и с ними-то теперь при помощи Божией за ваши святые молитвы начинаю вводить в штатной обители пустынный общежительный чин, и весь теперешний подвиг мой в истреблении хищничества и во изгнании "аггела сатанина" — Бахуса, с которым расстаются не без слез, однако по субботам и воскресным дням по рюмочке во утешение плачущих подношу, а вновь поступающим ко мне в есенции[15] сей отказываю. К сему скажу, что по смерти моего предместника безначалие продолжалось три месяца, и какие были припасы, все истощились или выменяны на горилку, ибо, лишась доброго пастыря,— кроме сей,—

[14] Крилос, крылос — устар.: клирос.— *Ред.*
[15] Есенция (эссенция — от лат. essential) — здесь: крепкий напиток, настойка.— *Ред.*

нечем было себя и утешить, и когда б еще продолжилось безначалие, то, Бог весть, что бы и было? Вот в какое братство я попал! Более же всего стесняет мое сердце воображение о слабости моего здоровья и неспособности к начальствованию, да еще оставленный долг на монастыре до 30 тысяч рублей и храм соборный во имя великого чудотворца Николая, 16 лет [назад] выстроенный и до сих пор не освященный. Пересказавши вам от многого — весьма скудное о моем бедном и горестном житии, теперь мысленно повергаю себя к святым ногам вашим и со слезами прошу: отче святый! пролей о мне, рабе твоем, моление свое ко Господу Богу, чтоб возложенный от Него крест укрепил меня несть и не попустил ежедневно погружаться в мучительном унынии, а также, спасая других, не дал обезнадеживаться в собственном спасении, ибо я, по благости Божией, хотя не во пламени, но по подобию вверженного во оный грешника из глубины души взываю к вам, моему Аврааму: *устуди язык мой* [см.: Лк. 16, 24], то есть даруй сердцу страждущему слово утешения, коего буду ожидать с искренним желанием! Желал всю сию хартию исписать к вам, но сердце, отягощеное печалию, не дает продолжать, простите!".. (5 мая 1840 года).

Управляя Малоярославецкой обителью, преподобный Антоний положил прочное начало ее внутреннему устроению, а также окончил начатое его предшественником устроение внешнее. Но в течение всего этого времени он не переставал с сердечной скорбью ощущать великое неудобство — управлять обителью в его болезненном положении. Со временем скорбь уже не приводила его к тяжкому унынию, старец не изнемогал уже так сильно под своим крестом и нес его с большим благодушием.

Изредка преподобный Антоний ездил в Москву по монастырским делам, где удостаивался архипастырского благословения и внимания митрополита Филарета. Видя раз за разом ухудшающееся здоровье малоярославецкого настоятеля, святитель решился ходатайствовать перед Калужским архиереем об увольнении его от непосильного послушания. И по ходатайству святителя преподобный был уволен на покой и вернулся в любимый Оптинский скит.

Но многовожделенный покой отца Антония был многотрудным, многоболезненным, а в духовном отношении многоплодным. Ибо не ради покоя воздыхал он столько лет об освобождении его от настоятельских забот, а потому, что они не соответствовали ни душевному его расположению, ни телесным его силам. Именно поэтому в строгом подвиге преподобный старец Антоний стал проводить свое новое жительство, отчего усилилась болезнь в ногах до крайности — они до колен были покрыты ранами и порой истекали кровью. Многие, видя всегда светлое его лицо и слыша его оживленную беседу, не понимали, какого страдальца видят пред собою. Однажды во время всенощного бдения обе его ноги так кровоточили, что новые кожаные сапоги насквозь промокли, как будто старец по колено стоял в воде. После этого раны закрылись, а болезненное состояние только усилилось. Спустя некоторое время после этого случая келейник нашел отца Антония в его келлии лежащим без памяти на полу в крови: вследствие закрытия ран с ним случился сильный обморок, и, падая, он разбил себе обе больные ноги. Не станем описывать всех переходов болезни, но вкратце скажем, что продолжалась она до самой кончины преподобного, то есть около 30 лет. Ежедневно днем и ночью старец испытывал невыразимую боль в ногах, как будто кто их в одно и то же время и ножами резал, и жег огнем, и драл жесткой щеткой, и вместе с тем колол иглами. Даже посмотреть на них нельзя было без содрогания: больные ноги были тверды, как дерево, и скорее походили на прямые круглые бревна шириной в диаметре до 5 вершков, темно-красного цвета, постоянно рделись. Из ран глубиной до самой кости сочилась всегда сукровица. Доктор говорил, что, перевязывая ноги отца Антония, он видел в ранах червей длиною с полвершка. Медицинские средства почти не помогали, а часто наносили еще больший вред и усиливали болезнь.

Известна история с одним иноком, привыкшим просыпать утреню. Преподобный Антоний убеждал его исправиться, но тот ссылался на нездоровье. Тогда старец сам

пошел на утреню, несмотря на то что по болезни ног вообще не мог стоять. После утрени он пришел в келлию к тому брату и упал ему в ноги, плача и умоляя пощадить его, немощного, и впредь самому посещать богослужение. А из сапог его лились лужи крови. Так и спас преподобный немощного собрата.

Как великий любитель безмолвия, преподобный Антоний желал уединенной жизни, проводимой в молитвенных трудах, чтении и богомыслии. "На молитву,— говорил он,— должно вставать поспешно, как на пожар". Какой высоты молитвенного настроения достиг преподобный Антоний, каких духовных дарований он сподобился, известно только Богу. Его духовные дарования привлекали к нему множество посетителей, желающих принять благословение и душеполезное назидание. Есть основательные причины утверждать, что преподобный Антоний имел великое дерзновение в молитве к Богу и сподоблялся духовных видений и других благодатных посещений. Все, кто видели отца Антония совершающим богослужение, отмечали необыкновенное выражение лица его, особенно во время Божественной литургии, когда он выходил с потиром: это было лицо человека, преисполненного благодати. Случалось, что от одного взгляда на него в этот момент у некоторых происходил в душе нравственный переворот.

Смиряясь паче меры перед всеми, отец Антоний делал это от искреннего сердца; всем чувствовалось, что внутреннее его смирение и доброжелательство ко всем действительно были таковы и не исчерпывались только наружным излиянием. Сердце его всегда принимало самое теплое участие в скорбях ближнего, а потому он особенно любил утешать приходящих к нему. Будучи весьма строг к самому себе, он был отечески снисходителен к проступкам других. Он не отчаивался ни в чьем исправлении и умел воздвигать людей нерадивых и малодушных; и как бы кто ни падал духом, преподобный Антоний всегда умел беседами своими вдохнуть в человека надежду. В советах же и наставлениях своих он был крайне осторожен и указывал на слова святого Исаака Сирина, что с людьми надо обходиться, как с больными, и успокаивать их наиболее, а не обличать; ибо это больше их расстраивает, нежели приносит им пользы. "Больному,— говорил старец,— надо говорить: "Не хочется ли тебе какой похлебки, или чего другого?", а не следует говорить так: "Я тебе дам такую микстуру, что глаза выпучишь"". Незаметно и нечувствительно отец Антоний обращавшихся к нему привлекал к сознанию душевных своих немощей. Так, однажды некто покаялся перед ним в некоторых своих согрешениях, а о других умолчал. Преподобный Антоний не стал обличать неполноту покаяния, но, напротив, сказал каявшемуся, что он своим покаянием порадовал Ангелов на небеси, и такими словами возбудил в этом человеке великое сокрушение и усердие к совершенному очищению совести.

Общее правило отца Антония, равно как и всех духовных старцев, было такое, чтобы без вопроса никому не предлагать своих советов, считая это не только бесполезным, но и вредным празднословием. Вместе с тем отец Антоний зорко следил за вопрошавшими: если кто предлагал вопросы не по душевной потребности, а из пытливости или подобных побуждений, в таком случае ничего не отвечал.

Окормлял старец не только иноков, но и мирян. Духовные дарования привлекали к нему многих. Велика была сила его молитвенного заступления. Всем было известно, что старец прозорлив. Одна женщина, когда преподобный устремил на нее свой проницательный взор, чистосердечно объяснила, что боится, когда он на нее так смотрит: "Вы видите все мои грехи".— "Напрасно вы так думаете,— возразил смиренный старец.— О чем я помолюсь и что Бог мне откроет, то я и знаю; а если Бог мне не откроет, то я ничего не знаю".

Он имел такое пламенное усердие и благоговейную любовь к Матери Божией, что особенно в последние годы своей жизни, когда начинал рассказывать что-либо из жития Ее, при одном имени Преблагословенной Девы Марии голос его изменялся от обильных слез, и он не мог окончить рассказа. Впрочем, духовные дарования свои он тщательно

скрывал ото всех. По глубокому своему смирению он даже уклонялся от бесед об умозрительных вопросах.

Отцу Антонию пришлось пережить кончину своего брата, преподобного Моисея, что было для старца тяжелой потерей. Два месяца преподобный провел в затворе в непрестанной молитве за усопшего. Он не мог говорить о брате без слез и потому отказывался сообщать о нем какие-либо сведения, только ему известные, о сокровенной, внутренней жизни покойного.

Преподобный Антоний вел обширную переписку с духовными чадами, в том числе и насельницами женских монастырей. По его кончине был издан сборник писем, на страницах которого открывается вся глубина и доброта старческого сердца, его духовная мудрость, опытность советов, сила духа и утешения.

В 1862 году старец стал все более уединяться и готовиться к исходу. 9 марта 1865 года, когда старцу исполнилось ровно 70 лет, после трехлетнего самоиспытания он принял великую схиму. По болезни старца пострижение было совершено келейно настоятелем обители преподобным Исаакием I. Схиигумен Антоний весь предался молитвенным подвигам и богомыслию. Телесные страдания его были очень тяжелы, но он переносил их с мужеством и покорностью воле Божией.

В июле во всей силе открылась предсмертная болезнь старца. Благословляя всех образами, преподобный Антоний приговаривал: "Примите от умирающего на вечную память". Старец был особорован за 17 дней до кончины, когда телесные силы еще не совсем оставили его. В последнее время батюшка ежедневно приобщался Святых Таин и пребывал в непрестанной молитве.

7 августа 1865 года стал последним днем жизни многострадального преподобного Антония. Вечером, во время всенощного бдения, умирающий потребовал, чтобы к нему пригласили настоятеля. Как истинный послушник, он и в последний путь не хотел отправляться без настоятельского благословения. Исполняя беспрекословно волю умирающего, настоятель преподобный Исаакий I благословил его и простился с ним уже навеки. Через несколько часов преподобный отец наш Антоний тихо и мирно дважды вздохнул и с третьим, едва заметным воздыханием, мирно предал Богу чистую свою душу.

В продолжении всей своей жизни старец жил не для себя, а для Господа и ближних. Преподобный Антоний самим житием своим доказал, что истинное монашество возможно и что возможны великие подвиги, подобные тем, о которых мы читаем в житиях святых; возможны и искреннее совершенное смирение, и искренняя совершенная христианская любовь, возможны и те высокие духовные дарования, которыми сияли некогда святые отцы древности.

Честные мощи старца были обретены 13/26 декабря 1994 года и ныне пребывают у алтаря правого придела Казанского собора монастыря.

Преподобне отче наш Антоние, моли Бога о нас!

Преподобный иеросхимонах Лев (Наголкин)

Рождение — 1768
Мирские именины — 20 февраля /5 марта
Постриг в мантию — 1801
День тезоименитства — 20 февраля /5 марта
Иерейская хиротония — 24 декабря 1801 /6 января 1802
Постриг в схиму — 1808–1809
Кончина (день памяти) — 11/24 октября 1841
Обретение мощей — 27 июня /10 июля 1998

Преподобный Лев Оптинский (Лев Данилович Наголкин) родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии и происходил из мещанского сословия. Родители его, судя по всему, были люди хотя честные и благочестивые, но бедные, поэтому когда

Лев подрос, то был вынужден наняться на работу приказчиком к одному купцу города Болхова. Часто разъезжая по торговым делам из Болхова в Сухиничи, он много общался с людьми разных званий и сословий, а так как юноша имел прекрасную память, любознательность, наблюдательность, дальновидность и соображение, то приобрел через это весьма нужный и полезный в дальнейшем опыт. (Поэтому неудивительно, что в конце 1820-х годов в числе послушников преподобного Льва подвизался Дмитрий Александрович Брянчанинов — будущий святитель Игнатий, епископ Кавказский.)

Видя положительные качества своего приказчика, хозяин Льва хотел женить его на своей дочери, но тот наотрез отказался, имея перед собой другие цели. Впоследствии несостоявшаяся невеста посещала старца Льва в Оптиной пустыни как богомолица.

В 1797 году, 19 лет от роду, Лев оставил мир и поступил в Оптину пустынь. Настоятелем монастыря в то время был иеромонах Авраамий. Лев со всей своей богатырской силой принялся за труды монастырской жизни так, что однажды вместе с другим послушником в один день соединил каналом два пруда, хотя на эту работу предполагалось выделить 20 человек рабочих. Правда, в этот день после своих трудов послушники отличились еще и особенным аппетитом и съели вдвоем 15 фунтов хлеба.

Два года прожил Лев в Оптиной пустыни, успев за это время основательно подорвать свое крепкое здоровье, и в 1799 году он перешел в Белобережскую пустынь Орловской епархии, где в то время настоятельствовал иеромонах Василий (Кишкин), старец духовной жизни, подвизавшийся немалое время на Афоне вместе с преподобным Паисием (Величковским). В 1801 году Льва постригли в мантию с именем Леонид и рукоположили в иеродиакона, а затем и в иеромонаха. Такое стремительное восхождение послушника до иеромонаха объясняется его ревностной жизнью и безропотным послушанием, а также трудолюбием и человеколюбием. За пять лет жизни в Белобережской пустыни отец Леонид так преуспел в монашеском делании, что уже в 1804 году братия обители решили избрать его на освободившуюся должность настоятеля. Однако начальственная должность не изменила простого образа жизни подвижника. Так, если дело заставляло куда-либо поехать, он ездил на одной лошади, в простой тележке и без кучера. О простоте характера преподобного Леонида свидетельствует один случай, произошедший как раз в описываемый период его жизни.

В этой Белобережской пустыни был иеромонах Гавриил, Карачевский уроженец, который вскоре после своей хиротонии изъявил желание побывать на своей родине. Отец Леонид не отказал и, когда представился случай ехать в те края, велел отцу Гавриилу готовиться в путь. Но у отца Гавриила уже все было приготовлено: праздничная ряска и камилавка, уложенная в камилавочник.

Настал час отъезда. Помолились Богу, вышли. Смотрит отец Гавриил — подали телегу с передком, запряженную в одну лошадь. "Где же кучер?" — спрашивает отец Гавриил. "Какой?" — удивляется настоятель. "Чтобы правил…" — говорит отец Гавриил. Отец Леонид отвечает: "Чтобы у меня для одной лошади трех кучеров? Спасибо! Садись-ка, брат, на передок, а устанешь — я сяду. А это что? Камилавочник и ряска? Да я и сам камилавки не беру с собой… А ты, если берешь с собой парад, так садись на мое место, а я лошадью править буду".

Тотчас и сел на передок. Сконфуженный отец Гавриил был уже и не рад, что взял свой парад. Немедленно снес его в келлию и попросил отца настоятеля сесть на свое место, а сам занял должность кучера.

Незадолго до своего настоятельства в Белобережской пустыни отец Леонид временно пребывал в Чолнском монастыре Карачевского уезда, где в то время поселился схимонах Феодор, ученик старца Паисия. Под его-то руководством отец Леонид и обучался борьбе со страстями, а духовная любовь между учеником и учителем неразрывными узами соединила двух подвижников. Старец Феодор научил преподобного Льва, тогда еще отца Леонида, высшему монашескому деланию — умной молитве. С этого времени они стали

подвизаться вместе. Тогда же отец Леонид имел общение с ректором Севской Духовной Семинарии архимандритом Филаретом (Амфитеатровым).

В 1805 году схимонах Феодор переселился от людской молвы из Чолнского монастыря в Белобережную пустынь и был с любовью принят своим учеником — строителем отцом Леонидом, но через 4 года он вместе со своим сподвижником иеросхимонахом Клеопою уединился в глуши леса, в двух верстах от обители, где в 1808 году к ним присоединился и отец Леонид, сложив с себя настоятельские полномочия. Здесь-то он и принял пострижение в схиму с прежним именем Лев. Но так как к келлии отца Феодора стали стекаться тысячи посетителей, то подвижники были вынуждены переселиться на Валаам, где старцы определили отца Льва смотрителем скита. Здесь они прожили около шести лет, и, как везде, к их келлии стекалось много монашествующих и мирян в поисках духовного руководства и поддержки. Однако на Валааме старческое руководство было новостью, и не все могли вместить духовную пользу этого делания. Некоторые стали соблазняться, а враг рода человеческого не замедлил смутить даже и настоятеля. Новгородским митрополитом было назначено расследование, которое выявило невиновность старцев и их духовную мудрость, превосходящую разум человеческий, и хотя священноначалие приказало отцу настоятелю примириться с подвижниками и всячески опекать их под страхом собственного увольнения, старцы сочли необходимым покинуть Валаам во избежание быть предметом соблазнов и немирствия.

В 1817 году они переселились в Александро-Свирский монастырь под Петербургом, где с ними произошел такой случай. В 1820 году государь император Александр I, проезжая недалеко от монастыря, неожиданно решил посетить обитель и познакомиться с отцами Львом и Феодором. Прозорливые старцы предупредили о неожиданном визите отца настоятеля, и тот вышел встречать монарха к святым вратам.

В 1822 году старец Феодор скончался, имея к тому времени отца Льва не только своим учеником, но и духовником (отец Клеопа скончался в 1816 году), и отец Лев получил приглашение Калужского епископа Филарета (Амфитеатрова) перейти в Оптину пустынь. "Наши сердца,— писал он,— наклонность туда имеют, поелику я там начало полагал и здоровье потерял. И наш прежний любитель и благодетель, Преосвященный Филарет, яко монахолюбивая душа, того желает". Однако в Александро-Свирском монастыре преподобного Льва очень любили и уважали, а потому целых пять лет насильно удерживали, и только в 1828 году он был беспрепятственно отпущен.

Поклонившись святыням Киева, старец Лев по дороге посетил Площанскую пустынь, где промыслительно познакомился с иеросхимонахом Макарием, будущим преподобным старцем Оптинским, который стал его духовным учеником. Прожив там около полугода, в 1829 году преподобный Лев вместе со своими шестью учениками прибыл в Оптинский скит, поселившись в отдельном флигеле за стенами скита, в домике на выделенном под пасеку месте. Этим переходом было основательно упрочено оптинское старчество, которое, как мы увидели раньше, своими корнями уходило к великому старцу преподобному Паисию Нямецкому (Величковскому) и его ученикам, а плодами своими имело преподобных старцев Оптинских: Льва, Макария, Моисея, Антония, Илариона, Амвросия, Анатолия старшего, Исаакия I, Иосифа, Варсонофия, Анатолия младшего, Нектария, Никона, Исаакия II, подвизавшихся в этой святой обители, а также целый ряд старцев, положивших начало своей иноческой жизни в Оптиной пустыни, но после закрытия и разорения монастыря в 1923 году вынужденно подвизавшихся в других местах.

Жизнь старца Льва протекала праведно и безукоризненно, и если отличалась от обычной монастырской жизни, то только чрезмерными трудами в служении ближним. В 2 часа по полуночи начиналось у старца с учениками утреннее правило. Читались утренние молитвы, полунощница, двенадцать избранных псалмов, канон дневному святому с поучением из Пролога и первый час. Третий и шестой часы с изобразительными читались

отдельно во время ранней обедни. Вечернее правило, состоявшее из девятого часа и двенадцати избранных псалмов с тремя канонами и акафистом, отправлялось в те же часы, что и в монастыре вечерня. Старец выслушивал это правило у себя в келлии. После вечерней скитской трапезы прочитывалось повечерие, вечерние молитвы, две главы из Апостола и одна глава из Евангелия. На это вечернее правило перед отходом ко сну в келлию старца собирались скитские братия для откровения помыслов.

Через каждые две недели старец приобщался Святых Христовых Таин в скитской церкви, куда он, уже по переводе в монастырь, сначала ходил, а в последние годы, по немощи и бессилию, ездил в телеге. Время молитвенных правил было единственным свободным среди дня временем старца отца Льва. Остальное же, за исключением краткого послеобеденного отдыха, и то не в положенные часы дня, а когда случалось, всегда посвящалось им на служение ближним. Ночной легкий сон старца вместе с дневным отдохновением в продолжении суток длился не более трех часов; но часто и ночной отдых прерывался приходившей к нему по крайней надобности братией.

При деятельной поддержке преподобных Моисея и Антония преподобный Лев стал основателем старчества в Оптиной пустыни. Вскоре отец Моисей поручил духовному руководству старца Льва всю оптинскую братию и паломников. Однако в 1836 году по клеветническим наветам стали считать предосудительным всегдашнее стечение к старцу Льву множества монашествующих и мирян обоего пола, и по воле епархиального начальства старец Лев был переведен из своей келлии вначале в скит, а затем в сам монастырь. Старцу запрещено было принимать посетителей-мирян, но при каждом удобном случае отец Лев возобновлял прием и не прекращал проповеди. К нему продолжали обращаться за наставлением и скитские братья, и богомольцы разных сословий.

Преподобный Лев обладал многими духовными дарованиями, был у него и дар исцелений. Приводили к нему бесноватых. Одна из них, как увидела старца, упала перед ним и закричала страшным голосом: "Вот этот-то меня выгонит! Был я в Киеве, в Москве, в Воронеже, никто меня не гнал, а теперь-то я выйду!". Когда преподобный прочитал над женщиной молитву и помазал маслом из лампадки, горевшей перед образом Владимирской иконы Богоматери, бес вышел.

Но победа над бесами была одержана преподобным Львом только после победы над своими страстями. Никто не видел его возмущенным от гнева и раздражения, не слыхал от него слов нетерпения и ропота. Спокойствие и христианская радость не оставляли его. Он непрестанно творил Иисусову молитву, внешне пребывая с людьми, внутренне всегда пребывал с Богом. На вопрос своего ученика: "Батюшка, как вы приобрели такие духовные дарования?" — преподобный ответил: "Живи проще, Бог и тебя не оставит и явит милость Свою".

Старчество преподобного Льва продолжалось 12 лет и принесло великие духовные плоды. Чудеса, совершаемые преподобным, были бесчисленны: толпы обездоленных стекались к нему, окружали его, и всем им старец как мог помогал. Архимандрит Леонид (Кавелин) писал, что простой народ говорил ему о старце: "Да он для нас, бедных, неразумных, пуще отца родного. Мы без него, почитай, сироты круглые".

Святитель Игнатий (Брянчанинов), бывший в пору своей юности послушником у старца Льва, так отзывался о своем наставнике и его сотаиннике, преподобном Макарии, в "Аскетических опытах": "Оба старца были напитаны чтением отеческих писаний о монашеской жизни; сами руководствовались этими писаниями, руководствовали ими и других, обращавшихся к ним за назидательным советом. Память их была богато украшена мыслями святыми. <…> Никогда не давали они советов из себя: всегда представляли в совет изречение или Писания, или отцов. Это давало советам их силу: те, которые хотели бы возразить на слово человеческое, с благоговением выслушивали слово Божие и

находили справедливым покорить ему свое умствование"[16]. Но еще более придавало силы советам обоих старцев то, что они не только в книгах изучили, но и деятельно правильно проходили духовную жизнь.

По временам старец растворял простую речь свою шутливостью, доходившей иногда даже как будто до полуюродства, которое описать и изобразить вполне невозможно и во всяком случае неудобно. Одна из духовных чад старца как-то каялась ему: "Простите меня, батюшка, я иногда смотрю на вас, как на человека святого, а иногда помысл мне говорит, что вы колдун". Нисколько этим не смутившись, старец, улыбаясь, ответил ей в шутливом тоне: "Да должно быть того и другого есть понемножку".

Некоторые полагали, что обстоятельства того времени — молва человеческая, тайная зависть и последовавшее открытое преследование и стеснение понуждали преподобного несколько придерживаться юродства. Но вернее можно сказать, что Сам Господь умудрил его под видом буйства Христа ради приносить душевную пользу ближним. Поступая так, старец укрывался от славы человеческой, опасной и для великих подвижников, отклонял праздное любопытство и невозбранно подавал духовную помощь всем, нуждавшимся и искавшим ее.

Некоторые ученики и ученицы старца отца Льва сознавались, что пред другими старцами, строгими на вид и серьезными в обращении, души их невольно сжимались, и они не могли свободно им исповедать сокровенные душевные свои немощи. Напротив, простое, открытое, свободное обращение преподобного Льва развязывало их души, и они перед ним легко и свободно высказывали даже то, в чем иногда и перед собою им трудно было сознаться.

Всем и каждому старец внушал, что нелегко достается душевное спасение ищущим его. Нередко старец в подтверждение сей истины повторял простую сложенную им поговорку: "Душу спасти — не лапоть сплести". В самом деле, приходит из мира человек гордый, тщеславный, самолюбивый, сластолюбивый, сребролюбивый, веществолюбивый. Сердце его — это *море великое и пространное: тамо гади, ихже несть числа* (Пс. 103, 25). Или — это нива, вся заросшая тернием. Нужно это терние очистить, насадить семена благие и озаботиться, чтобы они выросли и принесли добрые плоды, конечно, при помощи вседействующей благодати Божией. Сколько тут требуется трудов, знаний и умения в этом, превышающем обыкновенные силы человеческие деле! Потому, когда один из учеников старца задался такой мыслью, почему ему не случалось видеть от своего батюшки чудес, тогда как от других братий он часто о сем слышал, и когда он пришел к старцу с намерением открыть ему этот свой помысл,— старец, преподав ему благословение, сказал: "А это разве не чудо, чтобы обтесать такой базарный пень (разумея пришедшего брата), из которого со временем выйдет что-нибудь хорошее и годное!".

Главную заботу старец отец Лев имел о своих ближайших учениках, посему он обращал особое внимание на душевные страсти тех, кто к нему обращался, и научал всех следить за ними, не действовать по внушению и влечению их, а, призывая Божию помощь, противоборствовать им. Прежде же всего — не оправдывать их и познавать свою душевную немощь; к благим начинаниям не примешивать тщеславия, человекоугодия или другого какого-либо нечистого побуждения, а искренне и с чистым произволением, нелукавою простотою и незлобием служить Единому Господу, как сам он писал в одном письме.

Не слишком старец остерегался, где нужно было затронуть самолюбие своих духовных детей. Напротив, все его обращение с ними направлено было к искоренению этого скрытого, но губительного порока. Прикрывая свою духовную мудрость и смиряя себя, он в то же время умел смирять и других. Он хорошо знал, как и чем кого пристыдить и вразумить, чтобы наставление подействовало, на кого следовало, и было для него

---

[16] *Игнатий Брянчанинов, епископ.* О монашестве разговор между православными христианами, мирянином и монахом // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: [В 6 т.]. Т. 1: Аскетические опыты. СПб., 1886. С. 482, 487.— *Ред.*

чувствительно. Но вместе с тем он до тонкости понимал, кто сколько может понести и как и чем кого утешить и успокоить. При видимой простоте, а иногда и как бы грубости, обращение его никого не оскорбляло и в этом отношении представляло совершенную противоположность тому, что видим мы у людей, на которых нередко исполняется псаломское слово: *умякнуша словеса их паче елеа, и та суть стрелы* (Пс. 54, 22). У старца отца Льва, напротив, в формах, по видимости иногда резких, высказывалась всегда святая истина и видна была незлобивая и любящая душа и отеческая заботливость о спасении духовных его детей.

"Бывало,— так рассказывал один ученик старца,— батюшка сделает мне такой строгий и грозный выговор, что едва на ногах устою; но тут же и сам смирится, как дитя, и так умиротворит и утешит, что на душе сделается легко и отрадно; и уйдешь от него мирный и веселый, как будто батюшка меня хвалил, а не укорял".

Старец желал, чтобы духовное свое расположение к нему его ученики доказывали не словами, а исполнением его наставлений. "Ты налету хочешь схватить мои слова,— сказал он одному своему духовному сыну,— хочешь мимоходом спастись, наскоро научиться. Потому у тебя и восторги, целование батюшкиного плеча или руки. А я при отце Феодоре был к нему без фанатизма; мысленно же готов был кланяться ему в ноги с сыновним почтением".

Особенно же старец увещевал своих учеников хранить между собою взаимную любовь, мир и единомыслие. Часто он повторял трогательные слова Христа: *О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35). И это были его любимые слова к близким своим ученикам.

Благодетельно стали отражаться богомудрые наставления преподобного Льва на оптинском братстве. Весь внутренний строй монастырской жизни стал изменяться. Ничего важного в монастыре не предпринималось без благословения старца. К его келлии ежедневно стекались вместе со скитскими и монастырские братия с душевными своими потребностями. Каждый спешил покаяться перед старцем, в чем согрешил в продолжение дня делом, словом или помышлением, просить его совета и разрешения во встретившихся недоумениях, утешения в постигшей скорби, помощи и подкрепления во внутренней борьбе со страстями и с невидимыми врагами нашего спасения. Старец всех принимал с отеческой любовью и всем преподавал слово опытного назидания и утешения. И таким образом, оптинское братство мало-помалу начало совершенствоваться в нравственном отношении.

Преподобный Лев предвидел свою кончину. В сентябре 1841 года он начал заметно слабеть, перестал вкушать пищу и ежедневно причащался Святых Таин. Преставился преподобный Лев 11/24 октября 1841 года.

Мощи старца были обретены 27 июня /10 июля 1998 года вместе с мощами других шести Оптинских старцев и в настоящее время пребывают на солее храма-усыпальницы Владимирской иконы Божией Матери напротив мощей его ученика преподобного старца Макария.

Преподобне отче наш Льве, моли Бога о нас!

Преподобный иеросхимонах Макарий (Иванов)

День рождения — 20 ноября /3 декабря 1788
Мирские именины — 22 ноября /5 декабря
Постриг в мантию — 7/20 марта 1815
День тезоименитства — 19 января /1 февраля
Иерейская хиротония — 27 мая /9 июня 1817
Постриг в схиму — 1858
Кончина (день памяти) — 7/20 сентября 1860
Обретение мощей — 27 июня /10 июля 1998

Преподобный Макарий Оптинский родился 20 ноября 1788 года и в Святом Крещении был назван Михаилом в честь святого благоверного князя Михаила Тверского. Михаил Николаевич Иванов происходил из дворян Дмитровского уезда Орловской губернии. Рождение его произошло в одном из имений его родителей близ Калуги, в селе Железники, недалеко от Лаврентиева монастыря. Настоятель монастыря архимандрит Феофан был дружен с благочестивым семейством Ивановых и даже был восприемником от купели некоторых из их детей. Однажды маленький Михаил во время обедни увидал в алтаре любимого им отца Феофана, к которому с радостью и устремился прямо через раскрытые царские врата. Мать Михаила говорила о своем любимом старшем сыне: "Сердце мое чувствует, что из этого ребенка выйдет что-нибудь необыкновенное!".

Михаил отличался тихостью и кротостью нрава, молчаливостью; он даже не участвовал в детских играх своих братьев и сверстников. Когда отроку было 8 лет, скончалась его горячо любимая мать. Семейство вернулось в свое имение в город Карачев Орловской губернии, где Михаил поступил в приходское училище и окончил его, а с 1801 года занимался с домашним учителем. В 14 лет Михаил и его два брата поступили на должности бухгалтера и помощников в Льговское уездное казначейство: "Три нас малолетка,— вспоминал позже двоюродный брат будущего старца,— управляли канцеляриею казначейства с особенною исправностию". В 1805 году Михаил был вызван в Курск, где занял предложенную ему должность начальника стола счетной экспедиции в Казенной палате, где и трудился три года.

В 1806 году умер отец семейства, и Михаил по просьбе братьев вышел в отставку с чином губернского секретаря, занявшись управлением имением, а в сущности, уединившись от житейских дел и предавшись своим любимым занятиям: музыке и чтению. Имением он управлял, несмотря на свои способности, плохо, так что в короткое время оно чуть было не разорилось. Однажды мужики украли у него большое количество гречихи. Он призвал их к себе и долго уговаривал, вразумляя словами из Священного Писания. Мужики втихомолку смеялись над ним, но, к их общему удивлению и стыду, эти увещания кончились тем, что виновные пали на колени, чистосердечно признались, как было дело, и были прощены.

Не раз братья уговаривали Михаила жениться, но, уклонившись от их предложений, в 1810 году Михаил поехал на богомолье в Площанскую пустынь, где и остался.

Слабость здоровья проявлялась в нем с самого малолетства: он был очень худощав и с юных лет страдал бессонницей. Многие знакомые, по скромности и стыдливости Михаила Николаевича, называли его в шутку "монахом" еще до поступления его в монастырь.

В том же 1810 году послушник Михаил был пострижен в рясофор с именем Мелхиседек. Первые шесть лет жизни в Площанской пустыни он находился в послушании у духовника обители отца Ионы. Отец Мелхиседек легко обучился нотному пению и церковному уставу. В ближайших окрестностях Площанской пустыни, Свенском монастыре и в пустыни Белобережской, в те времена жительствовало множество великих подвижников — учеников преподобного старца Паисия (Величковского), мужей духовных и мудрых. Среди них были известные старцы Василий (Кишкин), иеросхимонах Клеопа и схимонах Феодор, иеромонах Леонид, схимонах Афанасий (Захаров) и другой схимонах Афанасий. Чем больше отец Мелхиседек преуспевал в духовном делании, тем больше ощущал он потребность в духовно-опытном старце-руководителе, коим и стал для него вышеупомянутый схимонах Афанасий (Захаров), который в 1815 году перешел на жительство в Площанскую пустынь и окормлял ревностного молодого подвижника вплоть до своей кончины.

В том же 1815 году 7 марта инок Мелхиседек был пострижен в мантию с именем Макарий в честь преподобного Макария Египетского и рукоположен в диаконский сан. С 1817 году монах Макарий перешел на жительство в келлию старца схимонаха Афанасия, ученика преподобного Паисия Нямецкого, и под его руководством стал углубляться в

изучение святоотеческих творений, которые имелись у старца Афанасия на церковнославянском языке в переводе преподобного Паисия. По благословению старца отец Макарий читал и переписывал рукописи преподобного Паисия и его учеников, в первую очередь их переводы с греческого творений святых отцов.

В 1817 году иеродиакон Макарий получил священство, а место настоятеля занял воспитанник старца Василия (ученика преподобного Паисия), бывший строитель Белобережской пустыни иеромонах Серафим, который усердно заботился о внутреннем устроении обители, в частности ввел в употребление киевский напев. Отец Макарий по слабости здоровья сложил с себя должность ризничего, но продолжал помогать обители то в письмоводстве, то опытными советами; в церкви помогал в пении и чтении и, будучи хорошо знаком с киевским пением, находил его вполне соответствующим своему пустыннолюбивому духу и так сроднился с ним, что позже, управляя Оптинским скитом, ввел там некоторые его элементы — такие, как, например, пение на подобны. В 1826 году отец Макарий был назначен благочинным монастыря.

В 1824 году он впервые посетил Оптину пустынь, а в 1827 году отец Макарий был назначен духовником Севского Троицкого девичьего монастыря. В 1828 году в Площанскую пустынь прибыл преподобный Леонид (в схиме Лев) вместе со своими учениками и, пожив здесь около полугода, перебрался в место своих последних подвигов — в Оптинский скит. Сближение с этим великим старцем оказало большое влияние на отца Макария, который спешил как можно больше воспользоваться его духовными дарованиями, советом, наставлением и утешением. После отбытия преподобного Льва отец Макарий продолжал сним духовное общение посредством переписки. В Площанской же обители окончил свои дни и старец Василий (Кишкин). В 1834 году преподобный Макарий слезно простился с обителью, в которой подвизался 23 года, и отправился в Оптину пустынь к своему новому руководителю, преподобному старцу Льву Оптинскому.

В 1836 году преподобный Макарий был назначен духовником Оптиной пустыни, а в 1839 году — скитоначальником.

Как уже было сказано выше, духовным наставником преподобного Макария стал преподобный Лев, которому он полностью вверял свою волю, не дерзая предпринимать что-либо без его благословения. Семь лет преподобные Лев и Макарий руководили духовной жизнью братии и многих тысяч людей. Интересный случай находим мы в жизнеописании старца Макария, из которого видно трогательные отношения двух преподобных — ученика и учителя.

Однажды отец Моисей позвал к себе отца Макария (уже после его назначения духовником обители) и просил его принять от мантии готовившихся к пострижению братий. Отец Макарий, вменяя просьбу начальника в приказание, отвечал на нее смиренным поклоном. Придя к старцу Льву, он застал сего духовного вождя, как обычно, окруженного множеством вопрошавших о своих нуждах и недоумениях. Отец Макарий кратко поведал ему, зачем звал его настоятель. Опытный старец, пользуясь случаем доставить подвижнику-иноку венец терпения, а других воспользовать примером его смирения, с видом строгости спросил у отца Макария:

— Что же, ты и согласился?

— Да, почти согласился, или, лучше сказать, не смел отказаться,— отвечал отец Макарий.

— Да, это свойственно твоей гордости…— сказал старец Лев, возвысив голос, и, притворяясь гневающимся, довольно долго укорял отца Макария. А тот стоял с поникшей головой, смиренно кланяясь и повторяя время от времени:

— Виноват, простите Бога ради, батюшка!

Все присутствовавшие, уважавшие отца Макария наравне со старцем Львом, смотрели на эту сцену — одни с недоумением, другие с благоговейным удивлением. Когда же старец умолк, отец Макарий, поклонившись ему в ноги, кротко спросил:

— Простите, батюшка, благословите отказаться?

— Как отказаться? Сам напросился — да и отказаться? Нет, теперь уже нельзя отказаться, дело сделано,— сказал отец Лев, вовсе не имевший в виду лишать духовной пользы тех, которые вверялись духовному руководству опытного наставника. Цель выговора была иная — испытать смирение преуспевающего в оном старца-ученика и воспользовать через то других,— и она была достигнута.

Став скитоначальником, преподобный Макарий обратил особенное внимание на чтение, пение и вообще порядок церковной службы и, будучи сам знатоком церковного устава, проходя порядно должности канонарха и уставщика (еще в Площанской обители), любя и зная твердо нотное церковное пение, личным руководством, трудом и терпением постепенно ввел порядок и точность в отправлении церковных служб, ровное чтение без ложной чувствительности и тщеславия голосом; им же введена была в скиту должность канонарха и пение на подобны, которое отсюда перешло в монастырь. Он обратил внимание скитской братии на изучение церковного пения по нотам и ввел пение по обиходу: догматиков, славников и антифонов. Во время великопостных служений, преимущественно первой и Страстной седмиц, когда вся скитская братия готовилась к причащению Святых Таин, установлено было старцем на шестом часе чтение из творений преподобного Иоанна Лествичника с таким расчетом, чтобы вся книга была прочтена в течение Великого поста: для чего он сам размечал ее и назначал, сколько именно в какой день прочесть. Но и после введения вышеозначенного порядка по церкви старец постоянно наблюдал за поддержанием оного, никогда не оставлял без замечания в отношении церковного устава чтения или пения не только важной ошибки, но и малейшего опущения: разделит ли канонарх не на месте церковную стихиру (с нарушением смысла), ошибутся ли в чем-нибудь певчие на клиросе, чтец суток или канона — старец не оставлял их без вразумления. Если нужно поправить тон или напомнить забытый напев, сам запевает ирмос или указывает чтецу, где он ошибся и как надобно поправиться. А канонарха по окончании стихир зовет к себе с книгою и указывает, как надо правильно разделить ту или иную стихиру. И все это — с любовью, кротко, тихо, вразумительно. Вместо всяких оправданий сделавший ошибку обыкновенно говорил: "Простите, батюшка", на что старец отвечал: "Бог простит!" — и благословением оканчивалось дело.

Семь лет прожил отец Макарий со своим учителем, а по его кончине самостоятельно выступил на подвиг старчества. Еще при жизни старца Льва все относящиеся к нему ученики привыкли смотреть на преподобного Макария как на его духовного друга и сотаинника. А потому после кончины преподобного Льва они, нимало не колеблясь, обратились за духовным окормлением к отцу Макарию. Одаренный духовным рассуждением и обладавший твердой памятью, старец наставлял своих учеников словами Священного Писания и отеческих поучений, глубоко укоренившихся в чистоте его ума и сердца. Доколе позволяли ему силы, он старался прежде всего поддерживать в монастырском братстве, так же как и в скитском, заведенное его предшественником отцом Львом откровение помыслов, от которого проистекает хранение совести, справедливо признавая сие делание основанием внутреннего благоустройства и порядка, а следовательно, и процветания обители.

Усвоив себе, по слову преподобного Иоанна Лествичника, матерь дарований — смирение, старец поставил ее на страже прочих дарований, которые даны были ему на общую пользу.

Известен такой случай: к преподобному Макарию привели одного бесноватого, который ничего ранее не знал о старце и никогда его не видел. Бесноватый, бросившись к приближающемуся старцу с криком: "Макарий идет, Макарий идет!" — ударил его по щеке. Преподобный тут же подставил и другую щеку, а больной рухнул на пол без чувств. Очнулся он исцеленным: бес не смог перенести великого смирения старца.

Наделил Господь преподобного Макария и даром духовного рассуждения. Каждому приходящему к нему на откровение помыслов он подавал приличное немощи врачевство,

предлагая всем, требующим от него духовного совета, наставление правое и истинное, по учению святых и богоносных отцов.

Его смиренное слово было словом действенным, словом со властью, ибо оно заставляло повиноваться и верить неверующего. Смирение проявлялось и во внешности преподобного, в его одежде, в поведении, в каждом жесте. Лицо его было светло от постоянной Иисусовой молитвы, творимой им, оно сияло духовной радостью и любовью к ближнему.

Любовь старца, какой он возлюбил от юности всей душой Господа Бога, была поистине пламенная и деятельная. Исполненный такой любви, старец обильно проливал милость на духовных своих детей, объемля их всех душой своей и вмещая в своем сердце. По примеру нашего Создателя и Искупителя он не отвращался ни от кого, приходящего к нему и требующего милости душевной или телесной, и никого не отпускал от себя, не оказав чем мог внимания его нужде.

Долготерпение и кротость также были украшением старца, ибо никто не видел в нем гнева или смущения за что-либо, разве за преступление заповеди Божией; но, напротив, кротость и терпение его были видны всем окружающим. Обличая кого-либо, он запрещал с тихостью, наставлял и поучал с любовью, миловал и долготерпел с надеждой исправления согрешающих. Незлобие и простота в нем были поистине младенческие. По временам старец приходил в состояние духовного восторга, особенно при размышлении и беседе о неизреченных судьбах Промысла Божия, Его великой и присносущной силе и Божестве. Тогда запевал он одно из своих любимых песнопений, как, например: "Покрываяй водами превыспренняя Своя, полагаяй морю предел песок…", или песнь, в которой с такой глубокой силой и вместе краткостью выражено Таинство Святой Троицы: "Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся…", или один из догматиков, коим воспевается неизреченное и недоуменное таинство воплощения, и послужившая этому Божия Матерь, как, например: "Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево…", "Царь Небесный…" и прочее. А иногда, выйдя из келлии с костылем в руке, прохаживался по скитским дорожкам и, переходя от цветка к цветку, молча погружался в созерцание премудрости Творца, от творений познаваемого.

Также и в то время, когда находило на душу облачко скорби, или являлось чувство томности в духе, ибо, как известно, и совершенные мужи не могут быть всегда в неизменном устроении духа, старец также любил утешать себя в сей духовной брани церковными песнопениями.

Лицо его было бело и светло, как лицо Ангела Божия, взор тих, слово смиренно; ум же его, как делателя Иисусовой молитвы, всегда был соединен с Богом, от какового делания лицо его цвело духовной радостью и сияло любовью и умилением.

Распорядок дня старца был чрезвычайно насыщен: богослужения, келейное правило, ежедневная переписка, прием мирян и братии, как скитской, так и монастырской, труды по управлению скитом и изданию святоотеческой литературы, посещение гостиницы для паломников — и все это при необычайно слабом здоровье и сильной бессоннице…

В годы старчества отца Макария пробуждается интерес к Оптиной пустыни у русской интеллигенции. В 1850–1851 годах в монастыре трижды побывал и посетил старца Н. В. Гоголь. Духовными чадами преподобного Макария были мыслитель И. В. Киреевский и его жена Наталья Петровна. На исповедь и благословение к старцу приезжали А. К. Толстой, И. С. Хомяков, А. Н. Муравьев.

При ближайшем содействии супругов Киреевских старец Макарий положил начало книгоиздательской деятельности монастыря. На издание творений святых отцов в переводах Паисия (Величковского) и его учеников, а также исправленных преподобным Паисием списков прежних славянских переводов святоотеческих книг было получено благословение святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского. Супруги Киреевские передали профессору Московского университета С. П. Шевыреву текст, который в 1847 году был издан под заглавием "Житие и писания Молдавского старца

Паисия Величковского". Митрополит Филарет в 1852 году принял приехавшего в Москву по делам издательства старца Макария и оказал высокое покровительство оптинскому книгоизданию. Заботу о всей материальной стороне издательского дела приняли на себя супруги Киреевские.

Всей работой по приготовлению славянских переводов преподобного Паисия и по переводу некоторых из них на русский язык непосредственно руководил старец Макарий. Помогали ему преподобный Амвросий, отцы Ювеналий (Половцев) и Леонид (Кавелин). Большую помощь в качестве знатока греческого и латинского языков оказал К. К. Зедергольм (впоследствии иеромонах Климент). Среди других лиц, оказавших ценные услуги в этом деле, был цензор и профессор Московской Духовной Академии протоиерей Ф. А. Голубинский. Всего при жизни старца было издано 16 книг.

С 1853 года преподобный Макарий более не исповедовал, а только принимал (лично или по переписке) откровение помыслов, а исповедоваться посылал к духовникам обители иеромонахам Пафнутию, Амвросию и Илариону.

За два года до своей кончины преподобный Макарий принял великую схиму. До самой смерти он принимал духовных чад и богомольцев, наставляя и благословляя их. Духовная деятельность старца расширялась год от года через умножающееся стечение к нему народа и увеличение числа писем, но зато здоровье видимо ослабевало и силы умалялись: *дух* был *бодр*, но *плоть немощна* (ср.: Мф. 26, 41; Мк. 14, 38). Старец часто страдал занятием духа, внезапным упадком сил вследствие геморроидальных припадков. Дней за 10 до кончины обострилась тяжелая изнурительная болезнь ишурия[17], вызывавшая сильнейшие боли и страдания. От лекарственных пособий особенного облегчения не наблюдалось. Во все время болезни братия неопустительно вычитывали для старца келейное правило, неоднократно старец причащался Святых Таин. В последние дни болезнь усилилась, участились занятия духа; старца даже по его просьбе положили на пол для облегчения дыхания и более свободного к нему доступа воздуха. Страдания свои старец переносил необычайно терпеливо и кротко, с умилением благодарил всех, ухаживавших за ним.

7/20 сентября 1860 года, через час после принятия Святых Таин, преподобный отец Макарий мирно отошел ко Господу.

Вскоре по смерти старца его духовными детьми были собраны и опубликованы письма преподобного, составившие шеститомное издание[18], наибольшую ценность из которых представляют 2-й и 3-й тома — письма к монашествующим и к мирским особам.

В 1998 году 27 июня /17 июля святые мощи преподобного Макария были обретены вместе с мощами других шести старцев и ныне покоятся с правой стороны на солее храма-усыпальницы Владимирской иконы Божией Матери.

Преподобне отче наш Макарие, моли Бога о нас!

Преподобный иеросхимонах Иларион (Пономарев)

День рождения — 8/21 апреля 1805
Мирские именины — 8/21 апреля
День тезоименитства — 21 октября /3 ноября
Постриг в схиму — 9/22 марта 1872
Кончина (день памяти) — 18 сентября /1 октября 1873
Обретение мощей — 27 июня /10 июля 1998

Преподобный Иларион Оптинский (Родион Никитич Пономарев) родился в селе Ключи Воронежской области в пасхальную ночь с 8 на 9 апреля 1805 года. "Пришли домашние от обедни,— рассказывал впоследствии старец,— а я уже готов разговляться!". Днем рождения старца стали считать 8 апреля, память апостола Иродиона, в честь

---

[17] Ишурия (от тат. ischuria) — задержка моче, или мочеиспускания.— *Ред.*
[18] Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца Макария. М., 1862–1863.— *Ред.*

которого и был назван мальчик в Святом Крещении. Характера он был тихого, не резвого и, будучи при этом, вероятно, неловким, редко играл со своими сверстниками, часто удаляясь от их забав и увеселений. По мере возрастания отрок Родион чем мог помогал по хозяйству своим родителям, а в 1818 и в 1822 годах с семейством участвовал в богомолье из Ключей к киевским святыням.

Мать Родиона, когда тому было всего семь лет, предрекала отроку монашество. Да и он сам еще с детства чувствовал в себе стремление стать монахом.

В 1820 году Родион вместе с родителями проживал в Новохоперске, где обучался портновскому ремеслу, думая, что в монастыре, куда с детства стремилась его душа, оно ему весьма пригодится. Видя тихий и молчаливый характер юноши, многие из домашних относились к нему небрежно и неприветливо, что, естественно, не располагало его к доверчивости и общительности, а еще больше подвигало к самоуглублению и созерцанию. В 1826–1829 годах Родион жил в Москве, чтобы подучиться портняжному мастерству, подзаработать денег и поступить в монастырь. В Москве ему пришлось пережить много скорбей, бед и искушений.

По возвращении Родиона домой Пономаревы всей семьей переселились в Саратов, где открыли портняжную мастерскую. Дела у них пошли очень хорошо.

Между тем Саратов и его окрестности были густо населены разными беглыми преступниками, а также раскольниками. Первый епархиальный архиерей прибыл в Саратов всего лишь за год до появления там Пономаревых. Недостаток образования в народе, недостаток церквей и духовенства, переполненность Саратова иноверцами, раскольниками и сектантами создавали в городе удручающую обстановку. Раскольничьи секты враждовали между собой, но в одном все они были единодушны — в ненависти к Православию и православным, которых, кстати, было меньшинство. А так как Пономаревы в скором времени по своем поселении в Саратове стали всем известны и всеми уважаемы за свою честность, верность слову и отличное качество работы, то к ним нередко приходили раскольники, пытаясь совратить их своим учением. При содействии Саратовского Преосвященного в городе была создана противораскольническая миссия — православное братство, одним из самых деятельных членов которого стал Родион Пономарев. Здесь он претерпел много скорбей от ложных доносов и клеветы. Порой братчики подвергались даже смертельной опасности со стороны сектантов и раскольников. Плодом их деятельности было обращение в Православие около 20 000 раскольников, личными своими трудами Родион Пономарев обратил в Православие нескольких лютеран, двух иудеев и два семейства калмыков. Уже в конце своего пребывания в Саратове он с остальными братчиками способствовал уничтожению в Саратове секты скопцов.

В это время Родиону было сделано два брачных предложения, но в судьбах Божиих было о нем предопределено иное, и оба эти предложения не состоялись: одно по особенному действию Промысла Божия, за неожиданной, после скоротечной болезни, кончиной девицы, а другое по нерасположению в этом случае самого Родиона.

В 1838 году Родион предпринял путешествие по монастырям с целью присмотреть обитель для монашеского жития. В этой поездке он особое внимание обращал на то, в каком состоянии находится духовное руководство братией. Он заметил, что в тех обителях, где держались опытные духовные старцы, братия были бодрые, одушевленные; где же старчества не было, там и братство имело совсем другой характер… В Оптинских старцах преподобном Льве и преподобном Макарии Родион нашел то, что так долго искала его душа. Вернувшись в Саратов, быстро завершив все дела, он покинул родной дом и 13 марта 1839 года поступил послушником в Оптину пустынь, где вскоре стал келейником старца Макария, неся это послушание в течение 20 лет, до самой кончины старца. Будучи еще в миру деятельным по вопросам веры и благочестия, учителем и примером для многих, Родион Никитич отныне предпринял многотрудный подвиг очищения собственного своего сердца от самых тонких внутренних движений самолюбия,

самомнения и прочих страстей, для чего и подъял на себя спасительный крест послушничества, вполне предав свою волю и помышления в подчинение обретенному им духовному отцу и непрелестному наставнику. Наставления старца Макария, его жизнь и деятельность глубоко западали в сердце молодого инока и служили руководительным началом в дальнейшей его иноческой жизни.

Как и другие, новый послушник исповедовался у отца Макария, а на откровение помыслов ежедневно ходил к старцу Льву. Кроме того, некоторое время он пользовался духовными советами жившего по соседству игумена Варлаама, который прибыл в Оптину пустынь из Валаамского монастыря.

Взяв на себя спасительный крест послушания, возрастая во внутреннем делании, преподобный Иларион всемерно понуждал себя и к несению телесных трудов. Кроме послушаний, которые преподобный Иларион нес как келейник своего старца, он также по нуждам скитской братии и хозяйства был огородником, садовником, варил квас, пек хлеб, на пасеке ухаживал за пчелами. Скитским пасечником был также и его родной отец, поступивший в монастырь после своего сына и принявший монашеский постриг с именем Нифонт[19].

10 февраля 1853 года отца Илариона посвятили в иеродиакона, а незадолго до смерти преподобного Макария — в иеромонаха. В последние годы своей жизни преподобный Макарий благословил своего келейника на подвиг старчества, вручив его руководству многих из своих духовных чад, чем подчеркнул преуспеяние преподобного Илариона во внутреннем делании. Приняв от своего старца это послушание, преподобный Иларион нес его до последних дней своей жизни.

С 8 апреля 1863 года на старца Илариона было возложено новое послушание: он был назначен начальником скита и общим духовником монастыря. Истинным "пастырем добрым" был преподобный старец Иларион: во всякое время, даже в последние дни своей тяжелой предсмертной болезни, заботился он о своих чадах и был всегда готов прийти на помощь их духовным и житейским нуждам. При занятиях с братством обители у старца не было отказа никому из посторонних посетителей. Горя любовью к святой вере православной, старец каждого приезжающего в обитель неверного или раскольника вразумлял и обращал к матери нашей Православной Церкви.

Верность и любовь к милосердному Спасителю нашему Иисусу Христу, самоотверженное следование по пути евангельских заповедей Его сделали сердце смиренного старца вместилищем многих даров Духа Святого, которые в изобилии изливались на прибегавших к его помощи. Наряду с благодатным даром духовного рассуждения, преподобный Иларион имел дар прозорливости, был мужем учительным, ведущим истинно подвижническую жизнь. Однако не только почитание и любовь выпадали на его долю, иногда приходилось терпеть ему хулу и клевету. Но все это он переносил с великим смирением и снисхождением ко всем людским немощам.

Долго пробыв ближайшим учеником преподобного Макария, преподобный Иларион, став скитоначальником и общим духовником обители через два с половиной года после смерти преподобного Макария, старался и по управлению, и по духовничеству поддерживать те порядки, которые были заведены его дорогим учителем.

Пять раз в году, во все посты совершалась им исповедь для всех относившихся к нему братий — исповедь не общая, а с подробным опросом каждого исповедующегося о всем касающемся до его внутренней жизни и устроения. Каждый исповедующийся получал при этом наставление по своей нужде. Несмотря на такой труд и слабое здоровье, старец выстаивал все церковные службы, как известно, особенно продолжительные на первой и Страстной седмицах Великого поста. Заканчивалась братская, начиналась исповедь женского пола — сестер монастырского скотного двора, монахинь, или мирян обоего пола, прибывших для того к старцу. Исповедь часто продолжалась до чтения

[19] О нем см. ниже, на с. 370–371 настоящего издания.— *Ред.*

вечернего правила. По субботам перед праздниками приходили для исповеди чередные[20] иеромонахи и иеродиаконы.

Преимущественно после вечерней трапезы старшие монахи или имевшие особенную нужду, а многие почти ежедневно приходили к старцу, по заведенному порядку для очищения совести откровением помыслов, покаянием и для получения себе от старца в руководство наставлений и совета, сообразно с устроением каждого. Старец говорил большей частью не от себя, а приводил слова и примеры из Священного Писания или святоотеческих писаний или припоминал, что в подобных случаях советовал старец Макарий. Слова наставлений старца Илариона были кратки, ясны, просты и имели силу убеждения, потому что он сам исполнял то, что советовал братии, и сам уже опытно побывал в различных ситуациях, в которых приходилось наставлять.

Несмотря на то что старец окормлял братию, он не отказывал никому из посторонних посетителей, приходивших поговорить с ним о своих духовных нуждах. Во всякое время к нему был свободный доступ и знатным и незнатным, и богатым и бедным, и ближним и дальним, и монашествующим и мирским. Всех принимал старец, со всеми был одинаково обходителен и внимателен. Мужчин принимал в своей приемной келлии, а женщин в так называемой хибарке, особой пристройке, состоящей из сеней и небольшой келейки с одним окном, с отдельным входом снаружи скита близ скитских ворот. В переднем углу хибарки, пред иконами Христа Спасителя и апостола Петра, висела лампадка и стоял аналой с крестом, исповедной книжкой и епитрахилью, чтобы желающие могли тотчас же приступить к исповеди.

Многие из посетителей для того и являлись в обитель, чтобы поведать старцу Илариону о своих духовных нуждах как опытному наставнику. После обычных приветствий старец искусными вопросами вызывал откровенное объяснение посетителя о цели его посещения и составлял себе понятие о его душевном состоянии. Когда находил нужным, предлагал посетителю подготовиться к очищению своей совести исповедью, назначая для этого не менее трех дней, чтобы пересмотреть всю свою прежнюю жизнь с семилетнего возраста, припомнить и отыскать в себе преимущественно забытые грехи, в которых не было принесено покаяния, и в которых часто и таилась причина душевной болезни. Ежели посетитель почему-либо не достигал этого, то старец сам на исповеди искусными вопросами уяснял, в чем дело, вызывал посетителя на воспоминание о нераскаянном грехе, по невниманию обратившемся в навык.

Возбудив сознание и сокрушение о грехах, старец иногда, по степени и важности их, налагал на кающихся епитимии, сообразуясь с родом жизни, званием, состоянием, занятиями, здоровьем, возрастом, причем требовал, чтобы кающийся исполнял ее в точности и неопустительно. Епитимия могла состоять из молитв, покаянного канона, чтения кафизм, поклонов, раздачи милостыни, в прощении обид и оскорблений, примирении с обидевшими, возвращении долгов или чего неправильно присвоенного, оставлении неприличных для христианина навыков, забав и удовольствий, праздного времяпрепровождения и т. п. По исповеди допускал к принятию Святых Таин. Многие, получив на исповеди от старца ощутимую душевную пользу, продолжали и после жить по его наставлениям, избавлялись от душевных недугов и жили благочестиво и благополучно, имея преподобного Илариона уже своим постоянным духовником и наставником. Также много приводили к старцу страдающих нервными и душевными болезнями, которые чудесным образом, силою благодати, пребывающей в нем, он исцелял.

Помимо устных сношений со старцем, многие обращались к нему письменно. Таким образом, последнее десятилетие своей деятельной и многоплодной жизни преподобный Иларион провел не в упокоении и отдыхе, а в постоянных трудах как внешнего, так и

---

[20] Череда, или чреда — порядок (расписание) служения священников. Чередной (чредной) иеромонах — служащий в свою чреду.— *Ред.*

внутреннего делания, оставаясь и по кончине своего старца его присным послушником и исполнителем его мудрых заветов и наставлений. Преподобный Иларион был и продолжателем строительной деятельности своего старца. После смерти преподобного Макария он принял деятельное участие в перестройке скитской церкви.

Приводили к преподобному Илариону страдающих такой болезнью, которую обычно называют "порчей". Старец Иларион был твердо убежден, что полное искреннее покаяние, всепрощение обидевших и примирение со враждующими есть лучшее лекарство от недугов душевных, ибо причиной подобных болезней, как находил старец, бывает часто непримиримая вражда, раздоры семейные и тяжкие нераскаянные грехи. Эти различные причины болезней старец без затруднения распознавал через искусные расспросы болящего и иными ему ведомыми путями, иногда и по самому крику "порченых" и его свойствам, и при помощи Божией врачевал их благодатью Таинства Покаяния. Старец указывал больным не мнимую, а действительно найденную им причину их болезни и приводил к сознанию, раскаянию и сокрушению о своих грехах. Если больные указывали на кого-либо как на причину своей болезни, что часто бывало с нервными больными, то старец Иларион советовал тогда испросить у того человека прощение, если он жив, а если скончался, то примириться с ним, отслужить на его могиле панихиду, подавать о поминовении на проскомидиях и дома за него молиться, принести покаяние, принять епитимию и положить начало добродетельной жизни. Кроме таких советов, давал им на дом Богоявленскую воду, святой артос[21] и масло из лампадок, горевших на могилках почивших старцев Льва и Макария.

Однажды старец сверх обыкновения замедлил и долго не выходил из хибарки, в которой исповедовал женщин; его ожидало много посетителей и посетительниц. Пошли узнать, с кем он там был занят, и оказалось, что у него в это время была на исповеди упорнейшая душевнобольная. Старец заставлял ее налагать на себя крестное знамение и говорить свои грехи, но она сильно сопротивлялась и не хотела произносить их, кричала и ругала старца грубыми, непристойными словами. Преподобный Иларион, не обращая внимания на ее брань, добивался только того, чтобы она пришла в полное сознание и покаялась в том грехе, за который так сильно страдает. Наконец, после многих усилий больная созналась, покаялась и обещала выполнить все то, что ей посоветовал старец. Отпуская, старец снабдил ее святым артосом и святой водой.

Одна сорокалетняя крестьянка Одоевского уезда, часто посещавшая обитель, сама рассказывала, что в продолжение многих лет сильно страдала припадками, сопровождавшимися судорогами и, криком на разные голоса. В состоянии припадка она неистово кричала, бранилась и обнаруживала такую неестественную силу, что несколько мужчин не могли ее удержать. Много наслышавшись о преподобном Иларионе, она обратилась к нему за помощью. Как всегда, так и в этом случае старец исповедал ее во всех грехах, особенно нераскаянных, и вот благодатной силой Таинства Покаяния она получила чрез старца совершенное исцеление. Припадки не возвращались, и она стала здорова и покойна, глубоко признательная за полученную помощь.

Купец Новосильского уезда был два года одержим недугом, не дававшим ему ни минуты покоя и доводившим его до безумия. Ему представлялось, будто со всех сторон его преследуют, хотят связать и лишить жизни. Не будучи поэтому в состоянии заниматься своим торговым делом, он с блуждающим взором бегал от людей, произнося бессмысленные слова. Домашние боялись того, что он в припадке безумия лишит себя жизни. Более всех обеспокоена была этой болезнью его жена, придумавшая, наконец, свозить его в Оптину пустынь. Прибыв в обитель, она объяснила старцу болезнь мужа и просила его помочь. Старец долго занимался с ним и из расспросов дознал, что главная причина болезни была его вражда и непокорность отцу, которую он таил в своем сердце.

[21] Артос — хлеб, который особой молитвой освящается в день Святой Пасхи, затем в течение Светлой седмицы находится перед иконостасом, а в светлую субботу раздробляется и как святыня раздается верующим. Артос напоминает о пребывании с нами воскресшего Спасителя.— *Ред.*

Старец долго убеждал купца оставить злобу и просить у отца прощения, доказывая ему, что только в таком случае он может надеяться на помощь Божию и избавиться от болезни. Больной сперва долго упорствовал, оправдывал себя, а отца обвинял, но наконец изъявил готовность исполнить все, что советовал ему старец. Старец исповедал его, и больной, пробыв в обители после принятия Святых Таин еще три дня, поехал домой к отцу совершенно здоровым. Теперь в душевном мире и спокойствии он смог заниматься в Москве своими торговыми делами, благодаря Бога и старца Илариона.

Не одни нервные или душевнобольные получали при помощи Божией, от старца облегчение; старец оказывал помощь многим и в других состояниях и обстоятельствах жизни, когда обращавшиеся к старцу добросовестно исполняли полученные от него наставления.

Последним искушением, попущенным Богом старцу, усовершению его терпения, была тяжкая, почти двухлетняя болезнь. В 1870 году здоровье старца ухудшилось, но, несмотря на это, он посещал все богослужения. Много трудов понес старец в этом новом мучительном испытании духовных сил его, усугубив тем самым уже и до того обильно им умноженные от Бога данные таланты. В своей болезни старец не о том просил Господа, "да взятием возмется искушение", но о том, да подаст ему Отец Небесный в сем искушении терпение. Врачей старец принимал, понуждаемый к тому лишь любовью к духовным своим детям, уступая их желанию и усердию, а также и потому, что, находя себя в обилии своего смирения много согрешившим пред Отцом своим Небесным, считал себя за то достойным понести и изреченное премудрым Сирахом наказание: *согрешаяй пред Сотворшим его, впадет в руце врачу* (Сир. 38, 15).

С 5 марта 1870 года он уже не вставал, а 9-го был пострижен в схиму. Видевшие старца Илариона на предсмертном болезненном одре были свидетелями высоты его терпения, кротости и смирения, какой на земле и в мыслях не многие достигают. В течение болезни старец был два раза особорован святым елеем и часто приобщался Святых Христовых Таин, а с 17 августа, в последние 33 дня своей жизни, ежедневно освящался сим Таинством. За четыре недели преподобный предсказал свою кончину; это время старец провел, томясь день и ночь без сна и возможности какого-либо движения на кресле, ибо высоко поднявшаяся в груди вода уже не дозволяла ему принимать лежачее положение. До последних дней жизни старец не оставлял исполнения всех положенных в скиту келейных молитвенных правил, а равно и полного правила для причащающихся. 18 сентября /1 октября, выслушав в последний раз утреннее правило и приняв в первом часу утра Святые Таины, в шесть часов утра старец Иларион окончил свой многострадальный подвиг. Тихая, благодатно-мирная кончина последовала в полном сознании и твердой памяти. Преподобный выпрямился на кресле и, после нескольких замедленных вдохов, не озираясь ни направо, ни налево, предал Господу дух свой.

В 1998 году 27 июня /10 июля святые мощи преподобного Илариона были обретены вместе с мощами других шести старцев и ныне покоятся с правой стороны в храме-усыпальнице Владимирской иконы Божией Матери.

Преподобне отче наш Иларионе, моли Бога о нас!

Преподобный иеросхимонах Амвросий (Гренков)

День рождения — 23 ноября /6 декабря 1812
Мирские именины — 23 ноября /6 декабря
Постриг в мантию — 29 ноября /12 декабря 1842
День тезоименитства — 7/20 декабря
Иерейская хиротония — 9/22 декабря 1845
Постриг в схиму — 1846–1848
Кончина (день памяти) — 10/23 октября 1891
Обретение мощей — 27 июня /10 июля 1998

Наиболее известный Оптинский старец — это преподобный Амвросий. Он стяжал огромную любовь русского народа, который стекался к его келлии со всех концов России. В назиданиях своих преподобный Амвросий учил приобретать смирение. Наставления часто делал в стихотворной, полушутливой форме. Старец поучал: "Мы должны жить на земле так, как колесо вертится,— чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх; а мы как заляжем на землю, так уже и встать не можем". Старец говорил: "Как жить? Жить не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение".

Преподобный Амвросий многим благотворил. Деньги жертвователей он передавал нищим и убогим, вдовам и сиротам. Особую заботу он проявлял о больных женщинах, бедных и вдовах. Духовный опыт и необычайные дарования старца, его прозорливость и умение указать каждому удобный и верный путь ко спасению во Христе стяжали отцу Амвросию всероссийскую известность. Приезжали в Оптину пустынь и беседовали со старцем Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев и другие известные деятели русской культуры. В 1874 году в Оптину пустынь приехал философ и публицист К. Н. Леонтьев. Он познакомился со старцем Амвросием и с тех пор часто бывал в Оптиной. В 1887 году К. Н. Леонтьев снял при монастыре двухэтажный дом и работал в нем. Незадолго до смерти он принял монашеский постриг с именем Климент и по благословению своего духовного отца — старца Амвросия — переехал в Троице-Сергиеву Лавру. Главным письмоводителем старца был иеромонах Климент (Зедергольм), известный ученый, магистр греческой словесности. Он был сыном немецкого пастора, но принял Православие, монашеский постриг, священный сан и поселился в Оптиной пустыни. В 1887 году посетил Оптину пустынь и беседовал со старцем Амвросием великий князь Константин Константинович Романов, поэт, писавший стихи под псевдонимом "К. Р".. Посещали старца Амвросия историк и писатель М. П. Погодин, философ П. Д. Юркевич. Приезжали в Оптину поэты граф А. К. Толстой, А. М. Жемчужников, А. Н. Апухтин. Среди духовных чад отца Амвросия был граф А. П. Толстой (обер-прокурор Синода в 1856–1865 годах). Член Санкт-Петербургской Академии художеств Д. М. Болотов принял монашество и стал иеромонахом Даниилом; он основал в монастыре живописную мастерскую. Духовным другом и собеседником старца Амвросия был настоятель Калужской Тихоновой пустыни архимандрит Моисей (Красильников).

Преподобному Амвросию Оптинскому обязана своим созданием Казанская Амвросиева Шамординская женская пустынь. В 1870–1880 годах старец участвовал в устройстве целого ряда монастырских женских общин, главным образом для неимущих женщин. Деньги на строительство были пожертвованы богатым московским купцом, чаеторговцем Перловым (владельцем всем известного "китайского чайного домика" на Мясницкой).

Еще при жизни преподобного Амвросия в газетах появлялись статьи, повествующие об удивительном старце, а по смерти были изданы десятки книг с его жизнеописанием, воспоминаниями о нем духовных чад, паломников и учеников. Нельзя не упомянуть и о различных изданиях писем преподобного Амвросия к монашествующим и мирянам, где содержится множество ценных и полезных поучений, наставлений и назиданий.

Вместо подробного жизнеописания старца, которому недостаточно было бы посвятить и нескольких томов, мы предлагаем здесь слово преподобного Никона Оптинского, сказанное 23 ноября 1912 года в день столетнего юбилея почившего старца[22].

"Ныне мы празднуем 100-летний юбилей со дня рождения приснопамятного старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Амвросия. А потому весьма благовременным казалось бы воспомянуть о жизни и деятельности сего старца. Слава об этом великом во смирении своем старце, облеченном даром Святого Духа, распространялась при жизни его по всей

[22] Публ. по изд.: Преподобный Никон Оптинский: Жизнеописание и духовные наставления. М., 1998. С. 7–19.— *Ред.*

православной России. И теперь еще память о нем свято чтится и живет в сердцах верующих, ибо память праведного с похвалами и в роде родов не изгладится [см.: Притч. 10, 7; Сир. 44, 7, 13]. Многие испытали на себе благодатную силу его святых молитв, старческих мудрых советов, которые часто изменяли все направление жизни человека, возрождали его духовно, подымали упавший дух и обращали его к Богу.

Не возжигают светильника и не поставляют его под спудом, но на свещнице, да светит всем, иже в храмине суть (ср.: Мф. 5, 15), то есть в Церкви Христовой. Эти евангельские слова вполне приложимы к старцу отцу Амвросию, который бежал из мира, желая укрыться в пустыне, но, как верный раб Господа и достойный служитель слова, был поставлен на свещник старчества. И вот, чтобы живо представить себе эту высокую, светлую личность, побеседуем, насколько позволяет время и место, о том, как началась и текла жизнь батюшки отца Амвросия.

Отец Амвросий по происхождению был сын причетника села Большие Липовцы Тамбовской губернии Михаила Гренкова. Родился он в 1812 году, в ноябре месяце. По метрическим книгам день его рождения значится 23 ноября. Но есть предположение, что родился он не 23, а 21 ноября, то есть на праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Во Святом Крещении был наречен Александром в честь благоверного князя Александра Невского. Детство и отрочество Александра протекли в большой семье, при строгой обстановке, в доме деда-священника. Александр был мальчиком резвым, общительным и имел очень впечатлительную натуру. Домашняя обстановка многочисленной семьи сельского пономаря, в которой прошли дошкольные годы мальчика, была сурова и бедна. Нужда и горе были хорошо знакомы будущему старцу и печальнику земли Русской. И очень возможно, что в это самое время зародилось в нежной, впечатлительной душе ребенка то чувство сострадания и любви к несчастным, обездоленным и скорбящим, каким отличался отец Амвросий всю свою жизнь.

Но вот прошли ранние детские годы, и Александр, достигнув школьного возраста, был перемещен в Тамбовское Духовное училище, где жизнь его текла так же, как и в родной семье,— в труде и нищете. По окончании Духовного училища Александр Гренков поступил в Тамбовскую Духовную Семинарию для продолжения своего образования, где учился весьма хорошо, и в 1836 году, окончив курс, был удостоен звания студента.

Многие дороги были открыты перед юношей, но он поступил учителем в Липецкое духовное училище. Проводя жизнь в должности учителя, Александр Михайлович Гренков сначала даже и не думал никогда поступать в монастырь. Но, по премудрым судьбам Промысла Божия, его постигла болезнь, и все почти отчаялись в его выздоровлении. И вот на болезненном одре он дал обещание идти в монастырь, если выздоровеет. Господь услышал его молитвы и поднял с одра болезни. Но враг спасения рода человеческого помешал сразу исполнить обещание. Целых четыре года Александр Михайлович пробыл еще в миру. Однако мысль о данном обещании и монашестве все чаще и чаще посещала его, и под влиянием ее он начал жить строже, внимательнее, и наконец намерение оставить мир и посвятить себя служению Богу в монашестве созрело.

Для решения сего жизненного вопроса юный Александр Михайлович отправляется в село Троекурово к известному старцу Илариону (Фокину), который сразу сказал ему: "Иди прямо в Оптину",— и затем объяснил, почему в Оптину, а именно — из-за старчества, то есть чтобы он начал и проводил жизнь в монастыре под руководством старцев, ибо первоначально полученное направление при поступлении в монастырь кладет отпечаток на всю жизнь инока. И это направление в большинстве случаев не изменяется, хотя и бывают иногда, по временам, отклонения в сторону. Путь старческого окормления есть самый верный путь. О пользе старчества преподобный Иоанн Лествичник поучает, говоря: "Душа, имеющая доброго руководителя, удобно восходит на

небо, хотя бы раньше и повинна была во многом зле"[23]. Как идущий по неизвестному пути без путеводителя легко может заблудиться, хотя бы сам он был очень умен, так и тот, кто по своей воле и разумению хочет пройти монашеский путь, легко погибнет, хотя бы и знал премудрость всего мира. Кроме того, в ответе старца Илариона можно усматривать то, что он предвидел будущее служение отца Амвросия на поприще старчества и потому прямо и указал ему Оптину, где тогда был старцем иеросхимонах Лев и его преемник отец Макарий.

Получив такой совет, Александр Михайлович прямо отправился в Оптину и был принят в число братии пустыни 2 апреля 1840 года. Послушание ему назначили на кухне, помощником повара. После послушания на кухне он был переведен к старцу Льву в келейники для письмоводства, а после его блаженной кончины перешел к старцу Макарию. Пребывая у батюшки отца Макария в послушании, Александр Михайлович скоро был пострижен в монашество с именем Амвросий. Затем вскоре был посвящен в иеродиакона и, пробыв три года в сане иеродиакона, был посвящен во иеромонаха 9 декабря 1845 года.

При поездке в Калугу для посвящения в иеромонаха отец Амвросий сильно простудился. Эта простуда окончательно подорвала и без того слабое здоровье отца Амвросия, и он всю свою жизнь, до смерти своей, нес тяжкий крест болезни. Но, по слову Писания, насколько *внешний наш человек тлеет,— внутренний обновляется* (ср.: 2 Кор. 4, 16). И, действительно, отец Амвросий обновляется духом, возрастая духовно под мудрым руководством старца Макария, который, наставляя своего ученика в иноческом благочестии, особенно старался насадить в нем смирение, без которого невозможно идти по пути нравственного совершенствования, ибо гордость и презорство[24] губят все труды и добродетели человека. С этой же целью отец Макарий делал ему нередко строгие выводы и подвергал различным испытаниям и лишениям, воспитывая в нем строгого подвижника нищеты, смирения, терпения, послушания и прочих иноческих добродетелей.

Вся 19-летняя деятельность отца Макария прошла перед глазами отца Амвросия, который много почерпал из сего богатейшего источника старческой мудрости. Прежде всего он обращался к отцу Макарию по своим личным, духовным нуждам, с недоумениями и вопросами, открывая без утайки всю свою душу, все свои помыслы, и получал соответствующие указания и наставления. Затем, состоя письмоводителем старца, отец Амвросий нередко писал под диктовку отца Макария ответы на многочисленные получаемые им письма. А иногда и сам писал по указанию старца. Эта старческая переписка открыла весьма многое отцу Амвросию, а духовные ответы отца Макария обогатили его духовную и житейскую мудрость рассуждением. Участие в этой переписке ознакомило отца Амвросия самым основательным образом с человеческой душой, с ее тайными изгибами, с ее силами и немощами. Наконец, отец Амвросий видел приходивший к старцу Макарию народ и наблюдал людей самых различных общественных положений, душевных настроений, с самыми различными вопросами и запросами. Через это знакомился с русским православным народом и сам, будучи русским, полюбил этот народ настолько, что всецело отдал себя на духовное служение ему после блаженной кончины старца Макария, которая последовала 7 сентября 1860 года.

Нелегко было отцу Амвросию при его телесных немощах согласиться принять на себя старчество. Но еще больше страшился он высоты сего духовного подвига, по своему смирению считая себя недостойным его, хотя вступал на это поприще уже умудренным духовною опытностью, полученною как непосредственно от наставлений старца Макария, так и от внимательного чтения слова Божия и святоотеческих творений. Он видел в старчестве величайший, ответственнейший подвиг, а в себе — полное бессилие и

---

[23] Ср.: *Иоанн Лествичник, преподобный*. Лествица. Слово 26-е: О рассуждении помыслов и страстей, и добродетелей. Гл. 236.— *Ред.*

[24] Презорство — презрение, пренебрежение, непослушание, строптивость, надменность.— *Ред.*

греховность. Но покорность воле Божией и любовь к страждущему человечеству заставила отца Амвросия согласиться принять на себя бремя старчества. Он утешал себя словами Апостола, что *сила* Божия *в немощи совершается* (ср.: 2 Кор. 12, 9) и что *невозможное для человека* становится *возможным для* благодати *Божией* (ср.: Мф. 19, 26; Мк. 10, 27; Лк. 18, 27). "Если с верою будут искать и принимать мои слова, то и через грешника получат пользу, а если без веры или с сомнением и испытанием, разбором слов и действий, то хотя бы праведен был, пользы быть не может",— так говорил отец Амвросий, повторяя слова отца Макария. В покорности воле Божией и уступая просьбам своих почитателей, отец Амвросий подъял на себя старческое иго, *возвергнув печаль свою на Господа* [ср.: Пс. 54, 23]. И отсюда начинается то святое и многоплодное служение старца отца Амвросия страждущему человечеству, как инокам, так и мирянам, то служение, которым он прославился по всей православной России.

Отец Амвросий уже вышел на широту христианской любви и приобрел то милостивое сердце, в котором нетесно вместиться всему миру. Ему хотелось всякого утешить, обласкать, согреть теплым и сердечным участием и направить на стезю правды и благочестия. А смирение старца дозволяло всякому иметь доступ к нему. Народ с разных концов России шел бесконечными вереницами к смиренной старческой хибарке, будучи привлечен в Оптину еще при старцах Льве и Макарии. Русский народ чуток. Он понял чутьем своего сердца неподдельную любовь к нему старца Амвросия и стремился к нему, как к источнику, из которого почерпал силы для борьбы со скорбями и тяготою жизни, будучи обласкан и утешен евангельски простым, но мудрым и сердечным словом и наставлением.

Отец Амвросий умел принять и утешить не только простой народ; его посещали весьма интеллигентные и даже ученые лица, как, например, Николай Васильевич Гоголь, Киреевский, Достоевский, Леонтьев и многие другие. Про отца Амвросия можно было сказать словами Священного Писания: *Всем бых вся, да всяко некия спасу* (1 Кор. 9, 22). Он имел ясное, твердое христианское мировоззрение, центром коего была мысль, что "настоящая жизнь есть не что иное, как приготовление к жизни будущей". А для получения ее необходимо понести различные скорби и болезни, по сказанному в слове Божием: *Многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22).

Старческое служение батюшки Амвросия началось прежде всего с окормления братии Оптиной пустыни. Старец сильно любил обитель и ее питомцев. Каждый из братии поверял старцу свою душу. Все шли к нему по своим духовным нуждам и получали полное удовлетворение и успокоение. Слово старца всегда было ласково, любовно, но и властно. Нет возможности нарисовать полную картину отношений братии к старцу и старца к братии, но достаточно будет сказать, что вся пустынь жила им. Им поддерживался строй иноческой жизни, который насадили в Оптиной пустыни старцы Лев и Макарий при мудром содействии отца архимандрита Моисея. Отец Амвросий так же, как и его предшественники отец Лев и отец Макарий, напоминал собой великих древних старцев в их смиренной простоте и величии.

Но служение старца не ограничивалось только Оптиной пустынью. Он знал, что в мире много алчущих и жаждущих Христова слова, любви и веры, а потому и любил, и отдал ему всю свою жизнь. Отец Амвросий шел в мир и *проповедовал всей твари* [см.: Мк. 16, 15]. К нему шли *все труждающиеся и обремененные*, и он успокаивал их (см.: Мф. 11, 28). К нему шли за исцелением недугов, не только душевных, но и телесных. Он жил для мира, он нес великое служение слова, хотя и материальные благотворения лились рекой. Не многие могут так отдаваться на служение ближним, как отдавался отец Амвросий. Он как бы совершенно забывал себя. Он не имел, казалось, и минуты покоя за весь день. С утра до позднего вечера продолжался прием посетителей. Каждый шел со своими нуждами и скорбями и просил выслушать его и дать ответ. Но при всем желании старца всех принять и обласкать не было никакой возможности. Многие жили, по неделям и месяцам ожидая приема. Чтобы удовлетворить многочисленных

посетителей, просивших совета старца о всяких своих нуждах, душевных и телесных, старец по нескольку раз в день преподавал общее всем посетителям благословение, сперва на мужской, а потом и на женской половине. Большей частью подходил к каждому и уделял по нескольку секунд на краткие советы. Будучи облечен даром прозорливости, старец часто, не спрашивая человека, давал ему ответ на то, о чем тот хотел спросить. При этом нередко говорил в шутливом тоне или пословицами, кои были понятны лишь тем, к кому они относились.

Редкий, весьма редкий монах может нести тяжкое бремя такого мирского учительства, какое нес батюшка Амвросий. Он не отвергал и грешных людей, и даже напротив, очень жалел их, сознавая, что нужно ненавидеть самый грех, а человека, недугующего грехом, пожалеть, как жалеют человека, недугующего телесною болезнью. Он верил в Божественную искру, неугасимо под покровом греха и порчи таящуюся во всякой душе человеческой, и старался в унылого грешника влить бодрость и решимость начать борьбу против душетленных страстей в надежде на помощь Божию. А добродетельных людей старец утверждал на пути благочестия, направлял их к нравственному совершенствованию. Он был одинаково дорог и бедному, и нищему, и жителю дворца, во всех пробуждая лучшие стороны души и всех возбуждая к одному — стремлению в Царство Небесное.

Так жил и учил старец приходивших к нему. Но этим не исчерпывалась его духовная деятельность служения ближнему. Не все могли прийти или приехать к старцу, но, имея веру к нему, обращались к нему письменно. Эти письма получались десятками, если не сотнями. Таким образом, к трудам приема посетителей прибавлялся еще новый труд — труд старческой переписки. В письмах так же, как и при личном приеме, приходилось утешать в скорбях, наставлять на путь добродетели и разрешать жизненные вопросы. В письмах преподавалось то же старческое мудрое слово и наставление, растворенное благодатию Духа Святого. Эти письма могут служить для всех доказательством тех мудрых наставлений, коими питал отец Амвросий всех, обращавшихся к нему. Не распространяясь о них подробно, предоставляем желающим познакомиться с ними самим. Письма изданы пустынью уже в нескольких выпусках.

Наконец, закончим наше краткое и убогое сказание о приснопамятном старце иеросхимонахе Амвросии словами надгробной речи Преосвященного Виталия: "Вознесем теплые молитвы ко Всевышнему о упокоении души преставившегося раба Божия иеросхимонаха Амвросия, да вселит его дух в лики праведных в Своих блаженных обителях". Будем просить и молитв старца, да ходатайствует и он своими молитвами пред Престолом Божиим о нашем спасении. Душе старца приятна будет наша молитва, если мы, подобно ему, будем утверждать свою жизнь на началах любви Христовой. Да престанут среди нас всякого рода пререкания и разделения и да царствует между нами единение во имя Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь".

В 1890 году старец Амвросий прибыл в Шамордино. Здесь он разболелся и, несмотря на распоряжение правящего Калужского архиерея, уже не мог вернуться в родную обитель. 10/23 октября 1891 года преподобный Амвросий скончался в основанной им Шамординской обители. Тело преподобного при огромном стечении народа крестным ходом было перенесено в Оптину пустынь для погребения.

Святые мощи старца были обретены 27 июня /10 июля 1998 года и в настоящее время почивают в Введенском соборе монастыря, в левом приделе, освященном в его память.

Преподобне отче наш Амвросие, моли Бога о нас!

Преподобный иеросхимонах Анатолий старший (Зерцалов)

День рождения — 24 марта /6 апреля 1824
Мирские именины — 17/30 марта
Постриг в мантию — 17/30 ноября 1862

День тезоименитства — 3/16 июля
Иерейская хиротония — 7/20 сентября 1870
Постриг в схиму — 15/28 декабря 1893
Кончина (день памяти) — 25 января /7 февраля 1894
Обретение мощей — 27 июня /10 июля 1998

Преподобный Анатолий (Алексей Моисеевич Копьев-Зерцалов) родился 24 марта 1824 года в селе Бобыли Калужской губернии Боровского уезда в семье диакона и в Святом Крещении был назван Алексеем, в честь святого Алексия человека Божия. Родители воспитывали сына в строгости и благочестии, надеясь, что со временем он выберет путь служения Богу.

Мальчик рос тихим и кротким, горячо любил своих родителей, особенно мать, а родители с ранних лет учили его преданности воле Божией. С 5 лет Алексея стали обучать грамоте. Под руководством отца он освоил азбуку, Часослов и Псалтирь. Отец-диакон хотел, чтобы его сын пел и читал на клиросе, но слишком слабый голос мальчика препятствовал этому. В 8 лет он был определен в Боровское Духовное училище, а через 4 года — в Калужскую Духовную Семинарию. Учился он хорошо, старательно и закончил учебу третьим учеником; в Семинарии ему дали новую фамилию — Зерцалов. Желание его родителей, чтобы их сын стал монахом, стало теперь и его личным желанием. Тяга к монашеству была так сильна у юноши, что он не раз собирался тайно уйти к пустынножителям в брянские леса.

Алексей поступил на службу в Казенную палату, начав жить на собственное жалованье, и здесь за свое благонравие и аккуратность по службе был также любим начальством. Неожиданно он вместе с двумя товарищами заболел чахоткой. Поскольку в те времена она считалась болезнью неизлечимой, то врачи не видели никакой надежды на выздоровление. Тогда Алексей дал обет Богу: в случае своего выздоровления, не откладывая, идти в монастырь. Товарищи его скоро умерли, а Алексей стал поправляться.

В 1853 году Алексей был принят в число братии Оптиной пустыни, будучи 23 лет от роду, а старец Макарий сказал матери будущего инока: "Благословенна ты, добрая женщина, на такой хороший путь отпустила сына!".

Алексей всей душой отдался под духовное руководительство преподобного Макария, который воспитывал его с особенной любовью. Старец вел Алексея суровой тропой иноческого подвига, не отнимая от него множество скорбей и искушений, выпавших на долю юного подвижника. Эти скорби создавали в усердном ученике старца доброе иноческое устроение и закаляли его дух в терпении.

С первых лет пребывания в обители его жизнь была посвящена служению ближним. Когда он работал на кухне, у него не оставалось времени даже на сон, да и спал-то он здесь же, на дровах; а для уединенной молитвы он уходил далеко в лес. Внизу башни, где он жил в первое время, кололи дрова, и постоянные головные боли от стука топоров и недосыпания мучили юного послушника. Часто переводили Алексея из келлии в келлию, тем самым также испытывая его терпение. В тиши монашеской обители среди трудов, чтения святоотеческих творений и откровения помыслов перед старцем зачиналась и развивалась та духовная опытность, которая впоследствии поставила его рядом с великими Оптинскими старцами. Преподобный Макарий, видя в нем особенное расположение к молитвенному подвигу, сам стал обучать молодого инока молитве Иисусовой, однако за своей занятостью благословил Алексея кроме него обращаться за духовным наставлением и к преподобному Амвросию.

Когда скончался старец Макарий (1860), Алексей горько оплакивал своего авву, но большим утешением в этой утрате было то, что у него остался другой наставник, отец Амвросий, с которым его еще более сблизило общее горе. Впоследствии отец Анатолий сам рассказывал о своих чувствах, которые он испытал при кончине старца Макария: "Как я чувствовал эту потерю, я не могу даже выразить, но вместе с тем, у меня на душе была

Пасха — я боялся на минуту отойти от гроба и потерять свое радостное настроение, я ощущал сильное благоухание, и это очень утешало меня, грешного".

В 1862 году послушник Алексей Зерцалов был пострижен в мантию с именем Анатолий. В 1866 году он был посвящен в сан иеродиакона. В 1870 году рукоположен в сан иеромонаха, а уже в следующем году был назначен настоятелем Спасо-Орловского монастыря с возведением в сан архимандрита. Но любовь к родной Оптиной и старцу Амвросию заставила его отказаться от почетного назначения.

Со временем преподобный Амвросий стал посылать отца Анатолия в гостиницу для паломников утешать скорбящих, а когда счел его вполне созревшим для наставления других, то стал постепенно вводить его в старческий труд, готовя себе ближайшего сотрудника и помощника.

Преподобные старцы, оказывая особенную любовь и заботу об отце Анатолии, вели его суровой тропой иноческого подвига, и много пришлось ему перенести скорбей и тягостей пустынного жития. Старцы же не отнимали от него этих скорбей, а напротив, обогащали ими с благой целью создать в нем доброе иноческое устроение и закалить его дух в терпении.

Так, однажды в Оптину пустынь приехал Преосвященный Игнатий (Брянчанинов) и пожелал видеть и беседовать с тем из иноков, который опытно проходит святоотеческое учение об умной молитве. Ему указали на отца Анатолия, бывшего в то время иеродиаконом. Епископ дважды посылал за ним, но смиренный инок не спешил на зов. Наконец Преосвященный, встретившись с отцом Анатолием, заметил ему, что он удивлен тем, что в Оптиной есть такие гордые монахи. Тогда отец Анатолий спросил у старца, который сейчас же велел ему идти.

Преосвященный принял его очень ласково, и они долго беседовали о разных духовных предметах. Прощаясь, Преосвященный сказал ему, что очень рад встретить такого образованного инока: и знакомого со светскими науками, и опытного в предметах духовных.

Возвращаясь от Преосвященного, отец Анатолий встретил своего старца, шедшего из скита и окруженного толпой инокинь и других лиц. Старец спросил отца Анатолия: "Ну, что же тебе сказал владыка?". Отец Анатолий в простоте души все передал старцу. Тогда он начал при всех бить его палкой, говоря: "Ах ты, негодяй, что вообразил о себе, что он такой умный! Ведь Преосвященный из любезности сказал тебе так, а ты и уши развесил, думая, что это правда!". Со стыдом отошел от старца молодой иеродиакон, а старец сказал бывшим с ним лицам: "Ведь вот как не пробрать, он монах внимательный, умный, образованный и уважаемый людьми,— долго ли загордиться? Вот и надо было смирить его". Так мудрые наставники оберегали своих питомцев от пагубного самомнения.

В 1874 году отец Анатолий был назначен братским духовником, благочинным скита, а затем и скитоначальником. Он принял свое назначение со смирением единственно из послушания своему старцу, к которому по-прежнему продолжал относиться с верой и покорностью; сделавшись начальником, он до конца жизни отца Амвросия не изменял своего обычая становиться перед ним на колени во время беседы. Одна особа приехала в Оптину; ее позвали к старцу. Когда она вошла в его келлию, то увидела стоявшего на коленях перед ним весьма представительного монаха, которого она не знала. Благословив приезжую и указав на монаха, старец сказал: "Рекомендую тебе, это — мой начальник". Особа эта была поражена смирением того и другого.

С должностью начальника скита отец Анатолий принял на себя и должность духовника, и все касавшееся внешней и внутренней жизни скитского братства он предлагал на рассмотрение старца; когда требовалось сделать какому-нибудь брату выговор или наложить наказание, он прежде спрашивал, что и как сказать. Таким образом, монастырь и скит с их начальниками и старцами составляли единое стадо с единым пастырем.

В своих новых должностях преподобный Анатолий был великим и самоотверженным тружеником. Ничто не ускользало от его взора, и он ревностно заботился о внешнем успокоении братии, стараясь получше устроить их жизнь с ее несложными, но строгими порядками. Для этого он внушал братии нести свое послушание с усердием и добросовестно. Так, однажды постом он сделал строгое внушение скитскому пекарю за то, что хлеб был испечен плохо; начальник пояснил ему при этом, как много огорчения доставила его небрежность истомленной постом и службами братии.

Теперь, когда отец Анатолий был обременен различными делами, заботами и неизбежной суетой, душа его еще более искала отдыха и, испытывая голод духовный, стремилась подкрепить себя молитвой и чтением. Поэтому, когда выдавалась свободная минута, отец Анатолий спешил уйти в лес и там, где-нибудь в глуши, зримый одним Богом, питал свою душу богомыслием и молитвой.

После открытия в 1884 году Шамординской Казанской Горской женской общины преподобный Амвросий, тяжелобольной, назначил туда духовником иеромонаха Анатолия. Преподобный Амвросий говорил шамординским сестрам: "Я редко беру вас к себе на беседу, потому что я за вас спокоен: вы с отцом Анатолием". Преподобный Анатолий имел необыкновенно милостивый, сострадательный характер. Если он узнавал о чьем-нибудь горе, то так волновался, что у него возникала сильная головная боль, а потом начинало болеть и сердце. 21 год отечески окормляя шамординских сестер, старец входил во все их нужды, как духовные, так и житейские; первым его вопросом всегда были слова: "У тебя все есть?".

Смотря на иноческую жизнь как наиболее приспособленную для всецелого служения Господу, старец Анатолий при каждом случае пояснял сестрам высокое значение этой жизни и ее частностей. На общежитие он смотрел как на прекрасную школу для выработки смирения и терпения: "Общежитие умерщвляет страсти, а то в норе и змея тихо сидит. Если разных камней положить в мешок и трясти, то камни сделаются гладкими и круглыми, так и в общине монах сглаживается скорбями". Он говорил: "Дева, посвятившая себя Богу, должна всячески удаляться не только худых дел, но и мыслей; ее душа должна блестеть чистотою и предстать непорочною Жениху-Христу. Идя по монастырю, не размахивай руками, не гляди в окна, всем, кого встретишь, кланяйся, не ходи без дела по келлиям, сиди дома и будешь покойна. Если монах будет держаться келлии, то будет преуспевать в духовной жизни и молитве, а если он ходит по келлиям, то потеряет мир душевный и будет никуда не годным".

Высоко славя иночество, он еще выше ценил старческое окормление (воспитание или руководство). Про себя он говорил, что дня не мог пробыть, чтобы не быть у старца и не открыть своих помыслов. "Откровение положено святыми отцами, чтоб легче спастись, так как откровение облегчает тяготу душевную, это я на себе испытал,— писал он одной своей ученице,— а страсти искоренять начинай с самоукорения, познания своих (а не сестринских) немощей, и считай себя достойною скорбей. Такая жизнь успокоит тебя". Пользу откровения, в частности, он определял в том, что оно развивает сознание и болезнование о своей греховности, от чего рождается столь необходимое для дела спасения смирение. "Люблю,— говорил старец,— тех, кто все откровенно говорит о себе. Враг не может ничего посеять там, где все открывается духовному отцу". Вообще о покаянии он говорил так: "Для покаяния не разбирай ни лица, которому приносишь покаяние, ни места, но во всем чистосердечно кайся и каждую минуту устремляй мысль на то, чтобы искренно покаяться. Если бы вы знали, что значит покаяние,— через него мы можем получить прощение грехов и сподобиться принять в себя Самого Господа! Если бы вы это понимали, то о том только бы и думали, как очистить свою душу".

Увещевая нести все неприятное без ропота, он в назидание передавал рассказ об одной белёвской монахине. Жила там хорошей жизни схимонахиня, имевшая много скорбей. Когда она скончалась, то одна близкая ей монахиня пожелала знать ее загробную участь. После усиленной молитвы она увидела во сне умершую. Сидела она в

великолепной комнате и необыкновенном свете, но сама была невесела. На вопрос, почему она, находясь в хорошем месте, невесела, та ответила: "Мне хорошо, но несравненно было бы лучше, если бы я видела Лице Божие, а этого мне нельзя. Я не несла скорбей без ропота, а чтобы видеть Лице Божие, нужно пронести крест скорбей без ропота".

Поучая и наставляя свое стадо всем христианским и иноческим добродетелям, старец в то же время стремился более всего поддержать бодрость духа, чтобы в неудачах и поползновениях не впадали в уныние и отчаяние. Так, одна сестра, живя в монастыре и не видя в себе монашеского делания, пришла в уныние, думая, что все совершено ею напрасно. Старец писал ей: "Обратись к Матери Божией и говори Ей: "Ты, Владычице, привела меня в избранное Твое стадо, Ты и упаси меня. Ты могла Марию Египетскую спасти, ужели меня не сможешь?". Диаволу очень злобно, что он упустил тебя, свою жертву, и ты помни, что *надеющийся на Господа, яко гора Сион, не подвижится вовек*. Итак, оставь детское малодушие, дело идет серьезное — о душе твоей, о бесконечном Царстве… Все Небесные Силы смотрят, как ты борешься с князем мира сего, и умоляют Вседержителя помочь тебе. Ей, поможет, только не унывай,— близ Господь!". В другой раз писал он: "Воюй, воюй со своими страстишками,— будешь добр воин Христов. Не поддавайся злобе. Батюшка [Амвросий] заповедал всем обуреваемым ненавистью молиться за них (то есть за тех, кого ненавидишь), хотя бы для этого пришлось надломить надменное сердце. Помыслы борют очень многих, только смиренных не смеют тронуть. А мы смирения не имеем, вот и терпим бесчестие. В случае поползновения не смущайся, а спеши к Врачу, вопия: "Боже, сопричти мя разбойнику, блуднице и мытарю и спаси мя!". И ведай: пред Богом кающийся грешник любезнее, чем самомнящийся праведник,— и потому берегись осуждать! Отчаяние есть порождение гордости. Если ожидаешь от себя всего плохого, то никогда не отчаешься, а только смиришься и будешь мирно каяться".

В обращении отец Анатолий был очень прост; весело, шутливо что-нибудь рассказывал, но в этих рассказах иногда очень метко обличал чьи-нибудь мысли или недостатки. Иногда любившим его сестрам было неприятно, что некоторые, не понимая старца, составляли себе о нем превратное понятие, но он отвечал на это: "Мне все равно, что обо мне подумают; правда превыше всего". Он был очень доверчив и, относясь сам ко всем просто, не подозревал ни в ком обмана. Старец Амвросий говорил про него: "Это *израильтянин, в немже льсти несть*" (Ин. 1, 47). Ко всем он имел самую искреннюю любовь, но особенно, конечно, он любил своих духовных детей, в которых он видел привязанность и преданность. Иногда ему говорили: "Батюшка, что вы ее покрываете, про нее говорят то и то, и это правда". Он отвечал: "Пусть говорят, что хотят, а я знаю ее душу". Когда он узнавал что-нибудь дурное о ком-либо из своих духовных детей, то он никогда не делал выговора, но ждал, когда сам человек сознается и раскается, и тут только делал строгие наставления. Он очень дорожил вниманием и усердием, оказываемыми ему, ценил услуги и людей, полезных делу. Очень внимательно относился к работам, которые ему дарили, и иногда говорил: "А вот я, хоть убей, так не сделаю!".

О великой силе молитвы старца Анатолия свидетельствовал сам преподобный Амвросий: "Ему такая дана молитва и благодать, какая единому из тысячи дается". Сам пламенный делатель молитвы Иисусовой, отец Анатолий часто внушал приходящим к нему о необходимости постоянно творить ее и соблюдать при этом чистоту сердца; говорил о том, что истинная молитва должна рождаться не под впечатлением хорошего чтения и пения, а быть плодом великого труда, дерзновения и любви к Богу.

О молитве он говорил: "Надо так молиться, чтобы между душой молящегося и Богом ничего не было и никого, а только Бог и душа. Когда молишься под впечатлением хорошего пения, это не есть еще истинная молитва".

Преподобный Анатолий обладал всей полнотой даров Святого Духа: даром прозорливости и духовного рассуждения, исцеления душевных и телесных недугов. Несколькими словами, исполненными любви и духовного опыта, он умел утешить

скорбящую душу, осторожно предупредить о грядущих испытаниях, подготовить к близкой смерти.

Кончина преподобного Амвросия, последовавшая 10 октября 1891 года, так сильно переживалась преподобным Анатолием, что вскоре им овладел смертельный недуг, старец начал угасать. Потеря старца, с которым он в течение всей своей иноческой жизни был так тесно связан узами любви и преданности, лишение возможности в самые трудные и скорбные минуты утешить и поддержать унылых сестер шамординских причиняли самую жгучую скорбь его любящему сердцу. Некрепкий здоровьем, надорванным и без того суровой монашеской жизнью, 30 лет страдавший головными болями, отец Анатолий стал быстро слабеть. Задумчивый и грустный, он глубоко ощущал свое духовное сиротство и сам приближался к закату своей жизни.

В конце 1892 года преподобный Анатолий ездил в Петербург и Кронштадт, где виделся с великим молитвенником земли Русской святым праведным Иоанном Кронштадтским и удостоился совместного с ним сослужения Божественной литургии. "Когда началась литургия,— рассказывал потом преподобный Варсонофий Оптинский,— отец Иоанн увидел, что с батюшкой отцом Анатолием служат два Ангела. Неизвестно, видел ли их сам батюшка отец Анатолий или нет, но отец Иоанн ясно видел". Сохранилось письмо святого праведного Иоанна Кронштадтского к преподобному Анатолию, в котором он молитвенно желает его выздоровления.

Чувствуя большое недомогание, старец посоветовался с тамошними врачами, которые нашли у него слабость деятельности сердца и отек легких, предписав ему лечение Эмскими водами в Германии, но вскоре он должен был прекратить это лечение, так как у него стали опухать ноги и он не мог делать необходимых прогулок.

В 1893 году преподобный Анатолий был тайно пострижен в схиму. С большим трудом он один раз вышел пройтись по лесу и, увидя издали монастырь, грустно произнес: "Прощай, Оптина!". Затем, посмотрев на вековые сосны, проговорил: "Сколько эти сосны переслушали звону, сколько они видели великих старцев, проходивших здесь!"...

В последние три месяца он уже не вставал с кресла, страдания его были велики, иногда с ним делалась сильная икота, продолжавшаяся дня по три. В течение болезни старец часто приобщался Святых Таин у себя в келлии.

До самых последних дней, пока только мог, он не переставал утешать своих духовных чад, как мирских, так и монашествующих разных обителей.

25 января /7 февраля 1894 года после принятия Святых Таин он тихо отошел ко Господу и был погребен у стен Введенского собора рядом со своим любимым учителем и наставником.

Его жизнь была всегда озарена светом веры, истинного послушания, смирения и молитвы — при помощи этих кормил он благополучно преплывал волны житейского моря и, сделавшись сам опытным кормчим, руководил и других к небесному пристанищу. И ныне, водворясь на небесах в сонме оптинских светил, продолжает служить яркой путеводной звездой к горнему миру, куда с ранней молодости стремилась чистая душа его и куда он всеми мерами старался привлекать своих духовных чад.

Святые мощи преподобного Анатолия старшего были обретены 27 июня /10 июля 1998 года и в настоящее время находятся в храме-усыпальнице Владимирской иконы Божией Матери.

Преподобне отче наш Анатолие, моли Бога о нас!

Преподобный схиархимандрит Исаакий I (Антимонов)

День рождения — 31 мая /13 июня 1810
Постриг в мантию — 5/18 октября 1854
Иерейская хиротония — 8/21 июля 1858
Постриг в схиму — 1891–1893

Кончина (день памяти) — 22 августа /4 сентября 1894
Обретение мощей — 31 января /13 февраля 1995

Преподобный Исаакий I Оптинский (Иван Иванович Антимонов) родился 31 мая 1810 года в городе Курске в купеческой семье. Семейство Антимоновых пользовалось в городе большим уважением за свою честность, благочестие и любовь к храму Божию. Проведя детство в семье благочестивых христиан, Иван получил очень строгое воспитание, согласное с духом того времени. Несмотря на достаточность средств в зажиточной семье, он с детства привык ко всяким лишениям, довольствуясь самой грубой пищей и стесняя себя во всех отношениях. Мальчик отличался скромностью, любил уединение и старался уклоняться от товарищеских игр и увеселений. Молчаливость, не позволявшая ему сказать пустого слова, не мешала, однако, подчас проявляться его природной веселости в шутках, всегда, впрочем, остроумных и безобидных. И когда он подрос и стал помогать отцу в торговых делах, это способствовало налаживанию доверительных отношений с простым народом, оказывая на него положительное влияние своими нравственными качествами. Твердость его характера выразилась особенно в мужественном перенесении всяких лишений и подвигов ради Христа в продолжение 19 лет до поступления в монастырь.

Подвиги свои он умело скрывал, а сам ежедневно клал до 1000 поклонов, незаметно уклонялся от мясной пищи даже в скоромные дни. В церкви он очень любил петь на клиросе.

Будущий великий Оптинский старец рос в обстановке любви, послушания родителям, в твердом соблюдении церковного устава и нравственной строгости. Мысль об уходе в монастырь долгие годы вызревала в душе благочестивого юноши, вынужденного помогать отцу в торговых делах. Когда Ивану исполнилось 36 лет, она окончательно окрепла. Этому способствовало также поступление в монашество его старшего брата Михаила[25].

Посещая своего родного брата, подвизавшегося в Оптиной пустыни, Иван имел возможность близко познакомиться со старцем Львом, который предсказал ему, что со временем он станет монахом. Иван Антимонов состоял в переписке со старцем Макарием. Этим старцам он и отдался в послушание, порвав все связи с миром и поступив в святую обитель в 1847 году.

Долго не мог прийти в себя его отец, лишившийся своей главной опоры в жизни, проливая слезы о любимом сыне, и наконец он воскликнул: "Он, варвар, убил меня!". Впрочем, через некоторое время, по благословению старца, Иван ездил в Курск и вполне примирился со своим отцом, а позже, будучи уже иеромонахом Исаакием, келейно постриг его в мантию незадолго до его кончины. Старший брат Ивана, Михаил, в это время уже иеромонах Мелетий, был переведен в Тихонову пустынь. Скончался и преподобный Лев, так полюбившийся Ивану во время его первых посещений Оптиной. Иван поселился в скит и предал свою волю в послушание преподобному старцу Макарию. Уже тогда простота характера Ивана Ивановича обратила особенное на него внимание старца, который, по благодатной прозорливости провидя в нем будущего настоятеля, неоднократно высказывал об этом близким к себе лицам, стараясь в то же время обучать его смирению и терпению, дабы таким образом подготовить в нем для обители истинного пастыря. Так, однажды, когда Иван неосторожно отозвался о порядках скита, старец велел своему келейнику вывести его и потом несколько дней его не принимал. Впрочем, Иван всегда достойно переносил подобные испытания и радовал своего мудрого руководителя беспрекословным послушанием и смирением.

Непрестанное откровение помыслов старцу помогало молодому послушнику низлагать хитрости врага. Однажды, проходя клиросное послушание и боримый помыслом тщеславия о своем приятном голосе, он поспешил исповедать его старцу, но

[25] О нем см. ниже, на с. 436 настоящего издания.— *Ред.*

последний смирил его указанием на пример быка, который, обладая гораздо более громким басом, не гордится им.

Сначала Иван проходил послушание на пасеке, затем в хлебопекарне и поваром в монастырской трапезной, пел на клиросе. По благословению старца Макария брат Иоанн был еще и переплетчиком книг. Обладая хорошим здоровьем, он никогда не отказывался и от общих братских послушаний. Сыновнее расположение Иван питал также к скитскому игумену Варлааму, отличавшемуся высокоподвижнической жизнью, делателю умной молитвы Иисусовой.

Неукоснительно выполнял Иван положенное всякому послушнику келейное правило, причем впоследствии, по принятии рясофора в 1851 году и пострижении в мантию в 1854 году с именем Исаакий, все более и более ревностно относился к совершенствованию своего внутреннего духовного мира, не давая себе поблажек ни в чем: был строг в понуждении себя к умному деланию, посещению монастырских богослужений и ограничивал себя в еде и отдыхе.

Не без искушений, конечно, жил молодой подвижник в скитском безмолвии. Сам он рассказывал, что исконный враг рода человеческого сильно возмущал его душу помыслами оставить святую обитель, куда Сам Господь по молитвам старцев привел его для пользы душевной. "Волнуемый такими мыслями,— говорил он,— шел я однажды по дорожке вдоль скитской ограды. "Ай махнуть через ограду",— мелькнул помысл. Но, образумившись, подумал: "Да уж если уходить, так ведь и вороты не затворены". Такое, хотя нечаянное, противоречие помыслу, с призыванием помощи Божией ослабило брань".

19 июня 1855 года отец Исаакий был рукоположен в иеродиакона, а 8 июля 1858 года — в иеромонаха. И по принятии сана преподобный Исаакий остался таким же скромным, искренним и открытым в отношении с братиями, каким был прежде, но еще строже и требовательнее к себе, во всем полагаясь на духовные наставления старца.

Возможно, так, в исполнении послушаний, монашеских правил, соблюдении церковного устава, в духовном совершенствовании и постепенном восхождении *от силы в силу* (Пс. 83, 8), и прошла бы вся его жизнь в монастыре. Но Богу было угодно другое.

Предвидя скорую свою кончину, преподобный Моисей, посетив святителя Филарета Московского, заранее испросил его благословения на избрание иеромонаха Исаакия настоятелем монастыря после своей кончины. А в 1860 году преставился ко Господу и преподобный Макарий, передав своего ученика, отца Исаакия, преподобному Амвросию. В 1862 году скончался преподобный Моисей, и иеромонах Исаакий был избран настоятелем монастыря, а в 1864 году возведен в сан игумена.

Преподобный Исаакий I начал исполнять должность настоятеля обители, которую принял с огромным долгом в 12 000 рублей. В течение тридцати двух лет управлял он монастырем, продолжая начатое еще преподобным Моисеем строительство, по тем временам немалое. Его же стараниями был достроен храм Всех святых на новом кладбище, сооружен новый иконостас в Казанском соборе и перестроен старый во Введенском, произведена новая роспись стен, построена монастырская больница с аптекой для бесплатного пользования, с церковью при ней во имя святого Илариона Великого, книжная лавка, двухэтажное здание рухлядной[26], достроен водопровод, воздвигнуто здание новой гостиницы и множество помещений отреставрировано, переделано и построено вновь.

Под мудрым управлением преподобного Исаакия Оптина приобрела лесные участки — так решилась проблема с топливом. Им же осуществлялась покупка луговых земель на болховской мельнице, он открыл свечной завод, поощрял разведение монастырских садов и огородов. Таким образом, Оптина пустынь во второй половине XIX века стала одним из процветающих монастырей России.

[26] Рухлядная, или рухольная (от устар. рухло, рухрядь – добро, пожитки, скарб) — помещение, где шьют, ремонтируют и хранят (на складе) монашескую одежду и обувь.— *Ред.*

В исполнении своих обязанностей отец Исаакий во многом следовал советам своего духовного отца преподобного Амвросия, а также своего старшего брата архимандрита Мелетия (Антимонова), бывшего в это время уже в Киево-Печерской Лавре экклесиархом[27] Великой церкви. С ним он вел очень интенсивную и обширную переписку, постоянно получая подробные советы, вразумления и даже выговоры за свои ошибки. Архимандрит Мелетий призывал брата-настоятеля во всех своих делах советоваться с преподобным Амвросием и старшей братией монастыря, ни одного шага не предпринимая по собственной воле и соображениям.

Однажды, находясь наедине с Калужским архиереем, отец Исаакий начал высказывать ему свою скорбь относительно возложенного на него против его воли настоятельства. "Я лучше бы, Ваше Преосвященство, согласился пойти в хлебню, чем быть настоятелем".— "Ну, что ж,— ответил владыка,— пожалуй, пеки хлебы".— "А кто же настоятелем-то будет?" — "Да ты же и настоятелем будешь". На эти слова Преосвященного отец Исаакий уже не нашелся, что ответить. А преподобный Амвросий, как старец и духовный отец настоятеля отца Исаакия, давал ему направление всей его последующей жизни. Он старался умерять ревность начальника-подвижника, когда тот в начале управления обителью считал всех способными к перенесению таких же лишений, которым подвергал он себя сам, и хотел еще более усилить строгость иноческой жизни.

При открытии в 1884 году Шамординской обители отец Исаакий был назначен ее благочинным. В 1885 году он был возведен в сан архимандрита.

Преподобный Исаакий был истинным последователем той традиции старчества, которая отличала уклад Оптиной пустыни от других монастырей России,— строгого послушания всей братии своим старцам-духовникам, независимо от сана и иерархического звания. Вся его жизнь стала достойным продолжением духовного подвига, начатого еще его предшественником, преподобным отцом Моисеем, и другими великими Оптинскими старцами. Узнав собственным опытом пользу старчества, отец Исаакий, как личным примером, так и словом и понуждением старался поддерживать благое насаждение своего предшественника, и труды его в этом отношении не были бесплодны. Мир и согласие, царствовавшие в обители, свидетельствовали о благотворном влиянии, которое имело старчество среди ее сынов, насаждая в них добродетели любви и послушания. Уже будучи игуменом и даже архимандритом, преподобный не совершал без благословения своего старца никаких монастырских дел и учил этому братию. "Отцы и братия! Нужно ходить к старцу для очищения совести",— часто повторял он. Так, благоговейно, почти до умаления себя, стоял он со всеми в очереди к своему духовнику преподобному Амвросию и беседовал с ним, стоя на коленях, как простой послушник.

Преподобный Исаакий внимательно следил за тем, как братия ходит к старцу на откровение помыслов. Если кто-то редко посещал старца или совсем не ходил к нему, то отец настоятель уже не ценил и природной способности монаха к возложенному на него послушанию, но относился к нему холодно, считая нравственное преуспеяние инока невозможным без откровения помыслов старцу и беспрекословного повиновения его советам, а потому и цель отречения от мира в этом случае невыполнимой. Всячески заботился отец Исаакий о сохранении мира между братией, враждующим сам делал вразумления, склоняя их к примирению; иногда же с некоторым огорчением говаривал: "Ах, братцы! Пожалуйста, кончите миром". Но в случае упорства со стороны спорящих посылал их к старцу Амвросию. Благодаря такому воззрению настоятеля на старчество преподобный Амвросий имел полную возможность влиять на духовное устроение братии и поддерживать его на той же высоте, на которой оно стояло при его предшественниках.

Впрочем, возлагая на старца Амвросия духовное окормление братии, преподобный Исаакий и сам не оставлял возможности руководствовать их к добродетельной жизни и с

---

[27] Экклесиарх — церковноначальник, ключарь церковный. Здесь: благочинный Успенского собора Киево-Печерской Лавры.— *Ред.*

этой целью при каждом удобном случае обращался к ним с приличными наставлениями. Наставления эти были просты, тем не менее назидательны и действенны, потому что были плодом его жизненного опыта и происходили от любящего сердца и искреннего желания добра духовным своим чадам. "Ну вот, брат, я тебя предупреждаю, а там сам смотри, чтобы мне за тебя не отвечать перед Богом",— нередко говаривал он, глубоко сознавая тяжкую ответственность настоятеля перед судом Божиим за каждого брата, оставленного им без вразумления. Поэтому, если в ком-либо замечалось ослабление усердия к иноческим подвигам, отец Исаакий призывал его к себе, напоминал ему об иноческих обязанностях и той цели, ради которой каждый из них оставил мирскую жизнь, а равно обеты, данные им при пострижении, и возбуждал в нем усердие к дальнейшему прохождению принятого на себя подвига.

Особенное внимание обращал преподобный Исаакий на неопустительное посещение братией храма Божия. Если замечал, что некоторые из них начинают редко ходить к службам Божиим, то на трапезе обращался с увещанием ко всей братии: "Отцы святые! Забываете церковь. Надо знать, для чего мы пришли в обитель. Ведь мы должны за это пред Богом отвечать. Прошу всех вас не забывать храма Божия". Наблюдение за тщательным хождением братии к службам церковным отец Исаакий вменял себе в особенную обязанность и с этой целью никогда почти не занимал настоятельского места, а становился у дверей для надзора за входящими и выходящими иноками, делая в свое время приличное внушение тем, в ком замечал леность к слушанию Божественных служб до конца. Если брат не вразумлялся словесным внушением настоятеля, последний прибегал уже к какому-либо наказанию, обычно лишая его месячной порции чая и сахара. Возгревая же ревность братии к общественной молитве, отец Исаакий говорил: "За это вас Царица Небесная не оставит и пошлет Свою милость", причем собственным исправным посещением церковных служб сам первый подавал всем добрый пример.

Заботясь о нравственном преуспеянии братии, преподобный настоятель не любил отпускать кого-либо из стен обители даже на богомолье, особенно на долгий срок, считая для монаха пребывание в миру столь вредным, что он не может уже вернуться в обитель с прежним духовным устроением.

В трудные минуты отец Исаакий умел и утешить скорбящую душу: "Какие у нас скорби? — говорил он.— У нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру так скорби: жена, дети, обо всем забота; а у нас что? Полно Бога гневить, надо только благодарить Его; живем на всем готовом".

Став настоятелем, отец Исаакий не давал и себе ни в чем послабления, так же усердно нес свои монашеские подвиги. Не отразилось его настоятельство и на простоте его характера. Так, однажды совершалось в обители погребение. Братия собрались вокруг могилы, дабы отдать последний долг усопшему — с молитвой об упокоении души его посыпать земли на гроб почившего. Отец Исаакий не поспел вовремя прийти к могиле брата и потому тщетно старался проникнуть туда сквозь густую толпу братии. Когда же он, взяв одного из них за рукав, хотел с его помощью подняться на насыпанную при могиле землю, последний, не заметив настоятеля, сильно оттолкнул его руку, так что тот чуть было не упал. Отец Исаакий, нисколько не смутившись, отошел в сторону и стал смиренно ждать своей очереди. Когда стоявшие вблизи лица удивились его смиренному поступку, некоторые из братии заметили: "Да мы никогда не видали, чтобы он за подобные поступки когда-либо с кого взыскивал; по делам он наш начальник, а так держит себя, как брат".

В последние годы жизни преподобного настоятеля многие скорби выпали на его долю. Особенно тяжело пережил он отъезд старца Амвросия в Шамординскую общину. После его отбытия доходы монастыря стали резко сокращаться, так что отец настоятель по необходимости стал входить в долги, которых к концу его жизни накопилось тысяч до десяти. В разговорах с некоторыми отец Исаакий высказывался так: "Двадцать девять лет

провел я настоятелем при старце и скорбей не видел, теперь же, должно быть, угодно Господу посетить меня, грешного, скорбями".

К тому же и здоровье его начало заметно слабеть, и он келейно принял пострижение в схиму. Вскоре скончался преподобный Амвросий, и на отца Исаакия последовали тайные доносы о его неспособности управлять обителью. И хотя братия единодушно встала на защиту своего настоятеля, силы его уже угасали. Умирал он тихо, окруженный плачущими своими чадами, которым преподал последнее наставление: "Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию, в службе церковной, в молитве ищите благ не земных, а небесных; здесь, в этой святой обители, где вы положили начало иноческой жизни, и оканчивайте дни свои".

В июне 1894 года началась у него предсмертная болезнь дизентерия, не раз посещавшая его и прежде, которая истощила все его старческие силы. 20 августа последовал удар, после которого старец уже не мог говорить, но пребывал в сознании и причастился Святых Таин.

Преподобный Исаакий I почил о Господе 22 августа /4 сентября 1894 года.

Всечестные мощи преподобного старца Исаакия I были обретены 31 января /13 февраля 1995 года при восстановительных работах в храме Казанской иконы Божией Матери. По благословению священноархимандрита Оптиной пустыни, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, в половине третьего того же дня сии святые мощи были благоговейно подняты и, по совершении литии наместником обители священноархимандритом Венедиктом (Пеньковым) с сослужащими, были перенесены в Введенский собор, где с того времени не прекращалось чтение Псалтири и совершались литии. На 3-й день после праздника Сретения Господня началось приуготовление всечестных мощей старца к их переоблачению.

Дивным смотрением Божиим накануне дня памяти святого великомученика Феодора Стратилата, которому вместе с великомучеником Георгием посвящен тот придел Казанского храма, где покоились мощи старца, перед полиелейной службой великомученику, вечером 7/20 февраля, приехал Преосвященный Стефан, епископ Пинский и Лунинецкий (впоследствии — архиепископ). Незадолго до этого владыка Стефан (Корзун) так же неожиданно был в Оптиной у всечестных мощей старцев Моисея и Антония после их обретения. После полиелея святому Феодору Стратилату владыка Стефан отслужил заупокойную литию. Невольно вспомнились слова епископа Калужского Виталия при отпевании преподобного старца Амвросия в 1891 году: "Теперь я вижу, что это старец пригласил меня на отпевание… Этот старец так велик, что его непременно должен был отпеть епископ".

Явное и преславное чудо милости Божией совершилось 6/19 февраля, вскоре по перенесении честных мощей старца Исаакия I. Очевидцами было засвидетельствовано чудо истечения святого мира от иконы Живоначальной Троицы во Введенском соборе. *Дивный во святых Своих Бог,* в Троице славимый, прославил и паки прославит угодника Своего преподобного старца Исаакия, молитвами которого да обрящем и мы светлость святых.

Ныне святые мощи преподобного Исаакия I покоятся в левом приделе Казанского собора монастыря.

Преподобне отче наш Исаакие, моли Бога о нас!

Преподобный иеросхимонах Иосиф (Литовкин)

День рождения — 2/15 ноября 1837
Мирские именины — 12/25 ноября
Постриг в мантию — 16/29 июня 1872
День тезоименитства — 4/17 апреля
Иерейская хиротония — 1/14 октября 1884
Постриг в схиму — 14/27 февраля 1888

Кончина (день памяти) — 9/22 мая 1911
Обретение мощей — 3/16 октября 1988

Преподобный Иосиф Оптинский (Иван Ефимович Литовкин) родился 2 ноября 1837 года в селе Городище Старобельского уезда Харьковской губернии и был назван в честь святого Иоанна Милостивого. Родители его были людьми простыми, благочестивыми, добрыми и умными. С малых лет Ивана водили в церковь, где он позже пел на клиросе. Преподобный Иосиф вспоминал, как тяжело было вставать ему, ребенку, рано утром, но зато как хорошо потом было молиться в храме Божием! Дома родители также приучали Ивана молиться. Он рос ребенком болезненным, был близорук и плохо слышал на одно ухо. Ваня рос очень ласковым мальчиком, всегда очень остро чувствовал чужое горе, однако природная застенчивость и скромность не позволяли ему обнаруживать свои чувства, которые он держал при себе. Отец говорил про него: "Из этого мальчика выйдет что-нибудь особенное". Так же отзывался о нем и законоучитель.

Когда Ване было 8 лет, он, играя однажды с товарищами, вдруг изменился в лице, поднял голову и руки к небу и тут же упал без чувств. Как только дома мальчик пришел в себя, то на расспросы родителей поведал, что видел Царицу Небесную. На вопрос, почему он думает, что видел именно Ее, он сказал: "Потому что на Ней была корона с крестиком".— "Ну а почему ты упал?" — не унимались взрослые. На это он, потупив глазки, тихо сказал: "Около Нее было такое солнце… я не знаю, не знаю, как сказать!" — добавил он быстро и заплакал. С тех пор он очень изменился, сделался тих, задумчив и стал уклоняться от детских игр, находясь неотлучно при матери; взгляд его кротких глаз сделался еще глубже, и в его детском сердечке загорелась живая вера и любовь к Царице Небесной.

Вскоре после этого в их селе случился пожар. "Царица Небесная! Оставь нам наш домик, ведь он совсем новенький!" — взмолился Ваня с воздетыми к небу руками, и его детскя молитва была услышана: сгорели все дома, кроме дома Литовкиных.

В 4 года Иван лишился отца, а в 11 лет и матери. Недетская, тяжелая началась у него жизнь. Пришлось работать и в трактире, и в бакалейной лавке, таскать пятипудовые мешки и прочие тяжести, сопровождать обозы с товаром. Очень тяжело пришлось сироте: он голодал, скитался, бывал бит жестоким хозяином, нанимался на работу к разным торговцам, короткое время жил у родственников, часто подвергался опасности, нередко ему приходилось жить в весьма неблагочестивой обстановке. Но Господь всегда хранил Своего избранника, и добрый нрав юноши нисколько не испортился: грубая, страшная жизнь не развратила и не озлобила его. Молитва — это единственное наследство, оставшееся ему от покойных родителей,— всегда была его единственной спутницей в скорбной жизни, а храм Божий — единственным местом утешения, куда всегда влекло благочестивого юношу.

О монашестве он еще не помышлял, но когда наконец появилось хорошее место у таганрогского купца Рафаилова, желавшего даже выдать за него свою дочь, неожиданно пришло письмо от его старшей сестры Александры, принявшей к тому времени постриг с именем Леонида в Борисовском монастыре. Она советовала брату поступить в скит при Оптиной пустыни, давно славившейся своими духовно-опытными старцами. С этого времени у Ивана возгорелось желание оставить мир. Навестив сестру, юноша отправился в Оптину. По дороге его подвезли две белевские монахини (их монастырь окормляли Оптинские старцы). Когда они сказали преподобному Амвросию, что с ними приехал "брат Иван", шутя намекая на его монашеские наклонности, то старец, задумавшись, ответил: "Этот Иван пригодится и вам и нам",— явно провидя судьбу будущего старца, к которому станут прибегать не только оптинские иноки, но и сестры женских монастырей, и множество мирян.

Преподобного старца Макария к тому времени уже не было в живых, но уже воссиял в Оптиной пустыни новый светильник — преподобный старец Амвросий. "Батюшка, благословите в Киев",— на эти слова юного Ивана Литовкина последовал неожиданный

ответ великого старца: "Зачем тебе в Киев, оставайся здесь". Так начался иноческий путь длиною более полувека... 1 марта 1861 года Иван Литовкин поступил послушником в скит Оптиной пустыни.

По оптинскому обычаю, каждый новоначальный должен был потрудиться в трапезной. На этом нелегком послушании обнаружились и окрепли добрые качества души будущего старца: беспрекословное послушание, трудолюбие, молчаливость и беззлобие. Навидавшись и натерпевшись всего в миру, он понимал, какой бесценный дар Божий — покой и тишина святой обители. И вскоре посетил его Господь великим утешением: брат Иван был определен в келейники к преподобному Амвросию и прожил в его хибарке целых 50 лет.

Келлия старца целыми днями была переполнена богомольцами, вследствие чего Ивану пришлось пережить множество искушений. Но его необыкновенные смирение и терпение, которые возрастали все более и более, помогали благодушно переносить юному подвижнику все ниспосылаемые скорби и своим кротким нравом смирять даже своих недоброжелателей.

Возможность быть рядом с дорогим батюшкой радовала юного инока. Но бесконечные толпы посетителей тяготили и расстраивали его душевный покой. Не смея высказать старцу свою скорбь, он решил потихоньку уйти на Святую Афонскую Гору. Прозорливому старцу Амвросию стало известно о смущении келейника и однажды преподобный сказал ему: "Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне, оставайся с нами". Прозорливость старца настолько поразила молодого послушника, что он больше не помышлял об уходе.

Многие скорби и тяготы перенес он в монастыре: несправедливые упреки, лишения, болезни. Десятилетиями у него не было даже своего угла, где бы он мог почитать, помолиться, отдохнуть. Но испытания только укрепили и очистили душу, сделали брата Ивана совершенным послушником и монахом.

15 апреля 1864 года он был одет в рясофор, а 16 июня 1872 года пострижен в мантию с именем Иосиф. Нечего и говорить, что и без того серьезное его настроение с той поры стало особенно сосредоточенным и глубоким. Отец Иосиф пребывал в полном и безропотном послушании к старцу Амвросию, которому дивились не только миряне, но и духовные лица. Так, однажды отца Амвросия поджидал игумен Исаакий, будущий настоятель. Взяв со стола книгу и начав ее читать, он спросил у старшего келейника: "Отец Михаил, благослови мне почитать эту книжку!". Отец Михаил с низким поклоном добродушно ответил: "Сделайте одолжение, отец игумен, какую вам угодно". Тут вошел отец Иосиф, и отец Исаакий обратился к нему с тем же вопросом. Истинный послушник скромно ответил: "Сейчас, я спрошу у старца…".

В 1877 году совершенно неожиданно он был посвящен в сан иеродиакона, однако во время сорокоуста у него сделалось воспаление в правом боку, отчего он чуть не умер. Своей келлии он до сих пор не имел и продолжал спать в приемной старца, которая часов до 11 вечера была всегда заполнена народом. В 12 он ложился, а в 1 час, когда был чередным служащим, должен был быть уже в храме. Однажды отец Иосиф уснул прямо на пороге приемной, так что преподобный Амвросий, проходя к себе, споткнулся о спящего келейника. А тот, проснувшись, лишь виновато улыбнулся. Через свое беспрекословное послушание отец Иосиф достиг такого смирения, которое впоследствии возвело его на великую духовную высоту.

В 1884 году отец Иосиф стал иеромонахом. К этому времени он уже был старшим келейником старца Амвросия. Тихий и серьезный выходил он к посетителям, внимательно выслушивал, в точности передавал ответ старца, ничего не добавляя от себя. Но все чаще старец отсылал посетителей спросить совета у келейника, и всех поражало, что его слова буквально совпадали с тем, что говорил сам преподобный Амвросий. Тогда старец Амвросий некоторых своих посетителей стал благословлять обращаться к нему с духовными вопросами.

В 1888 году иеромонах Иосиф тяжело заболел и был пострижен в схиму. Во время этой болезни, которая, как оказалось, была не к смерти, а к славе Божией, Своего избранника снова, как некогда в детстве, посетила Царица Небесная. "Потерпи, любимче Мой, немного осталось",— утешала Она его. Эти слова услышал послушник, ходивший за отцом Иосифом. Думая, что за ширмой, где лежал больной, кто-то есть, он заглянул туда и был поражен: там никого не было. "А батюшка Иосиф,— рассказывал он старцу Амвросию,— лежал как пласт, с закрытыми глазами. Меня такой объял страх, что волосы дыбом встали". И после старец Амвросий говорил некоторым, что отец Иосиф в болезни сподобился видеть Царицу Небесную...

Смертельная болезнь отступила, и преподобный был назначен помощником старца Амвросия, начав исповедовать.

Настало лето 1890 года. Собираясь, как обычно, в Шамордино, старец Амвросий вдруг в первый раз за всю тридцатилетнюю совместную жизнь говорит отцу Иосифу: "Тебя не возьму нынешний раз, ты здесь нужен". Мало того, приказал отцу Иосифу перейти в его келлию, а в приемную велел перенести большую икону "Споручницы грешных". Грустно сделалось отцу Иосифу от всех этих распоряжений. "Не вернется сюда больше старец..." — промелькнуло у него в голове.

С отъездом отца Амвросия в Шамординскую обитель многие монахи стали исповедоваться у отца Иосифа. Архимандрит Исаакий I также избрал отца Иосифа своим духовником. 10 октября 1891 года преподобный старец Амвросий блаженно почил. В это-то скорбное время обнаружилась во всем величии сила духа преподобного Иосифа. Именно в нем многие скорбящие нашли духовную поддержку и почувствовали, что дух почившего батюшки Амвросия живет в новом старце. И оптинская братия, никем не понуждаемая, стала обращаться со своими душевными нуждами к прямому наследнику духовных дарований Оптинского старчества отцу Иосифу. Он был назначен духовником шамординских сестер наравне с преподобным Анатолием старшим. После того как старец Анатолий в конце 1893 года тяжело заболел, духовничество, а также начальствование над скитом было полностью передано отцу Иосифу.

Преподобный старец Амвросий говаривал иногда: "Вот я пою вас вином с водою, а отец Иосиф будет поить вас вином неразбавленным". Действительно, старец Иосиф был весь сосредоточенность, речь его была сдержанна и дышала одним лишь святоотеческим учением. Несомненно, что старцу был присущ особый дар исповеди, дар учительного, действенно сильного и вместе с тем утешительного слова, дар благодатного воздействия на внутреннее состояние кающегося.

На исповеди батюшка был всегда серьезен, замечания его как-то особенно проникали в глубь сердца и будили сознание своей греховности пред Богом. Безнадежный грешник, побывав у преподобного Иосифа, обновлялся духом, изменялся к лучшему. Преданные старцу Иосифу духовные дети говорили: "Иногда и один взгляд его говорил мне более, чем тома проповедей" или: "Точно шубу, снял с меня батюшка мою скорбь,— так мне стало легко...." Кроме таинственного влияния своего благодатного слова на душевное расположение человека, отец Иосиф имел еще несомненный дар исцеления как от страстей, так и от телесных болезней.

По смирению преподобный Иосиф плоды своей деятельности приписывал доброму устроению своей братии. Так он писал своей сестре монахине Леониде вскоре после своего назначения начальником скита: "…Управляю скитом со своими всеми помощниками — братиями; все слушаются и смиряются, только нужно самому себе внимать и заботиться о своей душе, а братия все, слава Богу, мирны".

Преподобный Иосиф удивительно умел соединять в себе свойства, требуемые начальническими обязанностями и долгом старчества. По отношению к братии он был тверд, строг и взыскателен; учил их смирению, терпению, нелицемерному послушанию и вообще монашескому поведению. Но учил этому не властью начальника, а внушал любовью отца и в то же время как старец умел всех успокоить, умиротворить, привести к

повиновению и покорности. Братия говорили про него: "Наш батюшка чего не сделает приказанием, то доделает своим смирением: так скажет и взглянет, что и не хотелось бы смириться, да смиришься".

Он требовал, чтобы на все спрашивали его благословения, и никогда не тяготился никакими вопросами, но делал это в простоте духа, как монах, привыкший каждый шаг своей жизни освящать благословением.

В служении он всегда был спокоен и сосредоточен, не любил ни суетливой поспешности, ни вялой медлительности; возгласы говорил внятно. И вообще служение его производило умилительное чувство в молящихся.

Во внутреннем управлении братией он был очень мудр и соблюдал меру в строгости и в снисхождении, никогда не поступая ни в чем по одному наговору, а подробно разбирался в каждом случае. Он вообще не любил часто перемещать монахов с одного послушания на другое, говоря, что на одном послушании скорее приучаются к терпению. А от находящихся в послушании он требовал беспрекословного повиновения и смирения.

В делах хозяйственных у него были добрые и опытные помощники, которые очень облегчали его заботы. Это были верные и преданные ему иноки, на которых он мог вполне положиться, тем более что они ничего не предпринимали без его благословения.

Сохранились свидетельства лиц, явно зревших угодника Божия, осиянного благодатным светом, светом нетварным. Одна благочестивая монахиня Л. вспоминала: "Мы пришли прощаться с батюшкой. Не желая утомлять старца, остались в коридоре в ожидании, когда он выйдет. Вскоре щелкнула дверь, вышел батюшка. От его лица буквально исходил свет, оно было так бело и юношески светло, что мы невольно вздрогнули. Батюшка взглянул на нас непередаваемым, благодатным взглядом и так быстро ушел, что мы не успели проститься. Пришлось прийти прощаться на другой день. После нам сказали, что в этот день батюшка приобщился Святых Таин".

С годами, слабея физически, старец возрастал духовно; во время молитвы он преображался. Вот что рассказывал об удивительном свечении вокруг старца его духовный сын отец Павел Левашов:

"В 1907 году я первый раз посетил Оптину пустынь...

Расспросив дорогу в скит, а там — в келлию старца Иосифа, я наконец пришел в приемную хибарки... Когда я пришел, там был только один посетитель — чиновник из Петербурга.

В скором времени пришел келейник и пригласил чиновника к батюшке...

Чиновник пробыл минуты три и возвратился, я увидел: от его головы отлетали клочки необыкновенного света, а он взволнованный, со слезами на глазах рассказал мне, что в этот день утром из скита выносили чудотворный образ Калужской Божией Матери, батюшка выходил из хибарки и молился. Тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него, молящегося. Через несколько минут и меня позвали к старцу...

Я увидел старца, изможденного беспрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей печки... Мы поздоровались, через мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высоты, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок келлии раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался... Он по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости — это отличительные качества старца — стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я, пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного видения... Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных источников... подобного в природе я не видел. Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия видимо сошла на избранника своего... Мой рассказ истинен уже по тому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя перед тем, как идти

к старцу, подобного чувства у меня не было... Все вышесказанное передаю, как чистую истину: нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью".

Известно, что старец Иосиф обладал даром Иисусовой молитвы. Его ближайший келейник рассказывал, что, входя по какому-либо делу в келлию старца, он часто заставал его творящим молитву Иисусову. Особенно же умилительна и трогательна была эта молитва после приобщения Святых Таин, когда благодатный старец был весь погружен в молитвенное созерцание и от сильного движения молитвы не мог даже сдерживать ее внутри, громко призывая Имя Божие. В своих наставлениях батюшка говорил о молитве как о самом необходимом для каждого человека деле.

Старец Иосиф в течение 12 лет был скитоначальником и духовником братии, но к 1905 году начал прихварывать и ослабевать. Он долго болел, терпеливо перенося все посылаемое от Господа. Настал 1911 год, болезни старца все преумножались. Весной врачи определили у него острую малярию и при слабости его сердца не выказывали никаких надежд на выздоровление.

Блаженной, мирной кончины сподобил Господь верного раба Своего. На одре смерти его "лицо было озарено таким неземным светом, что все присутствовавшие были поражены: мир и глубокое спокойствие запечатлелось на нем. Дыхание становилось все реже, губы чуть заметно шевелились, свидетельствуя о том, что присный делатель молитвы окончит ее только тогда, когда дыхание смерти заключит его уста... 9 мая 1911 года в 10 часов 45 минут старец испустил последний вздох; его чистая праведная душа тихо отделилась от многотрудного тела и воспарила в небесные обители; та же ангельская улыбка озарила его благолепный лик и застыла на нем. В эту ночь некоторые из иноков, не зная еще, что старец скончался, видели его во сне светлым, сияющим и радостным. В последующие дни он также являлся многим и на вопрос: "Как же, батюшка, ведь вы умерли?" — отвечал: "Нет, я не умер, а напротив, я теперь совсем здоров"…".

Во время погребения рука старца была мягкой и теплой, как у живого, а на 9-й день по кончине преподобного совершилось первое исцеление бесноватой.

3/16 октября 1988 года состоялось честное обретение святых мощей преподобного Иосифа Оптинского. На протяжении 10 лет (1988–1998) находились они в раке в Введенском соборе монастыря до тех пор, пока в 1998 году вместе с мощами других шести старцев не были перенесены в храм-усыпальницу в честь Владимирской иконы Божией Матери. К святым мощам преподобного Иосифа прибегали с молитвой тысячи паломников и испытывали на себе их чудотворную силу: от мощей подаются не только благодатные действия на души людей, но и видимые знаки чудотворений и исцелений. Ежедневно перед мощами служатся молебны, и можно с уверенностью сказать, что первые 10 лет своего возрождения обитель существовала под особым молитвенным покровом преподобного старца Иосифа. А исцеления и чудеса начались уже в первые дни обретения мощей святого угодника Божия и не прекращаются по сей день.

Преподобне отче наш Иосифе, моли Бога о нас!

Преподобный схиархимандрит Варсонофий (Плиханков)

День рождения — 5/18 июля 1845
Мирские именины — 29 июня /12 июля
Постриг в мантию — декабрь 1900
День тезоименитства — 11/24 апреля
Иерейская хиротония — 1/14 января 1903
Постриг в схиму — 11/24 июля 1910
Кончина (день памяти) — 1/14 апреля 1913
Обретение мощей — 27 июня /10 июля 1998

Павел Иванович Плиханков, будущий старец Оптинский Варсонофий, родился 5 июля 1845 года в Самаре и происходил из Оренбургского казачества. Мать его умерла сразу же после родов, поэтому отец вынужден был жениться вторично.

О себе старец Варсонофий рассказывал так: "Моя мачеха была глубоко верующей и необычайно доброй женщиной, так что вполне заменила мне мать... Вставала она очень рано, и каждый день бывала со мной у утрени... Любила она и дома молиться. Читает, бывало, акафист, а я распеваю тоненьким голоском на всю квартиру: "Пресвятая Богородице, спаси нас!".

Однажды, когда мне было шесть лет, был такой случай. Мы жили на даче в своем имении под Оренбургом. Наш дом стоял в огромном саду-парке и был охраняем сторожами и собаками, так что проникнуть в парк незаметным постороннему лицу было невозможно.

Однажды мы гуляли с отцом по парку, и вдруг откуда ни возьмись перед нами появился какой-то старец. Подойдя к моему отцу, он сказал:

— Помни, отец, что это дитя в свое время будет таскать души из ада.

Сказав это, он повернулся и исчез. Напрасно потом его везде разыскивали, никто из сторожей не видел его...

Десяти лет я был отдан в гимназию... Потом поступил на службу и поселился в Казани под покров Царицы Небесной...

Когда мне было 35 лет, матушка обратилась ко мне:

— Что же ты, Павлуша, все сторонишься женщин, скоро и лета твои выйдут, никто за тебя не пойдет?

За послушание я исполнил желание матери... В этот день у одних знакомых давался званый обед. "Ну,— думаю,— с кем мне придется рядом сидеть, с тем и вступлю в пространный разговор". И вдруг рядом со мной на обеде поместился священник, отличавшийся высокой духовной жизнью, и завел со мной беседу о молитве Иисусовой...

Когда же обед кончился, у меня созрело твердое решение не жениться.

Господь неисповедимыми путями вел меня к монашеству. По милости Божией я узнал Оптину и батюшку Амвросия, благословившего меня поступить в монастырь".

Павел Иванович служил полковником при штабе Казанского военного округа, участвовал в пограничных боях в Туркестане.

В 1881 году он заболел воспалением легких. Когда по просьбе больного полковника денщик начал читать Евангелие, последовало чудесное видение, во время которого наступило духовное прозрение Павла Ивановича.

Как потом скажет старец Нектарий, "из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божиему, он стал старцем".

Его путь в монастырь был долог и нелегок, в миру прошло 46 лет — большая часть его жизни. Кадетский корпус, военная служба, блестящая карьера — прямая возможность к стяжанию всех мирских благ. И... отказ от всего. Сослуживцы и знакомые никак не могли понять: что же за "изъян" в стройном, красивом полковнике, весь облик которого так и дышал каким-то удивительным внутренним благородством? Жениться не женится, балов и званых обедов, равно как и прочих светских развлечений избегает. В театр, бывало, ходил, да и тот бросил. За спиной у Павла Ивановича даже поговаривали порой: "С ума сошел, с монахами связался, а какой был человек!"...

Он поступил в Оптину пустынь в декабре 1891 года и вначале был взят в келейники к преподобному Нектарию, находясь под духовным руководством преподобного Анатолия старшего. 10 февраля 1892 года Павел Иванович был зачислен в число братства Иоанно-Предтеченского скита и одет в подрясник. Каждый вечер ходил он для бесед к старцам: сначала к старцу Анатолию старшему, а затем к старцу Иосифу.

26 марта 1893 года послушник Павел был пострижен в рясофор, а в декабре 1900 года — в мантию с именем Варсонофий[28]. 29 декабря 1902 года рукоположен в иеродиакона, а 1 января 1903 года — в сан иеромонаха. В 1903 году иеромонах Варсонофий был назначен помощником старца и одновременно духовником Шамординской женской пустыни и оставался им до начала войны с Японией.

В 1904 году отец Варсонофий был послан на Русско-японскую войну священником при отряде Красного Креста обслуживать лазарет имени преподобного Серафима Саровского: исповедовать, причащать, соборовать раненых и умирающих солдат. По возвращении после окончания войны в Оптину пустынь в 1906 году отец Варсонофий был возведен в сан игумена и назначен Святейшим Синодом на должность настоятеля Оптинского скита.

В 1910 году во время тяжелой болезни преподобный Варсонофий келейно был пострижен в схиму. Его восприемником от Евангелия стал тогда преподобный старец Нектарий.

Отец Варсонофий обладал особым даром разумения тайн Священного Писания. В своем описании Оптиной пустыни И. М. Концевич так пишет о старце: "Такой дар требует непрерывного пребывания в Боге, святости жизни. Многие видели старца Варсонофия как бы в пламени во время Божественной литургии... Поистине он уподобился своим великим предшественникам и встал в победные ряды Великой рати Воинства Христова".

Особая, таинственная, неизъяснимая духовная связь существовала между святым праведным Иоанном Кронштадтским и преподобным Варсонофием Оптинским: "Когда я был еще офицером,— рассказывал старец,— мне по службе надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что отец Иоанн служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал туда. Когда я вошел в церковь, обедня уже кончалась. Я прошел в алтарь. В это время отец Иоанн переносил Святые Дары с престола на жертвенник. Поставив чашу, он вдруг подходит ко мне, целует мою руку и, не сказав ничего, отходит опять к престолу. Все присутствующие переглянулись и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни. И решили, что я буду священником. Я над ними потешался, так как у меня и в мысли не было принимать сан священника. А теперь видишь, как неисповедимы судьбы Божии: я не только священник, но и монах".

А приехавшему в Оптину пустынь Василию Шустину преподобный Варсонофий сказал: "Мне явился отец Иоанн Кронштадтский и передал вас и вашу семью в мое духовное руководство".

В 1911 году к преподобному Варсонофию явился некий послушник Павел, одержимый тяжелым недугом, которого послал к старцу святой Иоанн Кронштадтский для полного исцеления, явившись ему в дивном видении.

Духовный облик старца наиболее полно описан на страницах Дневника преподобного Никона Оптинского — любимого ученика и сотаинника преподобного Варсонофия.

На склоне лет старец Варсонофий писал: "Все мои действия и желания сводились к одному — охранить святые заветы и установления древних отцов подвижников и великих наших старцев, во всей их Божественной красоте, от различных тлетворных веяний мира сего...."

Продолжая традиции оптинского старчества, он врачевал души людей, "таскал души из ада". По милости Божией ему открывалась жизнь приходящих к нему людей. Помогая верующим вспомнить забытые грехи, осторожно обличая, он учил покаянию, по его молитве люди исцелялись душевно и физически.

Как в спасительную гавань, стремились они в благословенный Оптинский скит к преподобному Варсонофию за исцелением не только телес, но и истерзанных,

---

[28] Во время тяжелой болезни инок Павел (Плиханков) был пострижен в мантию тайно, келейно. Его постриг был открыт с благословения священноначалия только в декабре 1902 года.— *Ред.*

истомленных грехом душ, стремились за ответом на вопрос: "Как жить, чтобы спастись?". Он видел человеческую душу, и по молитвам ему открывалось в человеке самое сокровенное, а это давало ему возможность воздвигать падших, направлять с ложного пути на истинный, исцелять болезни, душевные и телесные, изгонять бесов. Его дар прозорливости особенно проявлялся при совершении им Таинства Исповеди. Духовная дочь преподобного Варсонофия рассказывала, как, приехав 26-летней девушкой в Оптину, она попала в хибарку, в которой принимал старец. Преподобный Варсонофий увидел ее и позвал в исповедальню и там пересказал всю жизнь, год за годом, проступок за проступком, не только указывая точно даты, когда они были совершены, но также называя и имена людей, с которыми они были связаны: "Дошли мы до скита, враг всячески отвлекал меня и внушал уйти, но, перекрестившись, я твердо вступила в хибарку... Перекрестилась я там на икону Царицы Небесной и замерла. Вошел батюшка, я стою посреди келлии... Батюшка подошел к Тихвинской и сел...

— Подойди поближе.

Я робко подошла.

— Стань на коленочки... У нас так принято, мы сидим, а около нас по смирению становятся на коленочки.

Я так прямо и рухнула, не то, что стала... Взял батюшка меня за оба плеча, посмотрел на меня безгранично ласково, как никто никогда не смотрел, и произнес:

— Дитя мое милое, дитя мое сладкое, деточка моя драгоценная! Тебе двадцать шесть?

— Да, батюшка.

— Тебе двадцать шесть, сколько лет тебе было четырнадцать лет тому назад?

Я, секунду подумав, ответила:

— Двенадцать.

— Верно, и с этого года у тебя есть грехи, которые ты стала скрывать на исповеди. Хочешь, я скажу тебе их?

— Скажите, батюшка,— несмело ответила я.

И тогда батюшка начал по годам и даже по месяцам говорить мои грехи так, как будто читал их по раскрытой книге...

Исповедь таким образом шла 25 минут. Я была совершенно уничтожена сознанием своей греховности и сознанием, какой великий человек передо мной.

Как осторожно открывал он мои грехи, как боялся, очевидно, сделать больно и в то же время как властно и сурово обличал в них, а когда видел, что я жестоко страдаю, придвигал ухо свое к моему рту близко-близко, чтобы я только шепнула:

— Да...

А я ведь в своем самомнении думала, что выделяюсь от людей своей христианской жизнью. Боже, какое ослепление, какая слепота духовная!

— Встань, дитя мое!

Я встала, подошла к аналою.

— Повторяй за мной: Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Откуда эти слова?

— Из 50-го псалма.

— Ты будешь читать этот псалом утром и вечером ежедневно. Какая икона перед тобой?

— Царицы Небесной.

— А какая это Царица Небесная? Тихвинская. Повтори за мной молитву...

Когда я наклонила голову, и батюшка, накрыв меня епитрахилью, стал читать разрешительную молитву, я почувствовала, что с меня свалились такие неимоверные тяжести, мне делается так легко и непривычно...

— После всего, что Господь открыл мне про тебя, ты захочешь прославлять меня, как святого, этого не должно быть — слышишь? Я человек грешный, ты никому не скажешь... Сокровище ты мое... Помози и спаси тебя Господь!

Много-много раз благословил меня опять батюшка и отпустил...."

Во время бесед с духовными детьми старец Варсонофий говорил:

"Есть разные пути ко спасению. Одних Господь спасает в монастыре, других в миру... Везде спастись можно, только не оставляйте Спасителя. Цепляйтесь за ризу Христову — и Христос не оставит вас".

"Верный признак омертвения души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего, начинает избегать ходить в церковь, сначала старается прийти к службе попозже, а затем и совсем перестает посещать храм Божий.

Ищущие Христа обретают Его, по неложному евангельскому слову: *Стучите и отверзется вам, ищите и обрящете* [ср.: Мф. 7, 7], *в доме Отца Моего обителей много* [Ин. 14, 2]. И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и о земных обителях, и не только о внутренних, но и о внешних".

"Каждую душу ставит Господь в такое положение, окружает такой обстановкой, которая наиболее способствует ее преуспеянию — это и есть внешняя обитель. Исполняет же душу покой мира и радования — внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его".

"Не читайте безбожных книг, оставайтесь верными Христу. Если спросят о вере, отвечайте смело. Нельзя научиться исполнять заповеди Божии без труда, и труд этот трехчастичный — молитва, пост и трезвение...."

"Жизнь есть блаженство... Блаженством станет для нас жизнь тогда, когда мы научимся исполнять заповеди Христовы и любить Христа. Тогда радостно будет жить, радостно терпеть находящие скорби, а впереди нас будет сиять неизреченным светом Солнце Правды — Господь... Все евангельские заповеди начинаются словами: *Блажени — блажени кротции, блажени милостивии, блажени миротворцы...* [ср.: Мф. 5, 3–12]. Отсюда вытекает, как истина, что исполнение заповедей приносит людям высшее счастье".

"Вся жизнь наша есть великая тайна Божия. Все обстоятельства жизни, как бы ни казались они ничтожны, имеют огромное значение... Нет случайного в жизни, все творится по воле Создателя. Чтобы уподобиться Богу, надо исполнять Его святые заповеди.

Как спастись? Единственно — через смирение: "Господи, во всем-то я грешен, ничего нет у меня доброго, надеюсь только на беспредельное Твое милосердие".

Когда в сердце закроется клапан для восприятия мирских наслаждений, тогда откроется иной клапан для восприятия духовных. Но как стяжать это? Прежде всего миром и любовью к ближним: *Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидует, любы не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своих, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине...* [ср.: 1 Кор. 13, 4–6].

Затем терпением. Кто спасется? — *Претерпевший до конца* [ср.: Мф. 10, 22; 24, 13; Мк. 13, 13].

Далее — удалением от греховных удовольствий, каковы, например, игра в карты, танцы...

Я не хочу сказать, что чтение произведений наших великих писателей было грехом, но есть чтение более полезное и назидательное. Во-первых — чтение Псалтыри... Книга эта, хотя и написана святым царем и пророком Давидом, но по внушению Духа Святого, сам пророк Давид говорит: *Язык мой — трость книжника скорописца* [Пс. 44, 2].

Затем — жития святых представляют незаменимое чтение, которое так благотворно действует на душу, особенно читаемое на славянском языке...

Посещайте монастыри, особенно в праздники... чтобы отдохнуть душой...."

"Хотя монашеская жизнь и полна скорбями и искушениями, но она же несет с собой и великие утешения, о которых мир не имеет ни малейшего понятия.

Впрочем, как бы не спастись, только бы спастись и достигнуть Царствия Небесного, которого да сподобит нас всех Господь".

Оптину пустынь за все время своей монашеской жизни преподобный Варсонофий покидал лишь несколько раз, и те — только по послушанию. В июле 1909 года старец был участником Всероссийского съезда монашествующих, проходившего в Троице-Сергиевой Лавре. В 1910 году, также за послушание, ездил на станцию Астапово по просьбе умиравшего Л. Н. Толстого. Впоследствии он с глубокой грустью вспоминал: "Не допустили меня к Толстому... Молил врачей, родных, ничего не помогло... Хотя он и Лев был, но не смог разорвать кольцо той цепи, которою сковал его сатана".

Преподобный Варсонофий имел всю ту силу и полноту благодатных дарований старчества, что и его святые предшественники. В огромном количестве стекался народ в его хибарку, взыскуя его молитвенной помощи. Многочисленные воспоминания, которые оставили о старце его благодарные посетители и духовные чада, свидетельствуют о множестве случаев прозорливости, духовных прозрений, душевных и телесных исцелений, совершившихся в его келлии. Неизгладимое впечатление на души читателей производят и его "Беседы с духовными детьми", некоторые из которых были опубликованы, а большая часть еще ожидает своего часа.

В 1912 году старца Варсонофия назначили настоятелем Старо-Голутвина Богоявленского монастыря. Несмотря на великие духовные дарования старца, нашлись недовольные его деятельностью: путем жалоб, клеветы, интриг и доносов он был удален из Оптиной пустыни. Смиренно просил он оставить его в скиту для жительства на покое, просил позволить ему остаться хотя бы в качестве простого послушника. Преподобный Оптинский старец Никон исповедник говорил потом о тех тяжелых днях: "Старец воистину тогда страдал. Делясь со мною скорбию своею, однажды он сказал мне, что от великой внутренней борьбы и скорби он боится, как бы не сойти с ума..." (Поучение в 5-ю Неделю Великого поста).

Мужественно перенося это испытание, старец принялся за благоустройство вверенной ему обители, крайне расстроенной и запущенной. И как прежде, стекался к старцу Варсонофию народ за помощью и утешением. И как прежде, он, сам уже изнемогающий от многочисленных мучительных недугов, принимал всех без отказа, врачевал телесные и душевные недуги, наставлял, направлял на тесный и скорбный, но единственно спасительный путь.

Здесь, в Старо-Голутвине, совершилось по его молитвам чудо исцеления глухонемого юноши. "Страшная болезнь — следствие тяжкого греха, совершенного юношей в детстве",— пояснил старец его несчастной матери и что-то тихо зашептал на ухо глухонемому. "Батюшка, он же вас не слышит,— растерянно воскликнула мать,— он же глухой...."— "Это он тебя не слышит,— ответил старец,— а меня слышит",— и снова произнес что-то шепотом на самое ухо молодому человеку. Глаза того расширились от ужаса, и он покорно кивнул головой... После исповеди старец Варсонофий причастил его, и болезнь оставила страдальца.

Меньше года управлял старец подмосковной обителью. Страдания его во время предсмертной болезни были поистине мученическими. Отказавшийся от помощи врача и какой бы то ни было пищи, он лишь повторял: "Оставьте меня, я уже на кресте…". Большая опухоль, появившаяся на шее старца, затрудняла его дыхание. Во время болезни причащался старец ежедневно.

1/14 апреля 1913 года преподобный Варсонофий Оптинский предал свою чистую душу Господу. Тело его было доставлено в Оптину пустынь и погребено 9 апреля.

Святые мощи преподобного старца были обретены 27 июня /10 июля 1998 года и в настоящее время пребывают в храме-усыпальнице в честь Владимирской иконы Божией Матери.

Преподобне отче наш Варсонофие, моли Бога о нас!

Преподобный иеросхимонах Анатолий младший (Потапов)

День рождения — 15/28 февраля 1855
Постриг в мантию — 3/16 июня 1895
День тезоименитства — 3/16 июля
Иерейская хиротония — 26 марта /8 апреля 1906
Постриг в схиму — 1921
Кончина (день памяти) — 30 июля /12 августа 1922
Обретение мощей — 27 июня /10 июля 1998

Преподобный старец Анатолий, прозываемый младшим, или "маленьким", в миру Александр Алексеевич Потапов, родился 15 февраля 1855 года в первопрестольном граде Москве, в мещанской семье, где и прошли его детские и юношеские годы. Еще в молодости он твердо решил поступить в монастырь, но по требованию матери и из любви к ней вынужден был задержаться в миру на 11 лет, вплоть до ее кончины. Он учился в уездном училище, а затем занимался торговым делом, благодаря чему узнал мир, увидел множество людей, побывал в различных житейских ситуациях. Эти годы стали приготовлением к старческому служению, а полученный опыт пригодился впоследствии в духовном окормлении приходивших к нему людей.

В 1885 году в возрасте 30 лет Александр поступил в Оптину пустынь и был определен в скит на послушание келейника преподобного Амвросия. В 1888 году он был пострижен в рясофор. Будучи келейником великого старца, отец Александр стал свидетелем духовных подвигов и старческого служения последних лет жизни преподобного Амвросия, когда к его хибарке в скиту притекала за советом и утешением вся Россия. Современники с любовью вспоминали келейника Александра, отмечая необыкновенное радушие, благожелательность, приветливость и благодушие будущего старца. Уже в эту пору открылся у преподобного Анатолия дар любви, сострадания, прозорливости.

Богомольцы, приходившие к преподобному, шутя говорили: "Какой чудесный келейник у отца Амвросия, лучше самого батюшки!". После смерти преподобного Амвросия отец Анатолий стал келейником у его преемника, преподобного старца Иосифа Оптинского.

В 1895 году отец Александр был пострижен в мантию с именем Анатолий. В 1899 году он был рукоположен в иеродиакона и уже тогда постепенно стал входить в старческий труд.

Сельская учительница Нина Владимировна, духовная дочь старца Анатолия, вспоминала о случае, относящемся к этому времени. "Пригласили мы как-то с собою в Оптину нашу знакомую попадью Ольгу Константиновну Кесареву… А она говорит: "Ну что теперь в Оптиной? Это когда-то были старцы, а теперь уж их нет больше". Но все же поехала с нами, но никуда не хочет идти, а после службы все сидит в гостинице. Звали ее в скит — не хочет. Потом пошла все-таки гулять к скиту, расфранченная, в шляпе и красной мантилье. Взяла книгу, села на лесенке около хибарки и читает. Выходит отец Анатолий — еще тогда иеродиакон — с ведром и идет к колодцу. Увидел ее, спрашивает: "Откуда ты, раба Божия?". Наша знакомая была очень удивлена такой бесцеремонностью — она отвернулась и не ответила ничего, а только подумала: "Вот они, хваленые монахи, пристают с вопросами". Но отец Анатолий, взяв воды в колодце, опять подошел к ней и начал с нею разговаривать об ее жизни и стал говорить о таких случаях, о которых она никому не хотела рассказывать. "Ах, эта болтунья Марья Михайловна (спутница) все про меня тут разболтала". Но отец Анатолий продолжал говорить и коснулся таких событий в ее жизни, о которых и сама эта Марья Михайловна не знала. Тут уж Ольга Константиновна сообразила, что перед нею необыкновенный человек. Она упала перед ним на колени и восторженно сказала: "Вы — святой!". С тех пор она стала по-другому

относиться к оптинским монахам, сняла свой кричащий наряд, покрылась платочком и сделалась покорной ученицей батюшки".

В 1906 году преподобный Анатолий был рукоположен в иеромонаха и назначен духовником Шамординской обители. В 1908 году он переселился из скита в монастырь, в келлию при церкви Владимирской иконы Божией Матери.

После кончины старцев преподобного Иосифа и преподобного Варсонофия вместе с преподобным Нектарием отец Анатолий стал продолжателем старческого духовного делания. Старцы не отвергают никого, но так уж сложилось, что к преподобному Нектарию стремились монашествующие и интеллигенция, а к преподобному Анатолию шел простой люд со своими хлопотами и жалобами, скорбями и болезнями. Очень любил отца Анатолия простой народ, особенно крестьяне.

Часто приходилось видеть такую картину: в монастыре полное затишье, не видно даже монахов, а Владимирская церковь открыта и полна народа. Батюшка принимал всех без ограничения времени, несмотря на бесконечную усталость, на мучительную боль от ущемления грыжи, боли в кровоточащих ногах. Одно время он вообще не ложился спать, позволяя себе вздремнуть лишь на утрени, во время чтения кафизм. Преподобный был всегда приветлив, постоянно ласковый, сердечный, готовый всегда отдать себя тому, кто приходил к нему с той или иной нуждой или скорбью.

Однажды пришел к отцу Анатолию попавший в затруднительное положение крестьянин, оставшийся с семьей без крыши над головой, имея за душой лишь 50 рублей денег. Ему неоткуда было получить помощи. От горя он впал в отчаяние, по-деревенски закручинился и первым делом решил пропить эти деньги, оставить жену с ребятишками, а самому идти в Москву в работники. Но недаром говорят: утро вечера мудренее. Наутро первая мысль в голову: "Сходи к старцу Анатолию", да и только. И пошел. Подходит под благословение, старец благословляет, как будто в лоб два раза ударяет, и кладет благословение медленно, чинно, а крестьянин и говорит: "Погибаю я, батюшка, хоть совсем умирай".— "Что так?" — "Да вот, так и так... " — и все рассказал крестьянин старцу. Старец Анатолий еще раз благословил его и сказал: "Не падай духом, через три недели в свой дом войдешь". Так оно и случилось, помог ему Господь и дом построить, и другим человеком стать.

В 1911 году из-за болезни старец перешел в специальный келейный дом, где не было сырости. Там он продолжал принимать народ.

Большое значение старец Анатолий придавал Таинству Елеосвящения, которое регулярно совершал во Владимирской церкви.

В 1914 году при посещении монастыря Великой княгиней инокиней Елисаветой Феодоровной исповедь у будущей преподобномученицы принимал отец Анатолий и имел с ней продолжительную беседу. Почитателем старца Анатолия был известный московский "старец в миру" святой праведный протоиерей Алексий Мечев. "Мы с ним одного духа",— говорил отец Алексий.

Среди тех, кто пользовался духовными советами преподобного Анатолия, были: архиепископ Серафим (Соболев), митрополит Трифон (Туркестанов), священник Николай Загоровский. По благословению отца Анатолия принял в 1917 году священный сан известный духовный писатель протоиерей Валентин Свенцицкий, исповеднически закончивший свою жизнь в ссылке. В 1905 году у старца Анатолия искал разрешения важных вопросов христианской жизни отец Павел Флоренский.

Старец Анатолий находился в глубокой духовной связи со старцем Нектарием. Они часто посылали друг к другу приходивших к ним людей для благословения и наставления. "Всегда смиренный и никогда не унывающий" — в народе его ласково называли Анатолием-утешителем, а еще — "вторым Серафимом". И действительно, та же любовь, радостный и светлый лик, всего несколько мудрых слов, простой подарок, а главное — совершенно особая атмосфера, царившая вокруг старца, оказавшись в которой человек чувствовал себя как бы "побывавшим под благодатным дождем".

В присутствии старца Анатолия душа верующего ощущала особый свет, легкость и переживала "возвращение к самому себе", точнее — к тому лучшему, что именуется образом Божиим в человеке. Исчезал налет житейской мути, заживали раны, оставленные страданиями и обидами, недоумением и унынием; восстанавливались силы и "все, что было прекрасного в твоей жизни". Сердце сорадовалось отблеску рая: "свежести полевых цветов, солнцу, юности и жизнерадостности" — таковы были впечатления от духовного облика отца Анатолия.

С юных лет впитав дух оптинского подвижничества — духовного бодрствования, делания Иисусовой молитвы, строгого аскетизма, старец Анатолий стяжал великую простоту сердца, ласковое отношение к братии и народу. Всех посетителей более всего поражала не знавшая границ любвеобильность батюшки, воспринимавшаяся как настоящее чудо. "Когда я в первый раз увидела батюшку, я не могла удержаться, чтобы не сказать ему громко: "Батюшка, да какой же вы светлый!"" — вспоминала раба Божия Мария Михайловна. "Отличительной чертой этого поистине Божьего человека,— писал В. Быков,— служит его изумительное любовное отношение к людям. И глядя на него, невольно хочется воскликнуть: "Какое это великое вместилище любви!". Вечно приветливый, постоянно ласковый, изумительно сердечный, готовый, кажется, всего себя, всю свою душу, всю свою жизнь отдать тому, кто приходит к нему с той или другой нуждой, с той или другой скорбью. Очень многим, не исключая и меня, при взгляде на этого любвеобильного человека кажется, что он представляет собой живое олицетворение саровского подвижника. Та же любовность, та же сердечность, то же внимание: со страдающим — страдающий, с больным — больной, с ищущим — ищущий, с нуждающимся — нуждающийся. Не только я, но и многие уверяют, что нигде не встречали более сродняющейся и сближающейся с людьми души, как душа этого великого подвижника". Тот же писатель вспоминал о старце: "Каждый его поступок, каждое движение, каждый его шаг — все как будто говорит само собою о непреодолимом желании его чем-нибудь утешить человека, что-нибудь доставить ему большое, приятное. Если так можно выразиться, у этого старца в Оптиной пустыни преизбыточествует по отношению ко всем одинаковое чувство какой-то материнской любви".

Старец Анатолий встречал каждого, даже незнакомого, человека как родного. Для него не было чужих — каждый для старца был ближним, каждая встреча для старца была уникальна и неповторима. Посетители вспоминают о трепете и волнении великого старца при общении даже с молодыми людьми. Старец старался никого не отпустить без какого-нибудь гостинца. Его щедрость просто обескураживала.

Раба Божия Евдокия Гавриловна вспоминала о влиянии последних Оптинских старцев на народ: "Вы хотите знать, как отражалось на нас влияние старцев? При них мы умилялись, были покорны, добры, кротки, а уехав отсюда, опять падали и снова ехали сюда, чтобы снова подкрепиться их любовью". А те, кто сподобился быть духовным чадом старца, считали это высшим духовным счастьем: "Шестнадцать лет жила под руководством незабвенного батюшки Анатолия,— свидетельствовала одна из его духовных дочерей,— шестнадцать лет сплошной духовной радости. Слава Богу, давшему испытать мне неземную радость, здесь, еще на земле видеть небесного Ангела".

Образ старца вселял веру, что именно такими праведниками стоит и держится земля Русская и ради них Господь не попустит Отечеству нашему погибнуть до конца.

Старец Анатолий запечатлел в себе тот дух радования, о котором учил апостол Павел: *Всегда радуйтесь* (1 Фес. 5, 16), и которым отличался преподобный Амвросий Оптинский. Пасхальная радость светилась во всем облике батюшки Анатолия, вызывая в памяти образ преподобного Серафима Саровского, о чем свидетельствуют многие очевидцы.

Протоиерей отец Сергий Четвериков видел старца Анатолия несколько раз: "Отец Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному радостно-любовному и смиренному

обращению с людьми напоминал преподобного Серафима Саровского. В нем ясно чувствовались дух и сила первых великих Оптинских старцев".

Об исповеди у старца рассказывали так: "Долго будет памятна для нас эта исповедь. Добрый, одухотворенный старичок, казалось, хотел отдать нам часть своей святости, своей доброты, чистоту своего сердца, вложить в нас свою горячую любовь к людям, когда шептал свои молитвы. Только мать молится так сильно, так горячо за свое дитя, как молился с нами и за нас отец Анатолий. Даже неверующего не могла не тронуть эта одушевленная непоколебимой верой детски-чистая молитва, нас же она умиляла до глубины души, укрепляла. Спокойные и облегченные мы ожидали Святого Причастия".

На исповеди старец Анатолий не оставлял на душе кающегося даже самых малых грехов и не разрешал (то есть не читал разрешительную молитву), если видел нераскаянным даже малый помысл.

В исповеди монашеской братии главное место занимало откровение помыслов: "Сосредоточенно, благоговейно подходили монахи один за другим к старцу. Они становились на колени, беря благословение, обменивались с ним в этот момент несколькими короткими фразами. Некоторые проходили быстро, другие немного задерживались. Чувствовалось, что старец действовал с отеческой любовью и властью. Иногда он употреблял внешние приемы. Например, ударял по лбу склоненного пред ним монаха, вероятно, отгоняя навязчивые приражения помыслов. Все отходили успокоенные, умиротворенные, утешенные. И это совершалось два раза в день: утром и вечером. Поистине, "житие" в Оптиной было беспечальное и действительно все монахи были ласково-умиленные, радостные или сосредоточенно-углубленные. Нужно видеть своими глазами результат откровения помыслов, чтобы понять его значение",— писал И. М. Концевич.

Преподобный Анатолий стяжал и дар исцелений, который действовал как по его молитвам, так и от его одежды.

Но исцеляя многих болящих, сам старец страдал тяжкими болезнями. От молитвенных бдений и стояний у отца Анатолия развилась болезнь ног, отчего они были в ранах. От многих земных поклонов старец страдал грыжей, поэтому он в последние годы вынужден был принимать исповедь, сидя на маленькой скамеечке.

Дар прозорливости, который стал заметен в старце еще в пору его диаконства, с годами испытали на себе практически все духовные чада преподобного.

Духовное руководство старец Анатолий основывал на свободной воле человека: его старческий совет не лишал человека свободы выбора. Благословение старца не было приказом, но призывом и указанием. Духовничество его отличалось особой кротостью и мягкостью. Советы и благословения он зачастую давал не сразу, а после некоторых расспросов, давая возможность духовным чадам самим уразуметь волю Божию о себе. Обычно перед принятием важного решения старец благословлял прежде высказать свое желание в молитве к Господу.

Старец всегда радовался, когда видел, как духовные чада понуждают себя к исполнению послушания: "Ну, спаси тебя Господи за то, что послушалась меня",— обратился он как-то к своей духовной дочери.

Школа послушания у старца требовала терпения и отсечения своей воли. Старческое руководство защищало душу невидимой твердой стеной. Послушание старцу приводило к совершенному спокойствию и беспечалию.

Преподобный Анатолий любил Россию, русский народ и предсказывал: "Будет шторм. И русский корабль будет разбит. Но ведь и на щепках и на обломках люди спасаются. Не все погибнут... А потом будет явлено великое чудо Божие, и все щепки и обломки соберутся и соединятся, и снова явится великий корабль во всей своей красе! И пойдет он путем, Богом предназначенным!".

Но сначала Оптиной и ее последним старцам предстояло вместе со всей Россией взойти на свою Голгофу. Преподобный Анатолий писал одному из духовных чад, готовя

его к предстоящим событиям: "Бойся Господа, сын мой, бойся потерять уготованный тебе венец, стой в вере и, если нужно, терпи изгнание и другие скорби, ибо с тобой будет Господь".

"Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя... Пред кончиною своею будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет душа твоя возноситься к Богу",— так учил своих чад преподобный Анатолий и жизнью своей, и блаженной кончиной.

После закрытия монастыря и реорганизации его в сельхозартель старец был арестован. По дороге в тюрьму он тяжело заболел, и ему, ошибочно приняв за тифозного, остригли волосы и бороду. Вернулся он в обитель совсем измученный, еле живой, но со светлой улыбкой и благодарением Господу. Когда его увидели остриженным, многие не узнали батюшку, а потом очень опечалились. Старец Анатолий веселый вошел в келлию и сказал, перекрестившись: "Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!" — и, осмотрев всех, добавил: "Посмотрите, каков я молодчик!". Потом сел пить чай и весело рассказывал о своей поездке в Калугу: "Как там хорошо! Какие люди хорошие! Когда мы ехали в поезде, у меня была рвота. Дошли пешком, а там владыка Михей почему-то стал требовать лошадь. И зачем это он выдумал? Все братья пошли, а мы сидели в "чеке". Там курили, было душно. У меня поднялась рвота, и меня отправили в больницу, подумали, что у меня тиф. Там меня остригли, но это ничего — так гораздо легче. Доктор такой хороший сказал, что по ошибке счел меня за тифозного и велел остричь,— очень извинялся. Такой хороший! Сторож в больнице тоже очень хороший… Сестра — тоже очень хорошая — была у отца Амвросия". Слушавшие рассказ батюшки очень расстроились по поводу остриженных волос. Старец Анатолий достал откуда-то бумажный пакетик и развязал его. Там оказались его остриженные волосы. Старец переложил их в чистую бумагу, завернул и надписал: "М. Анатолии Мелиховой" — и отдал пакетик матери Анатолии. "Я попросил себе эти волосы. Им ведь они не нужны. И они мне их отдали. Да, хорошие люди, хорошие… Знаешь, тот, кто меня арестовал, после сказал, что по ошибке меня арестовал, и просил простить его и даже руку у меня поцеловал. Я сказал, что это ничего, что я очень рад, что съездил в Калугу". Свою "арестантскую" поездку в Калугу в сопровождении чекистского конвоя, поругания и тяжкие страдания старец описывал с детским беззлобием и райским благодушием — как духовное паломничество. Старец никого не осудил. В тяжких испытаниях он явил правду Божию, исполнил заповедь Господню о любви к врагам: благословлял глумившихся, прощал ненавидевших, молился за обижающих.

Летом 1921 года у старца обострилась его болезнь — защемление грыжи. Болезнь все усиливалась, старец заметно слабел, тяжко страдал, стал совсем бледным, часто впадал в забытье. В эти дни старца постригли в схиму, и в скором времени ему сделалось лучше, преподобный начал немного есть, подниматься с постели.

Едва окрепнув, старец вновь открыл двери своей келлии для приходившего народа. Многочисленные духовные чада спрашивали старца, кому он передаст их после смерти. Старец говорил келейнику: "Ну кому, кому я их передам? Ну скажи, кому? Пусть Царица Небесная их управит Сама".

29 июля /11 августа 1922 года за старцем пришли, чтобы вторично арестовать его. Он не противился, но попросил прийти за ним завтра, дав время "подготовиться". Видя преклонный возраст преподобного, конвоиры уступили. Всю ночь преподобный Анатолий провел в коленопреклоненной молитве, а наутро келейник нашел его мертвым. Пришла комиссия: "Ну что, старец готов?" — "Готов",— ответил келейник, впустив конвоиров в комнату, где на столе в гробу лежал "приготовившийся" старец. Господь принял раба Своего в ночь на 30 июля /12 августа 1922 года.

Старца Анатолия погребли возле могилки преподобного Амвросия, на том самом месте, где он долго стоял за две недели до смерти, повторяя: "А тут ведь вполне можно положить еще одного. Как раз место для одной могилки. Да, да, как раз...."

Святые мощи преподобного Анатолия Оптинского были обретены 27 июня /10 июля 1998 года и в настоящее время пребывают в храме-усыпальнице в честь Владимирской иконы Божией Матери.

Преподобне отче наш Анатолие, моли Бога о нас!

Преподобный иеросхимонах Нектарий (Тихонов)

Рождение — 1853
Постриг в мантию — 14/27 марта 1887
День тезоименитства — 29 ноября /12 декабря
Иерейская хиротония — 21 октября /3 ноября 1898
Постриг в схиму — апрель 1920
Кончина (день памяти) — 29 апреля /12 мая 1928
Обретение мощей — 3/16 июля 1989

Преподобный Нектарий Оптинский (Николай Васильевич Тихонов) родился в 1853 году в городе Ельце Орловской губернии в рабочей семье. Отец его скончался, когда мальчику было 7 лет, от голода и болезней умерли братья и сестры. Мать отдала Николая в церковно-приходскую школу и воспитывала его в строгости и благочестии. Однажды любознательный Николай чуть не выколол глаз кошке: ему очень хотелось узнать, почему у нее так ярко светятся глаза. Заметив, что Николай схватил иголку и подкрался к кошке, мать вовремя ударила сына по руке и сказала:

— Ах, ты! Вот как выколешь глаз кошке, сам потом без глаз останешься!

Через много лет около скитского колодца произошел случай, который напомнил Николаю об этом событии, случившемся в раннем детстве. Когда однажды он подошел к скитскому колодцу, другой монах неожиданно поднял ковш так, что острие пришлось против его глаза.

В самый последний момент иноку удалось оттолкнуть заостренную рукоятку ковша от лица.

Старец Нектарий позже вспоминал: "Если бы я тогда кошке выколол глаз, и я бы сейчас был без глаз. Видно, всему этому надо было случиться, чтобы напомнить моему недостоинству, как все в жизни — от колыбели до могилы — находится у Бога на самом строгом учете".

В 11 лет мальчик был отдан на работу в купеческую лавку, а вскоре скончалась и его мать. Николай посещал храм, читал духовные книги, рос кротким, скромным, трудолюбивым юношей и отличался душевной чистотой.

Когда Николаю исполнилось 20 лет, хозяин лавки хотел женить его на своей дочери. Обратившись за советом к схимонахине Феоктисте, он услышал: "Юноша, пойди в Оптину к Илариону, он тебе скажет, что делать". В 1873 году, положив в котомку Евангелие, икону святителя Николая и чай, Николай отправился в путь. Преподобный Иларион направил его к преподобному Амвросию. О чем была их двухчасовая беседа, осталось неизвестным, но после этого разговора со старцем Николай остался в Оптинском скиту и стал учеником и духовным сыном преподобного Анатолия старшего, а за советом ходил к преподобному Амвросию, который относился к нему с большой любовью и вниманием. Старцы, провидя в молодом послушнике своего достойного преемника, воспитывали в нем истинный монашеский дух, обучая терпению и смирению.

Их воспитательными приемами впоследствии пользовался и сам преподобный Нектарий. Испытывал старец терпение своих чад, закаляя в них христианские добродетели, готовя к суровым безбожным временам. В смирении видел старец начало духовного пути. Когда в 1914 году его посетила Великая княгиня преподобномученица

Елисавета Феодоровна, она долго стояла в его келлии, пока преподобный Нектарий не предложил ей сесть.

Первым послушанием Николая в Оптиной было ухаживать за цветами, потом его назначили на пономарское послушание. У него была келлия, выходившая дверью в церковь, в ней он прожил двадцать лет, не разговаривая ни с кем из монахов: только сходит к старцу или духовнику и обратно. Сам он любил повторять, что для монаха есть только два выхода из келлии — в храм да в могилу. На этом послушании он часто опаздывал в церковь и ходил с заспанными глазами. Братия жаловались на него старцу Амвросию, на что он отвечал: "Подождите, Николка проспится, всем пригодится".

Под руководством своих великих наставников молодой послушник быстро возрастал духовно.

Послушанию старцу придавалось великое значение: "Самая высшая и первая добродетель — послушание. Христос ради послушания Своему Отцу пришел к нам, и жизнь человека на земле есть послушание Богу". Уже в зрелые годы отец Нектарий и сам не раз говорил: "Без послушания человека сначала охватывает порыв, горение, а потом приходит расслабление и охлаждение. А в послушании сначала трудно, а потом сглаживаются все препятствия".

В молодости у него был прекрасный голос, а музыкальный слух сохранился и до старости. В первые годы своей жизни в Оптиной он пел в скитской церкви на правом клиросе и даже должен был петь "Разбойника благоразумного". Но в скиту был обычай: раз в год в Великий пост в скит приходил монастырский регент и отбирал лучшие голоса для монастырского хора. Брату Николаю тоже грозил переход из скита в монастырь, а этого ему не хотелось. Но и петь "Разбойника" было утешительно и лестно. И все же он в присутствии регента стал немилосердно фальшивить — настолько, что его перевели на левый клирос, и, конечно, больше вопрос о его переводе не поднимался.

14 марта 1887 года отец Николай был пострижен в мантию с именем Нектарий: "Целый год после этого я словно крылышки за плечами чувствовал". Он почти перестал покидать свою келлию, не говоря уже об ограде скита. Несколько лет окна его келлии даже были закрыты синей бумагой. В таком полузатворе отец Нектарий непрестанно молился и пребывал в постоянном покаянии. Позже он говорил: "Сидел я в своей келлии и каялся, а потом еще 30 лет отмаливал свои грехи". Уже в эти годы он исцелял больных, обладал дарами прозорливости, чудотворения и рассуждения, но скрывал эти дары под внешним юродством.

В это время он также усиленно читал святоотеческую литературу и занимался самообразованием, изучая светские науки и иностранные языки. В результате старец хорошо знал Священное Писание, свободно общался с образованнейшими людьми своего времени; с ним советовался и отдавал на его суд свои произведения К. Леонтьев. Отец Нектарий свободно цитировал по-латыни, легко говорил по-французски, читал наизусть Державина и Пушкина, а ученым с рациональным складом ума, приходящим к нему, мог научно объяснить и доказать те библейские события, в историчность которых они не верили. Кроме чтения духовных книг он занимался светскими науками, изучал математику, историю, литературу, латынь и французский язык, учился живописи у Д. М. Болотова (иеромонаха Даниила). Эта ученость старца особенно поражала, так как за его плечами была лишь церковно-приходская школа. Однако старец раскрывал свой секрет, говоря, что желающий стяжать истинные знания должен испрашивать на то помощи Божией.

Здесь постигло его другое искушение. Постоянное чтение дало ему, кончившему только сельскую школу, такие разносторонние познания, что он мог свободно беседовать на общекультурные и специальные темы, а не только духовные. Он мог говорить о Пушкине и Шекспире, Мильтоне и Крылове, Шпенглере и Хаггарте, Блоке, Данте, Толстом и Достоевском. В час отдыха после обеда он просил читать ему вслух Пушкина или какие-нибудь народные сказки — русские или братьев Гримм.

И вот, почерпнув из книг широту и многообразие мира, он страстно захотел путешествовать, чтобы своими глазами увидеть то, о чем читал. В это время в Оптину пришло предписание из Святейшего Синода отрекомендовать одного из иеромонахов во флот на корабль, назначенный в кругосветное плавание. Отец архимандрит предложил это назначение иеромонаху Нектарию. Тот так обрадовался и взволновался, что, придя от архимандрита, стал собирать вещи, забыв впервые о том, что в Оптиной ничего не делается без старческого благословения. Только через некоторое время он опомнился и пошел за благословением к старцу Иосифу. Но тот не благословил его на это путешествие, и отец Нектарий смирился.

21 октября 1898 года монах Нектарий был рукоположен в священнический сан. "Когда меня посвящал в иеромонахи бывший наш благостнейший владыка Макарий,— вспоминал потом старец,— то он святейшим своим оком прозрел все мое неустройство... Подозвал к себе в алтарь, да и говорит: "Нектарий! Когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, то ты только тверди: Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего иеромонаха Нектария!" — Только всего ведь сказал владыка, но слово его спасало меня не раз и доселе спасает, ибо оно было сказано со властию".

Пробыв более 20 лет в уединении и молчании, стяжав благодатные дары прозорливости, чудотворения и исцеления, преподобный Нектарий по благословению старцев стал скрывать их под маской юродства. Приняв этот новый подвиг, он смущал некоторых из немощных братий монастыря и паломников скита, приводя их в полное недоумение своим странным поведением. Однако люди духовного склада понимали, что кроется за вызывающими поступками старца. "Мне нравится отец Нектарий, только он больно чудной",— писал в своем Дневнике инок Николай (Беляев), будущий преподобный Никон Оптинский. Лишь в середине 1920-х годов преподобный Нектарий оставил юродство и не благословлял других на этот подвиг, говоря, что теперь для него не время.

В 1912 году, по указанию архимандрита Агапита (Беловидова), преподобный Нектарий был избран старцем и духовником братии. Сначала он отказался, говоря: "Нет, отцы и братия! Я скудоумен и такой тяготы понести не могу",— но отец архимандрит сказал ему: "Отец Нектарий! Приими послушание!" — и он вынужден был покориться. Однако в первое время своего старчества преподобный Нектарий усилил юродство: он приобрел музыкальный ящик и граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство запретило ему иметь их. Тогда старец стал играть в игрушки. Удивительно, с какой точностью преподобный Нектарий предсказывал не только конкретные исторические события, но и грядущие духовные перемены в обществе. В его юродстве часто содержались пророчества, смысл которых мало кому был понятен и открывался только тогда, когда наступало время осуществления предсказываемых событий…

Священномученик Сергий Мечев в первое время знакомства с преподобным Нектарием говорил: "Я не понимаю такого старчества: я ему говорю о серьезных вещах, а в ответ слышу одни шуточки", но со временем отец Сергий все понял и до конца дней старца был его преданным духовным сыном.

Огромное число богомольцев стекалось в его хибарку, и к каждому из приходящих старец находил свой подход. Он принимал народ в хибарке преподобного Амвросия и по смирению своему часто говорил, что народ приходит не к нему, а к покойному старцу, и тут уже вся атмосфера его келлии сама отвечает на духовные нужды приходящих. Иногда он оставлял на столе в приемной книги, и посетители в ожидании приема смотрели эти книги и, листая их, находили ответы на свои вопросы. А иногда преподобный Нектарий говорил: "Спросите об этом моего келейника, отца Севастьяна, он лучше меня посоветует, он прозорлив". Келейником его тогда был будущий преподобный Севастиан Карагандинский.

Очень интересны воспоминания о старце, написанные отцом Василием Шустиным, который вместе со своей супругой навещал его: "Батюшка говорит мне: "Вытряси прежде

самовар, затем налей воды. Вода стоит вот там, в углу, в медном кувшине, возьми его и налей". Кувшин был массивный, ведра на два. Попробовал его подвинуть, нет — силы нету. А батюшка мне говорит: "Ты возьми кувшин и налей воду в самовар".— "Да ведь, батюшка, он слишком тяжелый, я его с места не могу сдвинуть". Тогда батюшка подошел к кувшину, перекрестил его и говорит: "Возьми". Я поднял. Кувшин показался мне совершенно легким.

После вечерней молитвы к старцу Нектарию приходила скитская братия, чтобы принять благословение перед сном. Это совершалось каждый день, утром и вечером. Монахи все подходили под благословение, кланялись, и при этом некоторые открыто исповедовали свои помыслы, сомнения. Батюшка одних утешал, подбодрял, другим вслед за исповедью отпускал их согрешения, разрешал сомнения, и всех умиротворенных любовно отпускал. Это было умилительное зрелище. Батюшка во время благословения имел чрезвычайно серьезный и сосредоточенный вид, и во всяком его слове сквозила забота и любовь к каждой мятущейся душе.

…Потом батюшка удалился в свою келлию и молился около часа. После долгого отсутствия батюшка вернулся к нам и убрал все со стола.

В один из моих приездов в Оптину пустынь я видел, как отец Нектарий читал запечатанные письма. Он вышел ко мне с полученными письмами, которых было штук 50, и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни он откладывал со словами: "Сюда надо ответ дать, а эти благодарственные можно без ответа оставить". Он, не читая, видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, и некоторые даже целовал, а два письма, как бы случайно, дал моей жене и говорит: "Вот, прочти их вслух, это будет полезно"".

В 1917 году старец сказал: "Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов". Преподобный Нектарий всех поражал своей прозорливостью, хотя и старался скрывать этот дар.

С революцией для старца Нектария начался период тяжелых испытаний. При закрытии монастыря старец Нектарий хотел было совсем отказаться от духовного руководства другими и закончить свою жизнь странником. Но тут во сне явились ему почившие раньше Оптинские старцы и сказали: "Если хочешь быть с нами, то не оставляй чад своих". Старец Нектарий смирился с возложенным на него крестом.

В 1920 году скончался скитоначальник схиигумен Феодосий (Померцев), преподобный Нектарий был назначен на должность начальника скита и по примеру своих предшественников в апреле того же года принял постриг в великую схиму. Поток его посетителей усилился. Люди искали не только совета и утешения, но и молитвенной помощи старца, которая незамедлительно следовала в ответ на многочисленные просьбы приходящих к нему.

В 1923 году преподобный Нектарий был арестован, но вскоре по ходатайству его духовной дочери освобожден с условием увезти его как можно дальше от Оптиной и не принимать народ. Старец передал своих духовных чад преподобному Никону Оптинскому, а сам отбыл на хутор Плохино недалеко от Козельска, а потом перебрался в село Холмищи Брянской области, куда продолжали приезжать самые преданные его чада. Монашествующие, миряне, церковная интеллигенция, духовенство, остававшиеся на свободе оптинские отцы продолжали пользоваться руководством преподобного. Даже Святейший Патриарх Тихон неоднократно советовался со старцем по важным вопросам церковной жизни, обращаясь к нему через доверенных людей.

После высылки старца Нектария из Оптиной большевики привели в его келлию некоего оккультиста для того, чтобы найти, как они надеялись, скрытые здесь сокровища. Была ночь, в келлии старца горела керосиновая лампа. Колдун-оккультист начал свои чародейства, и, хотя лампа продолжала гореть, в комнате наступила мгла. В соседнем помещении находилась одна монахиня. Она взяла четки отца Нектария и ими начертала

крестное знамение в сторону келлии старца. В его комнате сразу стало светло, а чародей бился на земле в конвульсиях эпилептического припадка.

Основными чертами старца Нектария были смирение и мудрость. К каждому человеку он подходил лично, индивидуально, с особой мерой. Он говорил: "Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы". Внешне преподобный был невысок, с лицом несколько округлым; длинные редкие пряди полуседых волос выбивались из-под скуфьи; в руках гранатовые четки. Исповедуя, он надевал красную бархатную епитрахиль с галунными крестами. Лицо его как бы не имело возраста: то старческое, суровое, то молодое и выразительное, то младенчески чистое и спокойное. В годы старчествования он был согбенный, с небольшой клинообразной бородкой, худой, с постоянно плачущими глазами. Поэтому у него в руках всегда был платок, который он прикладывал к глазам. Он любил держать себя в тени, быть малозаметным. Почти нет его фотографий, потому что он не разрешал снимать себя. Это очень для него характерно.

Старец Нектарий редко давал указания, как жить, очевидно, оттого, чтобы не налагать ярма и чтобы вопрошающие не пострадали от ответственности за неисполнение того, что он велел. Но на прямые вопросы он всегда отвечал. Одной даме, жаловавшейся на дурные помыслы, он советовал: "Повторяй: "Господи, помилуй!" — и увидишь, как все земное отходит". В другой раз он советовал: "Не обращай внимания на дурные помыслы". И по милости Божией помыслы переставали беспокоить людей.

Еще старец говорил, что очень хорошо, если Господь долго "не слушает" молитвы. Нужно только продолжать молиться и не унывать: "Молитва — это капитал, который со временем больше процентов приносит. Господь посылает свою милость тогда, когда это Ему благоугодно; тогда, когда нам полезно принять. Если нам что-либо крайне необходимо, тогда следует два-три раза помолиться, и за исполнение просьбы надо благодарить Бога. Иногда через год Господь исполняет прошение. Пример брать с Иоакима и Анны. Они всю жизнь молились и не унывали, а все надеялись. И какое послал им Господь утешение!".

При всяких неудачах старец велел говорить: "Господи, верю, что терплю должное и получаю то, что я заслужил, но Ты, Господи, по милосердию Твоему прости и помилуй меня",— и так повторять несколько раз, пока не почувствуешь мир в душе.

"Молись, чтобы Господь воцарился в сердце твоем — тогда преисполнится оно великой радостью, и никакая печаль не в силах будет потревожить тебя". Для этой цели старец советовал молиться так: "Господи, отверзи двери милости Твоей!".

Преподобный старец Оптинский Нектарий скончался 29 апреля /12 мая 1928 года и был погребен в селе Холмищи.

В 1989 году его святые мощи были обретены. Вот как об этом событии повествует монастырская летопись:

"3/16 июля 1989 года. Великая и пресветлая радость возсияла нам! Благоизволил Вседержитель явить миру мощи дивного Оптинского угодника старца Нектария, одного из последних светил великой плеяды созвездия небесного преподобных отцов Оптинских. Заручившись благословением церковного священноначалия в лице Управляющего делами Московской Патриархии и митрополита Владимира, наша обитель стала задолго готовиться к великому событию. С большим волнением помолившись у могилок Оптинских старцев, взяв благословение и напутствие у отца Евлогия, группа братий выехала в село Холмищи, место упокоения останков преподобного старца Нектария. Отслужив заупокойную литургию по старцу Нектарию, приступили к работе, во все время продолжения которой поочередно читали Псалтирь.

Углубившись на метр, нашли верх склепа. Склеп был кирпичный, такой же, как и склепы оптинских захоронений. Внутри все было засыпано песком, попавшим туда через большой проем в верхнем покрытии. В песке нашли одну из поручей, в ней — часть четок.

Разобрав верхнюю часть склепа, мы выбрали из него весь песок. С тех пор, как дошли до склепа, стало ощущаться сладкое чудное благоухание. Это чувствовали все.

Открылся гроб, на дне которого была замечена часть черепа. Когда [удалили крышку гроба], нашим недостойным глазам предстали честные мощи преподобного отца в целости и сохранности. Останки преподобного были облачены в мантию, епитрахиль, на одной руке — поручень с разорванными четками, ремень, на черепе — остатки клобука — все в очень хорошей сохранности. Вдруг мы заметили, что на лобной части черепа проступают как бы начертанные два креста. После этого мощи с благоговением были переложены на новую мантию.

В 7.30 вечера мощи торжественно со звоном колоколов были встречены у Казанских ворот братией и народом. Когда торжественная процессия двигалась по обители, с честью встречавшей своего старца через 65 лет разлуки с ним, от мощей исходило чудесное благоухание, которое чувствовалось на расстоянии до 30 метров и более".

Ныне святые мощи преподобного Нектария Оптинского находятся в раке во Введенском соборе монастыря.

Преподобне отче наш Нектарие, моли Бога о нас!

Преподобный иеромонах Никон (Беляев) исповедник

День рождения — 26 сентября /9 октября 1888
Мирские именины — 6/19 декабря
Постриг в мантию — 24 мая /6 июня 1915
День тезоименитства — 28 сентября /11 октября
Иерейская хиротония — 3/16 ноября 1917
Кончина (день памяти) — 25 июня /8 июля 1931

Преподобный Никон исповедник, старец Оптинский (Николай Митрофанович Беляев) родился 26 сентября /9 октября 1888 года в Москве, на Донской улице. Там же, в церкви Ризоположения был крещен. Однажды маленький Коля, будучи тяжелобольным, умирал, и врачи уже не надеялись его спасти; тело мальчика начало холодеть, а подносимое к его губам зеркальце безжалостно свидетельствовало о непоправимом... И только мать продолжала слезно молиться, растирая тельце, не отступая от святителя Николая, молитвенно прося его вернуть мальчика к жизни. И Господь, по молитвам матери и святого угодника Своего, вернул его к жизни. Но к жизни не простой — к служению Богу.

Семья Беляевых была благочестива и в меру религиозна, правда, религиозность эта была очень неглубока, о чем свидетельствует позднейшее отпадение от веры и от Церкви практически всех (кроме матери) членов семейства.

В старших классах гимназии Николай стал проявлять искренний интерес к вопросам веры и вместе со своим братом Иваном регулярно посещал церковные службы, прислуживал в алтаре, пел на клиросе. Но со временем клирос он покинул, так как заметил, что клиросное послушание мешает и отвлекает от молитвы.

По окончании гимназии Николай находился в некотором замешательстве, так как совершенно не имел понятия о том, где продолжать учебу: кроме Господа его ничего не интересовало, сердце его не лежало ни к каким иным наукам, кроме науки о спасении своей души. Поэтому в Московский университет он поступил с полным безразличием, за компанию с младшим братом Сергеем, правда, тот — на химический, а Николай — на физико-математический факультет. Проучился он один лишь год, если можно назвать учебой в университете почти ежедневное хождение к Божественной литургии.

В монастырь Николай и его младший брат Иван поступили несколько необычным порядком. В то время, как Иван рвался туда, сильно тяготясь пребыванием в миру (в 17 лет), не желая и думать о семейной жизни, влекомый в монастырь по юношескому максимализму, Николай сделал этот шаг более спокойно, как бы не по своему желанию, но ведомый Господом, легко последуя Его святой воле. Он даже на вид как бы и не

принимал участия в этом выборе, предоставив его Господу. Нужно отметить, что и сам монастырь не был выбран самочинно, а выпал по жребию: братья разрезали на полоски список Российских монастырей, вырванный из справочника, и, помолившись, вытянули Оптину, о существовании которой до того времени ничего не знали. Затем владыка Трифон (Туркестанов), сам некогда подвизавшийся в этой святой обители, благословил их попробовать пожить в Оптинском монастыре.

Когда Николая уже приняли в скит, разговор его со старцем Варсонофием был таков: "...Батюшка начал говорить о принятии нас. Иванушка только этого и ждал. А что же мне?

— Как вы, Николай Митрофанович?

— Я не знаю, батюшка, как вы скажете, есть ли смысл поступать мне в скит или подождать до времени, ибо вы прежде говорили, что придет время.

— Конечно, есть. Поступайте.

— Хорошо".

Это видимое безучастие к своей судьбе на самом деле показывает то послушание, которое к тому времени уже имел к Господу и старцу юный Николай Беляев.

Николай поступил в Оптинский скит 19 лет от роду, в декабре 1907 года, и сразу предал себя в полное безропотное послушание преподобному Варсонофию. И уже через год (!), 30 января 1909 года, старец впервые назвал его, 20-летнего юношу, своим сотаинником!

В отношениях послушника Николая и преподобного Варсонофия мы видим пример истинных, идеальных отношений между старцем и учеником. Глядя на жизненный путь преподобного Никона, на его твердую веру и постоянное благодушное благодарение Бога во всех испытаниях, невольно вспоминаются древние патерики, рассказывающие о великих подвижниках далекого прошлого, и хочется сказать словами египетского старца, преподобного Пимена, наставника преподобного Иоанна Колова: "Приидите и видите: се – плод послушания!".

Но всего лишь четыре года и четыре месяца послушник Николай имел возможность перенимать опыт своего наставника, а затем, по переводе последнего настоятелем в Старо-Голутвин монастырь, ему пришлось довольствоваться лишь письменным и молитвенным общением. А еще через год старца не стало.

"Молю Господа, чтобы поставить мне вас на ноги, чтобы укрепились ваши ноги, еще детские... Одного прошу у Бога, чтобы встали вы на ноги, окрепли..." — часто говорил преподобный Варсонофий своему ученику. Пять с небольшим лет отпустил Господь на становление и укрепление в духе молодого подвижника, который лишился своего наставника, будучи 24 лет от роду. Лишился наставника на земле, но приобрел еще более дерзновенного молитвенника на небе. "Я уже буду лежать в земле сырой,— говорил старец Варсонофий своему ученику,— и придет моя деточка на мою могилку и скажет мне: "Милый батюшка Варсонофий! Помоги мне, помолись за меня, мне очень тяжело!". Так, моя деточка, так...."

В 1910 году Николай стал рясофорным послушником.

В 1913 году скончался преподобный старец Варсонофий Оптинский. Если вспомнить ту теснейшую духовную любовь и привязанность между старцем и его учеником, вспомнить, как тосковала душа послушника, когда его старец ненадолго заболевал или недели на две отлучался из обители, то не скорбью ли было отшествие учителя в мир иной? А его погребение? В те дни инок Николай, прикованный к постели, лежал в лазарете, не имея возможности даже проститься со своим старцем, обливаясь слезами о своем сиротстве и слушая печальный погребальный перебор оптинских колоколов, возвещавший о том, что происходит за стенами больничной палаты. Лишь через месяц отец Николай смог прийти на могилу милого его сердцу батюшки...

В Дневнике послушника Николая встречаются записи, говорящие о том, как тяжело было ему покидать любимый скит даже на самое короткое время, когда, например, нужно было сходить в монастырь и обратно по послушанию. Монастырь он не любил из-за

многолюдства, а службы монастырские — из-за излишней торжественности и нотного пения, отвлекавших от молитвы... А вскоре после смерти преподобного Варсонофия отца Николая перевели из скита на послушание (и жительство) в монастырь. Каково было расставаться ему с "милым скитом", как ласково называл отец Николай свой "земной рай"?

24 мая 1915 года инок Николай был пострижен в мантию с наречением имени Никон, а 3 ноября 1917 года рукоположен в сан иеромонаха. Впервые он был арестован в 1919 году; вот его письмо к матери из этого первого заключения:

"Христос посреди нас! Мира и радования желаю тебе, дорогая мамаша, и шлю тебе иноческий привет. Ныне я узник, и хочется сказать, узник о Христе, ибо хотя я и грешен, но в данном случае совершенно неповинен, как мне кажется. Сижу в темнице без предъявления мне какой-либо вины и, как видно, только потому, что я монах, что я трудился для обители. Да будет воля Божия, благая и совершенная! Благословляю Господа, на Господа надежду и упование мое возвергаю, в Господе отраду мою нахожу. 17 сентября, помолившись за литургией и отслужив после нее молебен о твоем здравии и прочих близких моих, я, возвратившись в келлию, был арестован и отправлен в г<ород> Козельск в тюрьму, где и нахожусь. Со мною еще четыре человека духовного звания: такие же узники о Христе, и потому среда, в которой я очутился, не тяготит меня. Я даже благодушествую. Но ожидая всегда смерти, я решил в день моего рождения обратиться к тебе, дорогой моей мамаше, с моим, быть может, последним словом и приветом. Да благословит тебя Господь! Как иерей призываю на тебя Божие благословение и молю Господа, да воздаст Он тебе вечными милостями Своими и вечным блаженством за все то добро, какое я получил от тебя. Да почиет на мне твое родительское благословение, которого усердно прошу у тебя. Помню тебя и здесь в заключении, приношу Богу мою молитву о тебе, хотя и слабую по немощи моей. И себя, и дорогую мне обитель нашу, и тебя, и всех, и всё предаю Господу моему Богу, Творцу и Промыслителю, ибо Он печется о всех и о всем и творит то, что нужно и полезно нам. Усердно прошу твоих св<ятых> молитв о мне, грешном, о спасении моей грешной души: спасение души — цель земной жизни. И что мне более нужно? Если бы я достиг сей вожделенной цели! Посему и прошу молитв о моем спасении. Твердо верю, что в руках Божиих, и спокоен. Чаю жизни будущаго века. Аминь.

Прошу передать от меня Божие благословение маме крестной (прошу ее святых молитв и благословения), сестре, братьям и всем прочим родным и знакомым: о всех их молился всегда, да благословит и спасет их Господь. У всех прошу прощения, а наипаче у тебя, ибо ошибки мои сознаю.

Прости. Господь да будет со всеми вами. Грешный иеромонах Никон. 26 сентября /9 октября 1919 г<ода>. Козельская тюрьма".

На долю преподобного Никона выпало перенести закрытие Оптинского скита и самого монастыря, постепенное изгнание оттуда всей братии, два ареста и, наконец, ссылку на далекий Север (3 года и 5 месяцев, а вместе с тюремными заключениями — 4 года и 4 месяца). Он разделил судьбу страны, судьбу своего народа, горячо любимого им, истинным сыном Православной Церкви.

На Вербное воскресенье 1923 года преподобный Никон был снова арестован вместе с некоторыми другими оптинскими отцами. Но и на этот раз все они вскоре были отпущены.

В том же 1923 году Оптина была закрыта, а братия распущена (в том числе арестована и выслана). Монастырь продолжал существовать под видом сельскохозяйственной артели, кое-кому из престарелых монахов удалось остаться, а остальные были вынуждены покинуть обитель. Еще в течение года продолжалось богослужение в Казанском соборе, в котором и был назначен служить и окормлять приходящих преподобный иеромонах Никон — последний духовник Оптиной пустыни. Подвиг старчества он принял на себя тоже за послушание, как это и было заведено в

Оптине. Архимандрит Исаакий II, последний настоятель обители, вынужденно покидая ее, сказал: "Отец Никон! Мы уходим, а ты останься. Благословляю тебе служить и принимать на исповедь". В те страшные годы верные чада Церкви особенно нуждались в укреплении и утешении, и именно такой духовной опорой стал для многих из них преподобный Никон.

В 1924 году последний храм Оптиной был закрыт, и преподобный Никон переселился в Козельск, где и жил вплоть до своего второго ареста и ссылки. В Козельске он служил в Успенском соборе, окормлял чад, приходивших к нему, а также уцелевших шамординских монахинь. В трудных случаях батюшка Никон советовался с преподобным Нектарием Оптинским, который после своего ареста передал своих духовных детей отцу Никону.

Вторично его арестовали 1/14 апреля 1927 года, в день памяти преподобного Варсонофия Оптинского, и сослали в Архангельскую область. Три года провел преподобный Никон в лагере "Кемперпункт". В ссылке он вел обширную переписку как с чадами, так и с некоторыми оптинскими отцами. Чад он всячески утешал, поддерживал и укреплял духовно, ни минуты не поддаваясь ни унынию, ни духовному расслаблению, грозившим в нелегких условиях ссылки. Вот строки из его писем духовным чадам, написанные из тюрьмы и из ссылки:

"Христос посреде нас! Волею Божиею нам, чада мои, должно разлучиться. Так судил Господь. Покорно и смиренно примем эту волю Божию. Если кто желает, чтобы постигшая нас скорбь была ему на пользу, тот должен винить в ней самого себя, и больше никого. Каждый должен думать, что страдает за свои грехи. Так думающий и смиренно терпящий получит милость Божию. Кто будет винить кого-либо другого, и потому немирствовать на него, тот выкажет этим свое неверие Богу, и сам до себя не будет допускать милости Божией. Пусть совесть каждого скажет ему самому, есть у него грехи или нет. Если есть, то пусть только себя и винит, и молчит, не осуждая и не укоряя других. Таков закон духовный. Любовь к Господу, и в Господе ко мне грешному, выразите общею любовию и миром между собою. Бог есть любовь, и всякая злоба, какой бы благовидной причиной она ни прикрывалась, противна Ему; противна она и мне. Слово мира и любви о Господе говорю вам всем на прощание, и Бог мира буди с вами. Еще раз прошу прекратить всякие свои догадки человеческие, а потому ошибочные, о причинах нашей скорби. Смиритесь пред Господом и содевайте свое спасение, понуждая себя на всякое исполнение заповедей Божиих, соблюдая и душу, и тело от всякого греха. Не забывайте молитвы. Буду молиться о всех по силе моей. Прошу и ваших св<ятых> молитв. Всем все прощаю и сам прошу прощения. Все епитимии разрешаю. Божие благословение да пребывает над всеми вами. Аминь.

<…> Терпение скорбей и прощение обид доставляет человеку разум истины, по слову преподобного Марка Подвижника. Кротко и смиренно потерпим все — и Господь нас вразумит и не оставит Своею милостию. Сказано: *Блажени есте, егда разлучат вас* (Лк. 6, 22)".

"Мир тебе и Божие благословение. Слышу, что ты все скорбишь. Не скорби, чадо мое, не скорби. Веруй, что близ Господь, близ Его помощь, Его заступление. А если эта помощь как бы медлит прийти к тебе, то значит, так нужно и полезно. Потерпи поэтому и не унывай, Бог даст, или я буду в Козельске, то навещу тебя, или тебя как-либо привезем сюда. Тогда лично подробно побеседуем. Мир тебе и спасение. Молюсь о тебе…".

"Боголюбивая раба Божия и чадо мое N.! Божие благословение да пребывает над тобою во веки! Если Господь судит мне покинуть дорогие моему сердцу места и близких мне людей — да будет Его святая воля! Сейчас и не имею возможности писать много и не знаю, пошлет ли эту возможность Господь Бог мне в будущем. Да будет и в сем св<ятая> воля Господня! Пишу же тебе, желая преподать тебе Божие благословение и прощение в твоих погрешностях и немощах. Бог тебя да простит и разрешит. Разбирать твои поступки и судить подробно не имею возможности. Одно напишу: не оправдывай

себя и не вини никого ни в чем. Прощение преподается тем только, кто считает себя виновным. Смирись пред Богом и людьми, и Господь тебя никогда не оставит. О тебе я молюсь по силе моей. Я ничем не подал никакого вида, но видел тебя на станции, когда нас везли сюда, и видел, как беззвучно шептали что-то твои губы. Я понял, что это было выражение твоих внутренних чувств. Да хранит тебя Господь! О чаде моем, девице Л., всегда молюсь. Мне ее сердечно жаль. Да управит Господь жизнь ее во спасение. Вручаю тебя покрову Царицы Небесной! Мир ти и спасение".

По окончании срока отца Никона приговорили к ссылке в Архангельскую область. Перед отправкой врач нашел у него тяжелую форму туберкулеза легких и посоветовал просить о перемене места ссылки. Привыкший все делать за послушание, он попросил совета у отца Агапита (Таубе), сосланного вместе с ним. Тот посоветовал не противиться Божией воле, и преподобный Никон смирился.

Много скорбей пришлось испытать преподобному Никону: "Я пришел к заключению,— писал он,— что скорбь есть ничто иное, как переживание нашего сердца, когда что-либо случается против нашего желания, нашей воли. Чтобы скорбь не давила мучительно, надо отказаться от своей воли и смириться пред Богом во всех отношениях. Бог желает нашего спасения и строит его непостижимо для нас. Предайся воле Божией, обретешь мир скорбной душе своей и сердцу" (письмо 1927 года из тюрьмы).

"Как ни тяжел крест, который несет человек, но каждый из нас должен знать, что дерево, из которого сделан крест, выросло на почве его сердца".

"...Каждый человек несет свой крест. Под крестом разумеются скорби, невзгоды, которые встречаются человеку на его жизненном пути. Отчего образовался крест? Да вот посмотрите на вещественный крест: он составляется из двух линий — одна идет снизу вверх, а другая пересекает ее. Так же составляется и наш жизненный крест: воля Божия тянет нас снизу вверх, от земли на небо, а наша воля становится воле Божией поперек, противится ей. Отсюда скорби, ибо в нас происходит борьба и причиняет боль сердцу. И стоит нам только во время скорби, искушения сказать: "Да будет воля Твоя, Господи", как сразу нам становится легче на сердце, мы успокаиваемся. А как только мы свою волю направили по воле Божией, то уже креста-то и не получится подобному тому, как случается и с вещественным крестом, когда обе линии направим в одну сторону...."

"Из этого не подумай,— пишет преподобный Никон,— что я много пережил скорбей и испытаний. Нет, мне кажется, что я еще не видал скорбей. Если и бывали со мной переживания, которые по поверхностному взгляду на них по своей видимости казались чем-то прискорбным, то они не причиняли мне сильной сердечной боли, не причиняли скорби, а потому я не решаюсь назвать их скорбями. Но я не закрываю глаза на совершающееся и на грядущее, дабы *уготовить душу свою во искушение*[29], дабы можно было мне сказать псаломскими словами: *Уготовихся и не смутихся* (Пс. 118, 60)". Это отрывок из письма к матери, написанного в 1922 году, то есть через 3 года после первого ареста.

Поясняя слова своего письма 1922 года, преподобный Никон пишет:

"Мои слова, что я не имел скорбей, относились лично ко мне, то есть я не бывал в скорбных обстоятельствах, угнетавших меня и отнимавших у меня мир душевный. Но приходилось мне скорбеть по причинам, лично ко мне не подступавшим, а касавшимся близких моих. Отчасти могу сказать, и по той причине я это говорил не раз, что за редким исключением все эти скорби не сокрушали меня, не лишали меня мира душевного: жгучесть скорби мало-помалу проходила" (письмо из Оптиной пустыни 1924 года).

Вот еще два фрагмента из писем, написанных уже из ссылки:

"За все Господа благодарю. Скорблю только тогда, когда размышляю о скорби тех, кто скорбит о мне... Но да будет воля Божия" (Кемь, 1928 год).

---

[29] Аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение (Сир. 2, 1).— *Ред*.

"...Верую, что Господь спасение мое строит, посылая то или иное. Веруя в пекущийся обо мне Промысл Божий, боюсь направлять по своему смышлению свою жизнь. Наблюдаю, как своя воля приносит человекам скорби и трудности. Да будет же воля благая и совершенная! Ей вручаю и себя, и всю жизнь и всех,— принятие воли Божией мир приносит сердцу моему" (Пинега, 1930 год).

3/16 августа 1930 года преподобного Никона "переместили" из Архангельска в город Пинегу. Больной, он долго скитался в поисках жилья, пока не договорился с жительницей села Воспола. Кроме высокой платы, она требовала, чтобы батюшка, как батрак, выполнял все тяжелые физические работы. После кровоизлияния в венах ноги, сопровождавшегося повышением температуры до 40 градусов, состояние здоровья преподобного Никона ухудшалось с каждым днем, к тому же он недоедал. Однажды от непосильного труда он не смог встать. И тогда хозяйка стала гнать его из дому. Отец Петр (Драчев), тоже ссыльный оптинец, перевез умирающего к себе в соседнюю деревню и там ухаживал за ним. Физические страдания не омрачили духа верного раба Божия; погруженный в молитву, он сиял неземной радостью и светом.

В последние месяцы своей болезни он почти ежедневно причащался Святых Христовых Таин. В самый день его блаженной кончины он причастился, прослушал канон на исход души. Лицо почившего было необыкновенно белое, светлое, улыбающееся чему-то радостно.

Скончался преподобный Никон Оптинский исповедник 25 июня /8 июля 1931 года от туберкулеза легких и сподобившись мирной христианской кончины. Промыслом Божиим на погребение блаженнопочившего старца преподобного Никона одних ссыльных священнослужителей собралось двенадцать человек. Он был отпет и погребен по монашескому чину на местном кладбище села Валдокурье под Пинегой. Господь, даровав Своему верному слуге мирную кончину, и по преставлении почтил его соответствующим его сану и заслугам погребением. В настоящее время его святые мощи не обретены.

Преподобне отче наш Никоне, моли Бога о нас!

Преподобный архимандрит Исаакий II (Бобриков) священномученик

Рождение — 1865

Постриг в мантию — 7/20 июня 1898

Иерейская хиротония — 24 октября /6 ноября 1902

Кончина (день памяти) — 26 декабря 1937 /8 января 1938

Священномученик Исаакий II Оптинский (Иван Николаевич Бобриков) родился в 1865 году в селе Остров Малоархангельского уезда Орловской губернии в крестьянской семье. Учился Иван в сельской школе. Родители его были людьми набожными. Его отец, Николай Родионович Бобриков, родившийся в 1836 году, скончался в Оптиной пустыни 22 апреля 1908 года схимонахом Николаем.

Иван поступил в Оптину в возрасте 19 лет в 1884 году, еще при жизни преподобного старца Амвросия. Позднее старец Нектарий рассказывал одной из своих духовных дочерей, как появился будущий архимандрит Исаакий в Оптиной.

"Блаженный Василий,— рассказывал он,— привел его к батюшке Амвросию и сказал: "Поклонитесь в ножки ему, это будет последний Оптинский архимандрит". А юноше он сказал: "Тебя казнят". По дороге в трапезную блаженный Василий призывал богомольцев: "Поклонитесь последнему Оптинскому архимандриту!"".

Это удивительное пророчество, которое впоследствии действительно исполнилось, ясно указывало, что от самой юности вся жизнь архимандрита Исаакия была определена Промыслом Божиим на тяжкое крестоношение, а венец мученичества был предуготован ему еще в то время, когда нельзя было даже предполагать подобную кончину для настоятеля монастыря.

Преподобный Исаакий пребывал в обители в течение четырех десятилетий. Старец Амвросий благословил настоятелю монастыря преподобному Исаакию I принять Ивана Бобрикова к себе на добровольное послушание.

17 декабря 1897 года при настоятельстве архимандрита Досифея (Силаева) послушник Иван Бобриков был определен в число братства монастыря. Вскоре, 7 июня 1898 года, он был пострижен в мантию с именем Исаакий, а 20 октября того же года рукоположен в иеродиакона. 24 октября 1902 года[30], в день освящения Калужским епископом Вениамином Казанского собора в Шамординской обители, иеродиакон Исаакий был рукоположен в иеромонаха.

Вместе с монастырской и скитской братией отец Исаакий ходил на откровение помыслов к старцу Иосифу, преемнику преподобного Амвросия.

В 1908 году в монастыре скончался родитель преподобного Исаакия — схимонах Николай. Спустя несколько лет, когда преподобный был уже настоятелем монастыря, произошел такой случай. В чем-то не поладил он со скитоначальником отцом Феодосием, и возникло между ними хотя и легкое, но неудовольствие. И вот однажды отец Феодосий пришел к нему и рассказывает, что он видел во сне схимонаха Николая, который грозился на них с отцом Исаакием. Задумался отец Исаакий, услышав этот рассказ, и тихо сказал: "Чует!"... После этого мир был восстановлен и более никогда не нарушался. Иеромонах Исаакий был назначен уставщиком и усердно исполнял свое новое послушание. Так, на соборе старшей братии 4 июля 1913 года среди других пунктов слушали "Заявление отца уставщика иеромонаха Исаакия о непослушании ему на клиросах. Например, о самочинном пении на левом клиросе "Богородице Дево..." другим напевом, а также и других песнопений". Определили: ""Богородице Дево, радуйся…" петь по-прежнему, согласно с правым клиросом и вообще левому клиросу согласовываться при ответном пении с правым. О непослушаниях докладывать начальству". В 1911 году иеромонах Исаакий был награжден наперсным крестом.

После кончины архимандрита Ксенофонта, последовавшей 30 августа 1914 года, старшая братия избрала преподобного Исаакия настоятелем монастыря. Духовная дочь преподобного Никона монахиня Мария (Добромыслова) писала о преподобном Исаакии: "По своей примерной, истинно монашеской жизни он был вполне достоин занять столь высокий пост. Очень большого роста, внушительной и благолепной наружности, он был прост, как дитя, и в то же время мудр духовной мудростью". Простота его была удивительной, часто поражавшей своей глубиной окружавших его людей. Преподобный Оптинский старец Никон в бытность свою иноком Николаем нес послушание в монастырской канцелярии. Он всегда тепло вспоминал свои совместные труды с архимандритом Исаакием и впоследствии, улыбаясь, рассказывал своим духовным чадам, как на одном совещании, когда решался вопрос, какую сумму денег выделить на пожертвование пострадавшим от войны, отец архимандрит, обращаясь к старшей братии, недоуменно разводя руками, произнес: "Мало — мало, а много — много…".

Определением Святейшего Синода от 7 ноября 1914 года иеромонах Исаакий был назначен на должность настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни с возведением в сан игумена и архимандрита 16 ноября 1914 года.

Первым делом по предложению и благословению отца Исаакия II Оптиной пустынью было переиздано житие преподобного старца Льва, значительно дополненное и расширенное.

Приступив к хозяйственным делам обители, отец Исаакий обнаружил здесь очень много затруднительного — надо было вести некоторые судебные дела по спорным вопросам землевладения, думать о защите мельниц, дач, лесов от бесчинных людей, каковыми в основном были местные крестьяне, чем дальше, тем чаще расхищавшие все что возможно. На плечи нового настоятеля легла массивная переписка с судами,

[30] По другим сведениям, иерейская хиротония отца Исаакия состоялась в том же 1898 году.— *Ред.*

земствами, волостными правлениями, частными лицами, потом комиссиями, комиссариатами… Вот интересное свидетельство, собственноручно написанное и выданное отцом Исаакием одному порубщику: "Дано сие крестьянину Калужской губернии Лихвинского уезда Димитрию Васильеву Свиридову в том, что он со стороны Оптиной пустыни за свой проступок — покражу дерева с Макеевской дачи пустыни — на сей раз прощается, как просит прощения и обещает более сего не делать. 1915 года, 8 июня. Настоятель архимандрит Исаакий".

Ректор Тверской Духовной семинарии архимандрит Вениамин (Федченков, впоследствии митрополит) в этот период бывал в Оптиной. В своих записках он вспоминает архимандрита Исаакия: "Вспоминаю другого игумена, по имени Исаакий. Он перед служением литургии в праздники всегда исповедовался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец игумен ответил сравнением:

— Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце — пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью"[31].

Преподобный Исаакий принял настоятельство в тяжелое для России время: только что началась Первая мировая война, потом грянет революция, разразится братоубийственная гражданская война, на Церковь обрушатся невиданные испытания и гонения.

К концу 1916 года из-за затянувшейся войны в монастыре ощутимо чувствовался недостаток во всем жизненно необходимом. Несмотря на это, обитель Оптинская охотно отзывалась на все просьбы о помощи пострадавшим от войны, сокращая свои собственные потребности.

Преподобный Исаакий не имел ни минуты отдыха: свет в его келлии, как правило, угасал только под утро... Мир душевный источала вся фигура преподобного, его неторопливые движения, его умные и добрые глаза. Он никогда не спешил и не суетился, во всем полагался на Бога. И Господь никогда не оставлял его.

В 1916 году государь император Николай II наградил архимандрита Исаакия орденом святой Анны III степени.

В "Летописи скита" говорится о том, что преподобный Исаакий участвовал во Всероссийском Церковном Соборе 1917–1918 годов.

23 января 1918 года декретом СНК Оптина пустынь была упразднена, но монастырь еще держался под видом сельскохозяйственной артели.

Монахи постепенно стали изгоняться из обители и заменяться наемными рабочими, которые уносили все, что плохо лежало. Когда в 1919 году отец Исаакий выразил возмущение по поводу развала хорошо налаженного хозяйства, он был арестован ЧК вместе с другими отцами и провел в козельской тюрьме несколько недель.

В 1921–1922 годах в Оптину пустынь прислали беженок из Эстонии — их поселили прямо в келлии к монахам по нескольку человек.

Весной 1923 года закрыли и сельхозартель, обитель перешла в ведение "Главнауки" и как исторический памятник была названа "Музей Оптина пустынь", к которому отошли храмы, трапезная и скит. Заведовала музеем **Лидия Васильевна Защук (преподобномученица схимонахиня Августа; †26 декабря 1937 /8 января 1938)** — преданная старцу Нектарию бывшая петербургская журналистка, владевшая шестью иностранными языками. (Впервые она приехала в Оптину в 1917 году. В 1923 году ей

---

[31] *Вениамин (Федченков), митрополит*. Божьи люди: Мои духовные встречи. М., 1997. С. 113–114.— *Ред.*

удалось спасти некоторые монастырские здания.) Сотрудниками музея были М. М. Таубе (монах Агапит), духовная дочь преподобного Нектария Н. А. Павлович.

В том же 1923 году все храмы обители были закрыты — служить в храмах запретили. Но вскоре последовала просьба жителей села Стенино, и слово директора музея Лидии Защук оказалось решающим — разрешили продолжить богослужения (до 1924 года). Монастырские корпуса были переданы под общежитие служащим местного совхоза, лесозавода и музея, под контору музея и детский дом. Библиотека монастыря была передана музею, а при его закрытии в 1928 году редкие книги, экземпляры оптинских изданий, а также весь рукописный отдел были перевезены в Государственную библиотеку им. Ленина в Москве. Очевидцы вспоминают, что в дождливую, слякотную погоду книги монастырской библиотеки кидали на повозку и увозили. Многие из них погибли.

Настоятеля преподобного Исаакия власти отстранили от дел и поручили преподобному Никону передачу имущества монастыря музею. При этом отец Исаакий благословил отца Никона выкупить 50 комплектов облачений из монастырской ризницы, которые впоследствии распределились по приходам. Эту покупку власти припомнили отцу Никону как одно из многочисленных обвинений при его аресте.

В Вербное воскресенье 1923 года арестовали некоторых из братии монастыря — архимандрита Исаакия II, иеромонаха Пантелеимона (Аржаных), отца Макария (Чельцова), отца Петра (Швырева), а на следующий день и иеромонаха Никона. В качестве музейных рабочих и сторожей в монастыре оставили 15 человек братии, а остальным приказали убираться куда глаза глядят. Из окон своих "камер" (под тюрьму была приспособлена монастырская башня) отцы видели, как 300 монахов вышли из монастыря и уныло побрели в сторону Козельска…

На следующий день всех арестованных, кроме преподобного Нектария, отпустили, а Л. В. Защук перевели в городскую тюрьму. В монастыре оставались преподобный Никон с несколькими братиями. Изгоняемый из обители архимандрит Исаакий II благословил его служить в Казанском храме и принимать на исповедь народ.

Преподобный Исаакий и старшая братия, с великой скорбью покинув обитель, поселились на квартирах в Козельске.

В то время в Георгиевском храме Козельска освободилась вакансия священника, и чудесным образом устроилось так, что в храме этом все должности заняли оптинские иноки во главе с преподобным Исаакием.

Оптинцы были разбросаны по Козельску и другим местам, но при каждой возможности они старались поддерживать связь со своим отцом архимандритом и на все перемещения брать его благословение и всегда просить его святых молитв.

Монахиня Амвросия (Оберучева) вспоминала об отце Исаакии: "Это был замечательный человек и идеальный монах. Большого роста, мудрый, но в то же время простой, искренний, как дитя. Он обладал особыми способностями к пению и даже составлял ноты. И эта простота и искренность и, наконец, любовь к пению сблизили его с нашим батюшкой (преподобным Никоном). Придет, бывало, батюшка благословиться к отцу архимандриту и там задержится непременно: побеседуют и попоют где-нибудь в саду…".

В Козельске архимандрит Исаакий II проживал вместе со своим келейником отцом Дионисием. Вероятно, в это время Лидия Защук приняла схиму с именем Августа.

...Наступил 1929 год. По всей стране прокатилась волна новых арестов. В августе, после праздника Преображения Господня, были арестованы и заключены в козельскую тюрьму все оптинские иеромонахи вместе с преподобным Исаакием. Из Козельска арестованные были отправлены в сухиническую тюрьму, а оттуда в Смоленск. В январе 1930 года после окончания следствия заключенные были сосланы. Преподобный Исаакий переехал в город Белёв Тульской области, где у него было много духовных чад.

В 1932 году архимандрит Исаакий был в Брянске и там купил икону в ценном окладе. Там же его вновь арестовали, перевезли в белёвскую тюрьму и судили за "незаконную

валютную операцию". Через пять месяцев его выпустили, но потребовали уехать из Белёва куда-нибудь подальше. "От креста своего не побегу",— ответил священномученик Исаакий и остался в Белёве.

В 1937 году в Белёве было арестовано сто человек, и они все были расстреляны, а 3/16 декабря 1937 года было арестовано еще двадцать человек, среди которых был преподобный Исаакий. Он был обвинен в связи с делом Белевского епископа Никиты (Прибыткова), которому вменялось в вину, что он, "являясь организатором и руководителем подпольного монастыря при храме святителя Николая в Казачьей слободе, систематически давал установку монашествующему элементу и духовенству о проведении контрреволюционной деятельности среди населения и в распространении явно провокационных слухов о сошествии на землю антихриста". Все арестованные подверглись жестоким и бесчеловечным испытаниям: их заставляли стоять и не спать несколько суток при беспрерывном допросе сменяющихся следователей. Нельзя было сесть, и если человек падал, то его обливали холодной водой. Все обвинения они отрицали. Преподобный Исаакий был тверд в своей правоте, отрицал все наветы и дал ответ краткий и ясный: "В состав подпольного монастыря я не входил...." Свидетелями обвинения были какие-то крестьяне, которые после признались, что давали свои лжепоказания из страха. Схимонахиня Августа[32], 70-летняя преподобномученица, перенесла 16 суток допроса[33], во время которого ей не давали не только спать, но и садиться. Когда она падала, ее обливали холодной водой.

Обвинительный акт всем арестованным был вынесен 12/25 декабря 1937 года Белевским НКВД. Затем они были переведены в Тулу, где после жестоких пыток над мучениками заседавшая тройка 17/30 декабря 1937 года вынесла приговор — расстрел:

"Выписка из протокола тройки при Управлении НКВД СССР
по Тульской области от 30 декабря 1937 года.

Слушали: Дело № 9582 по обвинению Бобракова[34] Ивана Николаевича, 1865 г<ода> рожд<ения>, гр<ажданина> СССР, урож<енца> д<еревни> Остров, Малоархангельского уезда, б<ывшей> Орловской губ<ернии>. В 1932 г<оду> арестовывался органами ОГНП по валютной операции. До ареста — без определенных занятий. Обвиняется в том, что состоит в подпольном монастыре, вел среди населения контрреволюционную деятельность.

Постановили: Бобракова Ивана Николаевича расстрелять".

Приговор привели в исполнение 26 декабря 1937 /8 января 1938 года, на второй день Рождества Христова, когда Святая Церковь празднует Собор Пресвятой Богородицы. Расстрелянных мучеников тайно захоронили в братской могиле Тесницких лагерей в лесу на 162-м километре Симферопольского шоссе.

Так прервалась земная жизнь священномученика Исаакия. Тихая, истинно монашеская безмолвная жизнь его, чистая и твердая в своих православных устоях, была увенчана страданием за Христа, верностью Ему до самой смерти. Подобно древним мученикам, не боясь жестокости врагов Христовых, твердо стоял священномученик Исаакий в своем исповедании. И кровью своей засвидетельствовал верность Господу нашему Иисусу Христу.

Священномученик Исаакий II Оптинский был посмертно реабилитирован 25 июня /8 июля 1957 года.

Преподобне отче наш Исаакие, моли Бога о нас!

---

[32] В 2002 году, 19 мая, состоялось торжественное прославление в лике святых преподобномученицы схимонахини Августы (Защук). Ее имя было внесено в церковные святцы и в Собор новомучеников и исповедников Российских. Память ее празднуется 26 декабря /8 января.— *Ред.*

[33] Так в источниках, вероятно, ошибочно. Иначе получается, что допрос длился и после вынесения обвинительного акта, и после вынесения приговора.— *Ред.*

[34] Опечатка в документе. Фамилия старца — Бобриков.— *Ред.*

Глава III. Подвижники благочестия оптиной пустыни

После одного из паломнических путешествий в Оптину пустынь великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь заметил: "…Нигде я не видел таких монахов, с каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили светлой ласковостью Ангелов, лучезарною простотою обхождения; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей …" (Гоголь Н. В. Письмо гр. А. П. Толстому от 10 июля 1850 года; См.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 11. СПб., 1897. С. 145–146; Цит. по: Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. ТСЛ, 1995. С. 594; см. также: Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1952. Т. 1. С. 194–195).

И действительно, прославленные ныне четырнадцать преподобных Оптинских старцев — это лишь малая часть того огромного святого братства, которое подвизалось в благодатной обители. Нет никаких сомнений, что под чутким руководством мудрых пастырей спасались десятки, сотни благочестивых подвижников. Чьи-то имена нам известны, но большинство из них ведомо теперь только Самому Господу, Иже *дивен во святых Своих* (Пс. 67, 36).

В этой главе мы расскажем о тех оптинских подвижниках благочестия, память о которых, по милости Божией, позаботились сохранить их современники. Большинство публикаций этого раздела взято из сборников: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: [В 13 кн.]. М., 1906–1910; *Кавелин Л. [впосл. архимандрит Леонид]*. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Оптина пустынь, б. г.; и некоторых других изданий.

Схиархимандрит Агапит (Беловидов)

(†23 февраля /8 марта 1922)

Схиархимандрит Агапит (Андрей Иванович Беловидов) родился в 1842 году в семье священнослужителя. После окончания Тамбовской Духовной Семинарии в 1865 году он поступил в Оптину пустынь и еще послушником был привлечен преподобным Макарием к переводу святоотеческих творений. В скиту послушник Андрей стал письмоводителем и учеником преподобного Амвросия, исполнял клиросное послушание, канонаршил в Предтеченском храме. В 1872 году он был пострижен в мантию, а в 1876 году — рукоположен в иеромонаха.

Отец Агапит был назначен настоятелем Покровского Доброго монастыря, затем Мещевского Георгиевского монастыря. В 1890 году возведен в сан игумена, а в 1896 году — в сан архимандрита.

В 1897 году архимандрит Агапит по состоянию здоровья ушел на покой в Оптинский Иоанно-Предтеченский скит. Основным его занятием в скиту стали духовно-литературные труды. Его перу принадлежит первое подробное "Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия" в 2-х частях, а также "Житие молдавского старца Паисия Величковского" и "Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария".

Однажды отец Агапит пришел к преподобному Амвросию спросить совета: взяться ли ему за составление жизнеописания старца Илариона Троекуровского, о чем просили его монахини, или нет? Старец отец Амвросий на это с ласковой улыбкой ответил: "Возьмись, возьмись, да и поучись, как надо будет писать жизнеописание-то!". А сам все улыбался и улыбался… "Точно он предвидел, что приведет Господь мне писать его жизнеописание",— вспоминал потом отец Агапит.

Духовным окормлением отца Агапита пользовались все последние старцы "старой" Оптины: преподобные Варсонофий, Анатолий младший, Нектарий и Никон. При этом, будучи современником и учеником преподобного Амвросия, архимандрит Агапит стал как бы связующим звеном между поколениями обители. Когда в 1912 году преподобного

Варсонофия перевели в Старо-Голутвин монастырь, старшая братия хотела выбрать отца Агапита братским духовником, но тот наотрез отказался.

По свидетельству преподобного Нектария, архимандрит Агапит, прозревая грядущие страшные события и будущее разорение обители, решил, что не в силах будет перенести столь тяжкой скорби. Пять лет спустя отец Агапит предсказывал и закрытие Шамординского женского монастыря монахини Амвросии (Оберучевой). Отец Агапит был старцем высоко духовной жизни, сильным молитвенником, обладал даром прозорливости. "Архимандрит Агапит — одна из таинственных фигур истории Оптиной,— писала Н. А. Павлович.— Он был исключительно образован (в мирском смысле) и вместе духовно одарен". О случаях прозорливости отца Агапита и о силе его молитвы сохранились свидетельства знавших его лиц.

В 1907 году из-за болезни ног архимандрит Агапит выбыл из скита и перешел в монастырскую больницу, куда к нему продолжали приходить за окормлением и советами братия монастыря и его духовные чада. Когда именно он принял схиму — осталось неизвестным; скорее всего, это произошло незадолго до кончины.

Под конец жизни отец Агапит временами стал впадать в легкое слабоумие, хотя в просветы сохранял прозорливость и духовную высоту. Преподобный Нектарий Оптинский говорил, что это было попущено ему за уклонение от общественного служения (отец Агапит, кроме старчества, отказывался и от предлагаемого ему архиерейства).

Схиархимандрит Агапит скончался 23 февраля /8 марта 1922 года и был погребен за алтарем Введенского собора монастыря. Монашеского жития его было 59 лет.

Монах Андрей (Петровский)[35]

(†23 января /5 февраля 1867)

Генерал-майор Андрей Андреевич Петровский — сын благочестивых родителей, дворян Харьковской губернии, родился в 1786 году. Мужество и благочестие — вот преимущественно черты, которыми украшалась замечательная жизнь его.

Военная служба его началась в 1804-м и продолжалась до 1840 года, когда он был уволен за слабостью здоровья в отставку. В течение этого времени он совершил 11 кампаний и был в 85 сражениях, если не более. Его бранные подвиги начались в 1805 году и потом продолжались в 1806, 1807, 1812, 1813, 1814 и 1831 годах. Пред вступлением в бой он имел обычай прочитывать 90-й псалом Давида.

Несмотря на то что жизнь его в 85 сражениях не раз подвергалась крайней опасности, храбрый герой не имел ни одной раны: твердая вера и пламенная молитва — вот крепкий щит, которым он отражал от себя вражии стрелы!.. Неутомимые бранные подвиги значительно истощили его здоровье. Последнее служение свое престолу и Отечеству он завершил в Новгороде, в звании директора Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса. На занятие такого важного поста дали ему полное право его боевая жизнь, испытанная честность, прямодушие, любовь к просвещению, строгие нравственные устои. Но эта служба была непродолжительна: он начал ее в 1837 году и окончил, по слабости здоровья, в 1840 году.

Отслужив с честью, Петровский поселился в своем имении, отстоящем от города Задонска в 10 верстах, и тут проводил мирно дни в кругу небольшого семейства, которое составляли две дочери. Когда же дочери вступили в супружество, он после того не более двух лет оставался в имении, желая уйти в монастырь. Но вопрос, какую избрать обитель, занимал его и дни и ночи, и занимал долго, пока не решен был для него сновидением. Ему представилось во сне, будто пришел к нему его родной племянник, Александр Антонович Петровский, и сказал: "Что вы затрудняетесь в выборе святой обители, в которой могли бы провести остаток дней ваших? На что вам лучше Оптиной пустыни? Поезжайте туда".

---

[35] См.: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Январь. М., 1906. С. 93–98.— *Ред.*

Это сновидение он принял за указание свыше и, немедленно сделав все распоряжения относительно имения, отправился в Оптину пустынь, где и судил ему Господь в продолжение 9 лет потрудиться для спасения души своей в тесной монашеской келлии, откуда он до самой кончины своей не выходил никуда, кроме храма Божия и келлий настоятеля обители да опытных в духовной жизни старцев.

Кто внимательно следил за слабыми сторонами греховной природы человеческой, тот, без сомнения, замечал, что в человеке, которому выпал жребий занимать высокое положение в свете, легко могут проявляться и сознание этого положения, и ожидание как должного почета от людей низшего ранга. Ничего подобного не замечалось в почившем сановнике: генеральский чин не надмевал его нимало, "превосходительством", за немногими исключениями, никто не величал его, да он и не желал этого; в обители иначе не называли его, как Андреем Андреевичем. Отношения его к настоятелю обители и старшей братии были почтительные, к низшей братии он всегда был необыкновенно внимателен, вежлив, предупредителен. Скромность его и смирение до того простирались, что во всю девятилетнюю бытность его в святой обители никто не видал на нем ни одного ордена, которым награжден он был венценосцами русскими за безукоризненную и примерную службу, ни шитого золотом генеральского мундира. Простой, незатейливый костюм особого покроя, приноровленный к старческому возрасту и хилому здоровью,— вот все, чем можно было отличить его от одежды послушника монастырского. Жизнь монашеская до такой степени по душе была ему, что если бы не потрачены были им силы на долгой службе царской, он не отказался бы принять участие в общих монастырских послушаниях.

Вне службы церковной никто не видел его праздным: находясь в келлии своей, он постоянно чем-нибудь занимался. Любимое занятие его составляли: внимательное чтение слова Божия, также отеческих и других душеспасительных книг, молитва, богомыслие и переписывание изречений богомудрых отцов. Плодом таких занятий было то, что труженик этот приобрел впоследствии дар, который нелегко и нескоро достается, а именно дар слез. Келейник, входивший в келлию в то время, когда стоял он на молитве, заставал его в слезах. Да и вообще, стоило, бывало, только завести с ним речь о спасении и необходимости достигать этого блага — и слезы неудержимым потоком лились из глаз его. Никогда он не оставлял келейного молитвенного правила с поклонами. Основав неисходное пребывание свое во святой обители, он имел в виду улучить себе "единое на потребу". Сего искал он неутомимо, искал до гробовой доски; и оттого его ничто не могло удержать в келлии, когда слышен был звон церковного колокола, призывавший братию монастырскую на молитву. Когда же упадок сил препятствовал ему идти в храм Божий, тогда отводил его туда келейник, и во все время, пока совершалась служба Божия, он оставался в храме. Продолжительная монастырская служба никогда не тяготила его; напротив, он находил в ней всегда отраду и утешение и благодарил Господа, указавшего ему одно из молитвенных мест, которое кратчайшим путем ведет скитальца дольнего в обители горние. Но, прожив в обители не малое время, он не торопился облечься в полный иноческий образ чрез пострижение в мантию. Как человеку старческих лет, успевшему уже ознакомиться с духовной жизнью и иноческим бытом, ему, конечно, более чем кому другому известна была непререкаемая истина, что необдуманная поспешность нередко портит все дело, хотя оно и предпринималось с благой целью. Можно предполагать, что он отлагал пострижение в монашество с тем, чтобы наперед испытать себя: в силах ли будет поднять на рамена свои этот крест и идти с ним неуклонно в вечность? Он хорошо помнил, что возврат из-под этой крестной ноши, добровольно взятой на себя, невозможен уже, как свидетельствует о том само слово Божие.

Между тем силы его были на исходе, так что болезненный старец и сам начинал уже ясно понимать, что смерть его недалеко. В этом он особенно убедился после того, как за шесть недель до смерти своей увидел во сне родного сына, Алексея Андреевича, умершего лет 10 тому назад, который ему сказал: "Пора вам, батюшка, отправиться ко

мне: у меня очень хорошо". Готовясь к переходу в жизнь загробную, он за три недели до смерти пожелал принять ангельский образ чрез пострижение в мантию, и это желание его с любовью было исполнено. Надобно было видеть духовный восторг и непритворные слезы генерала, а теперь монаха отца Андрея, когда совершился над ним трогательный обряд полного пострижения в мантию. От полноты чувств он не находил слов, чтобы возблагодарить Благого Владыку, Который вчинил его в число рабов Своих, оставивших все земное и скоропреходящее для того, чтобы улучить вечное, нескончаемое; и событие это считал самым высоким для себя счастьем. Слезы, орошавшие в это время его старческие глаза, были красноречивее слов.

Когда же враг человеческий, не оставляющий в покое и самых избранников Божиих, по временам наводил на болезненного старца разного рода смущения, отец Андрей всякий раз в подобных случаях просил келейника своего читать молитву: "Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его…" до конца, а потом всю келлию кропить святой водой — и сила молитвы и действие освященной воды избавляли его от земной докуки силы вражией. Чувствуя близость смерти, отец Андрей заблаговременно очистил себя принесением покаяния во всех прегрешениях своих, вольных и невольных, а также удостоился Елеосвящения, и до самой смерти через сутки приобщался Страшных Животворящих Христовых Таин. С таким благодатным напутствием и с живым упованием на Господа нашего Иисуса Христа он безбоязненно ожидал смертного часа. Предсмертные минуты его не были продолжительны: после канона на исход души из тела, дважды прочитанного самим настоятелем отцом игуменом Исаакием, он вздохнул несколько раз и тихо предал душу свою Богу 23 января 1867 года на 81-м году жизни.

Вскоре после смерти отца Андрея келейнику его, послушнику Оптиной пустыни Пахомию Данилову Тагинцеву, было такое сновидение. "14 февраля настоящего года,— говорил он,— в послеобеденное время прилег я на ложе свое для краткого отдохновения и вижу во сне, будто я нахожусь в каком-то обширном саду, дивная местность которого, благоухание от растущих там деревьев с листьями на ветвях, похожими на роскошные цветы, поражали взоры мои. Чудное пение красивых птиц, сидевших на деревьях, неизъяснимо услаждало слух мой. Далее мне представилось какое-то огромное великолепное здание, возвышавшееся на открытой местности среди сада; наружный вид здания, стройность во всех частях его при богатой обстановке — выше всякого описания; внутренние стены дома, казалось мне, составлены были будто бы из ярко сияющей массы, подобной чистому и прозрачному хрусталю. В одной из трех обширных зал стоял штучный, превосходной работы, стол, с изображением на поверхности птиц; а несколько далее стояли люди, обращенные лицами к той стороне, где находилась божница со святыми иконами. Они одеты были в блестящие белые одежды, покроем своим похожие на подрясники иноческие; подпоясаны ремнями, тоже монашескими; в руках своих держали четки черные; не очень длинные, но кудреватые и красивые локоны волос опускались с голов и покоились по плечам их. Все они, вместе с бывшим посреди их неизвестным мне монахом в мантии и клобуке, общим хором, необыкновенно стройно пели Херувимскую песнь. В это время из крайней комнаты, находящейся на левой стороне, очень ясно слышан был мне голос отца Андрея, обращенный ко мне: "Видишь ли, брат Пахомий, какой милости сподобил меня Господь? Блажен тот человек, который держится Господа". Голос этот был голос Андрея, самого же его в лицо не видел. С этим словом я проснулся".

Схимонах Вассиан (Гаврилов)[36]

(†7/20 сентября 1857)

[36] См.: Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 472–478; см. также: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 137–138.— *Ред.*

В миру Василий Гаврилов, по происхождению из крепостных крестьян помещицы Филатьевой, Жиздринского уезда Калужской губернии, в имении которой был старостой, но при помощи козельского потомственного почетного гражданина Александра Дмитриевича Брюзгина вдовым отпущен с дочерью на волю в 1808 году. Сам он, пробыв три года сначала послушником в Калужском Архиерейском доме, в 1812 году поступил в Оптину пустынь, а дочь его — в Белевский монастырь Тульской епархии. В 1814 году 13 ноября определен он указом Духовной консистории в число оптинского братства. В 1818 году был пострижен в мантию, а в 1820 году — в схиму самим Калужским святителем Филаретом. В 1821 году, когда с благословения сего Калужского Преосвященного Филарета (впоследствии Киевского митрополита) вызванные им из рославльских лесов пустынники полагали начало основания Оптинского скита, отец Вассиан, как трудолюбец, обладая крепким здоровьем, присоединился к ним и принимал самое живое участие в трудах, очищая избранное для скита место от вековых сосновых деревьев, собственными руками вырубая и выкапывая их глубокие и ветвистые корни. Но по простоте же своей поддался вражию искушению через неблагожелательных к великому старцу Леониду людей и долгое время был противником старца и старчества. Но так как это был грех неведения, то старец, по милосердию Божию, сподоблен был великой милости Божией, чего свидетельством была его блаженная кончина. Выписываем сведения об этом дословно из скитской летописи. Там в записи от сентября 1857 года написано следующее:

"Кончина сего притружденного старца была, согласно церковной молитве, безболезненная, мирна, тиха. Посему уповаем, что ждет его ответ непостыдный на Страшном Христовом Судище. Он еще на ногах причащался последний раз в церкви, по обычаю, в наш скитский праздник 29 августа (Усекновение главы честного пророка и Предтечи Господня Иоанна). Во вторник 3 сентября заболел, чувствуя лихорадку, и стал заметно ослабевать, почему причастился в среду 4-го. Чувствуя себя лучше, подкрепился пищей, но 7-го утром в субботу причастился уже в последний раз. В вечеру, во время вечерни, его особоровали, а во время бдения он тихо скончался. Во время Соборования сидел и прощался с братией словами: "Бог простит! Простите меня, грешного!". За несколько часов до кончины беседовал ясно с приходившими. Так, после соборования простился с батюшкой отцом Макарием (старцем), незадолго до бдения — с иеродиаконом Исаакием (впоследствии настоятелем обители), которому, между прочим, сказал: "Да, рабе Божий, путь непроходный!". И на просьбу молитв сказал: "Помолись и за меня, грешного" и свое обычное выражение: "Спасет тебя Бог, рабе Божий!". За несколько минут до кончины уже охладевшей рукою крестился, шепча устами молитву Иисусову, и испустил дух мирно и тихо. Тело при одевании было мягко и гибко, каковым осталось и до погребения. Лицо белое, воскоподобное. Запаху, как все присутствовавшие могли засвидетельствовать, не было ни малейшего. Погребение происходило во вторник 11 числа. Совершал оное после обедни отец архимандрит Моисей, который служил и обедню с двумя иеромонахами: Пафнутием и Иларионом, и двумя иеродиаконами: Пахомием и Иларием. На погребение еще облачились два монаха: отец Пимен и отец Ювеналий. Из гостей были: прибывшие накануне казначей Сергиевой Лавры иеромонах Димитрий (впоследствии архимандрит Задонского Богородицкого монастыря), строитель Калужской Тихоновой пустыни отец Паисий и почитатель старца (отца Вассиана) Александр Димитриевич Брюзгин. Погребен на скитском кладбище по правую сторону креста (если смотреть лицом на запад) в склепе, выложенном кирпичом.

В мирной кончине старца исполнилось, видимо, для всех благословение Божие о подвизающихся до конца в постнических наших подвигах. Он был старец подвижный; почти 50 лет провел в монашестве, из коих 30 — в уединенном пребывании среди скита, в особой келлии, среди небольшой рощицы, им взращенной. Был воздержан до того, что никогда не разрешал ни по какому случаю ни вина, не пил вовсе чаю, носил власяницу и усердно исполнял свое схимническое правило. К церковной службе был усерден; и в последнее время хотя и не мог все выстаивать, но всегда ходил в церковь и, уставая, сидел

и иногда дремал, но все церковные собрания не оставлял. Каждую субботу за обедней причащался Святых Таин. Были с ним в течение его долгой жизни и искушения, но происходили более от простоты и внушения недоброжелательных людей, которые возбуждали в нем зависть к апостольскому служению старца (иеросхимонаха Льва) превратными толкованиями. Они возбуждали его под предлогом ревности противодействовать тому, чего он по простоте своей не мог понять. Но все это — искушения человеческие, которые случаются со всеми на пути жизни. Конец же венчает дело. А его дело было увенчано, как мы видели, доброй, мирной и безболезненной кончиной. Вечная тебе память, приутружденный старче! Помолись и о нас, вступивших в подвиг иноческий в день твоей доброй кончины, которая составляет лучшее напоминание иноку в начале его подвигов. Старцу, по его счету, было около 100 лет, а по спискам 90.

Настоятель обители отец архимандрит Моисей имел в свое время отца Вассиана сотрудником по очистке места от вековых деревьев для основания скита, почтил его приличным памятником, который отлит из чугуна. На лицевой его стороне в малом виде поясное изображение Господа нашего Иисуса Христа, а под изображением следующая надпись, составленная самим отцом архимандритом Моисеем: "Под сим памятником погребено тело скитского старца схимонаха Вассиана, скончавшегося с упованием на Божие милосердие сентября 7 дня 1857 года, девяносто семи лет[37] от рождения своего. Сей блаженный старец — схимонах Вассиан родом был Жиздринского уезда, из крестьян. В монастырь вступил в 1812 году, в монашество пострижен в 1818 году, а потом в 1820 году в схиму был пострижен Преосвященным Филаретом Калужским". На задней стороне продолжение надписи: "С самого вступления своего в монашество старец сей провождал жизнь более подвижническую: носил на теле своем железные вериги, пищу всегда употреблял постную, не вкушая молочного и рыбы, кроме самых великих праздников — Святой Пасхи и Рождества Христова; а вина и чаю во всю иноческую жизнь свою не употреблял никогда. К церковному богослужению был весьма усерден, притом и келейным правилом занимался почти беспрерывно, прочитывая ежедневно Псалтирь и акафисты со многими земными поклонами. Каждую неделю приобщался Святых Таин Христовых. В Великий пост первую и последнюю седмицы проводил без пищи; а в 1818 году, будучи в силах, поревновал древним отцам испытать себя в чрезвычайном посте Бога ради, не вкушая пищи во весь Рождественский пост, также и во всю Четыредесятницу Великого поста. Притом выдерживал многие искушения козней бесовских силою веры и любви ко Господу. Был неутомимо трудолюбив, любил крайнюю нищету, не имея в келлии ничего, кроме икон святых; и по кончине его ничего не осталось, кроме изношенной и ни к чему не годной одежды,— и тем подал всей братии весьма назидательный пример подвижнической зело жизни". За все таковые подвиги да упокоит Господь Бог душу раба Своего со святыми в Небесном Царствии Своем!".

Иеромонах Геннадий[38]

(†18/31 марта 1846)

18 марта 1846 года скончался в Оптиной обители 73-летний старец иеромонах Геннадий. Он был родом из московских купцов. Первоначально поступил в Спасо-Преображенский Валаамский монастырь в 1800 году, откуда в 1810-м переведен в Александро-Невскую Лавру, где и был посвящен в иеромонаха. В 1812–1814 и 1816 годах находился для исправления священнослужения на кораблях Балтийского флота и по свидетельству флотского начальства "благороднейшим своим поведением, ревностным и благоговейным исправлением своей должности оказывал всем служащим с ним пример веры и приобрел искреннее их почтение".

---

[37] В источнике не установлен возраст схимонаха Вассиана (100, 90, 97 лет).— *Ред.*

[38] *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Оптина пустынь, б. г. С. 220–224.— *Ред.*

В 1817 году отец Геннадий назначен был для исправления священнослужения при греко-российской Иромской, что в Венгрии, церкви, находящейся над гробом блаженной памяти Великой княгини Александры Павловны, эрц-герцогини Австрийской. При отъезде к своему посту 21 января 1817 года он имел счастье представиться государыне императрице Марии Феодоровне, и 22-го того же месяца по воле государя императора Александра Павловича митрополит Амвросий возложил на него золотой наперсный крест.

Отец Геннадий состоял в означенной должности до 1822 года. Во время пребывания государя императора Александра Павловича за границей, в 1821 и в 1822 годах в Лайбахе и Вероне (по случаю собравшегося тогда европейского конгресса) старец вызван был для исправления службы в походной Его Величества церкви, причем два раза удостоился быть духовником государя. При отъезде к своему посту отец Геннадий получил от бывшего тогда начальником штаба Его Величества князя Волконского два свидетельства, в которых сказано, что он во время пребывания своего в Лайбахе и Вероне приобрел всеобщее уважение соответствующим сану его примерным христианским житием.

В 1822 году отец Геннадий подал прошение об увольнении его по болезни от занимаемой должности. Вместе с увольнением он получил на путевые издержки 200 голландских червонцев. При отъезде из Венгрии старец имел честь представиться эрц-герцогу Австрийскому, Венгерскому Палатину Иосифу и получил от него в подарок драгоценный бриллиантовый перстень.

В 1829 году 13 августа, то есть уже по возвращении отца Геннадия в Александро-Невскую Лавру, за долговременное и беспорочное его служение как во флоте, так и в Венгрии по болезненному его состоянию, высочайше повелено производить ему в пенсион по 370 рублей ассигнациями в год из Государственного казначейства. В 1831 году, во время свирепствовавшей в Петербурге холеры, старец был отправляем в городские лазареты для исправления треб при больных. За усердное исполнение этого поручения ему была объявлена благодарность от Высокопреосвященного митрополита Серафима. 31 декабря 1834 года он прибыл в Оптину пустынь и пребывал в ней по день кончины, то есть 12 лет.

Итак, из 46 лет, посвященных на исключительное служение Господу в иноческом чине, отец Геннадий, по устроению всеблагого Промысла, почти 17 лет провел вне пределов своего Отечества: в 1812–1817 годах посещал с нашими кораблями Англию, Францию, Швецию и Голландию, в 1817–1828 проживал в Венгрии, и в эти 11 лет имел редкий случай посетить Италию в такое время, когда по поводу венгерского конгресса стеклись туда представители всех европейских держав. Простые рассказы его о виденном и слышанном за границей отличались беспристрастием и скромностью и имели тем большую цену, что старец смотрел на все глазами русского православного человека, не увлекаясь внешним блеском западной жизни.

Память императора Александра особенно была священна для старца. Глубоко врезались в простом и добром сердце его слова Благословенного, обращенные к нему пред исповедью в Лайбахе: "Забудь, что пред тобою государь, и поступай, как с кающимся христианином". Рассказывая это, старец говорил со слезами: "Воистину, смирение — высота!".

С удовольствием вспомнил он и то время, которое провел в радушном кругу искренне любивших и уважавших его моряков. К этому периоду его служения относится один замечательный случай, резко характеризующий старца. Однажды, когда офицеры по обыкновению собрались коротать время в кают-компании, случилось быть там и отцу Геннадию. В пылу разнообразного разговора молодежь позволила себе сделать несколько легкомысленных выходок против какого-то религиозного предмета. Услышав это, отец Геннадий встал со своего места и сказал им твердым голосом: "Господа! Отныне ноги моей не будет в кают-компании: скорее я перенесу от вас всякое личное оскорбление, нежели решусь слушать кощунство насчет того, что должно быть одинаково свято как для вас, так и для меня!". Эти слова и убедительный тон, с которым они были произнесены,

сильно подействовали на присутствующих: они поспешили успокоить любимого ими старца искренним раскаянием и дали ему честное слово впредь никогда не оскорблять его слух подобными разговорами. Так-то благотворны и действенны слова истинного убеждения в устах служителя Церкви.

В заключении всего сказанного об отце Геннадии заметим, что он был гостеприимен, ласков, разговорчив и до конца своей жизни любил тесный путь. Роста был высокого, плотен, говорил густым басом и в молодости певал хорошо на клиросе. Скончался в добром исповедании на 73-м году от рождения.

Схимонах Николай (Абрулах)[39]

(†18/31 августа 1893)

В миру Николай Абрулах, казанский мещанин. Из представленного им свидетельства Херсонской Духовной консистории видно, что он был магометанского вероисповедания, имя ему было Юсуф-Абдул-Оглы; бывший турецкий подданный, родом из Малой Азии, служил в турецкой армии офицером. Когда он почувствовал желание переменить свою магометанскую веру на православно-христианскую и даже стал открыто заявлять о сем своим родичам туркам, они так возненавидели его, что он дня по два нигде не мог достать себе пищи, никто не давал ему как гяуру[40]. Затем турки ужасно мучили его, вырезая целые куски из его тела. Но Юсуф остался непреклонным в своем желании принять христианскую веру. С Божией помощью ему удалось избежать дальнейших страданий от рук мучителей и удалиться в гостеприимную Россию.

В городе Одессе, в карантинной церкви, он просвещен был Святым Крещением в октябре 1874 года и назван Николаем. Восприемниками его были: одесский градоначальник тайный советник Николай Иванович Бухарин и 1-й гильдии купчиха Наталья Ивановна Гладкова. Затем неизвестно по какому случаю он прибыл в Казань и там приписался к мещанскому обществу. В 1891 году 18 июля, когда ему исполнилось 63 года, он поступил в Оптинский скит в число братии. По принятии Святого Крещения за его лютые страдания и твердое исповедание истинности православной христианской веры Господь сподобил его духовных утешений. По подобию святого Андрея, Христа ради юродивого, он в некое время восхищен был еще при жизни в рай, где наслаждался созерцанием неизреченных райских красот.

В скиту Николай отличался кротостью, смирением и братолюбием. Занимал он келлию в соседстве с келлией монаха, впоследствии иеродиакона Мартирия. Монахи-соседи в скиту в зимнее время обыкновенно поочередно топят свою общую печь и для сего носят дрова. А Николай часто исполнял это дело один. Спросил его как-то отец Мартирий, для чего он так делает. Николай только ответил: "Я тебя люблю". Недолго прожил в скиту турок Николай, всего два года. Незадолго пред кончиной принял келейно постриг в схиму и, напутствованный всеми христианскими Таинствами, мирно скончался 18 августа 1893 года, 65 лет от роду.

В книге С. А. Нилуса "Великое в малом" помещены сведения об этом турке Николае. Только он здесь назван Павлом-турком. И в рассказе замечаются некоторые неточности.

Видение схимонаха Николая

Схимонах Николай Абрулах, скончавшийся в скиту 18 августа 1893 года 65 лет, происходил из турецких подданных и был офицером гвардии; за принятие христианства претерпел многие мучения и гонения от своих соотечественников. В конце своей жизни был сподоблен видения райских красот, о чем он рассказывал так:

"В четверг 13 мая 1893 года утром, часу в третьем, я начал читать акафист святителю Николаю Чудотворцу. Господь даровал мне такую благодать при этом, что слезы

[39] Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 364–372.— *Ред.*

[40] Гяур — т. е. собака; так мусульмане называют иноверцев.— *Ред.*

неудержимо и обильно текли из моих глаз, так что вся книга была омочена слезами. По окончании утрени я начал читать псалом 50-й "Помилуй мя, Боже", а после него Символ веры, и когда окончил оный и произнес последние слова "...и жизни будущаго века. Аминь",— в это самое мгновение невидимая рука взяла мои руки и смежила их крестообразно, а голову мою обнял со всех сторон огонь, похожий на желтый цвет радуги; огонь этот не опалял меня и наполнил все существо мое неизглаголанною радостью, дотоле мною совершенно неизведанною и неиспытанною. Радости этой нельзя уподобить никакую земную радость. Не помню, как и через какое время я увидел себя перенесенным в такую дивную и неизреченно-прекрасную местность, исполненную света. Никаких земных предметов я не видел там — видел только одно бесконечное и беспредельное море света.

В это время я увидел около себя с левой стороны двух стоящих людей, из коих один был по виду юноша, а другой — старец. Мне было дано знать, что один из них святой Андрей, Христа ради юродивый, а другой — ученик его — святой Епифаний. Оба они стояли молча. В это время я увидел перед собой занавес темно-малинового цвета. Я взглянул вверх и увидел над занавесом Господа Иисуса Христа, восседающего на Престоле и облаченного в драгоценные одежды, наподобие архиерейских. На голове Его была надета митра, тоже похожая на архиерейскую. С правой стороны Господа стояла Божия Матерь, а с левой Иоанн Креститель, на которых были одежды наподобие тех, в каких пишутся они на иконах. Только святой Иоанн Креститель держал в одной руке знамение Креста Господня. По сторонам Господа стояли двое светоносных юношей дивной красоты, державшие пламенное оружие.

В это время сердце мое наполняла неизглаголанная радость и я смотрел на Спасителя и несказанно наслаждался зрением Его Божественного Лика. На вид Господу было лет 30. Потом во мне явилось сознание, что вот я, величайший грешник, худший пса смердящего, удостоился от Господа такой великой милости и стою перед Престолом Его неизреченной славы... Господь кротко смотрел на меня и как бы ободрял меня. Так же кротко взирали на меня Божия Матерь и Иоанн Креститель. Но ни от Господа, ни от Пречистой Его Матери, ни от Иоанна Крестителя я не сподобился слышать ни единого слова.

В это время я увидел перед Господом схимонаха нашего скита отца Николая (Лопатина), скончавшегося в полдень 10 мая и еще не погребенного, так как ожидали приезда из Москвы его родного брата. Отец Николай совершил земное поклонение пред Господом, но только на нем была не схима, а одежды послушника, в руках его были четки, и голова не была покрыта. Сказал ли ему какие слова Господь, равно и предстоящие Ему Богородица и святой Иоанн Креститель и светоносные юноши, я не заметил.

После сего я взглянул и вот с правой стороны заметил великое множество людей, которые приближались ко мне. По мере их приближения я начал слышать тонкие голоса, но слова не мог разобрать. Когда этот великий сонм приблизился ко мне, то я увидел, что некоторые из них в архиерейских облачениях, некоторые были в иноческих мантиях, иные держали в руках ветви; между ними видел я и женщин в богатых и прекрасных одеждах. В лике этом я узнал многих святых, известных мне по изображениям на святых иконах; пророка Моисея, который держал в деснице своей скрижали завета; пророка Давида, державшего некое подобие гуслей, издававших прекрасные звуки; своего Ангела — святителя Николая. В этом же сонме я видел наших в Бозе почивших старцев: иеросхимонахов Льва, Макария, Амвросия и некоторых из отцов Скита, находящихся еще в живых. Все это великое множество святых Божиих взирало на меня.

В этот же момент я внезапно увидел пред собою, то есть между мною и занавесью, великую и неизмеримую пропасть, исполненную мрака; но мрак этот не воспрепятствовал мне увидеть в ее страшной глубине князя тьмы, в том виде, как он изображается на церковных картинах; на руках его сидел Иуда, державший в руках подобие мешка. Возле князя тьмы стоял лжепророк Магомет в рясе зеленого цвета и такого же цвета чалме.

Вокруг сатаны, который составлял как бы центр пропасти, на всем беспредельном пространстве ее видел я множество людей всякого состояния, пола и возраста, но никого из знакомых между ними я не заметил. Из пропасти доносились до меня вопли отчаяния и неизглаголанного ужаса, которые невозможно передать никакими словами. Видение это окончилось.

После этого внезапно я был поставлен в другом месте. Исполнено оно было великого лучезарного света, однородного, как мне показалось, с виденным мною в первом месте. Святого Андрея и святого Епифания со мною уже не было. Трудно передать словами даже самое отдаленное подобие красоты этого места — красоты поистине негибнущей и неизглаголанной. Если мы нередко встречаем великое затруднение, чтобы изобразить перед кем-либо красоты земные и, не довольствуясь словами, берем для этого краски и звуки, то как же мне, худородному, передать виденные мною неземные красоты рая? Скуден и беден человеческий язык для изображения дивной и чудной его красоты. Видел я там великие и прекрасные деревья, обремененные плодами; деревья эти стояли как бы рядами, образуя аллеи, концов которых невозможно было видеть; вершины деревьев, соединяясь между собой, образовывали над аллеями как бы свод; устланы были аллеи как бы чистым золотом необыкновенного блеска. На деревьях сидело великое множество птиц, несколько напоминавших своим видом птиц наших тропических стран, но только бесконечно превосходящих их своей красотой. Пение их было исполнено великой гармонии, и никакая земная музыка не в состоянии была бы передать сладость их звуков. Пели они без слов. В этом великом саду протекала река, в которой вода была необыкновенно прозрачной. Между деревьями я заметил пречудные обители. Похожи они были на дворцы, подобные виденным мною в Константинополе, но только обители были несказанной красоты: цвет стен их был как бы малиновый и похожий на рубин. Видом своим рай напоминал мне наш Оптинский скит, в котором келлии иноков также стоят каждая отдельно от другой, а пространство между ними заполнено фруктовыми деревьями. Рай окружала стена, которую я видел только с одной южной стороны; на стене я прочитал имена двенадцати Апостолов, но на каком именно языке они были написаны, не помню.

В раю я увидел человека, облаченного в блестящие одежды и сидящего на престоле белоснежного цвета. На вид ему было лет 60, но лик его был, несмотря на седины, как бы у юноши. Кругом его стояло великое множество нищих, которым он что-то раздавал. Внутренний голос сказал мне, что человек этот — Филарет Милостивый. Кроме его никого из праведных обитателей рая я не сподобился видеть. Посреди сада, или рая, увидел я Животворящий Крест с распятым на нем Господом. Невидимая рука указала мне поклониться Кресту Господню, что я и исполнил, и в это время, когда я прикладывался и преклонялся пред ним, неизреченная и великая сладость, подобно пламени, наполнила мое сердце и пропитала все мое существо. После сего я увидел великую обитель, видом подобную прочим, находящимся в раю, но только неизмеримо превосходящую их своей красотой. Вершина ее, наподобие исполинского церковного купола, возносилась в бесконечную высь и как бы терялась в ней. В обители этой я заметил как бы подобие балкона, на котором восседала на богато убранном троне Царица Небесная. Вокруг Ее стояло великое множество прекрасных юношей в белых блистающих одеждах и державших в руках подобие оружия, но какой оно имело вид, разглядеть я не мог. Царица Небесная была облачена в такие же одежды, как обыкновенно изображается на иконах, но только разноцветные. На главе Ее была корона наподобие царской. Царица милостиво взирала на меня, но слов от Ее я слышать не сподобился. После всего я сподобился созерцать Святую Троицу — Отца, Сына и Святого Духа, подобно тому, как изображается Она на святых иконах, то есть Бога Отца в виде святолепного старца, Бога Сына в виде мужа, державшего в деснице Своей Честный и Животворящий Крест, и Бога Духа Святого в виде голубя. Изображение Святой Троицы видел я в воздухе. Мне казалось, что я долго

ходил среди рая, созерцая дивные красоты его, превосходящие всяческий человеческий ум.

Когда я очнулся от этого видения, то возблагодарил Господа за сие великое и неизреченное умиление, которого я, великий грешник, сподобился. Весь этот день я был как бы вне себя по причине великой радости, наполнявшей мое сердце. Ничего подобного этой радости до тех пор я никогда не испытывал".

Послушник Елиссей[41]

(†30 мая /12 июня 1877)

В дни великого старца отца Амвросия, когда он бывал на даче, нередко посещал здесь его другой замечательный оптинский подвижник, послушник Елиссей. Удивительно было смирение сего раба Божия Елиссея. Однажды отец игумен Исаакий стал предлагать ему постричься в мантию, или хоть в рясофор, и даже требовал сего с угрозою. "Иначе,— говорил он,— я тебя пошлю в кухню!" — "А вот мне,— отвечал Елиссей,— и рясофор!" — "Я тебя на поклоны поставлю!" — продолжал грозить отец игумен. "А вот мне и мантия!" — отвечал смиренный подвижник. Пребывая долгое время в лесном уединении, он поистине сделался как бы дитя природы. Лесных птичек зимой из рук кормил. Выйдет на воздух, посыплет себе на голову, на бороду и на руки конопляного семени, и лишь только проговорит: "Птички, птички, птички!", как со всех сторон они на него — какие сядут на голову, на бороду, какие на руки и всего его облепят. Не раз оптинские монахи были очевидцами этой картины.

Случалось Елиссею во время обхода леса и с волками встречаться, но они его не трогали и проходили мимо. В глубокой старости, на 75-м году от роду, он был поражен параличом в своей лесной келлии и перевезен в монастырскую больницу. Так передавал один брат о своем посещении больного:

"Во вторник 26 апреля 1877 года посетил я больного отца Елиссея (братия звала его отцом по уважению к нему), который при слабости большой очень терпеливо и благодушно относился к болезни своей. На вопрос мой, как он себя чувствует, отвечал, что чувствует слабость, пищи не может употреблять, и с воскресенья ничего не ел. Говорил, что он очень утешен тем, что Бог сподобил его особороваться и сообщиться Святых Таин. На слова мои, что, быть может, теперь скоро кончатся все его страдания, и Господь утешит его там за терпение, сказал: "Слава Богу! Он и здесь утешал меня — даровал мне любить, восхвалять и прославлять Его! С Богом и здесь и там — везде хорошо; *С нами Бог, разумейте языцы, яко с нами Бог!*". Говорил о желании своем, чтобы погребли его на новом кладбище, с боку часовни, между часовней и церковью во имя Всех святых. "Я жил там,— прибавил он,— люблю тамошнее место и часовню". Просил я его святых молитв. Он сказал: "Я молюсь, и вы не забывайте меня; и мне приятно будет, когда будете посещать мою могилку"".

30 мая, в понедельник, после ранней обедни в монастыре, которую служил прежний казначей иеросхимонах отец Савва, было совершено должностным казначеем отцом Флавианом отпевание послушника Елиссея пустынника.

Схиигумен Илия (игумен Иларий)[42]

(†9/22 июля 1863)

Игумен Иларий происходил из торгового сословия и родился в городе Мологе Ярославской губернии в 1796 году. На двадцатом году своей жизни он поступил в Белобережскую пустынь Орловской губернии. Ища все большего и большего

---

[41] См.: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 338–341.— *Ред.*

[42] См.: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Июль. М., 1910. С. 148–151.— *Ред*

подвижничества, он побывал и в Коневском, и в Валаамском, и в Соловецком, и в Свирском монастырях. В последнем монастыре в 1828 году он получил сан иеромонаха и вскоре перешел в Оптину пустынь. В Оптиной отец Иларий был учеником знаменитого старца Льва. В 1834 году отец Иларий был назначен на должность настоятеля Николо-Угрешского монастыря, которым управлял 18 лет, привел его в цветущее состояние как в духовном, так и в материальном отношении.

Последнее время своей жизни отец Иларий провел в Гефсиманском скиту, где особенно был дружен со старцем Феодотом, также бывшим насельником Оптиной пустыни. За несколько лет до смерти отец Иларий принял схиму с именем Илия. В строго монашеском порядке текла его жизнь. Двери его келлии всегда были затворенными. Свободное от молитвы время он проводил за чтением святоотеческих книг, причем всегда старался читать по-славянски. Благодаря хорошей памяти он немало знал рассказов, сведений и назидательных слов подвижников монашества. Никогда не пропускал богослужения церковного, но в братскую трапезу во время настоятельства по будням не ходил, а приготовлял постную пищу у себя дома, иногда сам, а иногда дозволял делать это и келейнику, особенной же кухни не имел. Печи в своей келлии топил почти всегда сам; келейник приносил дрова, а клал их в печь отец Иларий сам, и все это он делал с молитвой. Если в это время в его келлии присутствовал кто-либо из монашествующих, то он говорил: "Благослови, отче!", а если кто из послушников, то: "Благослови, брате!". Без молитвы же никакое дело у него не делалось. Никакой работой не пренебрегал отец Иларий. Обветшавшее белье и платье чинил всегда сам. Случалось, что в монастыре расстраивалось дело печения просфор, тогда отец Иларий, бывший в Свирском монастыре просфорником, сам пек просфоры и научал других. Так в строго иноческих правилах и смирении текла жизнь отца Илария. Скончался он 9 июля 1863 года.

Схимонах Иларион (Козлов)[43]

(†5/18 марта 1850)

В миру Иван Космич Козлов. Житель города Москвы. Был в свое время женат и имел детей и внучат. Был богат и пользовался почетом у московских граждан. Служил в разных комитетах, и грудь его была украшена медалями; но в нашествие в 1812 году французов лишился всего своего состояния, которое было ими разграблено. В то время и честь его несколько пострадала. Принужденный в Москве Наполеоном, Иван Космич, в числе прочих, состоял во временной Наполеоновской комиссии, за что последовало неблаговоление к нему государя императора Александра I. К этим несчастиям присоединилось еще и то, что он овдовел. Так суждено было ему Промыслом Божиим испытать и дознать на себе все превратности мирской жизни.

Удалясь из шумной столицы, Иван Космич в январе 1836 года прибыл в безмолвный Оптинский скит, искренно предал себя в послушание старцам и, несмотря на преклонные лета (ему было в то время уже лет 80), доказал ту истину, что усердное произволение в год может сделать более, чем ленивое в пятьдесят лет. Готовый на всякое дело благое, он был для многих примером усердия. К службе Божией приходил раньше всех и любил звонить в колокола. Послушание его было — стоять при свечном ящике и по чреде читать Псалтирь. В 1837 году Иван Космич был пострижен в рясофор и наречен Иларионом; а после, при болезни,— в мантию и схиму. Несколько раз он, по монастырской надобности, отправлялся в Москву и Санкт-Петербург, откуда доставлял обители обильные пожертвования от своих близких знакомых. С 1845 года он постепенно стал ослабевать силами и зрением, а в 1848 году ослабела у него и память. Несмотря на это он до самой своей кончины творил молитву Иисусову. Часто со слезами и сокрушением сердца взывал

---

[43] См.: Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 432–434; см. также: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Март. М., 1907. С. 22–25.— *Ред.*

он: "Господи, не остави меня, внегда оскудевати крепости моей!". И Господь видимо не оставлял его.

Беспамятство его также проявлялось в умилительных действиях. Например, только что возвратившись из церкви, он снова собирался идти в церковь. Или, едва окончив келейную молитву, опять становился на молитву и тому подобное. Приставленные к нему послушники — Симеон и, за отсутствием его, Павел — прислуживали старцу и с любовью пеклись о нем, как о дитяти. Иногда в беспамятстве, представляя себя семьянином, обратившись к Симеону, старец так любовно скажет: "Сенюша! Сходи-ка на мезонин, посмотри там, что внучки-то, встали, что ли? Здоровы ли они?". Ответит Симеон: "Хорошо, дедушка, хорошо!". Затем отправится в свою келлию, побудет там несколько минут и, возвратившись к старцу, доложит: "Встали, дедушка, внучки, встали; живы и здоровы, кланяются вам". И старец в самодовольстве поблагодарит Симеона: "О, спаси тебя, Господи!".

Часто приобщался Иларион Святых Христовых Таин. Удостоившись и в самый день кончины своей причаститься сих пренебесных и животворящих Таин, он с миром и безболезненно почил от многотрудной жизни своей, оставив по себе добрую память в сердцах всех знавших его. Кончина его последовала 5 марта 1850 года, в сырное воскресенье. От роду ему было, по его словам, более 100 лет, а по увольнительному свидетельству — 96. На надгробной его плите, вероятно по ошибке, стоит возраст 90 лет.

Иеросхимонах Иоанн (Малиновский)[44]

(†4/17 сентября 1849)

Родился 2 мая 1763 года от православных родителей, Иоанна и Анны Малиновских, в экономической слободе Подновье, расположенной на Волге в пяти верстах от Нижнего Новгорода. Но, оставшись на пятом году рождения круглым сиротой, имел несчастье попасть на воспитание к раскольникам, которые обучили его грамоте и вместе с тем влили яд раскола в его душу. На 17-м году, имея влечение к жизни уединенной, он оставил дом своих воспитателей и удалился к раскольникам в Керженские леса и скиты, что в 60 верстах от Нижнего Новгорода, где и прожил довольно долгое время. Но душа его ни на одну минуту не имела спокойствия, и он всегда чувствовал в отношении исповедуемой им веры сердечное томление и скуку, особенно оттого, что, по собственным словам отца Иоанна, "видел между оными скитниками великое разногласие в толковании Священного Писания и разномыслие касательно их собственного учения. Каждый из них усиливается любимую им секту превозносить и восхвалять, а другие, яко душевредные, опорочить и опровергнуть. Отселе между ними всегда происходят весьма пылкие и неосновательные словопрения, а иногда даже и драки. (Жившая на скотном дворе при Оптиной пустыни, когда еще жив был старец отец Амвросий, монахиня Палладия, обратившаяся из раскола в Православие, рассказывала, что все скитники-раскольники умирают страшной смертью — дерут на себе волосы и кричат разными неистовыми голосами. Чтобы сократить страдания сих несчастных, их обыкновенно свои же раскольники душат подушками.) Вследствие этого отец Иоанн перешел оттуда в скит Высоковский Костромской губернии, бывший до 1820 года раскольничьим скитом. Но и там нашел ту же неурядицу. Между тем по непреклонному сердечному расположению к иноческой жизни он пострижен был здесь в мантию беглым иеромонахом Ефремом на 22-м году своей жизни и наречен Исаакием. От соединения с Православной Церковью в то время он был еще далек. Его удерживали в расколе неправые мудрования о вере, внушенные ему с детства, и в особенности пункт, который, по его замечанию, более всего удерживал многих от обращения к Православию, это — триперстное сложение, которое раскольники именуют печатью антихриста, о коей

[44] См.: Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 336–345; см. также: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909. С. 65–69.— *Ред.*

говорится в Апокалипсисе (см.: Откр. 13, 16–18). Раскольники поэтому учат, что кто молится тремя перстами, те уже спастись не могут.

Но *хотяй всем человеком спастися и в разум истины прийти*[45], Премилосердый Господь дивными судьбами Своими обратил отца Исаакия на истинный путь спасения. К нему расположился Высоковский настоятель, инок Герасим, и стал посылать его с книгой по разным городам и селам для сбора подаяний. Пользуясь этим случаем, отец Исаакий побывал в разных православных монастырях и пустынях, где имеются святые нетленные мощи угодников Божиих и святые чудотворные иконы. Там он вступал в разговоры и рассуждения с благочестивыми людьми, испытуя их мнения о Православной Российской Церкви и о вере старообрядцев. Их-то богомудрые ответы, при содействии благодати Божией, и привели отца Исаакия к тому, что он "убежден был совестью сознаться в своем заблуждении и признать истину". Но для большего убеждения в истинности Православия он стал со вниманием читать Священное Писание и противораскольнические книги и усердно молить Господа о вразумлении. И Господь открыл его очи душевные: он вполне убедился в святости и непорочности Восточной Кафолической Церкви. Однако после он прожил в Высоковском скиту еще пять лет, надеясь и прочих раскольников убедить в истинности Православия. Некоторые из них, более благоразумные, действительно убедились и перешли в Православие, но остальные раскольники-фанатики до того озлобились на отца Исаакия за его проповедь об истинности православной веры и Церкви, что подвергли его сильным побоям. И если бы настоятель Герасим силой не освободил его от рук злодеев, они могли бы убить его до смерти.

После такого печального обстоятельства отец Исаакий решил уже больше не иметь общения с раскольниками и, оставив Высоковский скит, отправился сначала в Нижний Новгород, а затем в Москву и пристал там на короткое время к одной старообрядческой благословенной церкви, где и прожил 8 месяцев. Но в мае 1808 года он удалился в Таврическую область и прибыл в единоверческий Корсунский монастырь, в коем богослужение отправляется по старопечатным книгам, где и определился законным порядком, приняв Православие на правах единоверия. Там он посвящен был в иеродиакона и иеромонаха и, прослужив 10 лет, по причине несогласия в отправлении церковных обрядов с Православной Церковью переместился в православный Балаклавский монастырь в число духовенства Черноморского флота. Прослужив здесь пять лет, по причине старости и слабости здоровья 5 июня 1825 года по его прошению был уволен и определен на покой в Александро-Свирский монастырь Новгородской губернии, но в 1828 году в июне месяце отец Исаакий послан был вместе с прочими членами в Старорусскую Духовную миссию для обращения заблудших военных поселян из раскола к Православной Церкви. По возвращении оттуда в 1829 году он перешел на жительство в Александро-Невскую Лавру Санкт-Петербургской епархии и, наконец, по желанию его, переведен был в Оптинский скит, куда и прибыл в августе 1834 года.

До принятия схимы отправлял в скитской церкви священнослужение. А в 1836 году 1 октября, по его усердному желанию, с благословения Калужского Преосвященного Николая пострижен был оптинским отцом игуменом Моисеем в схиму с наречением имени Иоанн на 74-м году от роду и предан от пострижения известному святостью в жизни старцу Леониду (Льву).

Иеросхимонах Иоанн был духовником некоторых духовных лиц, а в отсутствие общего братского духовника исповедывал и некоторых из братий Оптиной пустыни. Во все свободное время, оставшееся от молитвенного правила, он пребывал в уединении и упражнялся в чтении душеполезных книг, из коих выписывал места, служившие доказательством к обличению раскольнических мудрований. Из этих выписок составлено им было шесть книг, в издании которых он удостоился милостивого покровительства Высокопреосвященного митрополита Московского Филарета, который и благосклонно

[45] Ср.: 1 Тим. 2, 4.— *Ред.*

принял несколько поднесенных ему экземпляров. Калужский епископ Николай также обращал милостивое внимание на ревность о Православии отца Иоанна, нередко присылал к нему на увещание закоснелых раскольников и даже посылал его в заштатный город Сухиничи для обращения зараженных расколом жителей.

Пребывая в Оптинском скиту, этот имевший незлобивое сердце старец с самого прибытия своего соблюдал крайнее нестяжание и смиренномудрие. В келлии своей он не только не имел денег и излишних одежд, но и необходимые келейные вещи употреблял самые малоценные. Потребные для прочтения книги брал из монастырской библиотеки, а иногда у отца игумена и у некоторых из братий. По прочтении же каждую книгу возвращал с приклеенным к ней листком, на коем означал, по своему усмотрению, достойные особого внимания статьи в той книге. Таково было внимательное его чтение книг с желанием душевной пользы ближнему!

В благообразном лице отца Иоанна, украшенном сединами, выражалась духовная радость, отпечаток внутреннего состояния его младенчески-незлобивой души. Его тихое и миролюбивое со всеми обращение заставляло всех любить и уважать его. Всегда он был готов подать добрый совет братиям, требовавшим духовной помощи в борьбе со страстями; но во всяком случае беседа его была исполнена великого смиренномудрия с укорением себя. Его скромная и простая речь с частым повторением любимой им поговорки "Эдакая право-да" имела особую силу и успех к убеждению и утешению братии.

Впрочем, когда нужно было, старец умел показывать и строгость. Был такой случай. Вследствие временного отсутствия скитоначальника ему поручен был надзор за скитом. Заметив одного в чем-то провинившегося брата, отец Иоанн сделал ему строгий выговор. Но так как на сердце у него ничего злобного не было, то, отойдя несколько шагов от келлии его, старец благодушно проговорил про себя: "Эдакая право-да! Показал свою власть!". Не прочь бывал иногда старец и подшутить и сострить.

Одновременно с этим старцем жил в скиту молодой рясофорный монах отец Иоанн (Половцев; впоследствии Виленский архиепископ Ювеналий). Проходя однажды мимо его келлии, старец остановился против его окна и воззвал: "Отче Иоанне! Отче Иоанне!". Отец Иоанн подошел к окну. Старец только проговорил: "Бысть разрушение велие",— и тотчас ушел. "Что такое значит?" — недоумевал отец Иоанн и долго никак не мог объяснить себе слов старца. Наконец вышел он на прилегавший к его келлии дворик, где сложены были в поленницу дрова, и видит, что поленница его вся развалилась. "А,— подумал отец Иоанн,— вот оно, разрушение-то велие!".

Побои, которые претерпел старец от раскольников, о чем упомянуто выше, давали о себе знать болями в голове, груди и ребрах. Вообще же он был крепкого телосложения, и других болезней, как, например, простуды и других, он не знал, так что при заболевании многих скитских братий, как это всегда случалось и ныне случается, обыкновенно говорил: "Эдакая право-да, это не скит, а больница". Неоднократно в разговорах он выражал свое желание, чтобы Господь, по милосердию Своему, попустил ему за несколько времени пред смертью поболеть, будучи уверен, что болезнями душа больше возбуждается готовиться к исходу от сей жизни и что через них облегчается участь ее в вечности. Желание его не осталось без исполнения. С 1848 года, когда старцу исполнилось уже 86 лет, его часто стали посещать болезни, особенно стеснения дыхания в груди. Перед последней его тяжелой болезнью братия заметили, что он нередко стал выходить из келлии на скитское кладбище, останавливаться там и сидеть у могил. На вопрос некоторых любопытных: "Что вы, батюшка, так часто стали ходить к могилкам?" — смиренный старец тихо отвечал: "Да вот, эдакая право-да, прошу отцов, чтобы приняли меня в сообщество свое". Вскоре после того он заболел тяжкой болезнью и уже не мог выходить из келлии до своей кончины.

Заметим при сем, что, когда отец Иоанн был здоров, он имел обыкновение навещать тяжелобольных, в особенности приближавшихся к смерти, и убеждать их к благодушному

терпению, выставляя великую от сего пользу душевную. Когда же сам сильно занемог и пришел навестить его старец иеросхимонах Амвросий, отец Иоанн сказал: "Эдакая право-да, хотя полезно поболеть, однако скучное это дело".

По желанию болящего он особорован был святым елеем и по принесении чистосердечной исповеди во грехах неоднократно приобщался Святых Христовых Таин. До самой смерти не оставлял молитвенных правил, которые вычитывал для него служивший при нем послушник. В день же кончины по причащении Святых Таин Тела и Крови Христовых отец Иоанн почувствовал облегчение в болезни, свободно и с духовным утешением разговаривал с бывшими при нем братиями, рассказывал им о кончине некоторых известных ему благочестивых и ревностных в отношении Православия архиереев и других мужей, также говорил и о состоянии души в будущей жизни, как бы намекая этим на разлучение души своей от тела. В такой душеполезной беседе он вдруг умолк, и, восклонившись на одре, тихо почил сном непробудным до общего воскресения. Кончина его последовала 4 сентября 1849 года. На третий день после кончины отец игумен Моисей совершил в скитской церкви соборне Божественную литургию и чин погребения над телом почившего, которое в присутствии братии и похоронено было в скиту в общем погребальном месте. Всей жизни его было 87 лет. В скиту прожил 15 лет.

Памятником по себе старец отец Иоанн оставил шесть составленных им книг противораскольнического содержания, так как сам он долгое время заражен был расколом и потому подробно знал все заблуждения раскольников. Книги эти следующие:

1. Доказательства о древности трехперстного сложения и святительского именословного благословения. М., 1839.
2. Дополнения к доказательствам о древности трехперстного сложения. М., 1839.
3. Дух мудрования некоторых раскольнических толков. М., 1841.
4. Обличение заблуждений раскольников перекрещеванцев с показанием истинного крещения. СПб., 1847.
5. Доказательства непоколебимости и важности Святой Соборной и Апостольской Кафолической Церкви Восточной. М., 1849.

Эту пятую книгу получил старец из печати, когда уже лежал на одре в предсмертной болезни. Из глубины сердца возблагодарил он Господа Бога, сподобившего его видеть плоды трудов своих, и с чувством произнес: "Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, с миром: яко видеша очи мои приятым скудное мое приношение Святой, Соборной и Апостольской Церкви".

6. Последнее сочинение старца под заглавием: "Беседа в разрешение старообрядческих сомнений о принятии благословенных священников от Православной Восточной Церкви", представляющее доводы и свидетельства от Священного Писания, правил Вселенских Соборов, от разных старопечатных книг, уважаемых раскольниками, и из творений достоверных церковных писателей — напечатано уже было после его смерти. Кроме сих отпечатанных книг осталось и еще несколько записей иеросхимонаха отца Иоанна о разных предметах, относящихся к обличению раскольнических заблуждений.

Главными отличительными свойствами описанного старца были смиренномудрие, кротость, евангельская простота и младенческое незлобие. Вечная тебе память, честнейший отче!

Схимонах Иоанникий (Руфов)[46]

(†30 апреля /13 мая 1815)

---

[46] См.: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Апрель. М., 1908. С. 326–328.— *Ред*

Начало благочестивому пустынножительству на месте, занимаемом ныне скитом Оптиной пустыни, положил схимонах Иоанникий, смиренный старец-подвижник, живший в конце XVIII – начале XIX столетия. Возлюбив совершенное безмолвие, он с благословения настоятеля поселился в глубине монастырского леса, на малой пасеке, с двумя монахами — Мисаилом и Феофаном. Там, в уединенной келлии, благочестивый отшельник, скрывая себя от людей, подвизался подвигом добрым, угождая Богу постом, молитвой и слезами. Но, как тщательно ни бегал старец мирской молвы и славы человеческой, деятельная жизнь его, по воле Божией, не была тайной для окрестных жителей: граждане Козельска знали смиренного старца и славили за него Господа Бога, Которого он прославил своей жизнью. По единогласному свидетельству мирян, знавших схимонаха Иоанникия, и иноков обители, старец сей был украшен всеми монашескими добродетелями: его кротость, смирение, братолюбие и беспрекословное подчинение настоятелю были образцом спасительной жизни для братства Оптиной пустыни. Он тем более достоин ее памяти, что подвизался в эпоху возрождения и обновления сей обители, когда бывает так необходим пример для новоначальных иноков и прибывающих на искус трудников.

Богоугодная жизнь старца увенчалась и блаженной кончиной: мирно преставился он в небесный покой 30 апреля 1815 года и погребен в северной колоннаде соборного храма (ныне место это вошло внутрь придела преподобного Пафнутия[47]).

На плите, покрывающей его могилу, вырезана следующая надпись:

"На сем месте
под сею чугунною доскою
погребено тело схимонаха Иоанникия.

А оный родом Калужской епархии Жиздринского уезда, села Толстошева из пономарей, который, по своему доброму желанию, определен был указом в сию Оптину пустыню, в число братства 1802 года сентября 19 дня; пострижен в монашество 1810 года в апреле месяце и находился в жизни своей целомудренно, в немалых монастырских трудах и послушаниях неленостно; также и церковной всей службы никогда не оставлял, и вхождение имел в церковь с великим успехом, Божию службу провождал слушанием, ревностно и кротко, и во всем поведении крайне был тих и незлобив, и при том имел немалую и нелицеприятную любовь ко всем, настоятелю и братии,— и в таковой добродетельной жизни, во всем по долгу христианской, и схимонашеского сана, с принадлежащим духовным исправлением, блаженно и скончался 1815 года апреля 30 дня, в пяток, по полудни, в исходе 4 часа; а погребено тело его мая 2 числа в воскресный недельный день. Аминь.

Духовные мои отцы, братия и спостницы! Егда молитися, не забудьте мя во святых своих молитвах ко Владыке Господу Богу, да учинит дух мой с праведными в вечном блаженстве".

<…>

Схимонах Карп (Алексеев) слепой[48]

(†13/26 марта 1866)

13 марта 1866 года скончался в Оптиной пустыни замечательный подвижник, слепец отец Карп, из государственных крестьян Калужской губернии, Масальского уезда деревни Бараний Рог. В Оптину пустынь поступил он в 1832 году и первоначально был звонарем, потом более 20 лет до старости трудился в хлебне. В этом послушании он показал в себе необыкновенного подвижника. В трудах он никогда не уступал никакому молодому,

---

[47] Левый придел Введенского собора монастыря, освященный в 1989 году в честь преподобного Амвросия Оптинского.— *Ред.*

[48] См.: *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Оптина пустынь, б. г. С. 237–240.— *Ред.*

здоровому человеку. Для жительства ему в хлебопекарне был отгорожен уголок аршина в три, и потому как неисходный жилец хлебни он первый являлся к делу и последний отходил. А также при всякой даже малейшей потребности приходивших он готов был служить каждому. Сверх того, когда сотрудники его отходили по келлиям, он отправлялся в амбар сеять муку, что исполнял один, а муки ежедневно выходило более 20 пудов. При этом помогал носить воду, дрова, муку из амбара в хлебопекарню. В свободное от этих занятий время рассматривал пряжу для неводов. В этом же рукоделии и молитве проводил почти всю ночь.

В церкви бывал неопустительно и отправлялся туда, как только дозволяли ему труды по послушанию. Точность его и внимательность были столь велики, что всякий раз, как только проходил мимо храмов, он против входа каждого храма останавливался и клал положенное число поклонов. Проводя не только дни, но и почти все ночи без сна, он в церкви всегда почти боролся со сном, особенно под старость. Бдительность его была неимоверна. Если кому из братии бывало нужно встать в самую глухую пору ночи, то обращались к отцу Карпу: в час, в два, в три ли кто просил разбудить его — ложись и спи спокойно: в назначенный срок отец Карп тихо творит уже молитву и не отойдет, пока не разбудит.

Постоянное самовнимание и понуждение себя на все благое были отличительными чертами отца Карпа. Самоукорение как бы срослось с ним. Нравом он был кроток и молчалив; в обращении с братией ласков, приветлив и любовен. Еще покойный старец отец Лев любил его и говаривал о нем: "Карп слеп, но видит свет", разумея тот свет, который и зрячим недоступен.

Слепотой своей он не только не тяготился, но и дорожил ею как средством ко своему спасению и с любовью нес этот крест, возложенный на него Господом. Валаамский игумен Варлаам, живший в Оптинском скиту на покое, однажды, испытывая его, сказал: "Отец Карп! Не хочешь ли поехать в Москву? Там есть искусные доктора; они бы сделали тебе операцию, и ты бы стал видеть". Отец Карп испугался этого предложения. "Что вы, что вы, батюшка,— отвечал он,— я этого вовсе не хочу, я спасаюсь своей слепотой!".

В последние годы жизни отец Карп стал изнемогать, уже не мог по-прежнему трудиться, но очень усерден был к службам Божиим и, желая быть постоянно в храме Божием, просил отца настоятеля, чтобы для него устроена была келлийка при входе в Казанскую церковь. Но исполнить его желание было неудобно. Почувствовав изнеможение сил, он келейно принял пострижение в схиму. В декабре 1865 года слег в постель, впрочем никакой болезни не чувствовал. Даже незадолго до самой смерти, когда братия его спрашивали: "Что у тебя болит, отец Карп?", он отвечал: "Ничего не болит". До последних минут своей жизни он сохранил ясное сознание. Благовременно был напутствован всеми христианскими Таинствами и 13 марта 1866 года, в воскресенье 5-й недели Великого поста, в час пополудни мирно и тихо почил о Господе.

Замечательно, что старческое лицо отца Карпа, которое при жизни его было самое обыкновенное, по смерти стало так благообразно, чисто и светло, как у невинного младенца, и видимо сияло благодатью Божией, так что все братия удивлялись. На третий день его кончины никто не ощущал от тела его ни малейшего запаха. Так Господь по смерти его еще здесь прославил этого смиренного подвижника, который никогда не искал человеческой славы и всю жизнь свою провел в неизвестности.

Иеромонах Климент (Зедергольм)[49]

(†30 апреля / 13 мая 1878)

В миру Константин Карлович Зедергольм, родом из Москвы, сын лютеранского пастора, отставной коллежский асессор, магистр Московского университета, прекрасно знал языки: русский, немецкий, французский, английский, латинский и греческий. На

[49] Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 497–514.— *Ред.*

последнем свободно объяснялся и своим знанием удивлял даже природных греков. Рожденный и воспитанный в лютеранстве, он в 1853 году по собственному желанию присоединен был к Православной Церкви в скиту Оптиной пустыни. Восприемником его был покойный старец батюшка отец Макарий. После того он служил по духовному ведомству при Обер-прокуроре Святейшего Синода, графе Александре Петровиче Толстом, чиновником особых поручений. Он всегда имел к графу большую привязанность, а также и граф сердечно, благоволительно относился к нему. В 1860 году по поручению Святейшего Синода Константин Карлович вместе с Петром Ивановичем Соломоном, служившем тогда в Святейшем Синоде, ездил по церковным делам на Восток, был на Афоне и в Иерусалиме.

В 1862 году он, по влечению сердца своего, поступил в монашество в Оптинский скит 32 лет от роду. Это было 31 марта в навечерие праздника Входа Господня в Иерусалим. Ему была определена небольшая келлийка в так называемом Ключаревском корпусе, занимающая северо-восточный угол. "При вступлении моем в скит,— так передавал после Зедергольм (неизвестно только, в какой раз),— сердце мое сказало мне: "*Сей покой мой во век века: зде вселюся, яко изволих и*"[50]". И вселился. 3 августа 1863 года Константин Карлович пострижен был в рясофор в келлии старца батюшки отца Амвросия отцом строителем Исаакием в присутствии монастырского иеромонаха отца Феодота, а 9 сентября того же года определен в число скитского братства указом Духовной консистории. Летом 1867 года по благословению скитских старцев построен был для отца Константина в счет расположенного к нему графа А. П. Толстого на южной стороне скита особый приличный корпусок, куда он тем же летом и перебрался из своей маленькой келлейки. Вместе с ним перешел туда же и прислуживавший ему брат, отец Тимофей (Трунов; впоследствии манатейный монах Тимон).

Главным послушанием отца Константина было письмоводительство у батюшки отца Амвросия. В новом же удобном помещении ему прибавилось еще и другое послушание. Здесь же он каждодневно, исключая воскресные и праздничные дни, по благословению старца батюшки отца Амвросия вместе с некоторыми братиями занимался переводом на русский язык святоотеческих книг. Время распределено было так: утром до обеда писались для старца письма, а после обеда до ужина были книжные занятия. В том же 1867 году 16 декабря в день субботний отец Константин был пострижен в скитской церкви в мантию и получил новое имя — Климент, а в 1870 году 7 сентября, в день освящения в монастыре главного Введенского собора по случаю внутренней его перестройки, Высокопреосвященным архиепископом Григорием II посвящен был в иеродиакона.

Летом 1873 года благодетель отца Климента, граф А. П. Толстой, бывший за границей, тяжело заболел в Швейцарии, в Женеве. Супруга его, графиня Анна Георгиевна, по этому случаю была в великой скорби, опасаясь, как бы граф не скончался без христианского напутствия. И потому она убедительно просила письменно и, в особенности, через Наталию Петровну Киреевскую (супругу известного литератора Ивана Васильевича Киреевского) отца игумена Исаакия и старца батюшку отца Амвросия послать к больному графу отца Климента, принимая все путевые издержки на свой счет. Старец с игуменом решились исполнить желание убитой горем графини. Вследствие этого отец Климент немедленно собрался и вечером 6 июля в сопровождении своего келейника отца Тимофея выехал из Оптиной в Калугу. 7-го числа он представился к Высокопреосвященному Григорию, который на следующий день, на праздник Казанской иконы Божией Матери, во время своего служения в Калужском женском монастыре рукоположил его в иеромонаха. 9-го числа отец Климент выхлопотал себе заграничный паспорт от калужского губернатора, а 10-го был уже в Москве. Как обрадована была графиня отцом Климентом, выразила она в письме к батюшке отцу Амвросию от 21 июля

---

[50] Пс. 131, 14.— *Ред.*

в следующих строках: "Вы поймете, как утешил меня отец Климент. Его неожиданное посвящение, разрешение ему ехать за границу и, наконец, отпуск на три месяца — все это такое благодеяние, такая милость, за которую благодарить трудно. Сам Господь Своим могучим милосердием да воздаст всем за меня!".

Вечером 12 июля отец Климент со спутником своим выехал из Москвы, 14-го был в Варшаве, 15-го в Вене, 16-го в Мюнхене, 17-го приехал в Швейцарию и 18-го числа в два часа утра прибыл в Женеву. 19-го числа утром он исповедал и причастил больного графа Александра Петровича запасными Святыми Дарами, взятыми с собой из Оптиной пустыни. 20-го утром он вторично его приобщил, а 21-го числа во втором часу пополудни граф Александр Петрович скончался в присутствии отца Климента. Граф перед тем в последний раз сообщался Святых Таин 1 октября 1872 года, но ни в Рождественский, ни в Великий пост не говел. Также и во время своей болезни, несмотря на убеждения Женевского протоиерея и иеромонаха Нестора из города По, он не соглашался принять Святые Таины. Огорченный отказом графа, отец Нестор вскоре и уехал из Женевы, а через несколько часов после его отъезда прибыл к графу и отец Климент.

22 июля в десятом часу вечера получена была в Оптиной телеграмма о кончине графа А. П. Толстого. По этому случаю на следующий день, 23-го числа, была в скиту заупокойная по нем литургия и панихида. В тот же день в Женеве в русской церкви протоиерей отец Афанасий Петров служил также заупокойную литургию, а после оной вдвоем с отцом Климентом отпевали тело новопреставленного графа, а отец Тимофей стоял в это время в алтаре и читал 17-ю кафизму. После отпевания гроб с телом покойного заделали в свинцовый гроб, а свинцовый гроб опять в дубовый. По получении от швейцарского правительства дозволения на вывоз покойника дворецкий и камердинер графа с его гробом 27 июля выехали из Женевы. В тот же день и отец Климент с отцом Тимофеем выехали оттуда на Базель и Франкфурт. Во Франкфурте оставались сутки, а 29 июля в воскресенье, в девятый день по кончине графа, ездили в Висбадене служить литургию в русской церкви и виделись там с родным братом покойного — графом Егором Петровичем Толстым. 30 июля путники были в Берлине, где служили литургию в русской посольской церкви. Того же дня вечером они выехали оттуда и через Вержболово, Динабург и Смоленск 2 августа прибыли в Москву, а 3 августа привезено было и тело графа и со станции отвезено прямо в приходскую церковь Покрова в Кудрине.

В воскресенье 5 августа Московский митрополит Иннокентий и викарный епископ Леонид служили над телом графа заупокойную литургию и панихиду. Сослужащими были: ректор Московской Духовной Академии Александр Васильевич Горский, протопресвитеры Невский и Богословский, греческий архимандрит Григорий, четыре протоиерея, три священника и отец Климент. После панихиды Преосвященный Леонид со всем прочим духовенством сопровождал гроб покойника до Донского монастыря, где граф Александр Петрович и похоронен вблизи родителя своего, графа Петра Александровича Толстого. По окончании погребальной церемонии в доме графини по обычаю был обед для почетных гостей.

<…>

В разговоре о кончине графа Александра Петровича Преосвященный Леонид выразился так: "В жизни своей граф искал Господа, а перед кончиною его Господь взыскал его". И все, знавшие графа, много удивлялись чудному Промыслу Божию о нем. В жизни своей он много благодетельствовал отцу Клименту и в то время, когда он служил при нем в Петербурге, и по поступлении его в скит, где граф для него, как выше упомянуто, и келлию построил. А перед кончиной графа, когда его близкие опасались, что он отойдет из сей жизни без христианского напутствия, Господь сподобил отца Климента за все благодеяния воздать благодетелю своему христианским напутствием.

18 августа скитские путники благополучно прибыли из-за границы в скит. После того жизнь отца Климента потекла обычной чередой. Он, как и прежде, писал для батюшки отца Амвросия письма. Иногда писал небольшие статьи для "Душеполезного чтения".

Написана была им вскоре по возвращении из Швейцарии и статья о его заграничном путешествии и напечатана в упомянутом журнале. Из нее ясно можно видеть, как далеко уклонилось протестантство от Православия. Например, пишет отец Климент: "Разбирать содержание (швейцарского) катехизиса не берусь, но чтобы дать о нем понятие, скажу о том, *чего в нем нет*. В нем не говорится ни о Святой Троице, ни о Божестве Господа Иисуса Христа, ни о сотворении мира, ни об Ангелах, ни о демонах, ни о рае, ни о грехопадении прародителей, ни об искуплении рода человеческого крестною смертью Сына Божия, ни о Страшном Суде, ни о вечных муках, и даже о бессмертии души говорится как-то очень туманно. Вообще, в этом катехизисе не отображена вся положительная догматическая часть христианского учения, а остались некоторые нравственные понятия. Вернее сказать, читая содержащиеся в этом катехизисе рассуждения, чувствуешь, что словами, заимствованными от христианского учения, прикрываются мысли совершенного неверия" (Поездка за границу // Душеполезное чтение. 1877. Июнь).

Отец Климент отличался ревностью к Православию, благочестию и к ученым трудам, любовью к Отечеству, точностью в исполнении устава церковного и правил жития монашеского и особенной детской преданностью к старцу батюшке отцу Амвросию. С каким, например, усердием принимал он участие в обращении старцем отцом Амвросием к Православию католиков и других иноверцев! С каким жаром опровергал заблуждения свободно мыслящих христиан! Или еще: как он опечален был присланной ему вышедшей первым изданием книгой англичанина Фаррара "Жизнь Иисуса Христа" в русском переводе! Сам бывший протестант, отец Климент очень хорошо понимал протестантские заблуждения, и вот на что особенно он обратил внимание: в книге ничего не сказано о Приснодеве Богоматери. Далее, можно к сему прибавить, там сказано, что Иисус Христос в детстве играл. Да, да! Бог явился во плоти, чтобы с ребятами играть! Странно, даже более чем странно! И к чему это еще оставлены в подстрочиях вольтеровские хульные изречения? Разве для того, чтобы смущать православные умы, нетвердые в вере? А таких нетвердых какое множество и было, и есть, особенно в наше распущенное время! Или ради того, чтобы в чистых умах насеивать помыслы хулы бесовской? Как хитра злоба бесовская, всегда сплетающаяся с добром и омрачающая его светлость! (Отзыв уважаемого всем православным христианским миром достопочтеннейшего отца протоиерея Кронштадтского Андреевского собора Иоанна Ильича Сергеева о книге Фаррара: "Сколько духовного яда в книге Фаррара! И этот яд глотают юноши и взрослые и пропитываются им. Заподозрено этим писателем Приснодевство Богоматери и оставлено под сомнением Богочеловечество Христово. О, ужас! Да это едва не новое арианство!". Газета "Свет". 1897. 22 декабря.)

Еще случай. Издавна семейство Зедергольмов было в близких отношениях с семейством Филипповых, и потому отец Климент с Тертием Ивановичем Филипповым, государственным контролером, были с детства друзьями. Но пока Тертий Иванович ратовал против раскола, дружба у них с отцом Климентом продолжалась. Когда же Тертий Иванович стал писать статьи в пользу раскольников, отец Климент стал огорчаться на своего старого друга. И когда этот старый друг для каких-то справок в защиту раскола попросил письменно отца Климента выслать ему в Петербург имеющуюся у него греческую "Кормчую", отец Климент по этому случаю очень расстроился. Старая дружба побуждала послать просимую книгу, а ревность о Православии не дозволяла ему это сделать. В недоумении он обратился за советом к старцу батюшке отцу Амвросию. Старец сказал: "Так и напиши, как думаешь и чувствуешь, что совесть твоя запрещает тебе исполнить просьбу друга". Так отец Климент и написал и в книге отказал.

За ревность его к благочестию ручается уже то, что он, несмотря на свое значительное положение в миру, избрал себе иноческую скромную жизнь с многообразными лишениями. Имея от природы пылкий характер, он, однако, всячески старался, при помощи Божией, по указаниям великого старца батюшки отца Амвросия

исправлять себя и направлять жизнь свою по заповедям евангельским. В особенности не любил отец Климент судить и осуждать людей, а также и слушать пересуды. Находясь за чайным столом со своим келейником, он имел обыкновение во время чаепития беседовать с ним о разных предметах. Но если келейник по неосторожности начинал осуждать людей, отец Климент прерывал беседу и начинал или молча ходить по комнате, или что-нибудь делать и переставал даже глядеть на него.

Ученых трудов отца Климента было немало. Он перевел: "Поучения преподобного аввы Дорофея" с новогреческого языка; "Двенадцать слов преподобного Симеона Нового Богослова"; исправил, а в некоторых местах и совсем переделал русский перевод "Огласительных слов преподобного Феодора Студита", издаваемых Оптиной пустынью; исправил русский перевод "Лествицы", снабдив ее новыми примечаниями; переделал книгу "Царский путь Креста Господня"; составил жизнеописание Оптинского старца Леонида (в схиме Льва); также жизнеописание отца игумена Антония, родного брата оптинского архимандрита Моисея; написал книгу о жизни и трудах Никодима Святогорца; переделал и значительно дополнил "Историческое описание Оптиной пустыни", напечатанное вторым изданием; наконец, написано было им немало составленных и переведенных статей для "Душеполезного чтения", как выше упомянуто.

Любовь отца Климента к своему Отечеству — России, несмотря на то что он по природе был немец, была достойна подражания. Он всегда с большим прискорбием относился ко всем бывшим в его время нестроениям на Руси. Во время русско-турецкой войны за Болгарию он где-то отыскал молитвы о даровании Богом победы над врагами, которые, по благословению старцев, и прочитывались на проскомидии служащими иеромонахами. Когда же были неудачи под Плевною, он, вследствие своего пылкого характера, однажды так расстроился, что и служить не мог при наступлении одного из праздничных дней. Спросили в это время старца батюшку отца Амвросия: "Батюшка! Или отец Климент не служит?" — "Да что! — ответил старец.— Плевна доняла нас!".

Что касательно церковного устава при отправлении служб церковных, отец Климент ревновал даже о самомалейших исправлениях. Например, на отпусте нужно помянуть святого. Если в служебнике записано: "Патриарха Царя-града", он так и говорил, а где написано: "Патриарха Константинопольского", то опять не заменял другими словами. И вообще говаривал: "Как написано, так и говори, зачем свое сочинять?".

В отношении исполнения правил жития иноческого он старался строго держать себя, даже, по-видимому, в мелочах. Так, например, издавна в скиту не дозволяется больше трех чашек средней величины пить чай. И отец Климент никогда не нарушал этого правила. Если где-нибудь в гостях захотят предложить ему выпить четвертую чашку, то он только с улыбкой скажет: "Грешим без числа, а чай пьем с числом". Вообще отец Климент любил во всем точность и строгость, как в отношении к себе, так и к людям. Вспоминая иногда о строгости императора Николая Павловича, он любил приговаривать: "Вот мой император!". Что отец Климент любил детской любовью старца батюшку отца Амвросия и всей душой был предан ему, это понятно. Ибо старец, как получивший от Господа дар рассуждения, принимая во внимание нежное воспитание отца Климента и его стремление к Богоугождению и спасению своей души, а вместе и немощи его пылкой души, видя также недюжинные его способности, коими он мог принести и приносил великую пользу вообще обители и, в частности, ему — старцу, он оказывал отцу Клименту нежно-отеческую любовь и благоснисхождение. Бывало, расстроится чем-нибудь отец Климент, что случалось нередко, придет к батюшке, запрется с ним один наедине и долго-долго изливает перед ним скорбь души своей плаксивым голосом, звуки которого вылетали из уединенной келлии. Слышен был также и голос любвеобильного старца, убеждающего, умиротворяющего и успокаивающего возмущенную душу отца Климента. Нередко отец Климент, по своей чрезмерной ревности к порядку и при своем вспыльчивом характере, оскорблял некоторых из скитских братий, но у него та была

прекрасная черта, что он сам же первый шел к оскорбленному брату просить у него прощения, иногда даже с земным поклонением.

Кроме вышеупомянутых ученых трудов со стороны отца Климента была еще немаловажная, собственно для скита, заслуга: он привел в порядок поминовенные благодетельские синодики, какового порядка и доселе держатся заведующие синодиками скитские монахи.

Приняв Православие, отец Климент имел большую заботу о том, как бы привлечь к Православию близких его сердцу родных. И вот при его содействии, а главное, при помощи Божией первым присоединился к Православию его младший брат, Максим Карлович, который после того неоднократно посещал Оптинских старцев и брата своего отца Климента и подолгу даже гостил в скиту в его корпусе. Затем под влиянием отца Климента имел склонность к Православию и другой его брат, военный генерал, принимавший участие в русско-турецкой войне за Болгарию, но неожиданная смерть, застигшая его еще не в старых летах, не дала ему возможности посерьезнее размыслить об этом важном предмете. Отец Климент очень сожалел об этом печальном исходе. Далее, услыхав о предсмертной болезни своей матери, тоже давно склонной к принятию Православия, отец Климент, будучи уже иеромонахом, по благословению старца батюшки отца Амвросия, призвав на помощь его святые молитвы, сам отправился в Москву с целью присоединить мать свою к Православию. По этому поводу у отца Климента с родителем своим — пастором — было немало разногласия и споров. Отец сначала отговаривал жену свою, а потом просто не позволял ей присоединиться к Православию. Мать желала приобщиться Святых Таин, а отец-пастор говорил: "Давай я сам тебя приобщу". А какая у лютеран Евхаристия? Одно только название. Наконец после долгих споров и разговоров отец Климент победил родителя его же собственным оружием — главным оружием протестантской теологии. Он остановился на том, что у лютеран принято такое положение: каждый из них может свободно принимать, понимать и толковать Святое Писание. "Если,— говорил он,— мать моя разумно и свободно убедилась, что Православие правильнее протестантства, то зачем же вы хотите стеснять ее свободу?". Отец на основании этого довода уступил. И отец Климент немедленно совершил над своей матерью Таинство Миропомазания и приобщил ее Божественных и Пречистых Таин Христовых. Оба — сын и мать — находились по этому случаю в великой радости духовной. Отец Климент, по монашескому обычаю, спросил старицу свою: "Как, матушка, ваше имя?". Слабым голосом, но в веселом духе она ответила: "Алена, то есть Елена".

Всячески старался отец Климент обратить к Православию и отца своего, и потому между ними была долгая полемика. Желая показать богатство истинно Святой Православной Христовой Церкви, отец Климент дал ему почитать беседы давно почившего профессора Киевской Академии Якова Кузьмича Амфитеатрова "Об отношении Церкви к христианам". Прочитав эту книгу, пастор-отец в недоумении проговорил: "А у нас-то что?". А у них нет ничего. И отец Климент своими доказательствами довел старика отца до того, что он сознался в превосходстве Православной Церкви перед лютеранской; но вовсе не извинительный стыд человеческий препятствовал ему принять Православие, так как он состарился в лютеранстве и притом был пастор очень умный и ученый. В последнее свидание с родителем отец Климент был очень любезно, сравнительно с прежними, принят им и даже получил от него денежное пожертвование на скит рублей 50. Все это очень радовало отца Климента и посеяло в нем надежду на присоединение отца-лютеранина к Церкви Православной. Но вскоре за тем получено было печальное известие о кончине его, что отозвалось в сердце любящего сына глубокой неутешной скорбью. И только старец батюшка отец Амвросий, этот великий врач духовный, мог разгонять налетавшее на отца Климента облако печали и успокоительно действовать на его огорченную душу, отягченную великим крестом, как понимал сам отец Климент.

К концу семидесятых годов отец Климент стал недомогать. Может быть, отчасти причиной тому была нежелательная смерть родителя в лютеранстве, не дававшая покоя по причине злополучной участи его души, отошедшей в вечность. До того отец Климент ходил вместе со скитскими братиями на утренние правила, а теперь он выслушивал их у себя в келлии, и притом лежа на койке под теплым одеялом. Чтецом у него был неизменный его келейник и друг монах Тимон. Несмотря на чувствуемую слабость здоровья, отец Климент не переставал ежедневно ходить к батюшке отцу Амвросию и помогать ему в письмоводительстве. И в свободное время для укрепления сил телесных он стал было делать прогулки по лесу. Однажды, встретившись в скитских воротах с близким ему монахом, он проговорил так серьезно-печально: "Хожу для моциона, да, кажется, уже поздно". В келлиях старца по вечерам он иногда, от ощущаемой им болезненности, издавал тяжелые стоны.

Настала Страстная седмица 1878 года. Отец Климент был еще на ногах, но уже на Светлой неделе его не было видно. Он слег в постель. Незадолго перед тем ему очень хотелось вызвать к себе старшего брата, бывшего в Тамбове инспектором врачебной управы, для свидания, а кстати и желая у него полечиться. Об этом отец Климент и писал ему, но брат-протестант не внял гласу своего родного брата, православного иеромонаха, не поехал. Отца Климента пользовали свой монастырский врач монах Нифонт, бывший в свое время военным доктором, и козельский врач Прусский. И первый определял болезнь воспалением легких, но второй не соглашался. Между тем у отца Климента открылась постоянная икота, которая, впрочем, по его словам, не мешала ему. Прусский для уничтожения икоты велел ему глотать лед малыми кусочками. Средство это хотя оказалось действенным — икота прекратилась, но после того отец Климент совсем уже ослабел, или, как выражался его келейник, как будто его варом сварило. В то время как больной уже не мог вставать с постели, старец батюшка отец Амвросий, видя его опасное положение, предложил было ему через людей принять постриг в схиму. Но отец Климент все еще, вероятно, надеялся на то, что будет чувствовать себя лучше, и потому сказал: "Поправлюсь, схожу к батюшке, сам лично поговорю с ним об этом". Однако он не поправился. Среди болезни его соборовали святым елеем и неоднократно сообщали Святых Христовых Таин. Прошла после Пасхи неделя. И вот 30 апреля, в день воскресный, в Неделю святых жен-мироносиц, отец Климент по окончании скитской литургии, причастившись в последний раз Пречистых и Животворящих Таин Христовых, мирно почил о Господе, оставив по себе добрую память и сожаление в сердцах многих преданных ему людей.

Незадолго до его кончины прошел слух, что начальство духовное намеревалось поставить его настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря, но преждевременная смерть отца Климента разрушила эту надежду. Да, по замечанию старца батюшки отца Амвросия, и к лучшему так Господь устроил. При своем очень вспыльчивом характере едва ли бы он мог управлять монастырем. Потому, когда отец Климент скончался, батюшка отец Амвросий, с сожалением относясь к своему особенно любимому духовному сыну, в то же время сказал: "Как благовременно взял Климента Господь!". Всего прожил отец Климент в скиту более 16 лет, а всей его земной жизни было 48 лет. На третий день после кончины отца Климента были похороны, которые отличались некоторым торжеством. Служил литургию и затем погребение любивший отца Климента братской любовью скитоначальник иеромонах отец Анатолий собором с двумя иеромонахами и иеродиаконом, в светлых праздничных облачениях.

После кончины отца Климента осталась большая библиотека, в которой было немало книг на иностранных языках, и в особенности на греческом. Покойник любил греческий язык как священный. Всех книг было до трехсот, если не больше. И все они, за исключением нескольких экземпляров, поступили в скитскую библиотеку. На могиле отца Климента по благословению скитских старцев положена большая чугунная плита с приличной надписью. Могила его находится [в скиту], если стоять лицом к востоку, на

правой стороне водруженного на кладбище Креста Господня с изображением Самого распятого Господа.

Схиархимандрит Ксенофонт (Клюкин)

(†30 августа /12 сентября 1914)

Схиархимандрит Ксенофонт (Василий Иванович Клюкин) родился в 1845 году. Он был определен в число братства Оптиной пустыни в 1869 году, нес послушание при рухлядной. Рясофором накрыт в 1871 году, в монашество пострижен в 1876-м, в иеродиакона рукоположен в 1884-м, в иеромонаха — в 1890 году. В этом же году он был избран казначеем.

В 1899 году иеромонах Ксенофонт был утвержден в должности настоятеля Оптиной пустыни с возведением в сан игумена. В 1900 году назначен благочинным монастырей Калужской епархии. В 1904 году возведен в сан архимандрита. Отец Ксенофонт имел много наград, в том числе наперсный крест от Святейшего Синода.

К сожалению, отрывочные сведения, разбросанные на страницах многочисленных книг об оптинских подвижниках, не дают возможности составить сколько-нибудь целостный духовный облик отца Ксенофонта. Но из всех этих сведений очевидно, что он был строгим подвижником, монахом святой жизни.

Приведем лишь строчки из воспоминаний митрополита Вениамина (Федченкова), посещавшего Оптину в бытность свою архмандритом, ректором Тверской Духовной Семинарии: "Вместе с этими монахами мне вспомнился и отец игумен монастыря. Я теперь забыл его святое имя — может быть, его звали Ксенофонт. Это был уже седовласый старец с тонкими худыми чертами бледного лица. Лет около 70. Мое внимание обратила особая строгость его лица, даже почти суровость. А когда он выходил из храма боковыми южными дверями, то к нему с разных сторон потянулись богомольцы, особенно — женщины. Но он шел поспешно вперед, в свой настоятельский дом, почти не оглядываясь на подходивших и быстро их благословляя. Я не посмел осудить его: слишком серьезно было лицо его. Наоборот, я наполнился неким благоговейным почтением к нему. Этот опытный инок знал, как с кем обращаться. И вспоминается мне изречение святого Макария Великого, что у Господа есть разные святые: один приходит к Нему с радостью; другой — в суровости; и обоих Бог приемлет с любовью"[51].

Архимандрит Ксенофонт скончался 30 августа /12 сентября 1914 года и был погребен в левом приделе Казанского собора монастыря.

Архимандрит Мелхиседек (Короткий)[52]

(†15/28 апреля 1841)

Замечательный старец сей пребывал на покое в Оптинской обители 17 лет и скончался 15 апреля 1841 года на 80-м году от рождения. Сначала поступил он в Николаевский Пешношский монастырь в 1782 году, где и пострижен был в монашество в 1786 году известным архимандритом Новгородского Тихвинского монастыря Игнатием. В том же году переведен в Тихвин монастырь, где и был ризничим. В 1791 году взят на ту же должность в Александро-Невскую Лавру. Находясь здесь, между прочим, в 1794 и 1795 годах он имел поручение переделать на ризницу придворный гардероб покойной императрицы Елизаветы Петровны для отсылки в обращенные из Унии церкви четырех епархий. В 1795 году отец Мелхиседек был возведен в сан игумена Николаевского Меденского монастыря и оставлен наместником Лавры. Впоследствии, в сане архимандрита, он был настоятелем трех знаменитых монастырей: Стравропигиального

---

[51] *Вениамин (Федченков), митрополит*. Божьи люди: Мои духовные встречи. М., 1997. С. 113.— *Ред.*

[52] См.: *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Оптина пустынь, б. г. С. 212–216.— *Ред.*

Ростовского Яковлевского, Спасского Арзамасского и Суздальского Спасо-Евфимиевского; в последнем за отличное прохождение своей должности и благоразумное содержание арестантов в годину искушения для России (1812–1813) высочайше награжден орденом святой Анны 2-й степени. Отказавшись за немощью от настоятельской должности, отец Мелхиседек в разное время проживал на покое во многих монастырях; но с 1824 года и по день кончины имел постоянное жительство в Оптиной пустыни.

Жизнь этого старца интересна во многих отношениях. Отец Мелхиседек, уроженец Курской губернии, принадлежал к купеческому сословию уездного города Белгорода. Наставленный родителями в правилах практического благочестия, он уже с поступлением в монашество, и притом своими трудами, достиг того духовного и общего образования, которое руководило им в восхождении по степеням духовной иерархии. Этому немало способствовало то обстоятельство, что он живал долгое время со знаменитыми духовными мужами, прославившими Отечество. Так, первоначально он находился при славном Тихвинском архимандрите Игнатии; был много лет наместником Александро-Невской Лавры при благочестивом митрополите Новгородском и Санкт-Петербургском Гаврииле и пользовался его постоянной доверенностью. Знал лично и удостаивался беседы Преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого.

Вот с какими мужами общался отец Мелхиседек.

От них-то занял он многое благопотребное на пользу души своей, как то: простоту жизни, смиренное мудрование и высокое смирение. Архимандрит Мелхиседек, несмотря на преклонные лета, до самой смерти сохранил твердую память и зрелый рассудок. Рассказывал умно и красноречиво о разных обстоятельствах своего времени. Будучи, по званию наместника Лавры, близким человеком митрополита Гавриила, он имел случай познакомиться у него с большей частью вельмож блестящего двора императрицы Екатерины II; многие из них удостаивали отца Мелхиседека своего расположения и неограниченной доверенности: вот причина, почему придворная и частная жизнь вельмож были ему хорошо известны.

Последующие времена не менее приносили известность старцу. Управляя Ростовским Яковлевским монастырем (где почивают мощи святителя Димитрия, митрополита Ростовского), он имел случай познакомиться с фамилией графов Зубовых, которые, проживая в то время в своих Ярославских деревнях, часто посещали вверенную ему обитель. Графиня Наталья Александровна Зубова, дочь великого Суворова, была духовной дочерью отца Мелхиседека. Граф Петр Васильевич Заводовский и граф Николай Петрович Шереметев удостаивали его своей дружбы. Когда у последнего родился единственный сын, граф Дмитрий Николаевич, то благодарный отец тотчас уведомил отца Мелхиседека особым письмом и просил в изъявление его признательности ко Господу соорудить в Ростовском Яковлевском монастыре соборный храм в честь святителя Димитрия. Деньги на построение сего храма отпускались по требованию отца Мелхиседека из вотчинной конторы близлежащего графского села Поречья, и требования эти, по приказанию графа, исполнялись без всякого замедления, так же точно, как его собственные. Покойный граф сыпал деньги на богоугодное дело щедрой рукой, не требуя никакого отчета от архимандрита. Достаточно будет заметить, что Николай Петрович рассердился, когда почтенный отец Мелхиседек по совершенном окончании храма представил ему подробный отчет употребленной им на сей предмет суммы суммы.

В 1836 году архимандрит Мелхиседек, находясь уже на покое в Оптиной пустыни, вручил ехавшему в Петербург за сбором милостыни на монастырское строение монаху Иоаннникию вышеупомянутое письмо к нему от графа Николая Петровича Шереметева с уведомлением о рождении сына графа Дмитрия Николаевича. Отец Иоанникий доставил это письмо графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву, и он, прочтя его, подал щедрую милостыню Оптиной пустыни, в синодиках которой издавна был записан его род.

Бывший министр духовных дел князь А. Н. Голицын был также искренне расположен к старцу Мелхиседеку и вел с ним переписку. Многие архипастыри свидетельствовали ему письменно внимание и духовную любовь.

Семнадцать остальных лет своей жизни притружденный старец провел в Оптиной пустыни; по собственному его выражению, "тихо и мирно" успокаивался он здесь, окруженный любовью и приязнью всего честного братства; также тихо и мирно сошел в могилу, удостоившись напутствия всех Христовых Таинств и оставив вечную память во всех знавших его, особенно в иноках Оптиной пустыни как близких свидетелях его богоугодной жизни и блаженной кончины. Погребен архимандрит Мелхиседек против одного из пределов (во имя Животворящего Креста Господня) Казанского храма. Он оставил по себе духовное завещание, которое является образцом иноческого завещания, где он просит у всех прощения и святых молитв о своей душе.

Иеродиакон Мефодий (Шкломбовский)[53]

(†21 апреля /4 мая 1862)

В одной из келлий при старой больничной Владимирской церкви 24 года лежал замечательный страдалец иеродиакон Мефодий. В миру его звали Михаилом Георгиевичем Шкломбовским, родом он был из польско-малорусских шляхтичей (переселенцев Харьковской губернии). Прежде жил он в Рыхловской пустыни, а в число оптинского братства был определен 12 июня 1825 года, 33-х лет от роду. Здесь он был пострижен в мантию и посвящен в иеродиакона. Он был первым письмоводителем обители при начальном ее устройстве отцом Моисеем, прекрасно писал полууставом церковной печати и многих обучал писать. Также проходил клиросное послушание и был в сане иеродиакона регентом певческого хора.

В 1838 году, внезапно разбитый параличом, отец Мефодий оказался обездвижен; левая половина онемела совершенно; правая рука тоже была бессильна почти для всего, кроме возможности сотворить крестное знамение да перебирать четки. Но особенно было дивно то, что язык его был связан для всего, кроме слов: "Да, да, Господи, помилуй!", которые произносил чисто, внятно, с живостью и умилением в ответ на все вопросы. В этом недвижимом состоянии отец Мефодий находился, как выше было замечено, 24 года. С начала болезни замечен в нем был некоторый упадок духа, но по прошествии первых пяти лет и до конца старец с необычайным терпением и благодушием переносил свое страдальческое положение, всегда был кроток и весел, как дитя, встречая и провожая посещавших его обычным: "Господи, помилуй!". Память имел свежую, и были ясные доказательства, что он помнил события своей жизни до болезни. Молитвенные правила вычитывал ему келейник, и когда тот ошибался, отец Мефодий его останавливал и пальцем указывал ошибку, повторяя: "Господи, помилуй! Да, да". Надобно было его видеть, когда в двунадесятые праздники братия из церкви заходили поздравить его и в утешение ему как бывшему искусному регенту и певцу пропоют тропарь и кондак праздника: он исполнялся восторга, весь ликовал, то нежными звуками вторя поющим, то громко и ясно восклицая свое "Господи, помилуй!", и проливал радостные слезы, так что присутствующим невольно сообщалось его восторженное состояние. Посещавшие страдальца получали от него великую душевную пользу; один вид его болезненного положения, переносимого с ангельским терпением, всех назидал и трогал.

Отец Мефодий почил о Господе 21 апреля 1862 года, в субботу, в 6 часов утра. Вот как о его кончине писал отец игумен Антоний одному знакомому лицу:

"Великий страдалец наш, иеродиакон отец Мефодий, 21 апреля утром кончил подвиг свой и переселился на вечный покой со святыми в небесные обители. А 24-го было торжественное провождение многострадального тела его в усыпальницу; и батюшка отец

---

[53] См.: *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Оптина пустынь, б. г. С. 230–232.— *Ред.*

архимандрит со всеми иеромонахами и иеродиаконами был в облачении. А теперь на гробе его горит неугасимая лампада. Он несколько раз был приобщен Святых Таин и до исхода души был в памяти.

В последнее время прислуживал отцу Мефодию монах Николай Иванов Новацкий, из евреев, до крещения называвшийся Вульф Абрамович, человек нрава кроткого, тихого, мирный и любвеобильный ко всем. Он имел особенное усердие к отцу Мефодию и взаимно пользовался его отеческим расположением и любовью. Замечательно, что отец Николай, заболев, скончался в 40-й день по кончине отца Мефодия, даже в тот же самый час (утром в 6 часов)".

Иеромонах Никон (Огиевский)[54]

(†2/15 октября 1850)

В миру Николай Иванович Огиевский, коллежский секретарь, из дворян города Глухова Черниговской губернии. С 1821 года служил в Орловском губернском правлении, где был столоначальником. Оставив гражданскую службу, он, по влечению сердца своего к монашеской жизни, в 1832 году вступил в Оптинский скит под руководство богомудрого старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Проходил в скиту послушания: в братской кухне, в трапезе, а после и пономарем. В 1834 году он был пострижен в рясофор, а 3 июня 1839 года — в мантию. В том же году 3 декабря посвящен был в иеродиакона, а 1 февраля 1842 года в иеромонаха. В 1839 году предположено было перевести отца Никона в Малоярославецкий Николаевский монастырь Калужской епархии для занятия в должности казначея, но по обстоятельствам назначение это не состоялось. А вместо того 25 января 1843 года он был избран в казначейскую должность в своей Оптиной пустыни, но по усиленному его прошению 22 марта того же года уволен был от этой должности и опять возвратился в скит.

Отличительные черты отца Никона: он был ревностным служителем алтаря Господня; имел особенное попечение о труднобольных; всегда предупреждал своим старанием о том, чтобы больной удостоен был напутствия Святых Христовых Таин, а по смерти заботился о сорокадневном поминовении преставившегося, в скиту ли он скончался или в монастыре. В келлии же у себя он занимался переплетом книг, чему обучал и некоторых других братий. По словам покойного старца иеромонаха Амвросия, отец Никон, между прочим, имел обыкновение переплетать поминания и дарить братиям. "Но что это ты делаешь?" — спросил однажды его старец.— "Э! Ты, видно, не понимаешь дела",— ответил тот. А цель его, без сомнения, была та, чтобы, поминая родных и близких, брат помянул и того, кто подарил ему поминание.

Отец Никон был нрава кроткого и тихого и любил уединение. Он был роста небольшого, светлорус, худощав и благообразен. Часто занемогал простудной болезнью; почти ежегодно в течение нескольких недель претерпевал горячку. 29 сентября 1850 года он заболел простудой и постепенно слабел. 1 октября в 7 часов утра по исповеди приобщился Святых Христовых Таин, а в 9 часов пополудни особорован святым елеем. 2 октября в 1-м часу пополудни он опять удостоился причаститься Святых Христовых Таин, а в половине третьего часа, находясь в полной памяти, тихо и беструдно почил о Господе. 4 числа настоятель обители отец игумен Моисей служил собором в скитской церкви литургию и отправил погребение по общелюбимом иеромонахе отце Никоне.

В скитской летописи записано следующее: в 48-й день по кончине отца Никона, 18 ноября, в день воскресный, после утрени новопосвященный иеромонах Варсонофий, готовясь служить раннюю литургию, прочел правило ко Святому Причащению и от усталости, в ожидании звона к обедне, присел на стул и тотчас заснул. И показалось ему

---

[54] См.: Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 426–432; см также: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Октябрь. М., 1909. С. 16–17.— *Ред.*

во сне, что он видит в каком-то незнакомом ему месте многочисленное собрание скитской и монастырской братии, и среди них, к удивлению его, сидит умерший иеромонах Никон. И думает во сне отец Варсонофий: "Как же он здесь? Ведь он умер?". И с такими мыслями обратился отец Варсонофий к братиям и сказал: "Смотрите, это отец Никон!". И братия будто тоже увидели в своей среде почившего иеромонаха. В какой он был одежде, этого отец Варсонофий не заметил, но видел, что на главе его была камилавка, но без клобука, как обыкновенно носят служащие иеромонахи и иеродиаконы во время служения. После отцу Варсонофию показалось, что он, сидя на чем-то лицом к востоку, держал на руках своих младенца и поминал некоторых имена. Помянув уже несколько имен, произнес и имя Никона. Тогда младенец, до того времени молчавший, сказал ему: "Я — Никон!". И эти слова младенца как бы пробудили в отце Варсонофии желание узнать о его загробной участи, и он с поспешностью спросил младенца: "Где же ты теперь находишься?".— "В раю,— отвечал младенец,— между святыми". Отец Варсонофий спросил опять: "А каков рай?". Младенец хотя и общими и краткими выражениями, но очень восхвалил красоту рая. А какими словами рай был описан, отец Варсонофий упомнить не мог, но впечатление у него осталось такое, что рай невообразимо прекрасен. Вспомнив о мытарствах, он спросил младенца: "А по мытарствам тебя водили?". Младенец, как бы вспоминая очень тяжкое, ответил протяжно: "Уж водили, водили! Водили, водили!". И видом своим, и произношением этих слов младенец выразил, что он прошел мытарства с тяжелым испытанием. "Как же ты от них избавился?",— спросил отец Варсонофий. "Пришел Архангел Михаил,— отвечал младенец,— и вывел меня оттуда".

Еще о многом спрашивал отец Варсонофий младенца, и младенец отвечал ему на все вопросы его, только все это было отцом Варсонофием забыто. Он помнил только из этой беседы, что он обращался к окружающей братии, говоря им, чтобы и они предлагали вопросы свои младенцу, так как он на все отвечает. Но братия стояли молча, и никто у младенца того ничего не спрашивал. Тогда отец Варсонофий вспомнил об аде и спросил: "А ад ты видел? Скажи мне: тяжки в нем мучения?". И показалось отцу Варсонофию, что младенец не находил слов, чтобы с достаточной силой изобразить лютость адских мучений. И в то же время явилось у ног отца Варсонофия чудовищное животное, которое беспрестанно на его глазах меняло свой вид, подымалось, делилось на части и мало-помалу исчезало. Что было это за странное животное, отец Варсонофий определить не мог, но ему во сне подумалось, глядя на все его видоизменения, что в них заключен образ многоразличных степеней адских мучений. После этого видения отец Варсонофий младенца уже более не видел; а как будто сквозь какую-то отворенную дверь вышел он к братии и рассказал им об ужасах ада, как сам он мог понять это из своего видения. Проснулся отец Варсонофий в великом страхе и тут пришел будильщик возвестить о времени идти служить литургию.

Иеродиакон Палладий (Иванов)[55]

(†5/18 ноября 1861)

Иеродиакон Палладий более 46 лет жил в Оптиной пустыни; был старец строгого нрава и великий подвижник. Родом был из граждан города Глухова. Сначала он поступил в Площанскую пустынь и жил там с отцом Макарием (Ивановым), который впоследствии стал Оптинским старцем. "На общем послушании,— рассказывал отец Палладий,— мы с отцом Макарием ходили в лапотках. Нам выдавали лыки, и я сам плел лапти для себя и для отца Макария". В Площанской пустыни отец Палладий был пострижен в рясофор и наречен Паисием, а после случайно попал в Оптину пустынь.

---

[55] См.: *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Оптина пустынь, б. г. С. 224–230; см. также: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Ноябрь. М., 1910. С. 77–82.— *Ред.*

Когда пришел отец Палладий в эту обитель, не сохранилось сведений. Указом же определен в число оптинского братства 7 мая 1815 года при игумене Авраамии; в монашество пострижен 11 мая 1818 года, рукоположен в иподиакона 30 августа 1830 года, во иеродиакона 13 мая 1831 года. Сначала он проходил разные послушания: жил в засеке на пчельне, потом на пасеке (где теперь скит); делал кирпичи, был поваром, хлебником, трапезным, экономом, пономарем; в последнее время был ризничим, библиотекарем и переплетал книги. Живя в лесной засеке, отец Палладий много перенес искушений от бесов, так что хотел было оставить это место. Но он открыл об этом своему старцу схимонаху отцу Иоанникию, духовными советами которого руководствовался. Отец Иоанникий прочел над ним молитву и благословил его иконой Божией Матери, которую отец Палладий чтил до самой своей смерти; и с тех пор он за молитвы старца избавился от бесовских страхований.

Строгий блюститель подвижнических правил, отец Палладий очень любил читать жития и писания святых отцов и был, так сказать, пропитан их духом. Отличительной чертой его в монашестве было строгое и неопустительное хождение в Божий храм. Устав с обрядовой стороны он знал так хорошо, что мог служить для всех примером. Так был бдителен над собой в этом отношении, что внимавшие себе брали его в образец. Следя за ним во время службы, в продолжении целых десятилетий никогда никто не мог заметить, чтобы он, задремав, не снял в положенное время камилавки или не положил поклона, хотя имел две весьма большие грыжи. Никогда не прислонялся к стене, а по немощи опирался на костыль; по временам садился; но как бы ни изнемогал, в неположенное время не сидел; также строго соблюдал правило, когда класть жезлы, о чем даже очень редкие знают. Если кто, в особенности из старших, не соблюдал уставных правил о поклонах в церкви, то он подойдет и скажет: "По уставу теперь не полагаются поклоны, а ты куда ж глядишь? Столько живешь в монастыре и не знаешь, что должен знать новоначальный". Или: "Кто задремлет, должен положить десять поклонов среди церкви. Монах еще! Да!".

До окончания службы не дозволял себе выходить из церкви, разве только в старости и в случае крайнего изнеможения. От разговоров и сближения с женским полом он очень уклонялся; даже и в церкви обыкновенно мужчин ставил в одну сторону, а женщин прогонял в другую, не взирая ни на кого. Он говорил: "Не верь, брат, их слезам. У нас с ними брань до гроба. По слову святого Исаака Сирина: как в стекло бросишь камень, оно цело не будет, так и разговаривать с ними, цел не будешь".

В келлию ни к кому не ходил и к себе никого не принимал. Исключения бывали редки. Нестяжание его было удивительное. В келлии его ничего не было, кроме самого необходимого для монаха. Одежда у него была также самая необходимая, и праздничная, и будничная вместе, переменной не было. Но при такой скудости и в одежде, и в келлии у него всегда соблюдалась чистота и опрятность. Книги, какие у него были свои, все записаны были в монастырскую библиотеку. Денег у него не было. А если какой благодетель, бывало, поусердствует ему сколько-нибудь денег, он тотчас купит какую-нибудь книгу или отдаст их отцу игумену, и то укоряет себя за то, что взял их — с неделю твердит: "Палладий нанялся жать чужое терние". Один помещик, бывший в Оптиной пустыни, подарил ему дорогие карманные часы. Отец Палладий взял их, но вечером он никак не мог от их стуканья заснуть; завернул их в тряпку, накрыл горшком и заснул. "Пошел к утрени, но помысл замучил меня,— говорил отец Палладий,— как бы их не украли; вспомнил слова Спасителя: *идеже будет сокровище ваше, ту и сердце ваше будет* [ср.: Мф. 6, 21; Лк. 12, 34], и поскорей отнес их к своему благодетелю, сказав: "Возьми, пожалуйста, их назад, они нарушают мой покой"".

Во всю свою жизнь отец Палладий избегал праздности: постоянно у него в руках было какое-нибудь дело. "За праздным монахом,— говаривал он,— десятки бесов ходят, а за тем, кто занят рукоделием,— один".

Он весьма благоговел к слову Божию. Бывало, когда придет в переплетную и увидит, что на полу в небрежении валяется бумага, на которой что-то написано или напечатано, то

строго за это взыскивал и вразумлял трудившихся в переплетной братий. "Через такое небрежение,— говорил он,— нарушается уважение к святыне, так как в писаном и печатном часто встречается имя Божие".

Характера отец Палладий был самого твердого; редко можно было найти такой прямой и простой нрав, какой был у него. Речь его была самая простая; почти никому не говорил "вы", а всем попросту "ты". В разговоре часто прибавлял слово "да". "Да! Это не хорошо, не по-монашески. Да! Монах должен быть осторожен. Монах есть свет для мирян; а тебе все равно. Да!". Слово отец Палладий имел твердое, склонявшее всех невольно слушаться его. Он всем говорил правду и нисколько не стеснялся объяснять сделанную ошибку кому бы то ни было, новоначальному ли, или настоятелю. Был случай, что отец Палладий не побоялся и перед архиереем высказал свою прямоту. Один из бывших Калужских Преосвященных (это было в 1830-х годах) по переводе в другую епархию был вызван в Петербург для присутствия в Святейшем Синоде и просил знакомого ему оптинского настоятеля прислать к нему кого-либо из оптинских иноков в экономы на архиерейское подворье. Отец Палладий и отправлен был в Петербург. Однажды он, по обычаю своему, какой-то важной особе сказал что-то очень просто. Она принесла жалобу Преосвященному на него. Преосвященный сделал ему выговор. Отец Палладий отвечал: "Владыко святый! Да что с бабами-то путаться? Разве не знаешь, что они Предтече отрубили голову?". Преосвященный на эти слова оскорбился и хотел его устрашить. "Я,— говорит,— пошлю тебя под начал на Валаам". Отец Палладий как стоял, так и повалился Преосвященному в ноги: "Владыко святый! Явите свою отеческую милость, пошлите меня туда. Вы такое мне окажете благодеяние, что по гроб буду за вас молить Бога". Владыка усмехнулся и сказал: "Я хотел волка устрашить лесом, а волка как ни корми, все в лес глядит". Через некоторое время отец Палладий был уволен в свою обитель.

При твердости и строгости характера отец Палладий имел ум острый и временами подшучивал, приводя в пример Великого Антония и охотника. Однажды, когда он был ризничим, приехали в Оптину из Калуги ректор Семинарии и директор гимназии. Осмотрев ризницу, они спросили отца Палладия: нет ли у вас каких древностей? Он, не говоря ни слова, схватил их за одежду, вывел из ризницы и показал на стену[56], где был написан Страшный Суд, а в углу страшилище, низвергающее души грешников в огненную бездну; подвел их к самому сатане и сказал: "Вот это у нас самая старая древность; древнее ее нет. Его еще древние отцы называли "древнею злобою"".

Вообще при видимой своей суровости отец Палладий имел некоторые черты едва не детские. Строгое его монашеское лицо всегда озарялось приятной, добродушной, приветливой улыбкой. Если кто смирялся и вел себя скромно, любил того и шутил с ним, но больше приводил случаи из Патерика или из отеческих писаний. Любил в ясную ночь смотреть на небо, на месяц и звезды и знал годовое положение многих из них. Нередко задумывался, говорил: "Ну где эта звезда была целые полгода? А вот опять явилась и опять уйдет в свое место. Как все у Бога блюдет свой чин!". Но ученых рассуждений о светилах и явлениях небесных отец Палладий не любил. Бывало, кто-нибудь спросит у него: "Батюшка, правду ли говорят, что солнце стоит, а земля вертится? Или еще говорят про гром и молнию, что это от сгущения паров?". Он немного подумает, помолчит и скажет: "Да ты был там? Какое тебе дело, стоит ли солнце или вертится? Что тебе за надобность? А ты лучше подивись премудрости Божией, как Господь все устроил, всему повелевает, и все слушает Его; только человек вышел из повиновения. Ты сам не знаешь, что говоришь. Монахи оставили землю, полезли на небо",— то есть оставили плакать о грехах, а рассуждают о том, что совершенно нам не нужно.

На все отец Палладий смотрел с духовной стороны. Пойдет, например, иногда он в лес: всему удивляется, каждой птичке, мушке, травке, листику, цветочку. Подойдет к

[56] Страшный Суд и адские мучения обычно изображаюся на западной стене храма.— *Ред.*

какому-либо дереву, сколько о нем разговору, сколько удивления! Удивляется, как все повелением Божием растет незаметно, как развертывается лист, как цветет цвет. Говоря об этом, отец Палладий вздыхает, прославляет Творца, как Он обо всем печется, о всем промышляет, всех греет и питает, а мы Его забываем.

Иеродиакон Палладий скончался на 80-м году от рождения, 5 ноября 1861 года, со всеми христианскими напутствованиями, тихо и мирно.

Схиигумен Феодосий (Поморцев)

(†9/22 марта 1920)

Схиигумен Феодосий (Александр Васильевич Поморцев) родился в 1854 году. В Оптиной пустыни он был духовником богомольцев и ризничим, а с 1912 года — скитоначальником (после перевода преподобного Варсонофия настоятелем в Голутвин монастырь).

Отец Феодосий одновременно являлся духовным сыном и духовником преподобного Варсонофия. Однажды приходит он к старцу и говорит: "Батюшка, вот к вам ваш сынок пришел!" — "Какой он мне сынок,— возразил, улыбаясь, отец Варсонофий,— мы с ним ровня". Улыбнулся и сам отец Феодосий: оба они знали, что он был именно "сынком" и относился к старцу с младенческим смирением.

Несмотря на требовательность скитоначальника, братия любила и уважала его, называя мудрецом. Во время тяжелой болезни преподобного Варсонофия 11 июля 1910 года отец Феодосий постриг его в схиму (восприемным отцом старца стал тогда преподобный Нектарий).

Архимандрит Антоний (Медведев), впоследствии архиепископ Сан-Францисский, вспоминал об отце Феодосии: "…Про него рассказывали, что он, любя читать акафист Божией Матери, желал знать его наизусть. И когда скончался его наставник, старец Феодосий, завернувшись в его одеяло, вдруг стал читать на память Богородичный акафист, получив этот дар, как Елиссей с милотью Илииною[57]".

Отец Феодосий не сомневался в святости своего старца, преподобного Варсонофия. Так, собрался как-то раз отец Феодосий в Калугу по делам к архиерею. Второпях он не обратил внимание на рясу, которую ему подал его келейник, и тот уже в пути сказал, что подал ему рваную рясу. Отец Феодосий не только не огорчился, но даже обрадовался: ряса принадлежала его покойному старцу, и отец Феодосий счел этот случай за доброе предзнаменование. И действительно, дело его окончились так, как он хотел.

Однажды, после кончины преподобного Варсонофия, прилег отец Феодосий на койку и вдруг видит, что прямо против него сидит покойный старец и пристально смотрит на него. Отец Феодосий не мог пошевельнуться от чувства благоговейной радости. Видение продолжалось довольно долго и надолго оставило ощущение благодати в келлии и душе скитоначальника.

Во время болезни настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Ксенофонта, а также после его смерти до назначения нового настоятеля отец Феодосий исполнял его обязанности. В 1915 году иеромонах Феодосий был возведен в сан игумена.

Подобно своему старцу, отец Феодосий обладал редким даром рассуждения. Так же, как и он, отец Феодосий отдавал много времени интеллигентной молодежи. И. М. Концевич присутствовал при том, как отец Феодосий поучал молодых художников, наставляя их против модернизма в живописи. Среди них был молодой Л. А. Бруни.

Один раз сильно провинился перед отцом Феодосием один скитский монах, и тот сделал ему строгое внушение. Всю ночь не спал монах, размышляя, как бы вымолить у него прощение. Вдруг под утро дверь его келлии открылась и к нему вошел сам скитоначальник. Не успел перепуганный монах вскочить с койки, как отец Феодосий упал ему в ноги, прося прощение. Монах так и обомлел! Оказалось, что батюшка отец

---

[57] См.: 4 Цар. 2, 11–15.— *Ред.*

Феодосий, заметив его горе и раскаяние, сам не спал всю ночь, жалея его и упрекая себя в чрезмерной строгости.

Митрополит Вениамин (Федченков), будучи архимандритом, посещал Оптину и оставил воспоминания и об отце Феодосии: "…В скиту был обычай — вечерние молитвы совершать в домике отца скитоначальника. После этого мы все кланялись отцу Феодосию в ноги, прося прощения и молитв, и постепенно уходили к себе. А если ему нужно было поговорить с кем-либо особо, то он оставлял их для этого после всех. Но на этот раз отец Феодосий оставил всех. Братии в скиту было немного. После "прощения" он обращается к отцу Кукше и довольно строго спрашивает:

— Кто благословил тебе разрешить отцу архимандриту (то есть мне) служить ныне литургию?

Отец Кукша понял свою вину и без всяких оправданий пал смиренно в ноги скитоначальнику со словами: "Простите меня, грешного! Простите!".

— Ну, отец архимандрит не знает наших порядков. А ты обязан знать! — сурово продолжал выговаривать отец Феодосий.

Отец Кукша снова бросается в ноги и снова говорит при всех нас:

— Простите меня, грешного, простите!

Так он и не сказал ни одного словечка в свое оправдание. А я стоял тоже, как виноватый, но ничего не говорил... Потом, с благословения начальника, мы все вышли... И мне, и всей братии был дан урок о послушании... Действительно ли отец Феодосий рассердился или он просто через выговор смиренному отцу Кукше хотел поучить и других, а более всего — меня, не знаю. Но на другой день утром вижу в окно, что он, в клобуке и даже в мантии, идет к нашему дому. Вошел ко мне в келлию, помолился перед иконами и, подавая мне освященную за службой просфору, сказал:

— Простите меня, отец архимандрит, я вчера разгневался и позволил себе выговаривать при вас отцу Кукше.

Не помню теперь, ответил ли я что ему или нет. Но вот скоро встретился другой случай. В Калужскую епархию приехал новый архиерей: епископ Георгий (после убитый в Польше архимандритом С<марагдо>м [Латышевым]). Он был человек строгий и даже крайне властный.

День был солнечный. Утро ясное. Вижу, отец Феодосий направляется с отцом Кукшей к храму святого Иоанна Предтечи. Я поклонился. Батюшка говорит мне, что ныне он с отцом игуменом монастыря едет в Калугу представляться новому владыке:

— Вот сначала нужно отслужить молебен.

А я про себя подумал: монахи едут к общему отцу епархии и своему, а опасаются, как бы не случилось никакого искушения при приеме... Страшно...

В это время отец Кукша отпер уже храм и мы двинулись туда. На пути отец Феодосий говорит мне:

— Вы знаете, отец Кукша — великий благодатный молитвенник. Когда он молится, то его молитва — как столп огненный летит к Престолу Божию.

Я молчал. И вспомнил выговор этому столпу: видно, было нужно это и ему, и всем нам…"[58].

"Запишу разговор со мною отца Феодосия о монашестве моем...

— Вы для чего приняли монашество? — спросил он меня.

— Ради большего удобства спасения души и по любви к Богу,— ответил я.

— Это — хорошо. Правильно. А то вот ныне принимают его, чтобы быть архиереями "для служения ближним", как они говорят. Такой взгляд — неправильный и несмиренный. По-нашему, по-православному, монашество — есть духовная, внутренняя жизнь; и прежде всего — жизнь покаянная, именно ради спасения своей собственной души. Ну,

---

[58] *Вениамин (Федченков), митрополит*. Божьи люди: Мои духовные встречи. М., 1997. С. 118–120.— *Ред.*

если кто усовершится в этом, то сможет и другим послужить на спасение. А иначе не будет пользы ни ему, ни другим"[59].

"И в скиту, и в монастыре не было обычая и разрешения ходить по чужим келлиям без особого послушания и нужды. И я не ходил. А однажды зашел-таки по приглашению к одному монаху, но после получил от отца Феодосия легкое замечание:

— У нас — не ходят по келлиям.

Вероятно, и пригласивший меня получил выговор. Хотя наша беседа с ним была не на плохие темы, а о святых отцах и их творениях, но раз — без благословения, то и хорошее — не хорошо..."[60].

С виду высокого роста, полный, тихий и сосредоточенный, отец Феодосий слыл мудрецом. Говорил басом, был смуглый, с проседью в волосах. Когда-то, говорят, был келейником у старца Нектария.

Он скончался 9/22 марта 1920 года и был погребен у южных дверей Введенского собора монастыря.

Иеросхимонах Феодот (Кольцов)[61]

(†8/21 марта 1873)

Иеросхимонах Феодот, в миру Феодот Захарьевич Кольцов, поступил в Оптину пустынь в 1834 году и вполне отдался руководству сначала иеросхимонаха Льва, а потом иеросхимонаха Макария. В 1841 году он был пострижен в монашество с именем Филарет и назначен сборщиком; потом рукоположен во иеродиакона, а в 1849 году — в иеромонаха. Отличительными чертами его были преданность старцу и трудолюбие.

Много лет отец Филарет ревностно проходил трудное послушание сборщика, от которого нисколько не изменилось его монашеское душевное устроение, что бывает редко; несмотря на это, опасаясь вреда душевного, могущего произойти от сообщения с миром, в 1851 году он перешел в Гефсиманский скит, что при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Здесь, по благословению Преосвященного митрополита Филарета, полюбившего простодушного старца, он был пострижен в схиму в 1853 году и назначен духовником всего братства. Прожив лет семь в скиту, отец Феодот пожелал совершенного безмолвия и по благословению наместника лавры архимандрита Антония удалился с другими двумя иеросхимонахами в глубину леса, за 5 верст от Гефсиманского скита, где они построили себе келлии в расстоянии друг от друга на вержение камня. Здесь отец Феодот вполне предался безмолвию и иноческим трудам, но недолго наслаждался желанным уединением, всего только два года. Господу угодно было освятить это место для прославления имени Своего святого. Некто господин Королев, московский почетный гражданин, возымел сильное желание построить на сем месте храм, и по благословению Преосвященного митрополита Филарета воздвигнут был храм двухэтажный каменный во имя Святого Духа Параклита и святого Иоанна Предтечи. В малом времени собралось сюда человек до тридцати и устроилось общежитие под ведением Лавры, а пустынь была названа Параклитовою. Начальником же ее назначен был старец отец Феодот. Но, пожив здесь года четыре, он пожелал опять возвратиться в Оптину пустынь, дабы лечь в могилу со своими святыми старцами, иеросхимонахами Львом и Макарием, и в 1863 году принят был с любовью оптинским настоятелем и братиею.

Доживая в Оптиной пустыни свой век, отец Феодот подавал братии назидательный пример своим усердием к молитве и к церковному богослужению, своим смирением, простотой, искренностью и нестяжательностью.

---

[59] Там же. С. 114–115.— *Ред.*

[60] Там же. С. 118.— *Ред.*

[61] См.: *Кавелин Л.* Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Оптина пустынь, б. г. С. 242–244.— *Ред.*

Иеросхимонах Феодот почил мирной христианской кончиной 8 марта 1873 года. Любовь некоторых духовных чад его и расположенных к нему особ воздвигла ему памятник, внутри которого день и ночь теплилась лампада пред образом Спасителя.

Иеросхимонах Флавиан (Маленков)[62]

(†30 мая /12 июня 1890)

В начале 80-х годов XVIII столетия жили в городе Орле шесть братьев, дети Матвея и Степаниды Маленковых. Все они торговали рыбой с Дону, воском, медом, волошскими орехами и подобною мелочью. Жили они порозно, особыми семьями, но торговля была сначала общая. Третий из шести братьев — родитель отца Флавиана — Матвей Матвеевич родился 17 февраля 1792 года.

Супруга Матвея Матвеевича, Прасковья Александровна, была из семейства Александра Ивановича и Мавры Ивановны Дьяконовых. Кроме детей, умиравших в раннем возрасте, у Матвея Матвеевича было три сына: Николай, Иван и Феодосий Матвеевичи и две дочери: Любовь и Глафира.

Младший сын Матвея Матвеевича Феодосий Матвеевич родился 24 марта 1823 года. "Моя матушка Прасковья Александровна,— вспоминал отец Флавиан,— была благочестивая и богобоязненная женщина; вставала рано и подолгу молилась, потом всех нас, бывало, разбудит и заставит тоже молиться. Держала нас строго, не допускала с нашей стороны никаких шуток, шалостей и грубых, неприличных слов. Когда скончалась моя матушка, мне было лет 9–10, и я ходил в школу. Вскоре батюшка мой, Матвей Матвеевич, получил место управляющего у Абазы и у Нарышкина, и мне пришлось быть с ним у Нарышкина на винном заводе, а также побывать и в Харькове".

Оставшись по отъезде в Оптину пустынь Матвея Матвеевича почти ребенком, Феодосий Матвеевич жил в семействе своего брата Николая. По примеру благочестивых родителей и сестры-монахини, он вел себя скромно и трудолюбиво: ходил часто на церковные службы и в школу. Войдя несколько в силы, занимался на рыбных ловлях. Невестка, жена его брата, очень недолюбливала Феодосия Матвеевича.

Сознавая, что он и в родном доме чужой, Феодосий Матвеевич находил для себя утешение у старшей сестры своей — матери Любови, которая в то время находилась в Орловском монастыре. Он поверял сестре разные скорби и, успокоенный советами и любовью сестры, возвращался домой на новые скорби и неприятности.

Феодосию нередко случалось бывать у старцев отцов Леонида (Льва) и Макария. Жизнь монахов понравилась ему, и он высказал свое желание поступить в Оптину пустынь к отцу Леониду.

Отец Леонид удерживал пока стремление Феодосия к монашеству и говаривал ему: "Погоди еще". Однажды он дал Феодосию кусок дерева и сказал: "Вот возьми себе домой, сделай из него ложку и перешли ко мне. Если сделаешь хорошую, то значит — можно тебе поступить в монахи". Усердно принялся за свою работу Феодосий в свободное время от обычных занятий, сидя в своем мезонине; не зная приемов и не имея нужных для работы инструментов, он одним ножичком выдалбливал и обделывал данный ему старцем обрубок в ложку. Наконец, после долгих трудов, вышла ложка на радость Феодосия, но радость его была непродолжительна. Возвратясь однажды домой, он не нашел в мезонине свою ложку. В его отсутствие невестка нашла ее, взяла, и когда он просил ее отдать ему назад, то она при нем сломала ложку и растоптала ногой. О своем горе Феодосий сообщил отцу Леониду, который утешил его, дав ему новый кусок дерева. Феодосий снова принялся за работу и успешно окончил ее, выточил довольно недурную ложку.

В 1839 году Феодосий Матвеевич, шестнадцати лет, ходил в Киев, попутно заходил в Софрониеву и Глинскую пустыни.

---

[62] См.: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Май. М., 1908. С. 330–338.— *Ред.*

Феодосий Матвеевич был при отце Леониде в Оптиной пустыни четыре раза, хаживал туда обыкновенно к Пасхе. В последний раз он был у отца Льва в год его кончины, в 1841 году. Феодосий вместо года пробыл дома три и поступил в Оптину пустынь уже 7 марта 1844 года.

Приехав в Оптину пустынь во вторник на 4-й неделе Великого поста, Феодосий Матвеевич поместился сначала у отца, который был тогда гостинником, и пробыл у него около месяца; а 16 апреля, в Фомино воскресенье, был помещен в скит.

В скиту Феодосий Матвеевич провел сначала 8 месяцев, с 16 апреля 1844 года по 1 января 1845 года в хлебне и квасоварне.

Затем Феодосий Матвеевич прожил 15 лет, с 1 января 1845 года до кончины старца Макария, в церкви. Сначала определен был указом от 18 августа 1849 года в братство, а 29 августа 1850 года посвящен в стихарь и показан состоящим при пономарне и при ризнице. В 1852 году по указу от 22 февраля накрыт рясофором. 29 апреля 1855 года пострижен в мантию с наречением имени Флавиан.

Отец Феодосий жил в [келлии при] церкви, но как очень старательный, послушливый и способный, он был часто употребляем как для личных услуг старцу отцу Макарию, так и на разные другие труды и занятия. Он сначала помогал отцу Илариону по скитскому хозяйству, а впоследствии, не оставляя пономарского послушания, почти постоянно пребывал в келлии старца отца Макария и отца Илариона для услуг.

В 1855 году отец Флавиан сопровождал старца отца Макария, ездившего по приглашению в Одигитриеву Зосимову пустынь Московской губернии, на освящение храма, которое совершал Преосвященный Филарет Московский.

14 июля 1858 года Преосвященный Григорий Калужский при освящении церкви в селе Скурыничи рукоположил отца Флавиана в иеродиакона.

При последних днях жизни старца отца Макария отец Флавиан находился постоянно при больном, который на его руках и испустил последний вздох свой, назначив отцу Флавиану после себя относиться к отцу Илариону. По кончине отца Макария отец Флавиан оставил должность пономаря и ризничего и перешел из церкви на жительство в скитский корпус.

Новый настоятель отец Исаакий по соглашению со старцами предложил занять место казначея иеродиакону отцу Флавиану, имевшему тогда от роду 40 лет. 29 августа 1862 года отец Флавиан был рукоположен в иеромонаха, а указом от 23 октября 1862 года ему было разрешено впредь до усмотрения исправлять должность казначея.

Перед масляной неделей, в феврале 1863 года, отец Флавиан перешел из скита в монастырь, а 23 июля 1865 года он был утвержден в должности казначея. В этом же году против Казанской церкви стал строиться новый двухэтажный корпус.

19 июня 1866 года отец Флавиан был награжден набедренником, а 15 апреля 1878 года пожалован наперсным крестом от Святейшего Синода.

Еще в 1864 году, при устроении в скитской церкви Макарьевского придела и часовни на могиле отца Макария в монастыре отец Флавиан был ближайшим сотрудником отца Илариона, неся на себе по указанию старца трудовую часть и надзор за постройками.

По кончине старца отца Макария в Оптиной пустыни постоянно по два раза в год совершаемо было его поминовение: 7 сентября, в день его кончины, и 19 января, в день его Ангела, преподобного Макария Египетского. Старец отец Иларион был усерднейшим ревнителем этих поминовений, стараясь о поддержании их чрез изыскание и доставление нужных для того средств. По кончине отца Илариона заботу о продолжении таких поминовений своего старца отца Макария взял на себя отец казначей Флавиан. Но он с такой же любовью и усердием заботился до самой своей смерти и о совершении такого же поминовения другого старца — отца Илариона, совершавшегося 18 сентября, в день его кончины, и 21 октября, в день его Ангела, преподобного Илариона Великого.

Что же касается до надмогильного памятника, то тотчас же по кончине старца отца Илариона отец казначей Флавиан озаботился постановкой на дорогой могиле памятника в

виде чугунной часовни такой же формы и рисунка, какая стояла на могиле старца отца Макария.

Отец Флавиан был всем знавшим его известен не только как хороший казначей, но и как строгий инок.

Кроме точного и неослабного исполнения общемонашеских и в обители принятых правил относительно поста, своей богослужебной чреды, церковных и келейных правил, им были усвоены некоторые другие обычаи.

Он всегда отличался искренним смирением. Примером сего смирения может служить следующий случай. Накануне его кончины братия приходила проститься с ним. Смотрители дач и хуторов находились под его непосредственным наблюдением. Один из них обратился к отходившему со следующими словами: "Аще обрящеши благодать у Бога, не забудь меня, или помолись обо мне". Отец Флавиан строго сказал ему: "Отец Иерофей! Мы с тобой за все время, что служили, кажется, еще ни разу не поссорились, но смотри, как бы нам не поссориться теперь. Твои слова не идут ко мне, потому что я грешник".

30 декабря 1889 года, в субботу, отец казначей Флавиан, готовясь к служению на воскресенье 31 декабря, ходил в скит на исповедь и потом, стоя на бдении, по обычаю своему, в алтаре сильно озяб. В воскресенье, 31-го, он с большим трудом отслужил литургию в больничной церкви Илариона Великого и, возвратясь в келлию, не мог кушать чай. В понедельник 1 января 1890 года он был особорован отцом архимандритом и другими иеромонахами; 2, 4, 6, и 7 января утром принимал у себя в келлии Святые Таины, а во время вечерни 7 января принял от отца архимандрита пострижение в схиму с сохранением имени Флавиан.

С половины января болезнь из острой перешла в хроническую.

С вечера 21 мая и без того ослабевший, по болезни, отец Флавиан уже не вставал и не принимал, не глотал пищи, кроме нескольких в день чайных ложек молока и воды со льдом. За четыре дня перед кончиной он ежедневно принимал поутру Святые Таины и в среду 30 мая, приняв в половине первого часа утра Святые Таины, батюшка в три часа утра тихо отошел в полной памяти и сознании ко Господу.

Через год с небольшим по кончине отца Флавиана усердием давно его знавшей и уважавшей его высокую духовную личность Екатерины Васильевны Иловайской, бывшей духовной дочери отца Илариона, на могилке его был воздвигнут прекрасный памятник из серого мрамора.

Некоторые неупомянутые выше оптинские насельники

Кроме тех знаменитых подвижников, чьи жизнеописания помещены в этой главе, в Оптиной пустыни было известно множество других благочестивых насельников, о которых, к сожалению, сохранилось очень мало сведений. Приведем имена хотя бы некоторых из них:

Иеромонах Алексий (Виноградов; †1919) — историк, археолог, художник, иконописец, синолог, знаток Китая. В 1881 году принял монашеский постриг. Автор множества научных работ: "Краткие сведения о деревянных старинных храмах", "О деревянных старинных храмах Весьегонского уезда", "Опыт сравнительного описания и объяснения некоторых символических икон древнерусского искусства", "Родословное древо по памятникам христианской иконографии", "Исторический опыт западных христианских миссий в Китае", "История Библии на Востоке", "Китайская библиотека и ученые труды членов императорской духовной и дипломатической миссии в г. Пекине", "Миссионерские диалоги М. Риччи с китайскими учеными о христианстве и язычестве", "История английско-американской Библии", неизданных православного молитвослова на китайском языке, учебника грамматики китайского языка для русских и многих, многих других трудов.

Схимонах Борис (Иванов; †7/20 апреля 1898) — подвизался в Оптинском скиту и был великим молитвенником и Божиим угодником, пребывал в суровых подвигах. Скончался во вторую ночь Святой Пасхи. Братия видели, как душа его, подобно огненному столпу, возносилась на небо.

Монах Викентий (Никольский; †4/17 февраля 1938) — духовный сын преподобного Нектария Оптинского. Отличался абсолютным послушанием своему старцу, кротостью и стяжанием непрестанной Иисусовой молитвы.

Иеромонах Даниил (Болотов; †25 ноября /8 декабря 1907). Это известный художник, портретист Дмитрий Михайлович Болотов, член Санкт-Петербургской Академии живописи, брат первой шамординской настоятельницы монахини Софии. Он принял постриг в Оптиной пустыни и подвизался в ее Иоанно-Предтеченском скиту. Его кисти принадлежат замечательные портреты некоторых Оптинских старцев. Он говорил: "Скит наш есть своего рода станция от земли к небу".

Архимандрит Досифей (Силаев; †31 марта /13 апреля 1900) — годы его настоятельства (1894–1899) прошли как бы незамеченными, потому что отец Досифей старался во всем поддерживать порядки и традиции своих великих предшественников. Захоронен в правом приделе Казанского собора монастыря.

Иеросхимонах Евфимий (Трунов; †24 марта /6 апреля 1886) — летописец Оптиной пустыни.

Иеромонах Ераст (Вытропский; †17/30 июля 1913) — летописец Оптиной пустыни, жизнь проводил в сокровенных подвигах и молитве. В Оптину поступил в 1886 году. Проходил послушание письмоводителя и, как сказано в летописи скита, "своим знанием гражданских законов оказывал обители большую услугу". Отцу Ерасту принадлежит пространное "Историческое описание Оптиной пустыни" (1902) и краткая "История Оптиной пустыни" (1906). Был одним из главных официальных историков и агиографов Оптиной конца XIX – начала XX века.

Иеросхимонах Игнатий (Посошков; †1897). В Оптину поступил в 1830 году, духовно окормлялся у преподобного Макария, а затем у преподобного Амвросия. Исполнял послушания клиросное и ризничего.

Схимонах Иоанн (Ефремов; †30 марта /12 апреля 1867) — мудрый старец, нес послушание мельника.

Схимонах Иоиль (Токарев; †22 марта /4 апреля 1920) — подвизался в скиту, занимаясь внутренним деланием.

Иеросхимонах Мелхиседек (Разумов; †29 марта / 11 апреля 1902) — духоносный старец, строгий затворник.

Иеросхимонах Памва (Панов или Попов?; †13/26 февраля 1891) — замечательный духовник. Отличался любовью к богослужению, кротостью и смирением.

Схимонах Пахомий (Соловьев; †13/26 февраля 1877) — был блаженным странником, прозорливцем, молчальником и молитвенником.

Иеросхимонах Пимен (Пащенко; †1/14 сентября 1881) — был духовником братии и имел редкостное смирение, кротость и усердие к службе церковной.

Иеромонах Платон (Покровский; †11/24 сентября 1889) — из учителей Липецкого Духовного училища, а образование получил в Тамбовской Духовной Семинарии. В число оптинского братства определен в 1850 году, пострижен в 1858 году, в 1863-м рукоположен в иеромонаха. Нес послушания на клиросе и при письмоводителе монастырских дел. С 1881 года — монастырский духовник, с 1886 — духовник богомольцев. Он был родным дядей схиархимандрита Агапита (Беловидова) и близким другом преподобного Амвросия Оптинского до поступления в Оптину, а после — его духовником. Делал переводы на русский язык вероучительной литературы, писал и свои собственные сочинения.

Монах Порфирий (Григоров; †15/28 марта 1851) — до поступления в Оптину пустынь был келейником Георгия, затворника Задонского (Машурина, в монашестве

Стратоник; †25 мая /7июня 1835). Происходил из офицеров-дворян и отличался искренним благочестием.

Иеромонах Савва (Кудрявцев; †1908). В число братства определен в 1873 году, в монашество пострижен в 1883 году, в иеродиакона рукоположен в 1893 году, в иеромонаха – в 1896 году. Исполнял клиросное послушание, впоследствии был одним из трех духовников Оптиной пустыни.

Архимандрит Серапион (Машкин; †1905) — философ.

Монах Феофан (Талунин; †15/28 июня 1819) — пришел в скит Оптиной пустыни из рославльских лесов. Отличался исключительными нестяжательностью и постничеством. По словам преподобного Антония, этот старец при жизни имел столь сияющее благодатью лицо, что не доставало духу смотреть прямо ему в глаза, а разве украдкой, как бы со стороны.

Глава IV. Мученики и исповедники оптинские

В начале XX столетия Оптинские старцы предчувствовали грядущие гонения на Церковь Христову. Преподобные Анатолий и Нектарий часто предупреждали своих духовных чад, укрепляя их веру и пророчествуя о грядущих событиях. Так, преподобный Варсонофий Оптинский говорил: "…Да, заметьте, Колизей разрушен, но не уничтожен. Колизей, вы помните, это театр, где язычники любовались на мучения христиан, где лилась рекою кровь христиан-мучеников. Ад тоже разрушен, но не уничтожен, и придет время, когда он даст себя знать. Так и Колизей, быть может, скоро опять загремит, его возобновят. Попомните это мое слово. Вы доживете до этих времен..." (6 июня 1909 // Дневник послушника Николая Беляева. М., 2004. С. 255).

"Вот я смотрю на вас, зеленую молодежь, и думаю, что уже не доживу до страшных дней, а вы доживете. Помяните мое слово, что увидите вы "день лют". И опять повторяю, что бояться вам нечего, покроет вас благодать Божия" (21 апреля 1909 // Там же. С. 243).

"День лют" наступил через четыре года после кончины преподобного Варсонофия, и практически все его ученики, все оптинцы увидели его. Большинство из них подверглись арестам и ссылкам, кто-то сподобился мученической кончины, кто-то, приняв на себя исповеднический подвиг, продолжал еще нести свет Оптиной погружающемуся во мрак безбожия миру.

Некоторые оптинские мученики и исповедники уже причислены к лику святых Русской Православной Церкви: преподобный иеромонах Никон (Беляев) исповедник; священномученики: архимандрит Исаакий II (Бобриков), игумен Пантелеимон (Аржаных), иеромонах Евфимий (Любовичев), архимандрит Иоанникий (Дмитриев).

В этой главе мы расскажем и о тех оптинских мучениках и исповедниках, чей подвиг веры еще не прославлен. К сожалению, в большинстве своем это лишь краткие биографические справки, иногда очень скудные, но мы надеемся, что со временем этот период истории Оптиной будет освещен более подробно.

Монах Агапит (Таубе)

(†ок. 1941?)

Михаил Михайлович Таубе родился 4 ноября 1894 года в Гатчине под Санкт-Петербургом в протестантской семье обрусевших немцев. Был крещен как православный. В Петроградском университете он получил философское и биологическое образование, знал несколько иностранных языков. Окончив три курса университета, Михаил был мобилизован в армию. В 1916–1918 годах находился на военной службе в царской армии, был ранен. С 1918 по 1922 год служил в Красной армии.

В 1922 году Михаил Михайлович поступил на работу в музей "Оптина пустынь" (уже после закрытия монастыря), которым заведовала тогда Лидия Васильевна Защук, а в свободное время давал частные уроки.

Михаил Михайлович приехал в Оптину не в поисках утешения. Желая идти узким путем покаяния, он нуждался в опытном духовном руководстве. Его привлекала строгость старца Нектария, и он просил старца принять его в число своих духовных детей. Высокий, худой, всегда грустный, похожий на Рыцаря печального образа, Михаил Михайлович много времени проводил у батюшки, лично руководившего его занятиями в библиотеке, тщательно записывая все его поучения. Сегодня большинство записей пропало, сохранились лишь краткие заметки для "Оптинского патерика", так и не написанного. Часто выполняя послушание, он готовил доклады на богословские темы и читал их ученикам старца.

Уезжая в ссылку в Холмищи, батюшка благословил Михаила Михайловича окормляться у его духовника отца Досифея (Чучурюкина). В молодости они оба были под началом у отца Агапита (Беловидова), автора лучшего жизнеописания старца Амвросия. Отец Агапит отказался от старчества, сохранив немногих учеников, среди которых были и эти двое. Продолжая линию старца Нектария, отец Досифей беспощадно смирял своего нового ученика.

Впервые Таубе был арестован в 1923 году. В 1927 году его вновь арестовали вместе с преподобным Никоном (Беляевым). Сразу после ареста он облачился в иноческую одежду, которую отныне носил не скрывая. Оказалось, что он был пострижен в монашество с именем Агапит, но кем и когда — осталось неизвестно (скорее всего, отцом Досифеем). Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило их к трем годам концлагерей. После тюрьмы и долгого изнуряющего этапа они с отцом Никоном прибыли в "Кемперпункт", где батюшку определили сторожем на склад, а отца Агапита, как физически здорового, посылали в тяжелейшие "командировки" на лесоповал.

Сохранилось письмо одного из соузников, где он вспоминает о том впечатлении, которое произвели на него эти встреченные на Севере оптинцы. Отец Досифей тем временем тоже был арестован и сослан в Тамбов. Отбыв срок, он поселился в Орле, куда к нему приехал освободившийся отец Агапит. Отец Досифей жил очень замкнуто, почти никого не принимал, кроме близких духовных чад, в числе которых был и отец Агапит. В 1929 году отец Досифей вновь был арестован и сослан в Сибирь, откуда вернулся в 1937 году.

В 1930 году Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Агапита к трехлетней высылке в Северный край, предъявив следующее обвинение: "Участник контрреволюционной группировки среди местного и ссыльного духовенства в городе Архангельске".

С каторги отец Агапит вернулся больным. В лагере у него появилась опухоль на языке. Ему несколько раз делали операцию, но метастазы распространялись, и он потерял способность говорить. Несмотря на полученный смертельный недуг, пребывание на Севере стало важной школой жизни для отца Агапита, способствовало его духовному укреплению и росту.

В 1937 году отец Досифей был опять арестован и расстрелян.

Отец Агапит остался совершенно один и тяжело заболел. Он договорился с жившей рядом старушкой, что, когда ему станет совсем плохо, он постучит в стенку. Однажды соседка вошла и увидела, что умирающий лежит на постели и с невыразимой любовью смотрит на икону Божией Матери. Его дыхание становилось все реже и реже, пока не прекратилось совсем... Случилось это незадолго до войны, около 1941 года.

В молодости Михаил Таубе подавал большие надежды, в Оптиной все ожидали, что он станет крупным богословом. Но не такое поприще было уготовано ему Господом, а судьба страдальческая, одинокая, сокровенная, полная тайной молитвы за богохранимую Россию и веры в несокрушимую силу Света, который и *во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1, 5).

Монах Агапит был реабилитирован 17/30 марта 1995 года.

Иеромонах Аифал (Панаев)

(†12/25 декабря 1936)

Иеромонах Аифал (Панаев) заведовал оптинской иконной лавкой. Он был на редкость скромным человеком. Все знавшие его отмечали идеальное послушание и поразительное смирение этого инока.

В конце 1920-х годов отца Аифала арестовали и сослали в Сибирь. Отбыв срок, он не захотел возвращаться в мир, ощущая в себе стойкое, решительное противление этому шагу. Больше года добровольно оставался он в ссылке. Близким же писал, что страшится возвращения в безбожный мир, где ему при его строгом монашеском устроении найти свое место будет трудновато. Но родные настаивали, сняли ему комнату, и он решился. Поговел, написал письмо отцу архимандриту Исаакию II, жившему в то время в городе Белёве, попросил благословения и, помолившись, двинулся в путь.

Предчувствие не обмануло отца Аифала. В поезде его ограбили, а потом на полном ходу вытолкнули из вагона. Железнодорожники подняли окровавленного человека и удивились, что его немеющие губы не переставая шепчут имя Божие. Через несколько часов отец Аифал скончался в больнице. Погребение было совершено по монашескому чину.

Иеромонах Андрей (Фесюк)[63]

(†4/17 сентября 1937)

Родился 15 октября 1890 года в Белоруссии, в селе Петриково Копатновнического района в крестьянской семье. В начале XX века был монахом Оптиной пустыни[64]. О датах и обстоятельствах пострига и рукоположения сведений не сохранилось.

В 1917–1921 годах служил медфельдшером в Красной армии. В 1921–1923 годах работал медфельдшером в Серпухове, в 1923–1927 годах — в городе Курске.

В 1928 году был арестован и Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ по статье 58–10 УК РСФСР приговорен к трем годам высылки в Сибирь. По амнистии срок сократили на одну четверть.

23 февраля 1930 года Особым Совещанием при Коллегии ОГПУ был лишен права проживания в шести областях с прикреплением на три года.

3 августа 1931 года был освобожден из-под стражи под подписку о невыезде.

В 1930–1931 годах служил иеромонахом в Спасо-Преображенской церкви города Курска. Неизвестно, служил ли отец Андрей штатным клириком, однако в следственном деле указано, что он "иеромонах сергиевской ориентации", лишен избирательных прав.

29 ноября 1931 года был арестован. 16 апреля 1932 года тройка при ПП ОГПУ по Центрально-Черноземной области вынесла обвинительный приговор: "Являлся активным членом церковно-монархической контрреволюционной организации, через монашек распространял контрреволюционную пропаганду". Виновным себя не признал. По статье 58–10 Ч. 2, 11 УК РСФСР приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей (групповое "дело "Ревнителей церкви" 1932 года". В 1932–1933 годах находился в Белбалтлаге.

В 1934–1937 годах проживал в селе Хобацкое Краснохолмского района Калининской области, где работал фельдшером в Хобацком медпункте.

16 апреля 1937 года снова был арестован. 13 сентября 1937 года тройкой УНКВД по Калининской области вынесено обвинение: "Активный участник контрреволюционной фашистско-монархической организации" (групповое "дело "епископа Григория (Лебедева)

---

[63] См.: Архив УФСБ по Курской обл. Д.П-11015; Архив УФСБ по Тверской обл. Д.24937-С. Цит. по: http://www.pstbi.ru.— *Ред.*

[64] Информация нуждается в уточнении, т. к. в расстрельных списках Тверской епархии в его личном деле об Оптиной пустыни не упоминается. См.: http://www.memo.ru/memory/tver/tv-20.htm.— *Ред.*

и фашистско-монархической организации" 1937 года"). По статье 58–10, 58–11 УК РСФСР был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

4/17 сентября 1937 года расстрелян.

12/25 апреля 1989 года реабилитирован.

Иеромонах Варнава (Иванов)

(†1937)

Василий Иванов (иеромонах Варнава) родился в 1850 году и происходил из крестьян. 20-летним юношей он работал в угольной шахте. Однажды бадья с людьми оборвалась, и Василий, пока летел вниз, дал обет пойти в монахи, если останется жив. Все погибли, а ему только оторвало ногу. Всю оставшуюся жизнь он ходил на деревянном протезе.

Когда поступил в Оптину, точно не известно, но 17 марта 1890 года он принял монашеский постриг с именем Варнава. 20 июня 1899 года он был рукоположен в иеродиакона и выполнял послушание келейника старца Анатолия (Потапова), а также заведующего рухлядной. 23 августа 1904 года был рукоположен в иеромонаха.

В 1930-х годах он служил в одном из храмов Ленинградской области в городе Павловске. По воспоминаниям его духовной дочери, роста он был высокого, волосы черные, с проседью, глаза его казались огненными. "Великого духа инок и служитель Христов, весь он жил в Боге,— пишет она.— Страсти были умерщвлены послушанием и постом, бдением и молитвой. Исповедовал он необыкновенно, мне всегда чувствовалось, что исповедь принимает Сам Христос. Разрешал он с такой властью, что душа трепетала от духовного счастья".

В 1937 году отец Варнава был арестован и приговорен к заключению в исправительно-трудовом лагере. В том же 1937 году погиб в заключении от пыток: в северных лагерях на морозе его заставляли стоять на ветру без шапки. Он заболел менингитом и скончался, не приходя в сознание.

Инок Георгий (Попов)

(†1938)

Инок Георгий (Попов) родился в городе Гомеле. В Оптиной пустыни нес послушание в больнице, где опрятывал умерших. Окормлялся у преподобного Нектария Оптинского и схиигумена Феодосия (Поморцева). Расстрелян летом 1938 года.

Иеромонах Геронтий (Ермаков)

(†?)

Иеромонах Геронтий (Григорий Яковлевич Ермаков) родился в 1886 году. В Оптину поступил в 1910 году и был одним из келейников преподобного Варсонофия. В 1914 году в связи с общей мобилизацией попал на фронт.

После закрытия Оптиной пел на клиросе и иногда служил в Успенском соборе Козельска. Позже был сослан в Кемь, где и скончался. Дата смерти неизвестна.

Иеромонах Даниил (Фомин)[65]

(†12/25 июля 1953)

Иеромонах Даниил, Дмитрий Кириллович Фомин, родился в 1876 году в Московской губернии, но вскоре после рождения родители перевезли его на постоянное место жительства в село 2-я Михайловка Сорочинского района Оренбургской губернии.

В юном возрасте Дмитрий встретил верующих людей, которые направили его жизнь на духовный путь. Он полюбил молитву и, как сам потом вспоминал, перед иконами "слезы ручьем текли" у него.

---

[65] См.: Мученики и исповедники Оренбургской епархии XX века / Сост. прот. Н. Стремский. Кн. 1. Саракташ, 1998. С. 197–226; Кн. 3. Оренбург, 2000. С. 229–262.— *Ред.*

По окончании военной службы Дмитрий поступил в Оптину пустынь, а одна из его сестер, Анастасия, поступила в соседний женский монастырь в Шамордино, где постриглась в монашество с именем Архелая. В монастыре Дмитрий нес послушание в ювелирной мастерской, в совершенстве обучился церковным ювелирным ремеслам, отливал кресты, цепочки и др. Так как он был человеком грамотным и пытливым к духовной жизни, его взял в письмоводители преподобный Анатолий Оптинский. Под диктовку старца послушник Дмитрий отвечал на письма.

В Оптиной пустыни Дмитрий принял монашеский постриг с именем Даниил и был рукоположен в священный сан. Под мудрым руководством Оптинских старцев иеромонах Даниил приобрел горячую веру и любовь к Богу и ближним, смирение, неосуждение, памятование о смерти, дар Иисусовой молитвы. Он также сподобился видеть телесными очами духовные вещи. Много лет спустя он рассказал своему духовному сыну, будущему священнику, об удивительном случае, свидетелем которого однажды стал: к некоторому Оптинскому старцу пришел посетитель с вопросом. И тут отец Даниил увидел, как два лучика вышли из глаз старца и направились к сердцу посетителя. Отца Даниила охватил страх, он даже оцепенел от увиденного. Старец понял, что отец Даниил это увидел, и потому сразу ушел, ничего не сказав.

Иеромонах Даниил был преемником великих Оптинских старцев — Варсонофия, Анатолия и других. После закрытия монастыря он вернулся в Оренбургскую область, где в селе 2-я Михайловка некоторое время совершал богослужения. В 1928 году храм был закрыт, а в 1930 году отец Даниил был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Из оренбургской тюрьмы отец Даниил был этапирован в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), затем отбывал срок в Сибири на лесозаготовках. Во время заключения около 10 лет батюшка ходил по этапам, был в лагерях, сидел в одиночных камерах, выполнял каторжные работы. Отец Даниил вспоминал: "Когда я сидел в камере, то сильно голодал. Нас совершенно не кормили. И вот чудесным образом Господь мне хлеб посылал. А сатана-то и говорит: "Как же ты будешь есть хлеб? Хлеб-то этот — огонь".— "А я не боюсь, потому как этот хлеб небесный. А ты отойди от меня, сатана",— отвечаю". Долгое время он питался этим хлебом. Жил в бараках, в которых зимой замерзала вода. Летом работал, утопая по колено в болотах. Однажды упавшим деревом ему повредило ногу, была очень серьезно травмирована кость ниже колена. Нога долго болела. (До самой смерти на ноге у него был большой незаживающий свищ.) Отец Даниил стал не пригоден для физического труда. "Как-то сижу я в одиночной камере,— рассказывал он,— и меня неожиданно трижды осенило светом; мир и тишина посетили меня и радость духовная. Тут же после этого вызывают меня к начальнику. Начальник этот был очень строгий. Как правило, почти всех после встречи с ним расстреливали. Ну, думаю, наверное, пришел час моей смерти, и пошел к начальнику. Но, к моему удивлению, после допроса меня вновь посадили в одиночную камеру, совершенно холодную. Я думал, что замерзну, но милостив Господь: Своей чудесной силой согревал меня, грешного. И каково было удивление надзирателей, когда они зашли ко мне и надеялись увидеть мертвого, а я был цел и невредим. Начальник говорит мне: "Я вижу, вы не простой человек. Что-нибудь расскажите о себе". Я ему рассказал свою жизнь, и он смиловался надо мной, даже отменил смертную казнь и отправил меня в Кзыл-Орду".

После этого случая отца Даниила отправили в ссылку в Казахстан. В Кзыл-Орде он имел возможность крестить, исповедовать, совершать литургию и причащать верующих.

По возвращении из ссылки в 1948 году отец Даниил поселился у племянницы Марии, которая с тремя детьми жила в Оренбургской области в маленьком домике. За отцом Даниилом ухаживала матушка Архелая, тоже вернувшаяся из ссылки. Привезли отца Даниила совсем больным, он не мог ходить, больше лежал. Женщины из сел 2-я Михайловка и 2-я Ивановка приходили навещать больного и тайно слушать его слово, так как боялись председателя сельсовета. Храмы в этих соседних селах были закрыты и

разрушены. По освобождении из ссылки отец Даниил жил под надзором. Ему запрещали совершать богослужения, проповедовать, постоянно преследовали. Чтобы заработать на жизнь, он, немного окрепнув, нанялся работать: клепал дырявые чугунки, ведра, кастрюли, керосиновые лампы, часы, изготавливал серьги и браслеты по заказу сельских женщин, отливал крестики и цепочки. Несмотря на гонения, отец Даниил тайно совершал богослужения на дому одной благочестивой женщины. С окрестных сел шли к нему со слезами, с горем за советом, а то и просто увидеть, услышать. Обращавшиеся к нему за помощью всегда получали духовное утешение по его молитвам, и даже совершались чудеса. Жители 2-й Ивановки и 2-й Михайловки заметили, что отец Даниил обладал даром целительства и прозорливости. Известно множество случаев, когда он предсказывал дальнейшее течение жизни человека. Отец Даниил молился за людей, поддерживал их морально, удерживал их от неправильных поступков, от отчаяния, самоубийства, воровства, направлял их души к Богу. Смирение отца Даниила возрождало, по свидетельству очевидцев, веру в людях.

Он был человеком высокой духовной жизни и имел от Бога великий дар рассуждения. Многие священнослужители и миряне исповедовались у него, в том числе владыка Мануил (Лемешевский) во время пребывания его на Оренбургской кафедре. Когда отцу Даниилу задавали серьезные, жизненно важные духовные вопросы, он обычно сразу не отвечал, а говорил так: "Я тебе в следующий раз отвечу". В следующий раз при первой встрече он сразу отвечал на заданный вопрос. Видимо, батюшка молился о вразумлении или же рассуждал. В 1950 (1951?) году отец Даниил побывал в Оренбурге с внучатой племянницей Марией. Жили там у знакомых монахинь, посещали храм, притом отец Даниил заходил в алтарь. В те дни во время молитвы ему была открыта точная дата его смерти.

Матушка Архелая настояла на том, чтобы им переехать в город Сорочинск, так как там находился еще действующий храм. В 1952 году они перебрались на новое место жительства, а 12/25 июля 1953 года иеромонах Даниил скончался. За 2–3 дня до смерти он как бы завещал родным поминать его: "Царство Небесное, вечное блаженство иеромонаху Даниилу", предсказывая свою скорую кончину.

Отпевал старца в Сорочинском храме иеромонах Иоанн (Снычев), будущий митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, в сослужении шести священников. Первую панихиду служил отец Стефан Акашев.

Отец Даниил завещал похоронить себя рядом с матерью. Из города Сорочинска во 2-ю Михайловку гроб с телом покойного духовенство и множество народа несли пешком 18 километров. И там его встречал народ: люди постилали платки, бросали цветы, а потом брали и прижимали их к себе. В селе прекратились все работы; приходили люди из соседних сел, чтобы проститься с любимым батюшкой.

Могила отца Даниила для многих является местом поклонения и паломничества. Почитатели старца Даниила приходят на могилу, молятся, просят его помощи и заступления, получают просимое и верят в его святость. Он заповедал: "По смерти моей, кому будет очень тяжело, приходите ко мне на могилку".

Иеромонах Досифей (Чучурюкин)

(†16/29 ноября 1937)

Дмитрий Степанович Чучурюкин родился 18 февраля 1871 года в городе Виневе Орловской губернии. В 1892 году он был призван в армию. В 1898 году Дмитрий поступил в Оптину пустынь. В 1914 году был рукоположен в иеромонаха. Отец Досифей отличался образованностью и прозорливостью; он был учеником старца Анатолия (Зерцалова), а позднее — архимандрита Агапита (Беловидова). В монастыре отец Досифей нес послушание фельдшера. С 1923 года — братский духовник оптинских монахов (уже после изгнания их в Козельск), духовник старца Нектария и духовный отец монаха Агапита (М. М. Таубе).

В 1929 году отца Досифея арестовали. В 1930 году Коллегией ОГПУ СССР он был приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ. Наказание отбывал в Сибири до 1937 года. После возвращения из ссылки жил в городе Орле. 10/23 ноября 1937 года был вновь арестован и осужден тройкой при УНКВД по Орловской области. Обвинение: "Являлся активным участником контрреволюционной церковно-фашистской организации". По статье 58–10, 58–11 УК РСФСР приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

Во время предварительного заключения содержался в орловской тюрьме. Расстрелян в Орле 16/29 ноября 1937 года.

Реабилитирован 7/20 сентября 1955 года.

Преподобномученик иеромонах Евфимий (Любовичев)

(†6/19 июля 1931)

Преподобномученик иеромонах Евфимий (Любовичев) родился в 1875 году. Был насельником Оптиной пустыни. Мученическую кончину принял 6/19 июля 1931 года. На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви от 23 сентября /6 октября 2005 года его имя было включено в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Иеросхимонах Иеремий

(†1949)

Оптинский иеросхимонах Иеремий (в миру Степан) был послушником преподобного Амвросия. После революции, как и все оптинцы, он был изгнан из монастыря. Жил в деревне Ливенки Тульской области. Поскольку храмы были уже закрыты, исповедовал и причащал людей у себя дома.

Отец Иеремий умер в 1949 году и завещал похоронить себя на мирском кладбище рядом с родителями, предсказав, что на его могиле через полгода откроется источник. Так и случилось. Говорят, чудесная вода бьет из земли до сих пор, но не каждый человек может пить эту воду: грешников от нее с души воротит.

Игумен Иоанн (Соколов)

(†22 июня /5 июля 1958)

Иван Александрович (Алексеевич?) Соколов, игумен Иоанн, родился 26 сентября 1874 года в Москве. В Оптину пустынь поступил, возможно, в 1890 году (в 16 лет?) и к моменту ее закрытия был в сане игумена. Дата ареста неизвестна, но в заключении, которое он отбывал в Забайкалье, он провел 18 лет; там он потерял все зубы, полностью лишился зрения, ему переломали почти все ребра.

Три года игумен Иоанн находился в заключении в специальной психиатрической больнице, где на нем испытывали разнообразные психотропные препараты. На допросах он обратил к вере во Христа нескольких своих палачей, в частности начальника московской Бутырской тюрьмы.

Скончался игумен Иоанн 22 июня /5 июля 1958 года и был захоронен в Москве на Армянском отделении Ваганьковского кладбища.

Схимонах Иоасаф (Моисеев)

(†25 марта /7 апреля 1976)

Схимонах Иоасаф (Петр Борисович Моисеев), один из последних Оптинских старцев, родился в 1887 году в Калужской губернии, в 30 километрах от Оптиной. Однажды он вместе с 14 своими братьями сильно провинился перед матерью. Наказанный Петя долго плакал, а потом решил: "Уйду в Оптину". И ушел. Видя серьезные намерения 13-летнего мальчика, отец настоятель принял его в обитель, лишь потребовав согласия отца. Отец согласился и сам привел его вторично в монастырь, подумав: "Хорошо хоть один монахом станет!". Петр пел на клиросе, чему научился еще в миру. В 1925 году в Московском

Свято-Даниловом монастыре он принял монашеский постриг с именем Иосиф. В это время скончался святитель Тихон Московский, и отец Иосиф получил послушание стоять в Донском монастыре с патриаршим крестом у гроба почившего.

В 1923–1924 годах Оптину закрыли и изгонали монахов. Уходя из монастыря, отец Иосиф спас схиму преподобного Амвросия, которая, переходя потом из рук в руки и бережно сохраняемая, вернулась в обитель в 1988 году.

Как и многие насельники Оптиной, отец Иосиф понес исповеднический подвиг. Он был арестован и 22 года провел в заключении. Во время частых перегонов у заключенных обычно отбирали нательные кресты, и те старались их спрятать. Однажды, накануне очередного обыска, отец Иосиф подумал: "Как же мне крестик-то спасти?". И вдруг услышал голос: "Не ты Меня спасаешь, а Я тебя. И еще спасу".

В жизнеописании старца неоднократно упоминается о благодатных видениях и знамениях, которые он сподобился видеть. В 1954 году старец освободился и жил в затворе в городе Грязи Липецкой области. Батюшка никогда не оставлял молитвы, даже во время сна мог читать ее вслух. В конце 1950-х годов он был пострижен в великую схиму с именем Иоасаф. Батюшка предвидел, что немного не доживет до открытия Оптиной, которую вернули Церкви через 11 лет после его праведной кончины.

17/30 ноября 2005 года останки схимонаха Иоасафа были перенесены из Липецкой области в Оптину пустынь и захоронены на братском кладбище.

Иеродиакон Кирилл (Зленко)

(†19 июля /1 августа 1929)

Кирилл Евдокимович Зленко родился в 1888 году в Полтавской губернии. В Оптину поступил около 20 лет от роду и был одним из письмоводителей и духовных чад преподобного Варсонофия. В 1908–1912 годах он проходил военную службу, после чего вновь подвизался при преподобном Варсонофии, но уже в Старо-Голутвином монастыре, и с гробом почившего старца вернулся в скит.

В сан иеродиакона отец Кирилл был рукоположен 24 июня 1913 года. В 1916–1925 годах был на фронте. После разгона Оптиной он жил в Козельске на одной квартире с преподобным Никоном. Вместе они посещали городской Успенский собор, где пели на клиросе. В 1925 году по приглашению игумении Софии (Гриневой) оба они были в Киеве, где отец Никон постриг много послушниц Покровского женского монастыря в мантию. В 1927 году вместе с преподобным Никоном был арестован и отец Кирилл. Находясь в калужской тюрьме, он получал помощь от духовных чад преподобного Никона. В письме отцу Никону отец Кирилл жаловался на невыносимую обстановку в тюрьме, постоянную брань и разборки заключенных, из-за которых он целыми днями вынужден был скитаться вне камеры, на улице, чтобы иметь возможность молиться.

В 1929 году иеродиакон Кирилл был сослан в Туркестан, где обострился его туберкулез, которым он заболел, еще будучи оптинским послушником. В ссылке за ним самоотверженно ухаживала Анастасия Бобкова (впоследствии схимонахиня Анастасия; †1978), сестра Ирины Бобковой (схимонахиня Серафима; †1990). В 1928 году отец Кирилл писал в ссылку отцу Никону: "...Незадолго перед отходом в вечность наш отец и наставник б<атюшка> Варсонофий мне сказал: "Через 10 лет тебя постигнут скорби!". Слова эти не отозвались особенно в сердце моем, но в нем я их тогда сложил. Исполнилось 10 лет со дня смерти Старца, и предсказание его начало сбываться: в 1923 г<оду> — выгнан из монастыря, в 1925 и 1926 — известные вам мои "визиты" в калуж<скую> т<юрьму> и, наконец 1927 г<од> — далекая ссылка...."

После Туркестана отец Кирилл переселился в город Белёв Тульской области, поближе к Оптиной, откуда также был выслан и поселился в городе Козлове (ныне Мичуринск) Тамбовской области, где 19 июля /1 августа 1929 года преставился ко Господу. Перед смертью его причащал преподобный Севастиан Карагандинский (один из последних Оптинских старцев).

Иеромонах Лаврентий (Левченко)

(†10/23 февраля 1946)

Будучи насельником Оптиной пустыни, вел строгую подвижническую жизнь. После закрытия монастыря был арестован, прошел концлагеря и в ссылке принял мученическую кончину.

Иеромонах Макарий (Иноземцев)

(†29 апреля /12 мая или 4/17 мая? 1970)

Начало своих трудов полагал в Оптиной пустыни. После ее закрытия понес исповеднический подвиг; был старцем святой жизни. Последние свои годы провел в городе Белёве Тульской области.

Иеросхимонах Макарий

(†1972)

Послушник Евгений (монах Ермоген) принял монашеский постриг незадолго до закрытия Оптиной пустыни. Жил в Белёве, первое время требы совершал на дому, а поскольку это было запрещено, жил полулегально. "Спросить, Боже упаси, нельзя было: он жил тайно,— рассказывает А. С. Лукьянова, ставшая впоследствии его духовной дочерью,— а я болела, где тут искать, но делать нечего, ищу. Кому было благословлено — ездили к нему из разных городов. Вдруг меня спрашивают: "Ты корове сено ищешь?".— "Да",— отвечаю, сама не зная почему. "Это здесь". Толкаю дверь и чувствую: кто мне нужен, живет здесь. И вправду, оказалось — здесь. Он еще не был схимником. Гонения на него устраивали, а мы все равно ходили. Поисповедует батюшка, а потом велит: иди в церковь под крест, под Евангелие, чтобы скрыть эту тайную исповедь". Отец Ермоген обладал даром исцелять людей. Один тульский священник до сих пор бережет его подрясник, чтобы отчитывать бесноватых.

Некоторое время он служил в Белёве. "Однажды он вышел с крестом, а я смотрю и глазам не верю: у него за спиной ангельские серые крылышки. А в другой раз вижу: на голове василькового цвета воздух лежит. Господи, думаю, я же недостойна это видеть". Незадолго до смерти отец Ермоген келейно принял схиму с именем Макарий. В схиме пробыл недолго — 9 недель, как и сам предсказал. Скончался в 1972 году, похоронен на Троицком кладбище.

Иеромонах Макарий (Чельцов)

(†18 апреля /1 мая 1939)

Начало своих трудов иеросхимонах Макарий полагал в Оптиной пустыни, где заведовал рухольной. После ее закрытия понес исповеднический подвиг. Вернувшись из ссылки в Архангельском крае, поселился в городе Белёве Тульской области, где вскоре скончался.

Архимандрит Мартирий (Гришин)

(†1/14 августа 1958)

Один из последних насельников Оптиной пустыни, исповедник, благодатный старец, подвижник. Похоронен на местном кладбище в поселке Малаховка Московской области, где, видимо, проживал в последние годы жизни.

Иеросхимонах Мелетий (Бармин)

(†30 октября /12 ноября 1959)

Иеросхимонах Мелетий был келейником архимандрита Ксенофонта (Клюкина), а затем — последним духовником Шамординской обители. Это был человек святой жизни,

особый, исключительный. Он являлся последним постриженником преподобного Амвросия Оптинского, который постриг его в 1891 году, в год своей кончины.

Отец Мелетий был сильным молитвенником, отличался исключительным молчанием, был очень немногословным. Спросят его: "Батюшка, ну как жить?", а он отвечает: "Всегда молитесь". И все. Вокруг него царил особый благодатный мир, покой. Человек, пришедший к нему на исповедь расстроенным, умиротворялся. После разгона обители отец Мелетий жил в городе Козельске и имел духовное общение с преподобным Никоном, пока того не арестовали и не выслали.

В 1930 году отец Мелетий был сослан в Архангельскую область и какое-то время провел в лагерях. После возвращения до конца дней своих жил близ разоренной Оптиной пустыни, общался и с отцом Рафаилом (Шейченко) и с другими священниками. У него продолжали окормляться шамординские сестры, которых в Козельске было очень много; люди приезжали к нему из других мест. К концу жизни он ослеп. Скончался отец Мелетий в возрасте 96 лет.

Он был захоронен на городском кладбище города Козельска, а летом 2005 года останки иеросхимонаха Мелетия были перенесены в Оптину пустынь и погребены на братском кладбище монастыря.

Епископ Михей (Алексеев)

(†3/16 февраля 1931)

Михаил Федорович Алексеев родился 23 января 1851 года в Санкт-Петербурге в семье дворянина-чиновника (впоследствии статского советника в канцелярии Госконтроля). В 10 лет он лишился матери и, поступив в Санкт-Петербургский Морской кадетский корпус на Васильевском острове, окончил его в 1872 году гардемарином.

После окончания курса обучения в Морском училище служил по морскому ведомству, дослужившись до капитана 1-го ранга. Совершил три кругосветных плавания. Служба молодого офицера шла довольно успешно, начальство было им довольно. Внезапно развивающаяся его карьера резко оборвалась; 5 марта 1890 года капитан 1-го ранга Алексеев неожиданно вышел в отставку, причиной которой явилась внезапная смерть молодой жены.

Потрясенный горем, Михаил Федорович бросил морскую службу, которой отдал почти 20 лет, и в 1890 году поступил послушником в Оптину пустынь под руководство великого старца Амвросия. Решение полностью изменить свою жизнь в расцвете лет пришло по благословению отца Иоанна Кронштадтского, с которым он был знаком с первого года своей флотской службы, когда батюшку знали только в самом Кронштадте. "Посещая ежедневно его служения в Андреевском соборе,— вспоминал епископ Михей,— я удостаивался весьма частого причащения Святых Таин, по крайней мере раз в неделю, а то и чаще. Тогда отец Иоанн служил Божественную литургию еще один, без сослужащих, и я прислуживал ему в алтаре, заменяя алтарных служителей, часто расстраивавших батюшку своей грубостью. Я пожелал служить, как и он. Пошел в монахи в обитель самой строгой жизни — Оптину. Я здесь укрепился, оставил земную суету и, вдумываясь в свои дела, исправлял свои недостатки. Там я думал остаться навсегда".

Он приехал в монастырь вместе с будущим митрополитом Трифоном (Туркестановым). Через год умер старец Амвросий. После его кончины по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского Михаил покинул Оптину пустынь с тем, чтобы избрать путь ученого монашества.

В 1892–1896 годах Михаил учился в Московской Духовной Академии.

10 октября 1892 года он был пострижен в мантию с именем Михей в Троице-Сергиевой Лавре. В том же году состоялась его диаконская хиротония, а в 1893 году он был рукоположен в иеромонаха.

В 1896 году отец Михей был назначен смотрителем Жировицкого Духовного училища. Оно находилось в знаменитом Жировицком монастыре, и отца Михея

"благословили быть руководителем целого монастырского братства, поверх того, духовным руководителем множества мирян разного звания".

В 1896–1897 годах иеромонах Михей — ризничий Синодальной ризницы Московского Кремля. С 1897 года — игумен, с 1898 года — архимандрит. В 1897–1900 годах — настоятель Иосифо-Волоколамского монастыря Московской епархии. В 1901–1902 годах — настоятель Свято-Владимирского монастыря в Таврической губернии. В 1902 году архимандрит Михей был хиротонисан во епископа Сарапульского, викария Вятской епархии. В 1906–1908 годах — епископ Владимиро-Волынский, викарий Волынской епархии. В 1908–1912 годах — епископ Архангельский и Холмогорский.

В 1912–1913 годах — епископ Уфимский и Мензелинский. 22 декабря 1913 года он был "уволен по слабости здоровья на покой".

Сначала местом пребывания на покое владыке была назначена Почаевская Лавра, а 2 января 1914 года владыка Михей прибыл на покой в Оптину пустынь, вернее, вернулся в нее.

В пустыни он жил до самого своего ареста и вместе с последними Оптинскими старцами являлся одним из духовных руководителей обители.

В Вербное воскресенье 1923 года владыка Михей был арестован вместе в архимандритом Исаакием (Бобриковым) и другими оптинцами и отправлен под конвоем в козельскую тюрьму, где провел несколько недель.

Затем, поселившись в Козельске, он служил в Успенском соборе, а позже — в одной из приходских церквей. То, что в Козельске не было обновленцев, является немалой заслугой и епископа Михея, который принимал их в общение не иначе как через покаяние. Живя в Козельске, владыка Михей не терял связи с другими оптинскими подвижниками, рассеянными по разным местам.

Он скончался 3/16 февраля 1931 года в Козельске и был погребен на городском Пятницком кладбище, а летом 2005 года останки епископа Михея были перенесены в Оптину пустынь и захоронены на братском кладбище монастыря.

Монах Никита (Чувенков), монах Сергий (Борисов), монах Феодор (Лавров)[66]

(†12/25 октября 1937)

Монах Никита Чувенков родился в 1879 году в Тульской области Алексинского района в деревне Хрипково.

Никаких других сведений об этих трех монахах не сохранилось.

После закрытия Оптиной пустыни все трое проживали в городе Козельске и были арестованы в 1937 году.

23 сентября /6 октября 1937 года они были осуждены тройкой УГБ УНКВД Западной области по статье 58–10 УК РСФСР и приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение 12/25 октября 1937 года.

Преподобномученик игумен Пантелеимон (Аржаных)

(†16/29 ноября 1937)

Родился в 1872 году в городе Сухиничи Калужской области. Выдержал испытание на звание фельдшера при Волынской военной фельдшерской школе. В Оптину поступил в

---

[66] См.: *Андрей Безбородов, священник.* Годы испытаний: (История Православной Церкви на Калужской земле с 1917 по 2000 год). Калуга, 2001. С. 18; База данных о жертвах политического террора в СССР. Компакт-диск. 3-е изд. НИПЦ "Мемориал". М.: Звенья, 2004. 282420; Из бездны небытия: Книга памяти репрессированных калужан. Т. 1–4. Калуга, 1993–2003. Цит. по: http://www.pstbi.ru. См. также: http://karizha.ru/kaluga/a_avg.htm (в статье о священномученике епископе Августине (Беляеве).— *Ред.*

1901 году и нес послушание при монастырской больнице. В 1906–1907 годах находился в Почаевской Успенской Лавре.

31 августа 1908 года в Оптиной пустыни принял монашеский постриг. В сан иеродиакона отец Пантелеимон был посвящен 15 марта 1909 года, в иеромонаха рукоположен 25 марта 1911 года. С 1914 года он исполнял послушание казначея. Отец Пантелеимон также заведовал монастырским лазаретом для больных и раненых воинов Первой мировой войны. Со старцем Варсонофием он ездил в ноябре 1910 года к умирающему Л. Н. Толстому в Астапово. В 1923 году в Вербное воскресенье он был арестован вместе с другими оптинскими монахами. В 1930 году последовал второй арест; тогда отец Пантелеимон был приговорен к ссылке в Сибирь. После ссылки вернулся в город Козельск, где служил в деревне Клыково (ныне — мужской монастырь Спаса Нерукотворного).

16/29 ноября 1937 года принял мученическую кончину: был застрелен около храма, в котором служил.

На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви от 23 сентября /6 октября 2005 года имя игумена Пантелеимона (Аржаных) было включено в Собор новомучеников и исповедников Российских.

Иеромонах Рафаил (Шейченко)

(†6/19 июня 1957)

Иеромонах Рафаил (Родион Иванович Шейченко) происходил родом с Украины и по специальности был ветеринарным фельдшером. В Оптину пустынь он поступил послушником 25 августа 1917 года.

Родион Иванович пришел в Оптину уже зрелым человеком, хотя, как он писал своей духовной дочери: "От дней детства, под кровом родителя своего, я всей пылкостью чистой юной души любил и жаждал святого иноческого жития. Оно было мечтой детства и усладой юности. И вот я стал у преддверия желаний моих...." Окончательное решение принять монашество пришло после трагического случая в его семье. На его глазах убили кого-то из его близких, и он сам на салазках привез тело убитого домой. Видимо это послужило последним толчком к тому, чтобы порвать с миром.

В 1923 году Оптину закрыли, а монахов выселили. С великой скорбью покидали иноки обитель. Большинство, в том числе и отец Рафаил (он стал иеродиаконом еще до закрытия монастыря), поселились в городе Козельске и старались служить, где было только возможно. Это продолжалось до 1928 года. Братии делалось все меньше, одни уезжали, других арестовывали, а в 1928 году были арестованы все оставшиеся монахи Оптиной, среди них был и отец Рафаил.

В ссылках отец Рафаил провел 21 год: первое время он отбывал срок под Москвой, в Дмитровском районе (Дмитлаг), затем 10 лет был на тяжелых работах на Баренцевом море, а потом трудился ветеринаром. Последний свой срок отец Рафаил отбывал на Соловках.

Сразу после ареста отец Рафаил попал в лагерь общего режима и стал работать в нем по своей старой специальности ветеринаром, при лагере было подсобное хозяйство (свиноводство). Поэтому он жил не в общем бараке, а в "отдельной комнатке" — стойле свинарника. Собрав богослужебные книги, он ежедневно совершал службы в "своей комнатке". Когда в 1931 году туда же был прислан отец Борис Холчев, отец Рафаил выхлопотал разрешение поселить батюшку вместе с ним в свином стойле; вместе они встретили Пасху 1931 года.

Когда открылось, что отец Рафаил тайно совершает службы, он получил дополнительный срок — 15 лет лагерей строгого режима, который отбывал на Соловках.

Из лагеря отец Рафаил вышел в середине 1940-х годов инвалидом. Он поселился недалеко от Оптиной пустыни (освобожденный заключенный должен был назвать точное место, куда он поедет, и отец Рафаил назвал город Козельск). Приехав в Козельск, он

нашел там полную разруху. Действующего храма в городе не было. Физически отец Рафаил был очень слаб, но душа его горела любовью к Богу. Он поехал в Москву к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу), который посвятил его в иеромонахи (это произошло в день празднования иконы "Утоли моя печали" в московском храме Успения в Гончарах, что на Таганке) и благословил хлопотать об открытии храма.

Служение отец Рафаил проходил в городе Сухиничи, затем в Георгиевском храме города Козельска. Восстановив козельский Благовещенский храм, он был назначен его настоятелем. Отец Рафаил был человеком великой любви и жалости к людям. Приехав в Козельск, он стал заботиться о состарившихся и немощных сестрах Шамординского монастыря, многие из них тоже вернулись из ссылок. Душа его вмещала всех, кто нуждался в помощи. Все шли к нему, как к родному отцу, и всех он согревал своей любовью. Много было и не монашествующих, но просто исстрадавшихся от многообразных трудностей, и для каждого в его душе находилось тепло.

В конце 1940-х годов в Козельске рукоположили в священники бывшего учителя, отца Сергия, который стал служить с отцом Рафаилом. Всеобщая любовь, которой пользовался отец Рафаил, видимо, возбудила в сердце отца Сергия зависть, и он уговорил одну из прихожанок написать ложный донос на отца Рафаила в МГБ. Она написала, что отец Рафаил был связан с немцами, и его снова арестовали и отправили в лагерь (1949–1955) под город Киров, где батюшка отсидел 5 лет и 8 месяцев. Отец Рафаил, слабый и совершенно больной (ему уже было за 60 лет), сидел с уголовниками. Без него в Козельске был освящен Благовещенский храм, и отец Сергий стал там настоятелем. В письмах из лагеря отец Рафаил умолял своих духовных чад "простить Наташу" (которая прислала ему покаянное письмо о своем грехе доносительства), и говорил о том, что без воли Божией "ни влас с головы не пропадет", что "нужно смиряться перед волей Божией, в какой бы тяжелой форме она ни выражалась".

Выйдя из заключения, отец Рафаил стал служить в восстановленном им храме, в котором настоятельствовал отец Сергий, и поэтому отец Рафаил смиренно стал вторым священником в своем же храме. Несмотря на слабость здоровья, дверь отца Рафаила, как и до ссылки, никогда не закрывалась, и он принимал всех нуждающихся.

Иеромонах Рафаил был духовным сыном преподобного Нектария, также был близок с архимандритом Борисом (Холчевым) и епископом Стефаном (Никитиным). В 1957 году к отцу Рафаилу приезжал Иван Митрофанович Беляев (бывший послушник Оптинского скита, родной брат преподобного Никона), который на старости лет вновь обрел веру. После беседы с отцом Рафаилом Иван Митрофанович даже хотел остаться у него в Козельске, но отец Рафаил благословил его вернуться в Москву и нести свой семейный крест до конца.

На Троицкую родительскую субботу 1957 года, вернувшись с кладбища после многочисленных панихид, отец Рафаил заболел воспалением легких, после чего и скончался через 10 дней. Похоронен он был на городском кладбище города Козельска; на могиле его не было надписи, потому что в ней похоронили еще двух священников.

Летом 2005 года останки иеромонаха Рафаила были перенесены в Оптину пустынь и захоронены на братском кладбище монастыря.

Иеромонах Тихон (Лебедев)

(†1944?)

Иеромонах Тихон (Тимофей Лебедев) родился в городе Острогожске Воронежской области. В Оптину он пришел молодым, по благословению Троекуровского старца-затворника Илариона. Когда его тетя-монахиня спросила, почему он не хочет остаться в Острогожском монастыре, отец Тихон ответил: "Я иду туда, где нет кружки".

Отец Тихон выделялся красивым голосом, и когда в 1912 году в Оптине побывал Московский митрополит, то забрал его с собою в Кремль. В Кремле отцу Тихону не

понравилось — там за трапезой ели мясо, и, выдержав там всего лишь две недели, он сбежал обратно в Оптину. За это на отца Тихона была наложена епитимия — ему запретили служить и поставили петь на клирос в одном подряснике, но вскоре простили.

В 1928 году, когда Оптина была уже закрыта и монахи разогнаны, отец Тихон приехал в Астапово, где жила его тетя, монахиня Асенеффа, также изгнанная чекистами из своего монастыря. В это время отцу Тихону предложили место священника в селе Сабурово, и он отправился в Москву. Учитывая ненадежность времени, отец Тихон написал собственноручно два варианта письма-треугольника, которые должны были отправить в Астапово в случае его смерти. В одном было написано: "Отец Тихон умер. Погребение отправлено". В другом: "Отец Тихон умер. Погребение не отправлено",— это с тем, чтобы оставшиеся в живых совершили, как должно, чин отпевания.

Но в Москве, в Сабуровском храме, отец Тихон прослужил всего три недели. Однажды после службы во время Великого поста в храм вошли пять комсомольцев. Узнав о предстоящей ликвидации храма, староста сбежал вместе с ключами. В церкви остался один отец Тихон, и комсомольцы направились к нему: "Отдай ключи от храма!".— "Где ж я их возьму? Я не староста церковный…". Тогда комсомольцы повалили отца Тихона на пол, избивая ногами, а потом, схватив впятером за бороду, потащили по снегу из храма. Тащили долго и, уставая, сменяли друг друга. Тащили усердно — мясо на лице отошло от костей, и на изуродованном лице остались потом до смерти пять мясистых бугров-шишек, из которых, разделенная на пять частей, росла борода. По кротости своей отец Тихон не рассказывал о мученичестве, и на вопрос матери Афанасии (своей родственницы): "Что у тебя с бородой?" — отшутился: "А ты только что заметила, какой я урод? Да я ведь из-за этого не женился!".

Ликвидация же храма завершилась так: отца Тихона дотащили за бороду до железнодорожной станции и, раскачав, бросили на платформу проходившего мимо товарняка…

В том же 1928 году отец Тихон уже служил в небольшой часовне села Дятьково Брянской области. Жилья он там не имел, ночевал где придется, порой на улице, так как в те годы пустить на квартиру священнослужителя было чрезвычайно опасно. Во время голода 1932–1933 годов отец Тихон так ослабел от недоедания, что уже не мог ходить, и сердобольные женщины носили его на одеяле на ночь на вокзал, где он мог согреться и провести ночь в тепле. Однажды, когда он лежал на вокзале, а местные ребятишки по обыкновению издевались над "попом" и плевали в него, сын начальника милиции, наблюдавший эту сцену, в сердцах сказал отцу: "Папа! Ты посмотри, какой хороший дедушка. Какая у него борода большая и какой он красивый! А его тащили через весь город, как пьяного, а ребятишки плевали в него. Души у вас нет!". Начальник милиции сжалился над "дедушкой" и велел привести его в милицию. "Кто вы?" — спросил он у отца Тихона. Тот был уже настолько слаб, что не боялся ни тюрьмы, ни расстрела, и сказал без утайки: "Я монах. Паспорта не имею и деваться мне некуда — делайте со мной что хотите".— "Зайдите утром",— сказал начальник милиции, а наутро выписал отцу Тихону паспорт и под видом родственника поселил у себя во дворе в пристройке к хлеву — в "комнате" 2 х 2 метра. С тех пор (это приблизительно с 1932 года) отец Тихон почти ежегодно приезжал в Астапово, где жила еще мать Афанасия, а мать Асенеффа уже скончалась от водянки. В 1940 году он приехал туда в последний раз.

В селе Дятьково он прожил до 1941 года. В начале войны город оккупировали немцы. Жителей стали угонять в Польшу, откуда оставшиеся в живых смогли вернуться домой лишь в августе 1943 года, после освобождения города. Тогда же, спасаясь от немцев и угона в Польшу, жители Дятькова уходили в леса. Ушел с ними и отец Тихон. Зимой 1944 года в Астапово пришел треугольник — собственноручно написанное отцом Тихоном письмо на случай возможной смерти: "Отец Тихон умер. Погребение отправлено". Обратного адреса на письме не было…

Неоконченные страницы Оптинского мартиролога

Мы привели сведения о судьбах лишь некоторых из 300-численной братии Оптиной пустыни.

Известно, что мученический или исповеднический подвиг также понесли:

— **иеромонах Иоанн** (Жирнов, бывший послушник Илья) — умер в ссылке;

— **инок Памва** — был в ссылке, дальнейшая судьба неизвестна;

— **иеромонах Савватий** — был в ссылке, дальнейшая судьба неизвестна;

— **иеродиакон Серафим (Гущин)** — умер в ссылке или расстрелян;

— **иеромонах Спиридон** — был в ссылке, дальнейшая судьба неизвестна.

Подвиги остальных мучеников и исповедников Оптинских еще ждут своего исследователя.

Глава V. Скитский некрополь

Преподобный старец схиархимандрит Гавриил (Зырянов), полагавший начало подвижничества в Оптиной пустыни, так писал о ее насельниках: "Да, мы чувствовали себя там, как в среде святых, и ходили со страхом, как по земле святой… Я присматривался ко всем и видел: хотя были разные степени, но все они по духу были равны между собой; никто не был ни больше, ни меньше, а были все одно — одна душа и одна воля — в Боге" (Цит. по: *Симеон (Холмогоров), архимандрит.* Един от древних. Повесть о жизни и подвигах схиархимандрита Гавриила (Зырянова). М., 1996. С. 21).

Преподобный старец архимандрит Георгий (Лавров), также некогда подвизавшийся в этой святой обители, отмечал, что в Оптиной было много совсем незаметных монахов, несущих всю жизнь самые незначительные послушания и в церкви стоящих где-нибудь в уголке, тихо перебирая четки. Никто никогда не замечал в них каких-нибудь добродетелей, а между тем многим из них был открыт день их кончины, что и сбывалось точно.

По благословению оптинского скитоначальника преподобного старца Варсонофия послушником Николаем Беляевым (будущим преподобным Никоном исповедником) было предпринято описание всех отшедших в жизнь вечную скитских отцов и братий, останки которых покоились тогда на скитском кладбище. "Цель описания скитских покойников была,— пишет автор,— во-первых, та, чтобы оставить о них память жившим и имеющим жить в скиту отцам и братиям, а во-вторых, еще и та, чтобы живые, взирая на скончание почивших, подражали вере и добрым делам их".

Описания, помещенные в этом разделе "Оптинского патерика", печатаются по изданию: Жизнеописания почивших скитян / Сост. прп. Никоном (Беляевым) // Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 321–547; с тем изменением, что статьи помещены не в последовательности расположения могил, а в алфавитном порядке имен почивших.

Монах Александр (Лихарев)

(†5/18 марта 1873)

В миру Александр Николаевич Лихарев, штабс-ротмистр гвардии, помещик Рязанской, Тульской и Симбирской губерний. Родился в 1817 году 23 мая. Так он вспоминал о своем домашнем воспитании: "Учителем моим был немец. Если, бывало, не приготовлю урока, он определяет мне наказание — обедать за особливым столом. Скажет, бывало: "А, люпезный! За осапливый стол тебья!". Я-то, бывало, плачу, река рекой разливаюсь. А теперь думаю: ну что такое — за особливый стол? Не все ли равно? Тогда же как это бывало больно! Причащаться Святых Таин ходил я в церковь, непременно сначала напившись чаю и хорошо позавтракавши, а то трудно стоять литургию". Воспитывался он в пажеском корпусе и имел стол, по его собственным словам, вместе с наследником престола, впоследствии императором Александром Николаевичем, и графом Адлербергом. Вышедши в отставку, немалое время был каширским предводителем дворянства Тульской губернии. В этой должности распоряжался так самовластно, что ни

губернатора и никаких других властей не признавал, так что его шутя называли "Великий герцог Финляндский" — grand due de Finlande. Был владельцем трех огромных имений: своего собственного, женина и доставшегося ему по наследству от дяди. Имения эти были так велики и богаты, что, по словам современных Лихареву людей, как бы роскошно ни жил, нельзя было в продолжение одной жизни прожить и одного из этих имений. Но Александр Николаевич ухитрился вскорости пропустить все три имения. Невольно сейчас напрашивается вопрос: что же было этому причиной? Кроме того, что Александр Николаевич сорил деньгами направо и налево, он подолгу живал в Петербурге и там ежедневно ездил в клуб. Каждый раз при этом он захватывал с собою денег не менее 10 000 рублей. "Если же,— сказывал он,— в иной день не было при мне десяти тысяч, то мне стыдно было в клуб ехать". И все эти тысячи домой уже не возвращались.

Несмотря, впрочем, на такую бешеную роскошь, Александр Николаевич был человек верующий и даже религиозный. В праздничные дни у него в доме отправлялись всенощные бдения, и сам он имел обыкновение читать шестопсалмие, всегда, впрочем, с пропуском слов: *лядвия*[67] *моя наполнишася поруганий* [Пс. 37, 8], находя, вероятно, неприличным произносить их вслух молящимся. Всегда еще в миру, как и после в монастыре, любил читать жития святых или Четьи Минеи святителя Димитрия Ростовского. И кажется, был еще некоторое время в Москве ктитором при церкви святого Спиридона. Когда домашние или хозяйственные дела Александра Николаевича пришли в упадок, он вместе с супругой своей Надеждой Сергеевной 4 декабря 1868 года прибыл в Оптину пустынь и поместился временно на жительство в монастырской гостинице. Ему в то время было 52 года.

Проживши в гостинице около года, он наконец 5 ноября 1869 года поступил в скит и поселился в Ключаревском корпусе, что на восточной стороне Предтеченской церкви. Хозяин, построивший этот корпус, Феодор Захарович Ключарев[68], был еще жив. Он в свое время тоже занимал должность тульского губернского предводителя дворянства. И вот судьбами Божиими сошлись вместе два дворянских предводителя из одной губернии. Один — Феодор Захарович — был уже рясофорный монах, а Александр Николаевич — новоначальный послушник. Заметим, что Лихарев был тучного телосложения и довольно высокого роста. Когда он оделся в огромный, по его телосложению, подрясник, из которого иному монаху могла выйти целая ряса, опоясался кожаным поясом вершка в три толщины и пришел к старцу иеросхимонаху Амвросию принять благословение на новое жительство, тогда старец, приняв его с отеческой любовью, благословил и, окинув взором его внешнее облачение, проговорил: "По коню и сбруя".

Одновременно с мужем и супруга его поступила сначала в Орловский женский монастырь, а потом, в апреле 1870 года, перешла в Белёвский Крестовоздвиженский монастырь, поближе к супругу, а главное, кажется, к старцу, скитоначальнику отцу Илариону, который был ее духовным отцом.

После роскошной светской жизни Александр Николаевич по возможности благодушно переносил лишения и трудности жизни монастырской. И первая для него трудность была — оставить курение табака. Но он, как сам сказывал, преодолел ее довольно легко. "Перед самым вступлением в скит,— говорил он,— сел я пред его воротами на лавочку, выкурил две папиросы и этим навсегда закончил свое табачное удовольствие". И после того он оставался очень равнодушным к табакокурению. Поначалу ходил он вместе со скитскими братиями в трапезу и похваливал скитскую пищу, приправленную конопляным маслом. Но скоро затем суровая постная пища оказалась не по нутру изнеженного с детства Александра Николаевича. Для него стали готовить пищу

---

[67] *Лядвия* (ц.-сл.) — мясо на чреслах, мускулы в чреслах, ляжки; внутренние поясничные мышцы около почек (см.: Лев. 3, 9; 2 Цар. 2, 23; 3, 27).— *Ред.*

[68] Ключарев Феодор Захарович (†21 июля /3 августа 1872) — надворный советник, тульский предводитель дворянства, почетный гражданин г. Козельска, потомственный благотворитель Оптиной пустыни. В скит поступил в 1860 году. Скончался схимонахом Феодором.— *Ред.*

особо прислуживавшие ему люди несколько понежнее и повкуснее — суп, приправленный постным (подсолнечным) маслом, кисель овсяный и подобное. Для послушания же он имел при себе какого-либо мирского человека, которому платил жалованья рублей по десять в месяц. Но и при таком жалованье люди у него часто менялись, потому что он был очень взыскателен и очень часто подзывал их к себе, иногда по пустякам.

Усердно посещал Александр Николаевич храм Божий и ходил в так называемую соборную келлию на общее братское правило, где иногда даже по назначению соборного иеромонаха читал псалмы или канон дневной. С верою и послушанием относился к своему старцу и отцу духовному скитоначальнику отцу Илариону. Бывало, случится какое-либо монашеское искушение, например обидит кто-либо Александра Николаевича словом, пойдет он к своему старцу и поведает ему свое огорчение. "А ты,— скажет ему старец,— потерпи".— "Да не терпится, батюшка",— ответит огорченный. "Ну, понеси".— "Да и не несется".— "Ну, покати".— "Да и не катится".— "Ну так,— заключит старец,— не терпи, и не неси, и не кати". А волей-неволей, когда оскорбили, и так нужно было терпеть. Не драться же, в самом деле, скитскому послушнику.

Имел Александр Николаевич также искреннее расположение к старцу батюшке отцу Амвросию. И он всегда удивлялся благородству обоих старцев в обращении с почетными посетителями. "Ну, отец Амвросий,— скажет, бывало,— все-таки получил образование в Семинарии, а батя-то, батя-то (так называл он своего старца отца Илариона), ведь он в миру был портной и ни в какой школе не обучался никаким наукам, а какое благородство, какая сдержанность в манерах!". Так жизнь духовная облагораживает и самых простых необразованных людей на удивление получившим даже хорошее воспитание и обращавшимся в кругу интеллигентных людей! Оба старца, со своей стороны, очень любезно относились к Александру Николаевичу за его простоту и искреннюю откровенность. Бывало, посадят его вместе с собой рядом, каковой участи удостаивался только он один да, может быть, еще настоятель обители. После такого приема Александр Николаевич сознавался, что часто приходилось ему в свое время обращаться с графами и князьями, но ни перед кем из них он не конфузился и не стеснялся, а перед Оптинскими простыми старцами чувствовал большое стеснение и неловкость.

Со всеми братиями, исключая редких и малозначительных случаев, вообще всегда был в мирных отношениях. Имел он обыкновение, по старой привычке, праздновать день своего Ангела. Но старец отец Иларион, отсекая волю послушника, запрещал звать к себе кого бы то ни было в гости, а угощать только тех, кто сам придет, думая, что без зова редко кто пойдет. И Александр Николаевич исполнял эту старческую заповедь — никого не звал, а вместо того, незадолго до своих именин, с кем бы он ни встретился из скитских братий, каждому напоминал: "Я в такой-то день именинник. Слышишь? Попомни это". Таким образом, все скитяне в свое время и придут, бывало, к нему с поздравлениями. У гостеприимного же хозяина всегда бывало при этом случае скромное угощение. И он очень бывал доволен и рад, что и заповедь старца — никого не звать в гости — исполнил, и братию угостил, и себе через это доставил удовольствие.

При тучности тела Александр Николаевич расположен был к водяной болезни, которая с каждым годом у него в скиту усиливалась и наконец в последний (1873) год его жизни приняла разрушительный характер. Всегда он с боязнью встречал март месяц, говоря, что все его предки в этом месяце оканчивали жизнь. В последних числах января помянутого года он съездил в Белёвский женский монастырь для свидания со своей, по-монашески, сестрой, бывшей супругой, простудился и заболел. По этому случаю 9 февраля принял келейно пострижение в мантию без перемены имени. После пострига он всех удивлял своим душевным устроением, ибо преисполнен был духовной радостью и умилением. Со смиренным чувством он вслух все повторял: "О, что я чувствую теперь! Во всю мою жизнь, при разнообразных светских удовольствиях, никогда не ощущал я такой радости, как теперь! И кто я? И что я, что сподобил меня Господь такой великой

милости?". Вообще после пострижения в нем произошла такая перемена, что знавшие прежнюю его жизнь с удивлением смотрели на него. Вскоре после пострига пришел навестить его настоятель обители отец игумен (впоследствии архимандрит) Исаакий и, видя его, объятого такой духовною радостью, спросил: "Отец Александр! Видно, у вас были какие-либо добрые дела, что Господь привел вас в монастырь так мирно окончить дни вашей жизни". Припоминая свои неисправности, отец Александр в укор себе ответил: "Конечно, были добрые дела — подавалась щедрая милостыня, но только не по закону! Велено творить милостыню так, чтобы шуйца не знала, что делает десница, а я делал так, чтобы не только моя шуйца, но чтобы и все шуйцы знали".

12 февраля отец Александр был особорован святым елеем. Во время совершения Таинства, когда иеромонах отец Памво читал над главою его Святое Евангелие, он вдруг с испугом начал указывать пальцем в сторону на стоящее около него кресло, ничего не говорил, а только издавал неопределенные звуки: "Гм-гм", давая тем разуметь около него стоявшим, что он что-то видит. После говорил, что ему представлялись сидевшие в кресле два курчавых мальчика. Соборовавшие поначалу несколько оторопели, но потом, оправившись, стали продолжать свое дело, и видение исчезло. В конце же соборования, когда раскрытое Евангелие по обычаю было возложено на главу болящего, открылось место со словами Господа: *Грядущаго ко Мне не изжену вон!* (Ин. 6, 37).

На 1-й неделе Великого поста, которая началась 20-м числом февраля, отец Александр, по причине усилившейся болезни уже не могший выходить из келлии для слушания церковных богослужений, изъявил желание, чтобы пришли к нему в келлию певчие и пропели: "Да исправится молитва моя". Пришли трое — бас и два тенора — и пропели. Поблагодарив за одолжение, он сказал: "Ну, теперь пропойте мне: "Со святыми упокой душу раба Твоего"", намекая тем на близость своей кончины. Когда же певчие, исполнив желание его, начали было облагонадеживать его продолжением жизни, он сказал: "Нет, мне теперь уже больше не топтать травы". Во все время болезни отец Александр часто сообщался Святых Христовых Таин, а в последние три дня своей жизни — и ежедневно. В самый день кончины сосед его, монах, а впоследствии — архимандрит Агапит, подошел к умирающему, дабы проститься с ним. "Простите меня, отец Александр,— сказал он,— в чем согрешил пред вами". Но так как сосед этот кое в чем помогал ему, то отец Александр ответил: "Благодетеля-то моего? В чем же прощать-то?". Тот добавил: "Может быть, делом, или словом, или помышлением когда вас обидел?" — "Делом и словом,— сказал отец Александр,— это я понимаю, а помышлением — не понимаю, потому что всегда что думал, то и высказывал, а в помышлении у меня уже ничего не оставалось". (Следовательно, был прямой человек.)

5 марта, в последний раз причастившись Святых Христовых Таин, отец Александр мирно почил о Господе в час пополудни. День был понедельник 3-й недели Великого поста. Тело покойника лежало в келлии до третьего дня. Когда же стали класть его в гроб для выноса в церковь, ощутили под спиною его теплоту. Узнав о сем, старец батюшка отец Амвросий сказал, что это есть знак милости Божией к почившему. В среду после Преждеосвященной литургии тело покойника было отпето и погребено на скитском кладбище, по его назначению, под широко развесистой липой. В скиту он прожил три года и четыре месяца, а всей его жизни было 56 лет. Замечательно, что все поминовенные дни по отцу Александру приходились в Богородичные праздники: третий день, он же день погребения — 7 марта — праздник Божией Матери "Споручница грешных". Девятый день — 13 марта — было празднование чтимой в скиту Феодоровской иконы Божией Матери. Собственно, отправлять службу в честь этой иконы положено 14 марта, но так как 14 марта приходилось в среду Крестопоклонную, то служба Божией Матери и отправлена была заранее, во вторник. Двадцатый день приходился в акафистную субботу и вместе предпразднство Благовещения, а сороковой день — в пяток Светлой недели — праздник Божией Матери "Живоносный Источник".

Вскоре по кончине отца Александра супруга его Надежда Сергеевна видела замечательный сон. "Вижу, будто бы,— сказывала она,— едем мы с мужем в прекрасном экипаже, запряженном тройкой великолепных рысаков. Кони мчатся птичьим полетом, а отец Александр только с важностью покрикивает: "Пошел! Пошел!". Взглянула я на него, и вид его представился мне таким величественным, что я сказала: "О, что-то ты уж как царь какой!", а он ответил: "Я не царь, а еду к Царю!"".

Послушник Алексей Гуляев

(†4/17 февраля 1845)

Алексей Иванович Гуляев — из обер-офицерских детей. Служил в миру с 1783 года в разных местах и должностях: в Санкт-Петербурге во 2-м Департаменте Сената, в Смоленской удельной конторе, в Московском почтамте помощником экспедитора, в комиссиях 1-го округа сухопутных сообщений смотрителем 2-го класса и, наконец, в должности главного дистанционного смотрителя, а в 1821 году вышел в отставку с чином коллежского советника со знаком отличия за 15-летнюю беспорочную службу и с пенсионом в 500 рублей ассигнациями, которые он получал до смерти своей. В брак не вступал.

С 1838 года жил в Коневской обители, а оттуда, по своему усердию, перешел в Оптинский скит в марте 1840 года. Из получаемого им пенсиона ежегодно уделял в монастырь по 150 рублей. В декабре 1843 года сделал серебряную ризу на образ Богоявления Господня в скитскую церковь, которая находится в Предтеченском храме за правым клиросом. Тихо скончался в 1845 году 4 февраля в воскресенье утром в 10 часов, на 74-м году от роду. 6-го числа настоятель обители отец игумен Моисей служил в скиту литургию собором с отцом игуменом Варлаамом и иеромонахом Никоном, а затем совершил и погребение.

Монах Алексий

(†28 ноября /11 декабря 1888)

Монах Алексий Иванов — из крестьян Псковской губернии Великолуцкого уезда, Вяховской волости, деревни Марково. Служил младшим писарем старшего разряда Кронштадтской крепостной артиллерии. Поступил в скит в 1888 году 24 октября 30 лет от роду, а по монастырским записям 32 лет. Прибыл в скит по совету известного кронштадтского отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева, который сказал ему: "Торопись в монастырь поскорее, время не терпит: скоро Судия Праведный грядет". Послушание его в скиту было помогать повару. Но недолго пришлось ему помогать. В один день он прибег к старцу отцу Иосифу и с оханьем объяснил ему, что чувствует нестерпимую боль в животе. Немедленно был он пострижен в мантию, особорован, исповедан и приобщен Святых Христовых Таин и, прожив в скиту только один месяц и четыре дня, скончался 28 ноября 1888 года. На третий день после его кончины были похороны.

Монах Алексий (Лебедев)

(†31 июля /13 августа 1894)

В миру Александр Степанович Лебедев, заштатный пономарь Перемышльского уезда Калужской губернии села Любемского. Поступил в скит в 1875 году 25 мая вместе с сыном, мальчиком Василием, который, достигши совершенного возраста, призван был в военную службу и уже после в скит не возвращался. Сам же Александр вскоре по поступлении в скит пострижен был в рясофор. Несколько времени был трапезным, читал Псалтирь по благодетелям. Также и в церкви при богослужениях вместе с другими читал и пел на левом клиросе. Был вежлив и к старшим почтителен. Келейно принял постриг в мантию с именем Алексий. Скончался 31 июля 1894 года 75 лет от роду от старческого истощения сил. На третий день после кончины был похоронен.

Инок Андрей (Свешников)

(†4/17 декабря 1864)

Андрей Иванович Свешников — отставной коллежский асессор, сын чиновника 12-го класса. Родился в 1816 году. Воспитывался в горном институте и служил в горной части в Сибири, а потом на пароходах в Черном море. Был холост. Страдал приливами крови к груди и сердцу. Поступил в скит в ноябре 1861 года, а 24 декабря 1863 года пострижен в рясофор. В конце 1864 года заболел серьезно и так болел с месяц и более, 29 ноября особорован святым елеем и в этот же день в последний раз приобщился Святых Таин. Неоднократно предлагали отцу Андрею о пострижении в мантию. Он и согласен был, но все же выбирал знаменательные дни и оправдывался тем, что в этом его желании нет греха. Сперва назначил он для пострига праздник Знамения Божией Матери, но в этот день сделалось ему так худо, что о пострижении и думать было нельзя. Ради знаменательного дня опять отложили постриг до 4 декабря, дня празднования святой великомученицы Варвары. Накануне был исповедан иеромонахом отцом Пименом. А в самый день утром опять почувствовал сильный припадок, и хотя бы и мог еще принять пострижение и приобщиться Святых Таин, но на предложение отца Пимена и братий отвечал отказом, сказав, что надо теперь поставить пиявки и тогда к трем часам все пройдет. Но едва отец Пимен ушел от больного отца Андрея, он вдруг почувствовал приближение смерти и уже сам изъявил было желание приобщиться. Ходивший за ним брат, послушник Дмитрий Лавров, бросился искать отца Пимена, но, не нашедши его, побежал к скитоначальнику отцу Илариону. Когда же тот пришел со Святыми Дарами, отец Андрей уже скончался.

Кончина его последовала 4 декабря 1864 года. Прожил на свете 48 лет. В ночь на 5 декабря скитский иеромонах отец Иларий видел сон: будто отец Андрей встал из гроба, подполз к кустам барбариса на краю кладбища и очень стонет. Отец Иларий (скончавшийся в 1872 году 23 сентября) спросил его: "Что, отец Андрей, очень больно?". Тот ответил со стоном: "Очень больно. Так угодно Варваре (великомученице)". Это день его кончины. (Из записок скитского иеромонаха отца Пиора.)

Инок Андрей (Сланский)

(†10/23 октября 1856)

Андрей Феодотович Сланский, сын священника села Сланского Тамбовской губернии Лебедянского уезда, родился в 1795 году, поступил на службу в 1814 году в Тамбовскую Духовную консисторию, отсюда в 1822 году определен повытчиком (вернее сказать — поведчиком) в Шацкое духовное правление. Оттуда переведен, по распоряжению начальства, в Липецкое духовное правление в ту же должность, которая затем переименована в должность столоначальника. В 1839 году Андрей Феодотович переведен был опять в Тамбовскую Духовную консисторию, в из оной в 1840 году по прошению уволен в отставку с чином титулярного советника. В том же 1840 году он поступил на службу в Тамбовскую Казенную палату помощником контролера, потом был контролером и в 1846 году получил чин коллежского асессора, который в то время давал право на дворянство. Был женат и имел двух сыновей, которые служили в военной службе офицерами; но последующая их участь неизвестна, их потеряли из виду даже и родители их.

В 1848 году в июле, лишившись супруги, Андрей Феодотович вышел в отставку с полупенсионом. Потерею своей подруги жизни так был опечален, что почти постоянно в своей квартире читал Псалтирь, молясь со слезами о упокоении души своей дорогой покойницы. Наконец в ноябре того же 1848 года прибыл в Оптину пустынь и сначала поместился на жительство в монастыре, но, прожив там около трех лет, перешел 7 сентября 1851 года в уединенный скит, где незадолго перед тем поместился, также переведенный из монастыря, его родной племянник, бывший учителем Липецкого

Духовного училища,— Павел Степанович Покровский (впоследствии иеромонах Платон). Андрей Феодотович занял в скиту на пасеке ту самую келлию, в которой несколько лет тому назад жил покойный старец иеромонах Леонид (в схиме Лев).

Он был нрава кроткого и молчаливого и был очень трудолюбив. В то время все скитские братия отапливались своими дровами, которые потому и дозволялось каждому брату собирать в лесу, окружающем скит (конечно, уже поломанные сухие ветки), или выкапывать пни. Имея от природы хорошее здоровье и крепкие телесные силы, Андрей Феодотович, бывало, скажет Павлу Степановичу: "Ну, племянник, пойдем в лес трудиться". Пойдут. Андрей Феодотович, не жалея себя, начнет выворачивать огромные пни, приглашая к трудам и компаньона. А тот, боясь надорваться, несколько пожеливал себя; сам тоже приговаривает: "Ну-ну", а тянет не во всю мочь. Следствием же этих неразумных трудов было то, что дядя нажил себе огромную грыжу, да и племянник был в той же опасности, от которой спасла его, хотя и не совсем похвальная, хитрость.

Затем Андрей Феодотович был очень усерден к службам Божиим и вообще к молитве. В скиту издавна заведено деннонощное чтение Псалтири по живым и умершим, своим братиям и благодетелям. В летнее покосное время, когда все могущие скитяне уходят трудиться на покос, Андрей Феодотович по старости лет не ходил на это послушание, а вместо того читал Псалтирь и за себя, и за других братий, так что ему приходилось иногда читать сряду чреды по две и по три, то есть часа четыре или даже шесть. И он так любил это чтение, что по окончании своей чреды, идя в свою келлию, если по дороге встретит какого-либо брата, то даже сам, бывало, напрашивается за него читать. Скажет: "Что? Что? Ай псалтирик почитать за тебя?". По словам скитского летописца, Андрей Феодотович "был внимателен к своей жизни и во всем подавал собою добрый пример старца, памятующего, что он пришел в вертоград иноческой жизни уже в единонадесятый час, и потому усиленно трудившегося, дабы удостоиться мзды подвизающихся от первого часа дня".

Пять с небольшим годов прожил Андрей Феодотович в скиту и в это время пострижен был в рясофор. По его крепкому здоровью нельзя было ожидать близкой его кончины, которая последовала более от его неосмотрительности. Причиною было мочезадержание. В назначенные сроки он обыкновенно ездил в город Козельск в казначейство за получением положенной ему пенсии. И вот однажды поехал он без кучера, а лошадь была бойкая; и потому дорогой туда и оттуда неудобно было остановиться для естественной потребности, а в городе везде народ. Так он и терпел и терпел; возвратившись же в скит, ощутил приключившуюся ему болезнь. Около трех лет страдал он этой болезнью и наконец в 1856 году 10 октября в 7 с половиной часов вечера скончался на 61-м году от рождения в добром исповедании, после совершенного над ним Таинства Елеосвящения и неоднократного напутствия приобщением Святых Христовых Таин. Повторим благожелательные слова летописца: "Мир тебе, добрый делатель вертограда Христова! Господь да подаст тебе мзду трудов твоих! Память твоя да будет с похвалою, добрый старец!".

Монах Арсений (Леонов)

(†24 июля /6 августа 1898)

В миру Александр Андреевич Леонов, родом из купцов города Ростова Ярославской губернии, поступил в скит в 1860 году, в последний год жизни старца отца Макария, спустя 19 лет после кончины старца иеросхимонаха Льва. И так как он был слабого здоровья, а человек он был зажиточный, то, как говорили в свое время скитские монахи, испросил благословения у батюшки отца Макария поставить для себя отдельный маленький домик, чтобы жить одному без соседа. Благословение было дано, и домик был

поставлен вблизи корпуса, в котором жил старец отец Макарий, а после него скитские начальники, на северо-западной стороне. Домик этот и теперь цел[69].

26 марта 1863 года послушник Александр пострижен был в рясофор, а 6 июля того же года причислен был к составу скитского братства указом Духовной консистории. 1 декабря 1873 года он пострижен был в скитской церкви отцом игуменом Исаакием в мантию, при чем дано было ему новое имя Арсений. Рост его был несколько выше среднего, и вид его был довольно представительный. Келейным занятием его было обделывать рамки на иконы и портреты. И он обделывал их с замечательным вкусом и искусством. По слабости здоровья он не имел в скиту особого какого-то послушания, а только читал в назначенные ему часы Псалтирь по благодетелям. Короткое время заведовал монастырской лавкой и в этом случае оставил по себе добрую память. До него монастырская лавочка маленькая находилась в самих святых вратах — в стороне и была холодная и при том на сквозном ветру. Вследствие же попечения отца Арсения и по его указанию построено было для лавки новое здание, просторное и теплое, на косогоре между святыми вратами и колокольней. <…> В скитскую церковь была пожертвована отцом Арсением икона, изображающая 12 великих праздников, с образом в середине Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Все праздники изображены на финифти и обрамлены сребропозлащенным окладом. Впрочем, на свои ли средства приобрел отец Арсений эту икону или, может быть, чрез благотворителей, хорошо неизвестно.

Отец Арсений был очень любопытен и любил выспрашивать и выпытывать у людей о разных новостях, за что некоторые его недолюбливали и даже прямо осуждали. Но думается, что за претерпение-то этих братских осуждений Господь сподобил его мирной христианской кончины. Долго он немоществовал. У него было сильное расширение вен в ногах, так что он и ходить почти не мог, и если иногда через силу приходил в храм Божий для слушания службы церковной, то выслушивал непременно сидя. Кроме того, он жаловался на неисправность желудка. В последний год своей жизни в Великий пост, когда по уставу церковному нет разрешения на рыбу, отец Арсений не знал даже, чем в это время питаться, так как приправленная одним елеем пища не питала его, и он по необходимости, чтобы не умереть с голоду, употреблял понемногу икры. В июле 1898 года отец Арсений уже слег в постель и часто сообщался Святых Христовых Таин. Предлагали ему принять постриг в схиму, но он, считая себя в отношении употребления пищи нарушителем церковного устава и скитских правил, отказался, сказав: "Какой я схимник?!".

24 июля он очень ослабел, и потому приставлен был к нему один брат побыть при нем неотлучно. При наступлении вечера больной благодушно, лежа на койке, разговаривал кое о чем с приставленным к нему братом. Вдруг брат заметил начавшееся у него хриплое дыхание и сказал: "Не благословите ли, батюшка, позвать к вам иеромонаха сообщить вас Святых Таин?". Отец Арсений охотно согласился. Немедленно по приглашению пришел к нему иеромонах Венедикт (впоследствии архимандрит Боровского монастыря) и приобщил его. И как только отец Арсений проглотил Святые Таины, тотчас и душа его отошла ко Господу.

На третий день его кончины было в скиту соборное служение литургии и затем отправлены были похороны. Как раз в это время привезена была в Оптину и принесена в скит чудотворная Калужская икона Божией Матери. По обычаю пред обеднею ее обнесли по всем келлиям скитян, а при начале литургии внесли в церковь, и она простояла в церкви всю литургию, когда тело покойного отца Арсения лежало во гробе пред царскими вратами, готовое к отпеванию. По-видимому, дело это было случайное, но благорассудительные монахи сочли это знаком милости и благоволения Царицы Небесной

[69] На момент составления жизнеописания, т. е. в начале XX века. Здесь и далее в этой главе при упоминании подобных мелких деталей в описании монастыря и скита следует иметь в виду начало XX века.— *Ред.*

к покойнику и Ее благословения на путь, ведущий к Царствию Небесному. Случай этот в скиту был единственный.

Монах Афанасий (Саприкин)

(†21 декабря 1917 /3 января 1918)

В миру Афанасий Степанов Саприкин, крестьянин села Тележья Скарятниной волости Малоархангельского уезда Орловской губернии. Был женат. Поступил в скит Оптиной пустыни и записан в братскую книгу 1893 года 30 марта. Был малограмотный. Проходил послушание белевщика. В скиту был пострижен в рясофор. Проживши в скиту более 20 лет, заболел. 21 декабря 1917 года утром был напутствован Святыми Таинами скитским иеромонахом Осиею. В тот же день перевезен в монастырскую больницу. К вечеру того же дня пострижен в мантию без перемены имени смотрителем больницы иеромонахом Досифеем, а через два часа скончался от болезни сердца 83 лет от роду. Погребен на кладбище в ограде монастыря, около стены алтаря церкви преподобной Марии Египетской, рядом с могилой своего сына по плоти, рясофорного монаха Мирона. Погребение совершил напутствовавший покойного скитской монах Осия, со скитским же иеродиаконом Иоанникием.

Бывший валаамский игумен Варлаам (Давыдов)

(†26 декабря 1849 /8 января 1850)

Родом он был из московских купцов. Почувствовав влечение к монашеской жизни, он еще в молодых летах оставил, по слову Спасителя, дом, родителей, имение и вся красная мира сего и удалился в Валаам, коим управлял тогда опытный в духовной жизни старец игумен Назарий. Под его-то руководством возмужал и окреп в подвигах иноческой жизни пустыннолюбивый отец Варлаам. Сложения он был крепкого, стан имел согбенный, главу поникшую к персям, глаза тусклые и приснослезящиеся. При крепости сил он проходил на Валааме порядно низшие и трудные монастырские послушания. Между прочим был несколько времени поваром. Вспоминая о пользе послушания, отец игумен открывался некоторым доверенным лицам: "В бытность мою на Валааме в поварне молитва Иисусова кипела во мне, как пища в котле". В сане иеродиакона и иеромонаха отец Варлаам отправлял на Валааме Божественную службу в том скиту, где в то время пребывали приснопамятные старцы Феодор (бывший молдавский) и Леонид (впоследствии Оптинский). Сожитие и собеседование с ними принесло ему немалую душевную пользу, как он сам впоследствии говорил о сем. Ревность о благе родной обители, наветуемой смущением от людей, приходивших в нее "не ради Иисуса", понудила безмолвнолюбивого отца Варлаама согласиться принять неудобоносимое для подобных ему любителей безмолвия бремя начальства в Валаамском монастыре. Но тут постигли его попущением Божиим разные искушения. Правдивость его не всем нравилась, находили ее слишком резкою, а искусством применяться к обстоятельствам он не владел и потому должен был устраниться не только от начальства, но и от любимой им Валаамской обители. Его перевели, а проще сказать, за резкие правдивые выражения послали под начало в скит Оптиной пустыни, где подвизался известный ему старец иеросхимонах отец Лев. Так промыслительно Господь привел отца игумена Варлаама для купножития с великим старцем Львом!

Здесь подвижник игумен окружен был всеобщей любовью и заботливостью, от которых по смирению всемерно уклонялся, хотя и скоро свыкся с новым местом своего уединения, однако до конца дней своих не мог забыть любимого им Валаама, этого, по замечанию даже афонцев, русского Афона по единственному в своем роде удобству для всех родов монашеской жизни: общежительной, среднего скитского пути и безмолвного пребывания наедине в пустыньках. "Хорошо, нечего сказать, хорошо и у вас,— говаривал пустыннолюбивый старец,— а все не то, что на Валааме. Там возьмешь, бывало, краюшку хлеба за пазуху, и хоть три дня оставайся в лесу: ни дикого зверя, ни злого человека. Бог

да ты, ты да Бог".— "А от бесовских-то страхований, батюшка, как спасались?" — спросили его. "Ну, да от них-то и в келлии не уйдешь, если не тем путем пойдешь,— отвечал старец.— Впрочем,— прибавил он,— пути спасения различны: ин спасается сице[70], ты же, по слову святого Исаака Сирина, общим путем взыди на восхождение духовного пирга (то есть столпа), давая сим разуметь, что всякому духовному возрасту прилична своя пища и что безмолвие для не победивших страсти бывает причиной высокоумия и падения, а не спасения".

Поведал о себе отец Варлаам, что, живя в Валаамском скиту одновременно с вышеупомянутыми приснопамятными старцами Феодором и Леонидом, он, как постоянно гнавшийся за безмолвием, недоумевал, как сии старцы, проводя целые дни в молве от множества приходивших к ним пользы ради и советов духовных, пребывали несмущенными. Обратился он однажды к старцу Феодору с такими словами: "Батюшка, я блазнюсь на вас, как это вы по целым дням пребываете в молве и беседах со внешними,— каково есть дело сие?" — "Экой ты, братец, чудак! Да я за любовь к брату два дня пробеседую с ним о яже на пользу душевную, и пребуду несмущенным",— отвечал старец. Из этого ответа известного уже своими подвигами и благодатными дарованиями старца отец Варлаам вразумился навсегда познавать различие путей "смотрительных", то есть бывающих по особенному смотрению Божию, от общих. Впоследствии он внушал о сем и другим.

Живя в Оптинском скиту, отец Варлаам продолжал прежнюю подвижническую жизнь. Его нестяжание, простота и смирение были поучительными и трогательными. Все имущество бывшего Валаамского настоятеля, привезенное с ним, состояло из крытого тулупа и жесткой подушки. Жил он на пасеке и келлию никогда не замыкал и вовсе о ней не заботился. Она завалена была стружками и дощечками, которые собирал старец в лесу и скиту для подтопки печи и поделок. Однажды воры, забравшись на пасеку, обокрали келлии, расположенные в одном с ним корпусе. Братия в то время была на утреннем церковном богослужении. "Батюшка! — спросил старца сожительствовавший с ним брат.— Воры обокрали вас!" — "Щепки-то, что ли? — ответил, улыбаясь, старец.— Я еще натаскаю". И точно: воры, ища чего-либо в игуменской келлии, внимательно разбирали ящик за ящиком, заполненные щепою и опилками от досок и стружками, наклали их целый ворох посреди келлии и, довольно потрудившись, ушли, ничего не найдя, захватив только с собою тулуп, единственную одежду сверх той, которая была на самом старце.

Любил отец игумен во время послеобеденное, когда братия отдыхают от трудов своих, уединяться в лес, окружающий скит, и там, любуясь в безмолвии красотою матери-природы, по его выражению, "от твари познавал Творца". Прохаживаясь же с молитвенною целью, любил быть наедине. "Возьмите меня с собой, батюшка",— сказал один из скитских братиев, видя отца Варлаама, идущего в лес. "Хорошо,— ответил старец,— пойдем. Только с условием: ходить молча и друг от друга на вержение камня". Понятно, что брат не согласился на такое условие. Встречаясь иногда с поселянами, отец игумен любил вступать с ними в разговор и признавался, что нередко находил высокое утешение в их простых ответах на самые духовные вопросы. Сказывал покойный Оптинский старец Амвросий: "Услышал однажды отец Варлаам, что есть в некоей деревне крестьянин-боголюбец, проводивший жизнь духовную. Отыскал он этого крестьянина и, поговоривши с ним несколько, сказал: "А как бы это умудриться привлечь к себе милость и благодать Божию?".— "Эх, отец,— отвечал простодушный крестьянин,— нам-то бы только сделать должное, а за Богом-то дело не постоит"". Был однажды и противный тому случай. Бродя по лесу, отец Варлаам увидел лесную караулку и, вошедши в нее, нашел там караульщика старика. Поздоровавшись с хозяином, отец игумен по своему обыкновению начал расспрашивать, как он поживает. Старик начинает жаловаться на свою тяжелую жизнь, что он постоянно терпит и голод, и холод. Желая

[70] Сице — так, таким образом.— *Ред.*

направить старика на путь духовной жизни, отец Варлаам начал убеждать его, что это — его крест, посланный ему Господом для его душевного спасения, что все это необходимо терпеть ради Бога в благодушии и с благодарением, но сколько ни убеждал, не мог убедить. После, возвратившись в скит, отец Варлаам с сожалением рассказывал о сем иеромонаху, впоследствии старцу, отцу Амвросию, приговаривая: "Добра-то было бы, добра-то сколько! И голод, и холод! Только бы терпеть с благодарением. Нет, не понимает старик дела, ропщет".

Имея, по слову святого Исаака Сирина, сердце, растворенное жалостью ко всякой твари, отец Варлаам при виде страданий не только человеческих, но и животных проливал обильные слезы, ибо, несмотря на свою внешнюю суровость, был прост и добр, как ангельское дитя. Рассказывал сожительствующий с ним послушник Иродион, впоследствии скитоначальник отец Иларион: "Увидит он, бывало, птичек в лесу и скажет: "Вот, бедные, хлопот-то им сколько, чтобы кормиться!". Или завоют волки — он и их жалеет: "Вот им холодно и поесть хочется, а где им пищи достать?" — и даже заплачет. Или видит — едет мужик в телеге и хлеб черный ест. "Вот,— скажет мне,— смотри, сухим хлебом питается. А мы? Наварят нам щей, каши, наготовят целую трапезу, и едим готовое. Древние отцы трудами снискивали себе пищу. Выработает и через несколько дней ест, да и то еще не все — чтобы оставить нищим. Жалостливы и сострадательны они были, а мы едим до полной сытости"". Впрочем, этими смиренными словами он только прикрывал свое крайнее воздержание.

Держась уединения и крайнего молчания, по слову, слышанному преподобным Арсением Великим: "Всех люби и всех бегай", отец игумен со всеми и всегда был миролюбив. Беседа же его была отрывистая и краткая от желания краткими словами выразить многое и сократить беседу. Уклоняясь по смирению вообще от учительства в случаях обыкновенных, он с радостью и готовностью спешил на помощь смущенному чем-либо брату, и беседа его действовала всегда успокоительно. Впрочем, и кроме таких случаев отец Варлаам не всегда уклонялся дать полезный совет какому-либо новоначальному брату. Вышеупомянутый послушник Иродион, как только еще начинавший монашескую жизнь, по мирской привычке сообщал иногда отцу Варлааму новости дня. "Придешь, бывало, к нему,— так он рассказывал,— начнешь передавать: "Батюшка! То и то я слышал, то и то я видел",— а отец игумен в ответ: "Что же от этого пользы-то? Лучше ничего не видеть и не слышать. Старайся чаще проверять свои мысли, свое сердце"". Такие и подобные замечания духовно-опытного старца служили для молодого послушника одним из средств приобучения к монашескому благочинию.

Всегда серьезный и сосредоточенный, отец Варлаам не прочь был иногда и шуточное слово сказать. Рыли в скиту колодезь на восточной стороне Предтеченской церкви. Тут вместе с другими стоял и скитский иеросхимонах Иоанн. Проходя мимо этого места, отец Варлаам остановился и начал говорить: "Ну, что вы тут роете? Древние святые отцы молитвой изводили воду". На это схимник сказал: "Эдакая право-да (поговорка отца Иоанна), поди-ка ты, изведи молитвой-то".— "Ну, мое дело подначальное",— ответил наскоро отец Варлаам, повернулся и ушел.

Интересно было видеть обращение простодушного, но по виду грубого отца Варлаама со смиренным и по виду, и по сердечному расположению скитоначальником, иеромонахом отцом Антонием (Путиловым). В конце 1839 года отец Антоний назначен был настоятелем Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря. Братия по обычаю приходили к нему прощаться. Пришел и отец игумен Варлаам, и пришел запросто, как был в лесу и рубил дрова, в простом старом полушубке и с заткнутым за пояс топором. Увидев его, смиренный отец Антоний, считавший настоятельство непосильным для себя бременем, сквозь слезы начал говорить (выговор у него был на "о"): "Простите, батюшка, помолитесь о мне, грешном". А отец Варлаам, вместо того чтобы посочувствовать скорбящему, неожиданно проговорил: "Да! Тут-то ты был свят, поди-ка там на юру-то поживи".

Затем, поживши несколько времени на новом месте в сане игумена, отец Антоний приехал в Оптину навестить своего брата, оптинского настоятеля отца игумена Моисея и прочих оптинцев, с которыми давно сроднился душою. При входе в скит первым попался ему на глаза отец игумен Варлаам, который сходил по приступкам с крыльца церковного, так как в церкви была служба и только что окончилась вечерня. Обрадовался отец Антоний, увидев почтенного старца отца Варлаама, и обратился к нему с обычным приветствием: "Здравствуйте, батюшка! Как ваше здоровье?". А суровый отец Варлаам отвечает по-суровому: "Нашел о чем спросить: как здоровье. Спросил бы: как Варлаам живет?".— "Простите, батюшка, Бога ради,— послышался плаксивый голос отца Антония,— я ведь монах-то штатный".

"Замечательно,— говорил нередко отец Варлаам,— что два помысла постоянно борют человека: или осуждение других за умаление подвигов их, или возношение при собственных исправлениях". Это одно показывает, как высоко было духовное устроение старца, ибо, по свидетельству отцов, зрение таких помыслов может быть только у истинных подвижников.

До самой блаженной своей кончины отец игумен Варлаам отправлял чреду священнослужения в скиту и соборно в монастыре. Любил по принятому в Оптиной пустыни обычаю в Страстную седмицу петь среди церкви светилен: "Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный". Назидательно было слышать, как отец игумен Варлаам своим старческим голосом изливал пред Господом скорбь души своей о своей греховности, взывая в то же время из глубины болезнующего сердца к милосердию Божию: "Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя".

В последний (1849) год своей жизни при наступлении праздника Рождества Христова он готовился на соборное в монастыре служение. Но вышло так: пошел он в монастырь к утрени, одет был не особенно тепло, а мороз был сильный. Ворота монастыря были еще не отперты, и потому отцу Варлааму пришлось несколько времени постоять на холоде, пока не отперли ворота. Старец продрог, но все еще имел силы во время утрени выйти на соборное величание. Затем внезапно он почувствовал, вследствие простуды, сильную слабость и тотчас отвезен был в скит, потом особорован и приобщен Святых Христовых Таин. После сего он уже не принимал земной пищи и лекарства и мирно отошел ко Господу на другой день праздника Рождества Христова 26 декабря в 12 часов ночи 73 лет от роду, а 27-го числа совершено соборное погребение его тела.

Памятником подвижнической жизни отца Варлаама останется в скиту на пасеке, на восточной стороне ограды, уединенная маленькая беседка, сколоченная им самим из досок, где безмолвнолюбивый старец, "тщася худшее покорити лучшему и плоть поработити духу", проводил без сна летние ночи в уединенной молитве и в крайнем утомлении принимал краткий отдых, сидя на малой лавочке, устроенной им в той же беседочке. Там на стенке и до днесь висят медные складни со святыми изображениями — свидетели тайных его воздыханий и обильных слез, которые обличали лишь веки глаз его, опухшие и лишенные ресниц.

По поводу кончины сего подвижника и еще нескольких пожилых оптинских монахов старец отец Макарий (Иванов) писал так: "Жаль старичков, особенно отца Варлаама. Без них как будто пусто. Молодые хороши при старичках".

Послушник Василий

(†2/15 мая 1845)

1845 года мая 2-го дня в 8 часов пополудни скончался в скиту страждущий послушник Василий Степанов, 57 лет от роду, отпущенный на волю бывший камердинер тайного советника Рахманова. Первоначально принят в скит в 1838 году, послушание проходил в поварне, сначала помощником повара, а потом и главным поваром. В 1842 году в сентябре отправился за послушанием в Мещевский Георгиевский монастырь с назначенным туда строителем иеромонахом Никодимом, но через год у него там заболела

левая нога, и потому в сентябре 1843 года он переведен обратно в скит. Терпел боль жестокую. Нога у него испускала материю, и он всегда был в лежачем и почти неподвижном положении и весь ужасно выболел; но благодарил Бога за посещение его болезнью, уповал чрез терпение получить отпущение грехов своих. Был особорован. Нередко сообщался Святых Христовых Таин, и за 6 часов перед самою кончиною удостоился приобщиться Святых Таин в чистой памяти; по прочтении канона на исход духа не более как через 20 минут предал дух свой с миром Господу. В течение болезни удостоился и облечься в ангельский образ.

Иеромонах Вассиан

(†28 мая /10 июня 1859)

Родом был из экономических крестьян одного из селений, близких к Московскому Пешношскому монастырю. Еще в юношеских годах часто посещал сию обитель и, научившись в ней грамоте, чтению и пению, получил вместе и первые семена стремления к жизни иноческой. Обителью Пешношскою управлял в то время опытный старец Максим (1819–1836), о котором отец Вассиан сохранил самые светлые воспоминания. Вступление в монашество соединено было для него со многими препятствиями со стороны родителей, но при помощи Божией они все устранились. Начало монашеской жизни отец Вассиан полагал в Пешношском монастыре, но затем перешел в Троицкую Сергиеву Лавру, где в 1826 году и пострижен был в мантию. Впоследствии же из Лавры перешел в Московский Данилов монастырь. По влечению своему к пустынной жизни он не мог удовлетвориться и в этой штатной обители; и, приехав однажды на богомолье в Оптину пустынь, пленился ее местоположением, чином и любовью старцев и всего братства, с которою принят был в обители. С тех пор почти ежегодно стал навещать ее и гостить по несколько недель, а в 1853 году и совсем переместился в здешний скит на постоянное жительство.

Отец Вассиан был нрава миролюбивого, имел прямой характер и горячую ревность к добру; любил природу, видя в ней открытую книгу к познанию премудрости и благости Божией. Будучи человеком не получившим образования научного, он основательностью своих суждений и взглядов на вещи мог служить примером того, как вырабатываются люди в монашеской жизни, если с самого своего в оную вступления получат правильное направление.

Скончался отец Вассиан после трудной девятимесячной болезни — рака, которую переносил с христианским благодушием, часто укрепляясь в духе приобщением Святых Христовых Таин, коего сподобился и накануне мирной своей кончины, последовавшей 1859 года 28 мая в половине 12-го часа дня на 54-м году от рождения.

Послушник Владимир Кавелин

(†6/19 марта 1855)

Владимир Александрович Кавелин — из дворян сельца Гривы Козельского уезда Калужской губернии, родной брат жившего в то время в скиту рясофорного монаха отца Льва (впоследствии наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Леонида). Воспитанник земледельческого училища общества сельского хозяйства, получивший от оного право продолжать за счет общества курс наук в Горыгорецком Земледельческом институте. Поступил в скит в 1854 году 18 июля. В том же году он заболел и взят был родителями в свое родовое имение — в деревню за 12 верст от Оптиной, для удобнейшего за ним ухода. Недолго пришлось пожить этому юноше. 24 сентября того же года скитский духовник иеромонах отец Пафнутий вместе с братом болящего отцом Львом приехал в имение Кавелиных, и послушник Владимир отцом Пафнутием был исповедан.

Целых полгода провел Владимир в томительной болезни. 18 февраля следующего, 1855, года над ним совершено было Таинство Елеосвящения духовником иеромонахом Пафнутием собором с другими скитскими иеромонахами. По желанию больного, кажется в начале марта, приехал навестить его Оптинский старец иеросхимонах Макарий в

сопровождении, как должно полагать, своего келейника послушника Пармена, и прочитал над ним канон Господу Иисусу и Пречистой Его Матери на исход души из тела. В это время Пармен имел возможность, как замечено было в своем месте, особенно дружелюбно проститься с Владимиром, не ведая того, что в следующем году и ему самому придется отправиться за Владимиром в вечную жизнь. Два раза пред кончиною Владимир сообщался Святых Христовых Таин и в самый день кончины, 6 марта, в третий [раз] сподобился принятия сего небесного дара. Сего числа в шестом часу утра брат страдальца отец Лев вторично стал читать над ним канон на исход души. На шестой песни канона приспел конец земной жизни умирающего юноши, и он, прильнув охладевшими устами к святой иконе Царицы Небесной, тихо и незаметно для присутствующих испустил дух.

Светлый лик усопшего ясно свидетельствовал о милости Господней к душе его. Тело его перевезено было в обитель, и на третий день после кончины, 8 марта, совершено было погребение его. Отпевание по чину монашескому совершил в монастыре сам настоятель обители архимандрит Моисей собором с четырьмя иеромонахами и двумя иеродиаконами в присутствии родителей и родственников покойного. По выносе тела из церкви отец архимандрит отслужил две литии: одну тотчас после выноса из храма, а другую у монастырских ворот, ведущих в скит, куда и направилось погребальное шествие. Там, в безмолвном скиту, где юный Владимир полагал начало иноческой жизни, вместе с почившими отцами и братиями, и предано было тело его земле иеромонахом отцом Паисием, который, при опущении тела в могилу, отслужил над ним последнюю литию. После погребения память покойника почтена была обедом у отца настоятеля, где присутствовали старец отец Макарий с некоторыми старшими братиями и родители с родственниками усопшего.

Схимонах Геннадий (Туманов)

(†2/15 сентября 1899)

В миру Герасим Иванович Туманов, сын государственных крестьян Тверской губернии Бежецкого уезда Ивана и Евдокии Тумановых. Он был единственный сын у родителей и любимец отца. Неизвестно, по какой причине жил несколько времени в Петербурге в услужении по найму у одного богатого немца-лютеранина, в доме которого постов никто не соблюдал. Потому и Герасиму Ивановичу, как после вспоминал он, по необходимости приходилось нарушать установленные Святой Церковью посты, и только говел он на первой и Страстной седмицах Великого поста. Но скоро наскучил ему этот вводящий в пагубу широкий путь жизни, и он решился с одним единодушным товарищем покинуть веселую столицу и повседневный разгул. Ему в то время было приблизительно лет 25. Пошли они постранствовать по святым русским обителям, и так как у них обоих было одно доброе намерение — подвизаться ради душевного спасения, то с самого начала пути они и стали преследовать эту цель. Только, не зная установленных Святою Церковью правил, они стали подвизаться по-своему — шиворот-навыворот: в будничные дни они подкреплялись пищею обычным порядком, а когда наставал какой-нибудь праздник — целый день постились.

В 1838 году Герасим Иванович прибыл в Оптинский скит, товарищ же его с этого времени теряется из виду. Скитоначальником был тогда иеромонах Антоний, родной брат настоятеля обители отца Моисея. Заметив в молодом Герасиме детскую простоту, он и стал уговаривать его по-детски остаться в скиту. "Идет со мною мимо тополя по дорожке,— вспоминал после отец Геннадий,— поднял тополевый сучок и, показывая его мне, говорит: "Оставайся у нас, Герасим: посмотри-ка, какие у нас деревья-то, понюхай-ка, как пахнут-то!"".

Привлеченный любовью скитоначальника, Герасим остался и определен был в кухню помощником повара. Через год по поступлении в скит Герасима прибыл в Оптину пустынь Александр Михайлович Гренков (впоследствии известный старец Амвросий). Поживши несколько времени в монастырской гостинице, а затем в монастыре, он наконец

в ноябре 1840 года переведен был в скит и определен на место Герасима помощником повара, а Герасим сделан был главным поваром. Общим их удовольствием было на досуге побеседовать. Беседы эти, впрочем, не препятствовали их благочестивой жизни, и они мирно проводили дни свои. Но вот Герасиму нужно было сходить в свой губернский город Тверь, чтобы выручить из Казенной палаты засвидетельствованный увольнительный приговор свой от общества, который почему-то очень долго не высылался из палаты. Сурово принял его секретарь палаты: "Эти мне монашествующие, как нож по горлу,— зашумел он на Герасима,— только чай пить да калачики есть! Ты, брат, подожди!". А так может каждый рассудить: если бы самого секретаря-то посадили в монастырь да заставили каждый день неопустительно к службам церковным ходить, да пищу на братию готовить, да помои выносить — так не рад бы был и калачикам. Да еще откуда взять-то их монаху в общежительном монастыре, где доходов монахам никаких нет? Впрочем, как бы там ни было, а просьба Герасима увенчалась успехом. Ему выдали из палаты увольнение, и он в радости возвратился в скит. Но тут встретило его новое горе. В его отсутствие Александр Михайлович занял место главного повара; и когда возвратился Герасим, его определили быть помощником повара, значит, понизили. Расстроился Герасим. Придет в кухню, сядет на лавку, болтает ногами и ничего не делает. "Что же ты ничего не делаешь?" — спрашивает повар.— "Я не мирен",— отвечает помощник. Впрочем, немирство это длилось недолго. Сходил он к старцу Макарию, открыл ему свою немощь и, получив от него душеспасительное наставление, стал по-прежнему в мирном устроении духа усердно трудиться в кухне в качестве помощника.

29 марта 1844 года Герасим определен был в число скитского братства указом Духовной консистории. Затем он несколько времени исправлял послушание пономаря в скитской церкви. Но еще в молодых годах заболел и отставлен был от всех послушаний. Из опасения близкой кончины он даже келейно принял постриг в мантию. Когда же несколько оздоровел, тогда его уже формально представили к мантии и по разрешении он пострижен был настоятелем отцом игуменом Моисеем 17 ноября 1851 года. Нужно при сем заметить, что постриг в мантию не повторяется, так как раз данные монахом Господу обеты и без повторения остаются навсегда во всей силе. Если же монах хочет обеты свои повторить, то для сего должен принять пострижение уже в схиму. Так было и с отцом Герасимом. При формальном пострижении в храме Божием отец настоятель постриг его, по-видимому, в мантию, но по чину пострига схимнического. Неизвестно только, когда дано ему было имя Геннадий, при первом или втором пострижении. Здоровье отца Герасима от времени все-таки не исправилось как должно; и потому он уже не годился к посвящению в сан иеродиакона и прожил, так сказать, в тени всю свою последующую долгую жизнь. 14 марта 1860 года, по-старинному, уволен был за штат.

Вследствие своего слабого здоровья отец Геннадий проводил жизнь уединенную. В положенные в скиту служебные дни он всегда своевременно приходил в церковь к службам Божиим, в прочие же дни пребывал в келлии; сам вычитывал для себя все скитские молитвенные правила, во время которых, как и во время служб церковных, часто по немощи сидел. Бывало нередко, что труженик сей на целый день впадал в совершенное расслабление, называя себя в это время "оловянным". (Говорил он на "о".) Но в таком положении он не опускал молитвенных правил, и если от бессилия не успевал иногда с вечера прочитать молитвы на сон грядущим, то прочитывал их уже по прошествии ночи, утром; а затем начинал читать утреннее правило наступающего дня.

Любимым его занятием в келлии было чтение духовных книг. Он ежедневно поставлял себе в обязанность прочитать житие святого и, таким образом, ежегодно прочитывал весь круг Четий Миней святителя Димитрия Ростовского. Любил и другие назидательные книги читать, а затем упражнялся в Иисусовой молитве. Также ежедневно, когда был в силах, читал вместе с другими братиями Псалтирь по благодетелям в положенные часы. Во всем он любил точность и аккуратность. Все келейные занятия расположены были у него по часам: в положенные часы помолиться, в положенные часы

книгу почитать, пообедать и прочее. В утреннее время он никогда не позволял себе пить чай раньше восьми часов, когда обыкновенно в монастыре отходит ранняя обедня. По двунадесятым праздникам всегда ходил в монастырь к поздней обедне и чаю уже утром не пил. В характере отца Геннадия заметна была детская простота и искренняя ко всем любовь. Он не стеснялся высказывать старцу свои немощи и недостатки даже и при посторонних людях... Бывало, старец батюшка отец Макарий, желая побудить других братий к откровению помыслов, спросит при всех скитянах: "Геннадий! Что ты там наделал?". И отец Геннадий, если, например, с кем повздорил, все выскажет без утайки, нисколько не стесняясь присутствием других. Ко всем старшим братиям он относился с почтением и смирением, и вообще ко всем с искренней братской любовью. Каждого брата называл не иначе, как "красно солнышко". При чем, бывало, по своей привычке ласково потреплет брата по плечу или еще как-либо. А когда по должности благочинного делал выговор неисправимому брату, называл его "горемычный". За такие боголюбезные душевные качества любили отца Геннадия все старцы, начиная с отца Льва, Макария, Амвросия и других. Да и все братия скитские и монастырские относились к нему с любовью, а некоторые даже и с уважением.

Сам же отец Геннадий при своей евангельской простоте и незлобии всегда был в мирном и веселом настроении духа. Иногда при случае говорил: "У меня нет скорбей; кроме шуток, у меня нет скорбей". Так исполнялись на нем слова старца батюшки отца Амвросия: "Кто из поступивших в монастырь прямо пойдет путем смирения, во страхе Божием и охраняя по совести очи, и слух, и язык, а в ошибках прибегая к самоукорению, тот мало увидит неприятных случаев". Нельзя, впрочем, сказать, чтобы у отца Геннадия совсем не было скорбей. Немалое время он отправлял в скиту должность благочинного, и потому приходилось ему делать замечания, в особенности младшим братиям, которые по своей неопытности в жизни духовной со своей стороны делали отпор благочинному, нанося ему оскорбления своими грубыми ответами, но отец Геннадий по своему смирению все это переносил терпеливо.

За такую благочестивую и благоговейную жизнь отец Геннадий имел и особую благодать от Господа. Случалось иногда, в летнее время при бездождии, скитоначальник отец Иларион скажет ему: "Отец Геннадий! Помолись, чтобы Господь послал дождя".— "Благословите, батюшка!" — ответит отец Геннадий, и молился за святое послушание, и Господь посылал дождь. Но иногда молитва его оставалась без успеха. Тогда отец Геннадий только скажет: "Нет, должно быть, много нагрешили".

За несколько месяцев до кончины Московского митрополита Филарета отец Геннадий имел знаменательное сновидение. Так, он рассказывал о сем: "Стою я будто в каком-то чудно украшенном месте, наподобие храма, наполненном обильным светом, у стены. Вдруг отверзаются совне двери, входят два Ангела и ведут как бы некоего отрока. Слышу, чей-то голос говорит: "Это Филарет, митрополит Московский". Всматриваясь в черты отрока, я припоминал, как будто видел его, и находил сходство с портретом отца Филарета. Когда же идущие приблизились ко мне, я ощутил какое-то неизъяснимо радостное чувство. Потом Ангелы провели отрока в противоположную сторону, которая в особенности была украшена и сияла чудным обильным светом". Тем сновидение окончилось. Об этом сне до кончины митрополита отец Геннадий никому не говорил, считая его сомнительным, так как слышал, что митрополит здравствует, между тем как сон, по мнению отца Геннадия, предвещал его кончину. По получении же известия о кончине владыки отец Геннадий уже рассказал свой сон некоторым скитским отцам и братиям.

Несмотря на то что отец Геннадий не пользовался хорошим здоровьем, Господь судил ему пожить долгое время. Только к концу жизни он все более и более ослабевал в силах и испытывал недуги: некоторое время страдал мочезадержанием, голова у него, может быть от худосочия, покрывалась кровавыми шишками вроде чирьев, и силы его совсем ослабевали; так что он не мог уже по-прежнему сам вычитывать молитвенные

правила, а вычитывал ему сосед, молодой послушник. О недугах своих больной много не беспокоился, а только, бывало, вздохнет и скажет: "Что делать?! Нужно и поболеть, и поболеть нужно". В течение долговременного недугования отец Геннадий ежедневно в субботу в своей келлии сообщался Святых Христовых Таин, которые приносились ему скитскими иеромонахами. Был он особорован святым елеем и благодушно ожидал, когда настанет час воли Божией отойти ему от временной сей жизни.

Интересно было в это время его свидание с Калужским Преосвященным Макарием. За год до кончины отца Геннадия, именно летом 1898 года, владыка прибыл в Оптину пустынь и по обычаю, отслуживши в монастыре литургию, посетил скит. Нужно было ему проходить мимо геннадиевского корпуса, и больной отец Геннадий пожелал получить от владыки благословение. Вот вывели его под руки два монаха на крыльцо. Когда приблизился Преосвященный, отец Геннадий, с детскою любовью и благоговением взирая на святителя Христова, протянул к нему руки и, приняв от него благословение, проговорил: "Ножку бы, ножку бы вашу поцеловать!". А где там ножку поцеловать, когда спина не гнется и двое держат под руки? "Сколько тебе, старец, лет?" — милостиво спросил Преосвященный.— "Восемьдесят шестой",— ответил с детскою улыбкою отец Геннадий. — "Ну, это еще что за старость!" — шутливо промолвил владыка и пошел далее.

Последний год жизни отца Геннадия быстро протек, и к осени старец совсем ослабел. Посетившему его близкому монаху сказал: "Вот-вот, уже и с постели встать не могу. Простите!" — и поцеловался с ним в уста. В предсмертное время он ежедневно сообщался Святых Христовых Таин. Настало наконец 2-е число сентября 1899 года — празднование Калужской иконы Божией Матери, и в три часа пополудни старец мирно почил о Господе, на 87-м году своей жизни, проживши в скиту более 60 лет. На третий день после его кончины было в скиту соборное служение литургии и затем погребение. На надгробной чугунной плите его изображены следующие стишки:

По летам старец древний,
Дитя душою был,
Молебник к Богу теплый,
Он всех равно любил.

Инок Геннадий

(†2/15 сентября 1851)

В миру Климент Никитич, родом из мещан города Путивля Курской губернии, вдовец. Будучи мирским, он путешествовал в Палестину, во град Иерусалим, где и пострижен был в монашество и наречен Геннадием. Возвратившись из Иерусалима, он в 1823 году 6 сентября поступил в Оптинский скит и определен в [рясофорные] послушники с прежним именем. Во все время его пребывания в скиту послушанием его было ездить в разные губернии по сбору разных благотворений в пользу обители. К концу жизни отец Геннадий лишился зрения и постепенно ослабевал телесными силами и потому ежегодно соборовался святым елеем, приуготовляясь таким образом к исходу в вечность: 2-го числа сентября 1851 года, в день воскресный, он пожелал причаститься Святых Христовых Таин. Это его благое желание было исполнено. И в тот же день в 10 часов пополудни он тихо почил о Господе на 79-м году от роду.

Послушник Георгий

(†24 декабря 1833 /6 января 1834)

Родом из московских мещан, поступил в скит в 1831 году, где и прожил два года с половиною. Под 24-е число декабря 1833 года у него обнаружились признаки холеры, которая быстро развивалась, так что 24-го числа он был уже покойник. От роду ему было 24 года.

Монах Григорий (Косых)

(†16/29 декабря 1893)

В миру Григорий Иванович Косых. Крестьянин Воронежской губернии Павловского уезда Нижне-Ламовской волости села Островки. Поступил в скит в 29 лет в январе 1885 года. Послушание его было рабочее. Кроме того, он был певчим на левом клиросе. 3 апреля 1892 года в Великий Пяток пострижен в рясофор. Долго болел чахоткою и перед смертью келейно пострижен был в мантию.

Скончался 16 декабря 1893 года, удостоившись в этот день Святых Христовых Таин.

Инок Димитрий (Алексеев)

(†29 марта /11 апреля 1864)

В миру Дмитрий Алексеевич Алексеев, из козельских мещан, был холост. Поступил в Оптину пустынь в марте 1853 года и в том же году вскоре переведен был в скит. Определен в число братства в 1857 году 16 марта; 24 июля пострижен в рясофор. Послушание его было на пасеке ходить за пчелами. Был он крепкого телосложения и отличался трудолюбием. Но осенью 1862 года открылась у него чахотка, которая, как полагали, усиливалась у него от тяжелых подъемов и дошла до такой сильной степени, что весной 1863 года никак не думали, чтобы он дожил до лета. Однако жизнь его протянулась еще на год.

Отличался прямотою характера и твердостью духа, так как в продолжение болезни от него почти не было слышно и стона. Долго он не мог убедиться, что ему мало осталось жить. Наконец 30 января 1864 года привезена была в Оптину пустынь чудотворная Калужская икона Божией Матери. Помолившись пред нею, отец Димитрий приложился к ней, и Господь, по молитвам Пречистой Своей Матери, дал ему почувствовать близость кончины. С того же дня он стал ожидать смерти, умиленно простился со всеми и до последнего времени сохранил спокойствие духа. Скончался 29 марта 1864 года с христианским и монашеским напутствием.

Схимонах Диомид (Кондратьев)

(†1/14 мая 1849)

Диомид Кондратьев — вольноотпущенный княгини Салтыковой, имение которой было в Новгородской губернии. В 1817 году, когда Оптинский старец иеросхимонах Леонид [Лев], живший в то время на Валааме, по обстоятельствам ездил в Петербург, Диомид (Кондратьев), находившийся тоже в столице, уже был известен старцу Леониду и весьма был расположен к нему, так что готов был всегда, чем только можно было с его стороны, услужить старцу. Поступил он под руководство старца Леонида сначала в Александро-Свирский монастырь или в конце 20-х или в начале 30-х годов прошлого XIX века, а затем перешел с ним в Площанскую пустынь, где по случаю постигшей его болезни пострижен был келейно тамошним настоятелем в схиму без перемены имени и потому до 1840 года открыто ходил в рясофоре и, наконец, в 1829 году вместе со своим старцем в числе сопровождавших его шести учеников перебрался на постоянное жительство в Оптинский скит.

Живя здесь, он достиг уже преклонных лет, вел строгую монашескую жизнь и, как передавали старожилы-монахи, имел желание поучать людей, но не имел опытности духовной и старческого искусства. Вследствие чего с его стороны в обращении с посетителями бывали большие промахи. Придет, например, к нему как к старцу кто-либо, отягченный грехами, с тем чтобы открыть ему свою жизнь и получить от него добрый совет к исправлению ее. Но отец Диомид, выслушав откровение, с ужасом начнет говорить ему в таком тоне и роде: "О, да как же ты смел делать то и то! Да тебе и спасения нет. Ты попадешь в тартарары на вечные мучения, и выпуску тебе оттуда никогда не будет!". Через это посетители приходили в такое смущение, что впадали в совершенное отчаяние. Но вот кто-либо из монахов направит его к старцу отцу Леониду. Узнав, в чем

дело, старец начнет его увещевать, чтобы отнюдь не отчаивался, что Господь сходил на землю не ради праведных, что милосердию Его пределов нет, и прочее. Так, бывало, с месяц убеждает и уговаривает старец впавшего в отчаяние, пока при помощи Божией не возбудит в нем надежду спасения. Подобные случаи повторялись неоднократно. Надоел старцу отец Диомид. Надо было его проучить. Случай к тому представился.

В скиту во время старца Леонида братия самоваров по келлиям не имела, а чай пить собирались все к старцу по субботам и воскресным дням и по двунадесятым праздникам. Вот в один великий праздник, в зимнее время, и собрались скитяне в келлию старца для чаепития. Видя, что отец Диомид не пришел, старец приказал его позвать. Посланный, возвратившись, сказал, что отец Диомид отказался прийти по нездоровью. Тогда старец, зная, что отец Диомид не пришел просто по нежеланию, так как не имел к чаю привычки, и желая понудить его к покорности и послушанию, а кстати и наказать его за вышесказанные неразумные его действия, возвысил свой голос: "Диомидка! Сходите за ним опять и принесите его на руках, если не пойдет. А когда понесете,— прибавил старец,— бросьте его в сугроб". Отправились двое и просят от имени старца: "Пожалуйте, батюшка. Если вы слабы, мы вас на руках снесем". Не подозревая об опасности, отец Диомид согласился: "Ну, пожалуй, несите". Взявши старичка на руки, носильщики понесли, но, выбравши самый большой сугроб, как бросят его туда. Старичок в снегу-то капых, капых, кое-как выбрался и со всех ног прибежал к старцу с жалобой, что его обидели. Понятно, что из этой жалобы ничего не вышло, а только чаем отца Диомида напоили да в келлию и проводили.

Из жизни отца Диомида известен и еще неприятный для него случай. 1841 года, 24 января, в отсутствие отца настоятеля он послан был казначеем отцом Гавриилом в город Мценск с билетом на семь дней для принятия хлеба. Приехавши туда, он, по приглашению семейства покойного оптинского благодетеля Онуфрия Ивановича Соплякова, скончавшегося того же года и месяца 11 дня, остановился в их доме. Тут он сделался болен и прожил до 7 февраля. Во время болезни мценские граждане, хорошо знакомые с Оптиной пустынью и ее старцами, посещали отца Диомида, некоторые и советов просили у него в своих недоумениях. Отец Диомид по возможности и старался преподавать душеполезные советы, а притом, по поручению родных покойного благодетеля, раздавал еще милостыню приходившим бедным. Потому сходилось к нему немало народа. Узнавши о сем, настоятель Мценского монастыря, ректор Орловской Семинарии, архимандрит N. донес о сем своему епархиальному епископу Евлампию, а тот отнесся к Калужскому епископу Николаю. Отца Диомида вытребовали в Калужскую Духовную консисторию и по допросе отправили на время в Калужскую Тихонову пустынь. Но так как по представленной ему отпускной, выданной ему еще в 1832 году, за справками определения ему еще не последовало, а в последнюю ревизию он не был вписан, то и препроводили его по месту жительства прежних его господ в Новгородское губернское правление на усмотрение. По этому случаю были неприятности и оптинскому отцу настоятелю, и казначею, и братии.

По времени отец Диомид все-таки возвратился в скит, где и дожил свой век. В скитской летописи написано: "В воскресенье утром 1 мая 1849 года в шестом часу скончался болящий старец отец Диомид (Кондратьев) на 69-м году от роду". Слово "болящий" показывает, что отцу Диомиду пришлось немалое время в жизни поболеть, что люди жизни духовной считают милостью Божией, ниспосылаемою людям к очищению от грехов. И во время болезни, без сомнения, отец Диомид приготовлен был к исходу из сей жизни всеми потребными для сего Святыми Таинствами, как обыкновенно принято в Оптиной пустыни.

Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего, схимонаха Диомида, во Царствии Твоем!

Монах Досифей

(†22 декабря 1828 /4 января 1829)

Родом из однодворцев Драгунской слободы города Карачева Орловской губернии. Первоначально жил в Площанской пустыни, где и пострижен в монашество, потом 40 лет проходил пустынное подвижническое житие в рославльских лесах Смоленской губернии со старцами Варнавою, Никитою, Иаковом, Василиском, Зосимою, Андрианом, Афанасием, Арсением и другими. Здесь же жил и послушник Тимофей, вскоре затем настоятель Оптиной пустыни отец Моисей. Отец Досифей прибыл в Оптину пустынь в октябре 1827 года и с радостью и честью принят был отцом Моисеем, как старец своим учеником, и помещен на жительство в скиту. Отличительными свойствами сего старца были особенная простота и младенческое незлобие.

За несколько времени до кончины старца сего был достойный внимания и памяти случай. Супруга крапивенского помещика Тульской губернии А. С. Воейкова, женщина еще молодых лет, была в сильной горячке. Все пособия врачей оказались недействительными. Испуганный супруг и родственники, отчаявшись в выздоровлении больной, могли только ожидать скорой ее кончины. Вдруг она, как казалось им, поговоривши с кем-то тихо, встала с постели и спросила: "Где же монах, который сейчас приходил ко мне?". Когда же уверили ее с клятвой, что никто не приходил и они никого не видели, в ту минуту больная почувствовала облегчение от болезни и сказала, что приходивший говорил ей следующее: "Что ты лежишь? Вставай и приезжай в Оптину пустынь служить молебен, а я на твое место лягу — так Бог велел". В несколько дней после этого больная выздоровела совершенно и, как только позволили ей силы, поехала с мужем в Оптину пустынь воздать благодарение Господу Богу за выздоровление. По приезде же, выйдя из экипажа, они пошли по тропинке, ведущей к скиту. На этот раз вся братия, как монастырские, так и скитские, были на общем послушании — убирали покос. Оставался в скиту один только старец Досифей. Прохаживаясь за вратами по лесу, он встретился с приезжими, с простодушным приветствием ввел их в скит и показывал им внутреннее его расположение. Встреча с отцом Досифеем поразила бывшую больную. Она смотрела на старца с благоговейной радостью и, едва скрывая это чувство, тихо сказала своему мужу: "Этот монах видом и простотою беседы разительно походит на являвшегося мне в болезни".

Вскоре после этого отец Досифей, немного поболев, тихо скончался на 75-м году от роду, из коих 50 лет провел в монашестве. Кончина его последовала 22 декабря 1828 года.

Инок Емилиан

(†8/21 декабря 1865)

Емилиан Андреев из города Мценска Орловской губернии, бывший дворовый человек господ Чапкиных, поступил в скит в число послушников 18-летним юношей в марте 1863 года. Проходил послушания хлебника, помощника садовника и прислуживал престарелым монахам-соседям. В келлии неопрятен был. Случалось, что в углу его келлии была куча сора. Тут же и шапка его валялась. Везде в келлии видна была нечистота. Он, впрочем, и желал бы, чтобы у него было все опрятно и в порядке, но вкуса к тому не имел. Это, однако, не мешало его внутреннему достоинству. При крепости сил физических он был человек трудолюбивый, искренно-послушливый и воздержанный. Кушал очень умеренно. Однажды, сидя вместе с ним за вечерней трапезой, скитский иеромонах Платон, жалея постоянно находящегося в трудах послушника, сказал ему: "Емилиан! Что ты так мало ешь? Ешь больше!". А он, застыдившись от этих слов, и вовсе перестал есть.

Как человек простой, он не умел выражаться по-благородному. Однажды, угощая чаем своего соседа старичка схимонаха Геннадия, обратился к нему так благожелательно: "Батюшка! Пей еще: чаю много, куда ж его девать? Все равно в лоханку-то выкидывать".

Немного пожил на свете этот простачок. Привязалась к нему неумолимая чахотка. Не имея понятия об этой болезни, Емилиан называл ее золотухой. Услыхав от кого-то, что от

золотухи полезно оттапливать калиновое дерево и пить этот отвар, он мелко настрогал себе целую кошелку калиновых палок. Указывая на это приготовление, один брат приговаривал: "Это Емилианов чай". Но этот чай остался без употребления. В болезни раз как-то Емилиану захотелось ухи. Сосед-брат по этому случаю отправился к старцу отцу Амвросию и доложил ему об этом. Обратившись к своим келейникам, старец спросил: "Что, уха у нас есть?". Ему ответили: "Есть немного, только на вашу долю".— "Отдайте больному, просит",— приказывает старец. Ему возражают: "Батюшка, ведь нечего давать-то, очень мало. Вам нечего будет кушать".— "Отдать!" — повелительно сказал старец. И отдали. А сам болезненный старец остался в этот день голодным.

Чахотка сильно у страдальца развивалась. За три недели до кончины умирающего послушника по его желанию постригли в рясофор. 3 декабря 1865 года совершено было над ним Таинство Елеосвящения, и с сего времени до самой его кончины ежедневно сообщали его Святых Христовых Таин. За сутки до кончины прочитан был над ним канон Господу Иисусу и Пречистой Его Матери на исход души из тела. До последней минуты он был в твердой памяти и говорил; и преставился мирною христианскою кончиною 8 декабря 1865 года в 9 часов вечера на 21-м году от роду.

Спустя несколько после сего времени один брат спросил старца Амвросия о загробной участи отца Емилиана. Старец ответил, что кто-то из братий видел его в сонном видении, что Емилиан быстро пролетел воздушные мытарства.

Думается, не сам ли старец видел это.

Схимонах Ефрем (Косых)

(†4/17 апреля 1891)

В миру Ефрем Иванович Косых. Родом из крестьян Воронежской губернии Павловского уезда Нижне-Ламовской волости села Островки, родной брат Григория Ивановича Косых (впоследствии — скитского монаха Григория). Поступил в скит 3 января 1886 года 28 лет от роду. Исполнял разные общие послушания, и между прочим был певчим на правом клиросе, пел первым тенором. Долго болел и скончался от воспаления легких 4 апреля 1891 года, приняв перед кончиною келейно постриг в схиму. Прожил в скиту пять лет, а всей жизни земной его было 33 года.

Послушник Иаков Сушенко

(†7/20 декабря 1900)

Послушник Иаков Максимович Сушенко, малоросс, из крестьян Харьковской губернии Старобельского уезда Городищевской волости села Городища, земляк старца отца Иосифа (то есть из одного села). По записям монастырским, родился в 1882 году, поступил в скит 1900 года апреля 25-го дня 18 лет от роду, а по собственным словам Иакова, ему было в то время только 16 лет. Это был молодой подвижничек. Послушание его было помогать пасечникам ходить за пчелами. Он определил себе ежедневно, перед тем как идти в трапезу обедать, полагать несколько поклонов с условием, если он чрез это опоздает в свое время прийти в трапезу, то за сие должны были его ужалить пятьдесят пчел. Вследствие сего видали его неоднократно ходящим по пасеке без сетки. Вероятно, ощущая в теле непристойные движения, он употреблял пищу в самом умеренном количестве, а для сего крепко препоясался по голому телу жесткой веревкой, которая, сжимая желудок и чрез то не давая ему принимать много пищи, в то же время служила вместо вериг. Веревка эта по времени так врезалась в его тело, что образовались на нем раны. Кроме того, летом в ночное время выходил наружу и спал на голой земле. Сказывали даже, что ложился на крапиву, говоря: "Недостоин я спать в келлии". Естественно, что при таких подвигах силы его телесные ослабели.

Между тем фельдшера больничные веревку с него сняли и раны на его теле заживили. К осени он переведен был с пасеки и определен помощником пономаря. В это время он ходил по церкви зажигать лампадки пред святыми иконами, слабенький как тень.

Встречаясь с служителем алтаря Господня, низко ему кланялся и принимал благословение, смиренно приговаривая: "Прошу ваших святых молитв". Жаловался между прочим отцу Иосифу на слабость своих сил телесных. Сожалея о нем, старец, бывало, скажет ему: "Ты ешь больше". Иаков ответит по-малороссийски: "Та никуды".

Осенью, кажется в октябре, он простудился, пришел в больницу и говорит фельдшерам, что у него что-то "захололо", то есть холодно ему или его знобит. Ему дали каких-то порошков и сказали, чтобы отправлялся в келлию и употреблял бы их с водой. Но Иаков так ослабел, что, отошедши немного, остановился и так жалобно смиренно проговорил: "Не могу идти". Тогда освидетельствовали температуру его тела. Оказалось, что температура очень повысилась, и потому оставили его в больнице, где он и пробыл с месяц, постепенно ослабевая в силах. В это время он особенно был тих, кроток и послушлив. Как-то в послеобеденное время он взял книгу и хотел было читать. Смотритель больницы заметил ему, чтобы он оставил чтение и для подкрепления сил отдыхал бы. Иаков беспрекословно свернул книгу и положил в стол. Никто из окружающих его, ни сам он не ожидали его близкой кончины, за несколько дней перед коей он между тем был исповедан и приобщен Святых Таин. И вот в первый же год своего поступления в скит, 7 декабря, на память святителя Амвросия Медиоланского (день Ангела Оптинского старца Амвросия) в полуденное время Иаков шел по больничному коридору. Вдруг сделалось ему дурно, и он был в опасности упасть, но случившийся тут смотритель больницы подхватил его. Затем он перенесен был в номер и положен на койку. И так как он был без чувств, то собравшиеся около него больничные фельдшера хотели было привести его к сознанию нашатырным спиртом, но Иаков оставался в бесчувственном положении. И долго-долго стояли они около него в недоумении: не то он умер, не то еще жив. Но душа его уже отошла в иной блаженный мир.

Находясь в сомнении относительно смерти Иакова, хотя по обычаю опрятали его тело и положили в гроб, но вынесли его в теплую больничную церковь в ожидании, не очнется ли он. Других же покойников, несомненно умерших, выносят в холодную Владимирскую церковь. Часов через 12 после кончины Иакова тело его стало застывать, и тут только оказалось несомненным, что он скончался. Его перенесли в скитскую церковь, и там по совершении Божественной литургии отправлен был чин погребения. Покойник погребен был на скитском кладбище 9 декабря. В гробе он лежал как живой, лицо его несравненно было приятнее, чем у живого. И только запекшиеся уста свидетельствовали о его кончине, которая последовала вследствие воспаления легких. К нему можно отнести слова Премудрого Соломона: *Восхищен бысть, да не злоба изменит разум его, или лесть прельстит душу его. Скончався вмале, исполни лета долга; угодна бо бе Господеви душа его: сего ради потщася от среды лукавствия* (Прем. 4, 11, 13–14).

Можно бы поставить в укор Иакову, что он проходил подвиги самочинно. Но, думается, как можно строго судить 16-летнего мальчика, безотчетно стремившегося ко спасению своей души? А покойный старец отец Амвросий имел обыкновение говорить в подобных случаях так: "Всякий подвиг человека, предпринимаемый им ради спасения своей души, приемлется Милосердным Господом в умилостивительную жертву".

Иеромонах Иларий (Червячков-Гурьянов)

(†23 сентября /6 октября 1872)

В миру Иван Иванович Червячков или Гурьянов, из козельских купцов. С детства часто бывал он в Оптиной пустыни и до поступления в монастырь пользовался наставлениями старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). "Однажды,— рассказывал он,— готовясь к Святому Причастию и исповедовавшись у одного из монастырских духовников, почувствовал в душе смущение и перед самой литургией пошел объяснить об этом старцу. Старец, как имевший от Бога дар напоминать относившимся к нему забвенные грехи, сказал: "Вероятно, смущение твое происходит оттого, что не все исповедал духовнику, что следовало бы исповедать"", и потом в несколько минут искусно

напомянул ему сам о всех неисповеданных им согрешениях, говоря так: "Может быть, ты то-то делал и то-то?". Когда же Иван Иванович сознался, что действительно виновен в упомянутых старцем грехах, тогда старец сказал: "Беги скорее к духовнику и покайся". После того смущение его исчезло, и он в мирном устроении души приобщился Святых Христовых Таин.

В скит поступил Иван Иванович в начале 40-х годов уже после кончины старца Леонида. С января 1844 по январь 1846 года был он в скиту братским поваром. 14 июня 1846 года указом Духовной консистории определен в число скитского братства. Из кухни он взят был в келейники к старцу батюшке отцу Макарию, каковую обязанность отправлял до ноября 1852 года. Когда же старцем Макарием было ему сказано, что он должен оставить келейное послушание, он испросил у старца благословение взять для своих келейных потребностей несколько полотенец и другого мелкого белья, чего у старца от усердствовавших благотворителей было всегда в запасе много. Старец дозволил ему взять, сколько ему хотелось, и он забрал потому очень достаточное количество. Келлия определена ему была на пасеке. И вот в первую же ночь пребывания его в новой келлии, когда он с прочими скитянами ушел на утреннее правило в соборную келлию, забрались к нему какие-то воры и все у него покрали.

29 июня 1852 года Иван Иванович пострижен был в мантию с именем Иларий. 16 июня 1855 года рукоположен в иеродиакона, а 13 августа 1862 года — в иеромонаха.

Отец Иларий отличался особою простотою и незлобием и пользовался любовью всей скитской братии и монастырской братии. При жизни старца Макария отец Иларий имел духовное отношение к нему, а после — к его преемнику батюшке отцу Амвросию в простоте сердца с верою и послушанием. Когда старец Макарий был жив, он произнес об отце Иларии такой отзыв: "Иларий не из таких людей, что, по общепринятому выражению, "схватывают звезды с неба", а в дело годится". И действительно, годился в дело. По назначению в 1862 году жившего в соборной келлии иеромонаха Илариона скитоначальником и перешедшего в начальнический корпус отец Иларий перемещен был на его место в соборную келлию, а с 1863 года и до кончины своей был помощником монастырского духовника и заслужил общую любовь своих духовных чад. Келейным занятием его в свободное время было делание ложек, а также и писание уставом. Он писал уставом хорошо, и когда книга преподобного Исаака Сирина не была еще напечатана, всю ее переписал для себя. А теперь рукопись эта хранится в скитской библиотеке.

С начала 1872 года, когда скитоначальник иеромонах Иларион сильно заболел, отец Иларий почти бессменно отправлял в скиту церковные службы. Вообще, здоровье его было крепкое, изредка только по временам он страдал от головной боли, которая всегда продолжалась у него аккуратно одни сутки, после чего он опять чувствовал себя вполне здоровым. В то время как скитоначальник отец Иларион болел уже предсмертною болезнью, некоторые из братий обращались к нему с такими словами: "Вот, батюшка, оба наши старца (иеромонах Амвросий и иеромонах Иларион) больные. Скончается отец Иларион, вас тогда поставят скитоначальником". На эти слова у отца Илария бывал всегда один ответ: "Э, они еще нас переживут". По отношению к самому отцу Иларию слова эти были пророческими, хотя, без сомнения, отец Иларий не придавал им этого значения.

Настал сентябрь 1872 года. Отец Иларий, по заведенному в скиту обыкновению, отправился 14 сентября с некоторыми из скитских братий на скитскую лесную дачу или хутор собирать грибы — рыжики, которых в этот год был большой урожай. Несмотря на дождливую погоду, они пробыли там двое суток. 16 сентября отец Иларий возвратился в скит и, несмотря на то что чувствовал сильную простуду, 17-го числа в воскресенье отправил полную церковную службу. 18-го же в понедельник он опять ходил, только уже недалеко от скита, в лес за грибами, до которых, кстати сказать, был большой охотник, и еще более простудился. Однако в этот день он еще был на общем послушании и вместе с прочими скитянами чистил свеклу. Во вторник слег в постель, но никто не догадывался, что болезнь его опасная. В пятницу 22-го числа, когда болезнь отца Илария еще более

усилилась, ему предложили исповедаться и причаститься Святых Таин. Он изъявил было желание причаститься на следующий день в субботу, но старец батюшка отец Амвросий нашел нужным не откладывать это. В три часа пополудни он посетил болящего, который успел исповедаться у него и объяснил все, что нужно было для его успокоения душевного. После того отец Иларий был сообщен Святых Христовых Таин, а во время вечерни совершено было над ним Таинство Елеосвящения.

В эти дни один из скитских братий видел замечательный сон: будто отец Иларий лежит в темной комнате, которая была полна бесов. Вдруг сделалось смятение. Послышался голос: "Идет исповедовать", и бесы, проговорив: "А мы хотели было сделать его миллионером", все исчезли. Тем объяснялся этот сон, что отец Иларий при жизни собирал деньги, как говорили в то время, на постройку келлии для своей родственницы, но, вероятно, старцу-духовнику не открывал о сем. В субботу 23-го числа, после скитской обедни, в девятом часу утра отец Иларий мирно почил о Господе на 65-м году от роду, а 25-го похоронен на кладбище подле водруженного креста с изображением на нем распятого Господа. Через несколько времени больной скитоначальник отец Иларион увидел во сне: идет будто отец Иларий в скиту по дорожке и поет ирмос: "Покрываяй водами превыспренняя Своя, полагаяй морю предел песок, и содержай вся: Тя поет солнце, Тя славит луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю всех во веки" (Трипеснец на повечерии Великого Четвертка). И каково же было это пение! Оно было так мелодично и так усладительно, что, казалось, было отзвуком небесного ангельского пения.

Иеромонах Иннокентий (в схиме Иов)

(†16 февраля /1 марта 1861)

Иеромонах Иннокентий (в схиме Иов), в миру Иван Владимиров, сын священника. По окончании курса семинарских наук он был посвящен в диакона в село Воскресенское Московской епархии Коломенского уезда; но, овдовев, в 1824 году определил оставшуюся малолетнюю дочь свою Агриппину в одно из отделений Московского воспитательного дома для призрения сирот духовного звания, а сам, следуя влечению сердца своего, вступил в Московский Андрониев монастырь. По надлежащем искусе диакон Иван Владимиров пострижен был в монашество, наименован Иннокентием и посвящен в иеромонаха. Примерное усердие к Божественной службе и рачительное прохождение возложенных на него послушаний скоро обратили на него особое внимание настоятеля обители, и потому в течение 19-летнего его пребывания в Андрониевом монастыре на него возлагались разные, соединенные с особым доверием, должности. Так, он временно исполнял должность казначея, долгое время заведовал монастырской в городе часовней, которая, при его попечении, получила хорошее благоустройство, и был часто посылаем для служения в домовых городских церквах. Получив же, по положению штатных монастырей, определенную ему сумму денег, он, за необходимым для себя расходом, употреблял их на нужды бедных и, следуя заповеди Спасителя творить милостыню так, чтобы шуйца не знала, что творит десница, тайно разделял что мог заключенным в тюрьмах и долговых отделениях.

Несмотря на благоволение к отцу Иннокентию московского духовного начальства, он, как любитель безмолвия, тяготясь молвою городской жизни, стал помышлять о водворении себя в одной из пустынных обителей и проситься, чтобы уволили его из штатного монастыря. Три года он был удерживаем своим монастырским и епархиальным начальством, которому жаль было потерять в нем на всякое благое дело уготованного инока; но, наконец, принуждены были уступить его усердному прошению. Промысл Божий указал ему тихое пристанище в Оптиной пустыни. Он прибыл в нее 15 декабря 1843 года и, водворясь с благословения настоятеля обители в устроенном при ней ските, прожил в оном неисходно более 17 лет, до самой своей блаженной кончины.

Здесь он с самого начала благоустроил свою жизнь сообразно той главной цели, которую имел при перемене пребывания во граде на жительство в пустыни, то есть с редким постоянством и терпением отсекал все поводы, служившие к нарушению любимого им безмолвия, не только внутреннего, но и внешнего. Так, например, во все свое пребывание в скиту он почти никого не принимал в свою келлию. Многие из скитских братий, жившие в скиту по несколько лет, впервые переступили порог келлии безмолвнолюбивого старца лишь перед самой его кончиной.

Не любил он и бесполезных разговоров и потому старался избегать встреч не только с посторонними, но и со своими братиями. Единственным его собеседником и сотаинником был сосед его по келлии, мантийный монах, страдавший от [болезни] ног, отец Макарий (Грузинов), один из учеников покойного старца иеросхимонаха Льва. Приняв на себя в виде послушания и единственно ради Бога, по влечению своего доброго сердца, обязанность исполнения необходимых для больного услуг, отец Иннокентий свято исполнял эту обязанность до последней своей предсмертной болезни, и, по собственному свидетельству о нем самого отца Макария, был для него всем — попечительным отцом, незаменимым другом и духовным сотаинником. Их духовный союз, основанный на чувстве христианского милосердия, с одной стороны, и на чувстве благодарности — с другой, был образцом для всех братий.

Вместе с тем отец Иннокентий был весьма усерден к церковным службам. Не обязываясь, по собственной болезненности, очередными монастырскими служениями, он, однако, никогда не отказывался от приглашения к служению в скитской церкви без какого-либо особого повода, который заключался, главным образом, в тяжелой его болезни — в кресте, который он безропотно нес в течение многих лет своей жизни. Когда же болезнь эта уступала и он чувствовал себя в силах, тогда, отслуживши в скиту литургию, любил ходить к поздней обедни в монастырь в воскресные дни, а также и в праздничные; причем ему поручали читать после причастного стиха для народа избранные поучения.

Отец Иннокентий имел такой замечательный дар произносить поучения, что, просмотрев назначенное к чтению слово заранее, он усваивал его себе как собственное произведение и произносил с такою ясностью, силою и чувством, что не оставалось желать ничего более самому взыскательному слушателю. Впрочем, он не вдруг решился употребить этот дар в дело, а из опасения поработотиться тщеславию. Он объяснил это опасение жившему тогда в скиту старцу духовной жизни отцу игумену Варлааму и получил от него такой ответ: "Имей в виду не тщеславие, а пользу слушателей, и Бог покроет тебя от первого". С тех пор отец Иннокентий старался по возможности неопустительно своим даром служить Господу Богу, сказывая в церкви к народу поучения.

Между тем одновременно с отцом Иннокентием живший в скиту монах Иоанникий (в схиме Леонид), человек с открытым и твердым характером, по временам смирял его. Идет, бывало, отец Иннокентий в монастырь говорить поучение, а отец Иоанникий встретит его на дорожке у скитских ворот и начнет ему напевать: "Что? Что? Куда идешь? Думаешь, что без тебя-то уж там и почитать некому?". Но смиренный отец Иннокентий, не отвечая ему ни слова, протрется мимо него боком и уйдет. Видно было, впрочем, что отец Иннокентий нисколько не оскорблялся на отца Иоанникия за его замечания, потому что, когда этот последний перешел на жительство в Калужскую Тихонову пустынь, отец Иннокентий, обратясь как-то к иеромонаху (впоследствии старцу) Амвросию, сказал: "Врач-то, врач-то наш уехал!". Так проповедник слова Божия смотрел на замечания своего собрата как на врачевство духовное против тщеславия, которое, по слову святых отцов, приражается ко всем: и к новоначальным, и к средним, и даже к совершенным монахам.

Богомольцы же, посещавшие обитель, любили слушать старца отца Иннокентия. Когда он всходил на амвон для чтения поучения, после движения народа вперед, для того чтобы стать поближе, водворялась совершенная тишина — знак глубокого внимания.

Сказывая какое-либо проникнутое одушевлением слово (что часто встречается у святых отцов) или читая к народу в Великий пост слезоточивые мольбы святого Ефрема Сирина, старец и сам проникался чувством умиления и изливал обильные слезы, вызывая их и у благочестивых слушателей.

Отец Иннокентий, по свидетельству отца Макария, соседа его по келлии и сотаинника, во всех своих поступках отличался необыкновенною точностью и умеренностью. Воздержание его не только никогда не переходило пределов недозволенных, но нередко он отказывал себе и в необходимом. Занимаясь по целым дням чтением и выпискою замечательных, по его соображению, мест, он нарушал любимое свое молчание лишь только для поведания своему больному соседу прочитанного в истории и учительских церковных книгах. Любимым его чтением, после книг Священного Писания, были Пролог и Четьи Минеи святителя Димитрия Ростовского, которые он, обладая отличной памятью, знал почти наизусть. Когда что-нибудь рассказывал, приводил тексты из Священного Писания или подкреплял свою всегда духовную беседу примерами из деятельной жизни святых.

Никто из живых в обители современников отца Иннокентия не мог сказать, чтобы он в течение многолетнего своего в скиту пребывания кого-либо обидел или пороптал на что-либо. Бегая от людей, он бегал более, как яда змеиного, осуждения, клеветы и злоречия, заграждая от них уста свои и уши. Если кто начинал с ним подобный разговор, он, невзирая ни на какое лицо, тотчас же удалялся, не ответив ни слова, и тем оберегал себя и собеседников от душевного вреда.

Общее всех братий уважение к отцу Иннокентию за его примерную скромность и любовь к уединенной жизни завершилось наконец тем, что одновременно живший с ним в скиту, всеми почитаемый покойный великий старец иеросхимонах Макарий в последние годы избрал его своим духовным отцом. Отец Иннокентий напутствовал сего блаженного старца Таинством Покаяния и в жизнь вечную; по представлении же его служил по нем в скитской церкви сряду с лишком 20 дней заупокойные литургии, а через несколько месяцев после сего и сам отозван был Господом в горние обители. Как бы предчувствуя близость своей кончины, отец Иннокентий принес в дар упокоившему его на старости лет скиту остаток прежнего своего достояния, устроив тайно в скитскую церковь на местные иконы Спасителя и Божией Матери сребропозлащенные ризы, коими сии украшены были в праздник Рождества Христова в 1860 году.

А 24 января следующего 1861 года он заболел внезапно упадком сил и болел ровно две недели, не употребляя в это время ни медицинских пособий и почти никакой пищи, подкрепляясь в духе лишь частым причащением Святых Христовых Таин. Строго хранивший безмолвие во все время пребывания своего в скиту, отец Иннокентий в предсмертной своей болезни отворил дверь келлии своей для всех приходивших к нему и, утешаясь общей к нему любовью и уважением братии скита и монастыря, любовно и назидательно беседовал с каждым; притом многим преподал такие наставления, которые ясно показали, что старец недаром жил в безмолвии. Вообще, предсмертные беседы его вполне выразили благодатное настроение духа его и благое уготование к исходу из сей жизни. Когда приготовлялись к совершению над болящим Таинства Елеосвящения, которое и совершено было 4 февраля, один из иеромонахов, обратившись к нему, сказал: "Батюшка, Бог даст, Таинство это послужит вам к исцелению души и тела".— "Верю,— ответствовал отец Иннокентий,— но *овем*, по апостолу, *воня* духовная *в живот, овем же в смерть*" [ср.: 2 Кор. 2, 16], давая сим разуметь, что, веря в спасительную силу Таинства, он тем не менее предчувствует, что оно послужит спасительным напутствием к мирному исходу его души из телесного состава его. Далее, когда старец уже находился в крайнем изнеможении, один из старших братий спросил его: "Не желаете ли чего, батюшка?". Собрав последний остаток сил, он ответил с расстановкой: "*Желаю... разрешитися... и со Христом быти*" [ср.: Флп. 1, 23]. И это были почти последние слова его из его благоглаголевых уст.

Отец Иннокентий скончался о Господе 16 февраля 1861 года на 72-м году от рождения, удостоившись в тот же день поутру последний раз приобщиться Святых Христовых Таин, оставив по себе память с похвалою во всех, знавших доброго старца. Когда пострижен был он в схиму, неизвестно, но можно полагать, что, по исстари заведенному в Оптиной пустыни обычаю, незадолго перед кончиною.

Монах Иннокентий (Горбунов)

(†24 января /6 февраля 1886)

В миру Иван Иванович Горбунов, купеческий сын из города Калуги, получил воспитание в Калужской гимназии. Первоначально поступил в монастырь в 1866 году, когда ему было от роду 35 лет. Там же он пострижен был в рясофор. Послушание его было помогать главному торговцу-монаху торговать в монастырской лавке. Здесь он так был внимателен к себе и так строго оберегал себя от соблазнов, что, продавая однажды какой-то барыне потребные для нее вещи, во время разговора с нею ни разу не взглянул на нее, так что она очень огорчилась на него за это. По времени сему отцу Иоанну пришлось в монастыре подвергнуться некоему искушению: немалое время ему казалось, что от всех съедобных предметов ощущался весьма неприятный запах.

Вместе с тем его смущали бесовские помыслы о безнадежии душевного спасения. Придет, бывало, к старцу батюшке отцу Амвросию и начнет высказывать скорбь свою, что у него никаких добрых дел нет и что он боится невидимых лукавых татей, обвыкших окрадывать людей, ищущих спасения. Но старец его же словами опровергал его опасения. Скажет: "Чего же красть-то? Ведь, говоришь, что доброго у тебя ничего нет. Красть-то нечего". Самому отцу Иоанну покажется смешною эта бесовская философия. Смущение его тотчас пройдет, и он успокоится. Недолго, впрочем, длилось с отцом Иоанном это искушение. По молитвам старца батюшки отца Амвросия оно прошло. После этого он был несколько времени келейником у благочинного монастырского иеромонаха Анатолия (Зерцалова), бывшего по кончине отца Илариона скитоначальником.

Весною 1878 года, когда главный письмоводитель старца иеромонаха Амвросия иеромонах Климент (Зедергольм) скончался и был похоронен, а помощник письмоводителя в то время заболел и отправлен был в монастырскую больницу, рясофорный монах отец Иоанн Горбунов 3 мая переведен был из монастыря в скит и занял должность письмоводителя при батюшке отце Амвросии. Кроме того, он заведовал скитскими синодиками. Здесь он в 1879 году 24 июня, на праздник Рождества святого Иоанна Предтечи Господня, в скитской церкви пострижен был отцом игуменом Исаакием в мантию, причем дано было ему новое имя — Иннокентий. Весьма отличался он кротостью и тихостью. Здоровья вообще был слабого. Медленная чахотка мало-помалу подтачивала его слабые силы. Осенью 1885 года отец Иннокентий уже сильно заболел и потому 27 декабря сего года был особорован святым елеем. Он постепенно таял как воск, так что к концу жизни, по обычному выражению, у него остались только кости да кожа. 23 января 1886 года, накануне кончины, он в последний раз приобщен был Святых Христовых Таин, а на другой день утром в 7 ½ часов мирно почил о Господе от трудов и болезней своих, прожив в обители 20 лет; а всей жизни его на земле было около 55 лет.

Монах Иоанн (Скорняков)

(†26 марта /8 апреля 1870)

В миру Иван Алексеевич Скорняков, 2-й гильдии купеческий сын города Великие Луки Псковской губернии. Поступил в скит в число послушников 6 марта 1864 года от роду 20 лет. С декабря 1864 года отправлял в скиту должность главного повара. 3 марта 1866 года указом Духовной консистории определен в число братства, а 14 августа того же года пострижен в рясофор. В октябре того же 1866 года уволен был от поварского послушания и помещен в келлию бывшего до него садовника отца Николая (Скрипкина) (который впоследствии, будучи пострижен в мантию с именем Никодим, перешел в

монастырь и там скончался). Занимался отец Иоанн в келлии рукоделием токарным, искусно вытачивал солонки, подсвечники и подобные мелкие вещицы, которые относились им скитоначальнику, а этим последним раздавались в подарок почетным посетителям. В апреле 1867 года назначен в скиту садовником.

В начале лета 1867 года открылись у него признаки чахотки. Между прочим пожелал он съездить на родину повидаться со своими братьями. Но не на радость для него было это свидание. Приехавши домой, он застал братьев своих во взаимной вражде и, как ни старался, примирить их не мог. Так и уехал в скит с великой скорбью по причине немирствия братьев своих. Эта скорбь ускорила развитие чахотки у отца Иоанна. Но он летом все-таки был на ногах и чувствовал себя довольно легко. Только лицо его было чрезмерно бело — прежнего легкого румянца в нем как ни бывало — и несколько припухло. Потому братия в шутку называли его: "Отец Иван сдобный" или "мягкий". Иной брат, бывало, заметит ему: "Отец Иван! Что-то ты плох становишься?". А отцу Ивану воображалось наоборот. Ответит бывало: "А мне думается, что я поправляюсь". Однако к осени болезнь у него так усилилась, что в сентябре 1869 года он переведен был из скита в монастырскую больницу, бывшую при Владимирской церкви. 3 февраля 1870 года он был там особорован святым елеем и келейно пострижен в мантию без перемены имени. Часто был напутствован Святыми Таинствами и наконец 26 марта, во втором часу пополудни, скончался мирно христианскою кончиною в четверток 5-й седмицы Великого поста. 28 марта в субботу Похвалы Богородицы пред обедней тело его перенесено было из больницы в скитскую церковь и после литургии, по совершении над ним обычного отпевания, похоронено на скитском кладбище.

Спустя несколько времени после кончины отца Иоанна (Скорнякова) земляк его, тоже скитский монах рясофорный, отец Иоанн (Побойнин) рассказывал следующее: "Сходивши однажды, по скитскому порядку, на утреннее правило и возвратившись в свою келлию, я прилег на койку отдохнуть. Не успел я еще глаза сомкнуть, как слышу под дверью голос покойного отца Иоанна (Скорнякова). Творит обычную молитву: "Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас!" Отвечаю: "Аминь". Голос продолжает: "Благословите войти". Отвечаю: "Бог благословит". Смотрю — отворяется дверь, и входит покойный отец Иоанн. Спрашиваю: "Отец Иоанн! Ведь ты умер?" Отвечает: "Да, умер, но только телом". Еще спрашиваю: "Ну, как тебе там?" Отвечает: "Прежде было очень хорошо, а теперь похуже".— "Как ты проходил мытарства?" — "Милостью Божией счастливо. Но только за кутью уже и трепали меня!"". Это вот почему. Когда покойный был поваром, случалось, нередко готовилась кутья к панихиде по ком-либо из братий или благодетелей. Кутья эта после того относилась к повару, который по окончании обеда и по возглашении вечной памяти усопшему обносил по всем братиям, которые обычно и вкушали понемногу. Отец Иоанн, как очень любивший кутью, старался по возможности оставлять для себя в сравнительно большом количестве. Если кто из братий опаздывал прийти почему-либо в определенное время в трапезу и попросит, бывало, ложку кутьи помянуть покойника, отец Иоанн и совсем отказывал: "А где же ты, брат, был?". Вот за это-то и трепали душу его на мытарствах. Спрашивали некоторые из братий отца Иоанна (Побойнина): "Как же ты это видел — во сне или наяву?". Отвечал: "Сам не понимаю, наяву ли то было или во сне, но только так живо, что как будто я говорил с ним наяву".

Схимонах Иоанн (Чернов)

(†27 декабря 1887 /9 января 1888)

В миру Иван Тимофеевич Чернов. Из крестьян Владимирской губернии и уезда. Впоследствии военный запасный писарь Московского окружного инженерного управления, старшего разряда. Служил в военной службе 6 годов. Поступил в скит, по записям монастырским, в феврале, а по надгробной надписи — в марте 1886 года 28 лет. Послушание проходил в кухне помощником повара и вместе был певчим, пел на левом

клиросе первым высоким тенором. По причине болезни в июне 1887 года переведен из кухни в келлию, а из оной в ноябре того же года перешел в монастырскую больницу, где пособорован и пострижен в схиму. Болел чахоткой более полугода. Перед кончиной напутствован Святыми Таинами смотрителем больницы иеромонахом Рафаилом.

Скончался 1887 года 27 декабря в 10 часов вечера. Тело его перенесено было в скит и там 29 декабря после литургии погребено на скитском кладбище братским духовником и скитоначальником иеромонахом Анатолием. Царство ему Небесное!

Послушник Иоанн

(†18 ноября /1 декабря 1834)

В скитской летописи о нем имеются следующие сведения: "18 ноября 1834 года умер в скиту работник Иван, крестьянин села Верхних Прысков, 50 лет; два года работал в скиту, был добрый и тихий человек, погребен в скиту". Вероятно, за доброту и кротость скитяне включили своего рабочего в число послушников. Да успокоит Милосердный Господь душу его в селениях праведных!

Схимонах Иоанникий (Королев)

(†8/21 августа 1918)

В миру Иван Павлов Королев. Родился 7 мая 1872 года. Холост. До 4 января 1900 года значится Московским 2-й гильдии купеческим сыном; а с 4 января 1900 года — Московским мещанином Хамовной слободы. Обучался у причетника чтению и письму. Поступил в скит Оптиной пустыни 1895 года 26 сентября на праздник преставления святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. В рясофор пострижен в 1897 году, указом консистории определен в число братства 1901 года 22 марта. В монашество пострижен в сей Оптиной пустыни 1905 года 24 июня на праздник Рождества святого Иоанна Предтечи. В 1901 году проходил в скиту послушание трапезного, а потом — разные. В последние годы был письмоводителем скитоначальника. Годов за 15 до смерти по благословению старца иеросхимонаха Иосифа принял келейно постриг в схиму. Постригал живущий на покое архимандрит Агапит.

Аттестация в списке за 1903 год: "Качеств хороших. К послушаниям по слабости здоровья малоспособен". За 1905 год и дальше: "Качеств хороших и к послушанию способен". Скончался 1918 года 8 августа в своей келлии в скиту и погребен 10 августа на скитском кладбище. Отпевание и погребение совершал скитоначальник игумен Феодосий соборне с иеромонахами: монастырским — Моисеем и скитским — Зосимой. Иеродиаконствовал Пантелеимон — скитянин.

Иеромонах Иов

(†14/27 января 1843)

Отец Иов — из тульских оружейников, отличался прямотою характера и ясным взглядом на вещи. В 1813 году он сначала в своем городе Туле поступил в архиерейский дом к Преосвященному Амвросию (Протасову), известному даром красноречия, в бытность сего последнего Тульским епископом, и оставался при нем неотлучно до самой его кончины, переходя за этим святителем в разные епархии: Симбирск, Казань и, наконец, в Тверь. Был его духовником и заслужил его благорасположение. А в 1832 году по кончине своего благодетеля архипастыря Амвросия отец Иов из Тверского Архиерейского дома перешел в Оптинский скит. С умилением свидетельствовал он о смирении сего приснопамятного святителя Божия, который, ища себе душевной пользы, оказывал ему, простому старцу, сыновнее послушание, испрашивал у него в разных случаях советов и дорожил ими, как основанными на слове Божием и отеческих писаниях, не лишенными и личного духовного опыта, и не только не возбранял, но и просил говорить себе правду в глаза, постоянно проверяя тем свои действия.

Всего прожил в монастыре отец Иов приблизительно 30 лет. Скончался мирною и тихою кончиною на 81-м году от роду 1843 года 14 января. Памятью его трудолюбия осталась в монастырской библиотеке замечательная рукопись "Свод Четвероевангелия по четырем старопечатным Евангелиям Патриархов: Филарета, Ермогена, Иосифа и Никона, составленный в обличение раскольнических суемудрых толков о мнимой порче церковных книг при Патриархе Никоне". Писана полууставом в лист.

Монах Иосиф

(†30 апреля /13 мая 1827)

На 21-м году своей жизни поступил он в Оптинский скит в начале 1823 года из калужских мещан и прожил в скиту всего только четыре года и три месяца. Более года был болен чахоткою и, вероятно, келейно был пострижен или в мантию, или, по крайней мере, в рясофор, как принято в Оптиной пустыни постригать в предсмертной болезни молодых послушников. Скончался 30 апреля 1827 года 25 лет от роду.

Схимонах Кирилл (Мусатов)

(†25 апреля /8 мая 1892)

В миру Константин Сидорович Мусатов. Из крестьян Рязанской губернии Данковского уезда, села Юросопова. Поживши прежде несколько месяцев в скиту, он возвратился на родину и там проводил монашескую жизнь. Потом, когда ему исполнилось 76 лет от роду, он опять прибыл в скит 9 мая 1889 года, был келейно пострижен в мантию 30 марта 1890 года в Великий Пяток, причем ему было благословлено ходить в рясофоре. Когда старец иеросхимонах Амвросий переехал из скита в Шамординскую общину, отец Константин перебрался туда же и до самой кончины старца находился при нем, помогая его келейникам. В январе 1891 года в Шамординской обители пострижен был в схиму, получил новое имя — Кирилл. По кончине старца Амвросия он возвратился в скит, где и скончался 25 апреля 1892 года 79 лет от роду, был напутствован всеми христианскими Таинствами. Похоронен на скитском кладбище.

Иеродиакон Кирилл

(†23 сентября /6 октября 1872)

23 сентября 1872 года в пятом часу пополудни, в то самое время, когда тело скитского иеромонаха отца Илария (Гурьянова) выносили из келлии в церковь, три удара большого монастырского колокола возвестили о кончине иного собрата — монастырского иеродиакона Кирилла. Этот блаженный, кроткий и трудолюбивый инок однажды видел в храме Божием дивное и назидательное видение. Оно в свое время в слове его было записано и приписано некоему благочестивому афонскому иноку, но это потому, что отец Кирилл не желал тогда открывать своего имени. Так как видение это интересно и назидательно, то мы и считаем нелишним ознакомить с ним благочестивых читателей. Вот то самое сказание:

"Молитвами Божией Матери души умерших переходят свободно через пропасть, находящуюся пред входом в Небесные обители.

Марта 7 дня 1859 года, вставши в полночь, чтобы идти в церковь к утрени, и пришедши в оную, когда братия читали полунощницу, стал я в форме[71] на свое место и размышлял, как Спаситель наш пришел в мир сей и, воплотившись от Пресвятой Приснодевы Марии, принял столько трудов от любви к человекам. Находясь в своих мыслях и чувствованиях, я пришел в столь сильное умиление, что слезы, как ключи воды, текли из глаз моих; при сем произнес умственно молитву Иисусову: "Господи, Иисусе

[71] Формы, иначе стасидии — специальные сидения для братии в манастырских храмах с откидывающимися досками. Распространены в греческих монастырях.— *Ред.*

Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешнаго!" — и пришел в большее еще умиление; и любовь к Богу пылала в сердце моем, как огонь.

В это время вижу я лестницу, которой один конец начинался в моем сердце, а другой досягал до небес; и хотя видел я церковь и братию, читавших правило утреннее, а сам не мог молиться и, опустивши в форме доску, сел на оную. В эту минуту уже ничего не видел я внешнего, ни церкви, ни братии; а увидел прекрасный луг, освященный столь лучезарным светом, что, казалось, он происходил от многих солнцев; причем сей луг испещрен был цветами необыкновенной красоты. Смотря с удивлением на сей луг, которому подобного я никогда не видел, и не постигая, как зашел на оный, увидел на нем множество мужей, кои все были в монашеском одеянии; на главах их были венцы, сияющие необыкновенной красотой (монашеское же одеяние на них было не черное, а белое светозлатосияющее).

Идя по сему лугу, увидел я другое собрание. Тут все были молодые, и одеяния на них были воинские. Когда я подошел к ним ближе, они отошли от меня и говорили между собою, как бы в один голос: "Кто из нас желает взять этого брата и довести до Царя?". Тогда один из них воин, как бы полководец, величественного и мужественного вида, превосходивший прочих всех славою и светом, как луна между звездами, сказал: "Я возьму его и провожу,— и назвал меня по имени. — Вы знаете,— продолжал он,— как он любит меня и молится мне и что много раз я ходатайствовал у Царя за его душу?". Услышавши это, я подумал: "Кто таков этот воин, которому подобного в красоте и величии никогда я не видел, и как он знает мое имя?". Тогда воин, приблизившись ко мне, сказал: "Брат! — и назвал меня по имени.— Я знаю, что ты любишь Царя и меня любишь, а поэтому я провожу тебя к Нему". На что я отвечал ему, что я недостоин видеть Царя, и какой это Царь, о котором говоришь? — "Ты спрашиваешь,— сказал воин,— какой это Царь, а между тем, не зная, Его любишь, а также любишь и меня, хотя и меня не знаешь; а поэтому и должен идти со мною к Царю".

Не находя слов отвечать ему, я пошел за ним по тому лугу, который видел, и думал: "Какой это воин, который меня так любит и так много для меня делает?". И я хотел спросить его имя, но посовестился, и думал, что узнаю после. Спустя немного времени окончился этот луг, направо коего я увидел две высокие стены и посредине их весьма узкую дорогу. Воин пошел по этой дороге прямо, а я боялся. Заметя это, он остановился и сказал: "Брат, для чего ты боишься идти за мною? Знай, что этот страх происходит оттого, что ты не творишь Иисусовой молитвы: Господи наш, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго,— которую всякий христианин должен творить при каждом своем дыхании".

Услышав это, я начал умственно читать сию молитву, и вдруг разлилось в душе моей великое умиление; и сама молитва начала изливаться в душе моей, и сделалось мне не только мирно и спокойно, но и сердце мое начало пылать и гореть любовью к Богу; посему весь страх и боязнь от меня совершенно отошли. Воин, остановясь, сказал: "Брат, вижу, что теперь тебе спокойно. Если хочешь всегда иметь мир, какой имеешь теперь, не должен быть ленивым, но часто творить молитву Иисусову. И всякий человек, который хранит сию молитву, очищается в душе от всякого греха и вкушает сладость любви Божией, как и ты теперь вкусил оной; но доселе ты обленялся и оставил совершенно сию молитву; посему приказываю никогда не оставлять ее и каждый вечер исповедовать духовнику все свои помыслы, хорошие и худые". Сказав это, он пошел прямо по узкой дороге, а за ним последовал и я.

Когда мы дошли до середины дороги, я увидел наверху стены большой крест; и воин, поклонившись три раза кресту, сказал тропарь: "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и Святое Воскресение Твое славим". По учинении сего он сказал мне, чтобы и я сделал то же, что он делает, и после сего пошел далее. Продолжая путь, вскоре пришли мы к концу дороги, на краю коей увидел я великую пропасть, которая не имела конца и пределов со всех сторон, а внизу оной была темная бездна. Смотря на эту пропасть, увидел я в

чрезвычайной дали высокие горы, досягающие неба, и чрез сию пропасть как бы мост, состоящий из одной узкой круглой жерди, не более кругом как только в одну четверть, и укрепленную одним концом в один конец дороги, а другим досягающую до горы и колеблющуюся как бы древесный лист от сильного ветра.

Видя, что воин намеревался идти прямо по этой жерди, я смотрел на правую сторону и на левую, ища, не попадется ли прохода безопаснее этой жерди. Заметив это и упрекнув, что я не творю молитвы и оттого опять смутился и пришел в страх, воин мне сказал: "Подай мне руку". И когда я подал ему оную, мы пошли по жерди, которая колебалась под нами как нить; отчего я, опять пришедши в смущение, не мог идти дальше. Воин, посмотрев на меня, сказал: "Брат, здесь надо призывать имя Божией Матери, Она здесь много помогает!". Услышав это, я в то же время начал взывать: "Пресвятая Богородице, помоги мне!". И вдруг боязнь, которую я чувствовал, удалилась, и я пошел за воином безбоязненно. Спустя немного пропасть эта кончилась, и мы достигли какого-то города. Здесь воин остановился и сказал: "Брат, теперь мы прошли все опасности". Я, смотря на город и видя множество дерев растущих, похожих на масличные, думал: для кого так много растет этих деревьев?

При входе в город воин хотел оставить мою руку; но я не выпускал ее из его руки и от великой любви, которую ощущал к нему, удерживал его руку. Когда мы дошли до средины города и средины горы, я, немного остановившись, смотря вокруг себя и во все стороны, увидел пред собою еще большую гору, по которой мы пошли далее. Взойдя наверх горы, увидел я большие врата, отворенные на Восток. Воин, осенив себя троекратно знамением святого креста, приказал и мне то же сделать и пошел во врата, а за ним последовал и я. При вступлении во врата увидел я поле, которому конца не было видно, и оно расстилалось подобно небу, в бесконечность; и лучезарный свет в сем поле был так силен, что казалось, оно освещено было многими солнцами. Самая красота поля и цветов, коими оно было испещрено и усеяно, превосходила не только мною доселе виденное, но и ум человеческий не может вообразить подобных красот.

Когда я, все это видя, помышлял, что желал бы навсегда остаться в сих местах, воин сказал: "Брат, ты думаешь, что желал бы здесь остаться; но тебе должно еще увидеть и другие страны, несравненно лучше этих, а потом увидишь и Самого Царя!". Когда опять пошли мы далее, увидел я большое собрание мужей, число коих было так велико, что глаз не мог обозреть бесчисленность оных; они были все в монашеских одеяниях, но одежды их были не черные, а светлые, а на главах их венцы; лица их сияли как солнце. Они все говорили воину: "Радуйся, святый великомучениче Георгие! Благо, что пришел ты сюда!".— "Радуйтесь и вы,— отвечал святой Георгий,— и я радуюсь видеть вас, угодники Божии".— "Святой Георгий,— сказали они ему,— ты споручник и попечитель души этой. Этот монах был прежде хорош, а теперь стал ленив к молитве". И, смотря на меня, сказали: "Брат! — и назвали меня по имени.— Как случилось, что ты прежде был усерден, а теперь стал ленив? Ты хорошо знаешь, что если человек живет на земле и 100 лет и наслаждается всеми благами роскоши, пресыщения и удовольствия, не заботясь о душе своей, но придет час смерти; тогда (видел пропасть, через которую вы проходили?) эта пропасть поглощает всех, живущих в нерадении и лености, и ходящих по воле сердец своих, и пребывающих без покаяния, как ты пребываешь в лености. Рассмотри, как ты прежде был высок и с какой высоты ниспал и сделался недостойным пребывать в сих местах Царствия Небесного, в котором мы обитаем теперь". Потом, обратясь к святому Георгию, сказали: "Георгий, возлюбленный Христом! Сопутствуй душе этой и доведи ее до Царя; и мы будем заботиться и молиться о ней".

После этого пошли мы полем; тогда я вспомнил, как путеводитель мой в первом поле, когда я только что увидел его, говорил о мне своим собратьям воинам: "Я знаю, как он любит меня и как молится ко мне". Вспомнив это, я упал ему на шею и, нежно обнимая, не имел сил удержать чувств моих и долго лобызал лице его. После сего, взявши его за руку, пошел с ним далее и увидел другое собрание мужей, также в монашеских

одеждах; но сияние от одежд их было так лучезарно и венцы на них блистали так светло, что я не мог смотреть на них и переносить блеска их; число сих святых было очень мало. Тогда я святому Георгию сказал: "Святой Георгий! Какие дела совершили на земле эти святые, что они столь превосходят красотою и сиянием тех, коих я видел доселе здесь?". На что святой Георгий отвечал: "Брат, это души монахов, живущих на земле в настоящее время. Они без наставников и учителей, руководствуясь одними только Писаниями и учением древних отцов и подражая им, совершили подвиги их жизни; и за то Господь прославил и возвеличил их в Царствии Своем".

Тогда я сказал: "Святой Георгий! Теперь уже истощились на земле такие святые, и есть ли еще таковые в наше время?". Святой Георгий отвечал: "Очень мало теперь на земле святых, всё более злые люди. Любви нет, вместо любви ненависть; веры мало, вместо правды царствует ложь, сердца к Богу охладели, и ничего нет для них труднее, как спасение своей души,— все любят суету. Мало, очень мало тех, которые любят спасение и заботятся, как прежние святые, о спасении души своей; а которые и любят спасение, теперь им этот путь очень тяжел и труден!". Сказавши это, святой Георгий замолчал; и мы молча продолжали путь.

Спустя немного я увидел на Востоке большие палаты, подобные дворцам. Они были так пространны, что и конца им не видно было. Из этих палат разливался сильный свет, который распространялся на всю окружность и освещал сиянием необыкновенного света здания сих палат. Красота, архитектура, форма и размеры их были такой восхитительной и необыкновенной красоты, что ум человеческий не может вообразить такого вида, и были все как бы из чистого золота. Когда я спросил святого Георгия: "Какие это дворцы и палаты?", он отвечал: "Царские, в которых обитает Царь". Засим подошли мы к сим вратам дворцов. Для входа во дворцы ворота были отперты. Я, подражая святому Георгию во всем, последовал за ним.

Когда мы вошли во врата, то представилась нам большая ограда, со стены которой виден был весь дворец и все палаты. Прямо перед нами были другие врата. Когда мы вошли в сии другие врата, увидели большой и необыкновенной красоты коридор, который был прямо от ворот, по коему ходили множество мужей в монашеском одеянии багряного вида, как бы самая чистая кровь; в правых руках держали они кресты, а в левых — финиковые ветви. На главах их были венцы необыкновенного сияния, а лица блистали как молния. Вот они подошли к нам и сказали: "Святой Георгий! Ты взял эту душу под свое покровительство; когда же приведешь ее к нам и водворишь у нас?". Святой Георгий отвечал: "Когда угодно будет Богу".

В конце коридора были большие двери; они были украшены драгоценными блестящими каменьями, которым подобных я никогда не видал. Направо от дверей был образ Господа Иисуса Христа, а налево — образ Божией Матери. Святые с молниезрачными лицами сказали мне: "Брат, почему ты не подвизаешься и не трудишься для спасения души своей? Мы давно тебя здесь ожидаем". Сказавши это, они взяли меня на руки, как бы младенца, и поднесли к дверям, против образа Божией Матери, и все, и я с ними, и святой Георгий запели: "Достойно есть, яко воистину" — весь стих этого славословия Божией Матери. Когда они это пели, то каждое слово запечетлевалось в моем сердце. А по окончании пения все положили земные поклоны перед образом Божией Матери и прикладывались к образу Ее.

Потом сказали мне: "Мы это делаем для тебя, чтобы ты не думал, что это видение от врага — прелесть, но что Бог, по милости Своей, благоволил удостоить тебя видеть все это для блага души твоей". Сказавши это, они удалились, и я остался один со святым Георгием против дверей. Двери немедленно отворились без помощи рук; великий свет пролился из дверей, и слышан был глас: "Велика милость для сынов человеческих!". Сквозь отворенные двери я увидел огромную церковь, красота и великолепие коей превосходили все, что только может вообразить прекрасного ум человеческий. Среди Церкви был Престол наподобие царского, на коем восседал Сам Спаситель. Облачение на

Господе было архиерейское, а на Божественной главе Его была возложена корона, наподобие венца царского. Вид Его Божественный был юный — тридцатилетнего мужа. Вокруг Престола предстояло множество святых, из коих одни были в одеждах иеромонашеских, а другие — в монашеских. Свет Лица Господня сиял и превосходил сиянием сто тысяч солнцев; или сказать более, что неисчисленное число солнцев не может сравниться со светом Его Божественного Лица и всего Его Божества. Свет, от Лица Господня происходивший, изливался и на всех предстоящих Ему святых и так сливался в одно целое, что невозможно было распознать отдельно сияние лика святых, окружающих Его и освященных Его светом.

Святой Георгий подошел прямо ко Господу; но я не мог последовать за Георгием и, чувствуя страх, остановился. Святой Георгий, обратясь ко мне, спросил, для чего я не приближаюсь ко Господу? На что Господь сказал: "Он этого не достоин". Святой Георгий один приблизился ко Господу, и все святые, окружавшие Господа, поклонились Георгию, подобно тому, когда великий полководец приближается к царю земному, все окружающие царя кланяются ему и отдают честь. Сам Господь, когда приблизился к Нему Георгий, встал с Престола и, отверзши объятия, лобызал его чело и сказал: "Хорошо, что ты пришел ко Мне, возлюбленный Мой!". Сказавши это, Господь воссел опять на Престол; а Георгий, сделав три поклона, облобызал ноги Господа и сказал: "Господи, Ты много возлюбил род человеческий и для искупления и для спасения оного пролил всю Божественную кровь Свою; прости и сию душу и сподоби ее быть достойною приблизиться к Тебе". Господь отвечал: "Я не допущу до Себя этого монаха; он прежде был хорошей жизни, но теперь сделался ленивым. Я много даровал ему даров: другие праведники работают и трудятся для Меня 30 или 40 лет, но Я не даю им подобных даров, каковыми удостаивал этого монаха". На что святой Георгий сказал: "Господи, Ты ведаешь, каков теперь мир, каковы люди — слабые, немощные — не таковы, каковы были прежде. А когда кто из настоящих людей захочет подражать древним святым, другие, некоторые даже духовники и старцы, говорят, что теперь не то время; прошли времена, когда предпринимали такие подвиги".

Господь ответствовал: "Я знаю все, знаю, что на земле мира нет, веры мало, любви не стало; на земле царствует ложь и ненависть; не только живущие в мире, но и монахи, иеромонахи, духовники, наставники и старцы ходят по стезям неправды и вторично Меня распинают. Я много терпел и терплю, ожидая их покаяния и исправления. А этот брат, хотя Я ущедрял его Моею любовью, но он проводил дни в лености. И заботился душою только о временной жизни и о теле. Я много раз призывал и говорил ему; он слышал глас Мой и открывался духовнику, который говорил ему, что это глас от Бога; но он, не внимая этому и не заботясь о Моем глаголе, оставил свои прежние труды, а потому и недостоин прощения". Когда я услышал эти слова Господа, был объят таким страхом и трепетом, что с ужасом ожидал, что Господь повелит низвергнуть меня в ад; но любовь ко Господу, которая прежде наполняла мое сердце, скоро изгнала страх оный. Святой Георгий сказал: "Господи, Ты видишь, что я всю кровь пролил из любви к Тебе; ради моей крови отдай мне этого брата, прости его и удостой приблизиться к Тебе". Тогда Господь милостивым оком и веселым лицом взглянул на Георгия и, взявши его за руку, сказал: "Да будет тебе, якоже ты хощеши".

Георгий встал, а Господь взял сосуд, наполненный чем-то красным, как бы кровью, и держа его в руке, а десницею благословляя, сказал: "Возьми этот сосуд и дай этому брату". Святой Георгий взял и, подошедши ко мне, сказал: "Осени себя троекратно знамением святого креста и пей из этого сосуда". Когда я пил из этого сосуда, не знаю, что было в нем, но так было сладостно, что во всю жизнь я не вкушал ничего подобного, и сердце мое запылало в ту же минуту любовью к Богу. Я видел, как святой Георгий, взявши от меня сосуд, передал его Господу уже пустым; в нем не осталось уже ничего; и не стало во мне страха и боязни; и я сам, без посредства святого Георгия, приблизившись ко Господу, повергся к Божественным стопам Его и, лобызая оные, плакал несколько

времени. После сего Господь сказал: "Георгий! Возьми этого брата и иди с ним на землю; он должен потрудиться, чтобы сделаться таким же, как был прежде, и очиститься, как злато в горниле огненном; и после сего Я приму его сюда. Если же пребудет в такой же лености, как был в это время, то он сам видел пропасть, которая поглощает тех, которые живут нерадиво и лениво, и не трудятся для Бога, и не приносят плодов покаяния".

После сих слов Господа святой Георгий взял меня за руку; и он, и я, сотворив по три земных поклона пред Господом и облобызав Его, отправились в обратный путь, и двери за нами затворились. Когда мы вошли опять в тот коридор, то все святые в багряных одеждах приблизились к нам; и когда я сказал святому Георгию, что желал бы навсегда остаться в этих местах, он мне сказал, что того сделать невозможно, потому что Царь повелел, чтобы ты прежде очищен был, как злато в горниле. И святые в багряных ризах говорили мне: "Брат! Спеши очистить душу твою подвигами и трудами, и мы будем ожидать тебя; помни ту пропасть, которая поглощает живущих в лености". Просили также святого Георгия, чтобы он заботился о моей душе, обещая, что они и сами будут молиться обо мне ко Господу.

После сего мы пошли далее и прошли и врата, и ограду, а также и другие врата, вошли в поле, где опять увидел я тот небольшой собор святых, превосходивших прочих красотою и величием, которые были души монахов настоящего времени. И я, смотря на них прилежно, старался заметить, не увижу ли посреди их кого-либо из известных мне лиц, но не видел ни одного. А сердце мое преисполнено было такою любовью к святому Георгию, что вся душа моя соединилась с ним. Продолжая путь и прошедши поле, мы достигли горы. Гора эта была так прекрасна, что мы долго утешались ею и, смотря на растущие на ней масличные деревья, восхищались зрением их красот; причем смотрел я со страхом и [на] ту пропасть, которая была под горою.

Спустившись с горы, когда подошли мы к жерди, перекинутой через сию пропасть в виде моста, святой Георгий взял меня за руку, и я пошел за ним без страха. Когда же достигли мы средины пропасти, святой Георгий остановился и сказал: "Брат! Видишь ли, сколькими милостями и каким благодеянием награждает Господь твою душу? Смотри, не забывай, что видел; подвизайся, не будь ленив и нерадив; приготовляй себя быть достойным опять вкусить из Божия сосуда; Матерь Божия и я будем твоими заступниками". После сего, осенив меня по лицу три раза крестным знамением, стал невидим. Я же остался один посреди пропасти на жерди, которая колебалась подо мною как нить; причем я слышал из пропасти множество голосов, которые вопили: "Пойдем, возьмем этого монаха,— называя меня по имени,— теперь ушел от него святой Георгий, и он остался один; поспешим взять его; видите, что он один хочет по узкому дереву перейти через эту пропасть!". Слышал я и гром из этой пропасти и, ужаснувшись, возопил: "Господи! Какая душа может перейти через эту пропасть без испытаний и опасностей!". Тогда услышал я с неба глас, говорящий подобно грому: "Добрые дела помогают перейти через эту пропасть, или когда Матерь Божия молится за какую душу — тогда только душа эта спасается от этой пропасти". Услышав это, я возопил: "Матерь Божия и святой Георгий! Помогите мне грешному!". Тогда, пришедши в себя, увидел я опять свою церковь и братий, оканчивающих утреню".

Схимонах Леонид (Бочаров)

(†4/17 декабря 1853)

Родился в 1783 году 18 июля от православных родителей Тихона и Евдокии Бочаровых, мещан города Карачева Орловской губернии, и в крещении наречен Иакинфом. На 22-м году от рождения проездом из Киева молодой Иакинф заехал в Чолнский монастырь Карачевского уезда, где тогда подвизался подвигом добрым дядя его по матери, схимонах Феодор, постриженик Молдо-Влахийского Нямецкого монастыря, ученик великих старцев, архимандритов сего монастыря Паисия (Величковского) и Феодосия, переселившийся в Россию в 1801 году. По его же совету и убеждению Иакинф

решился посвятить себя служению Богу в чине иноческом. Оставшись при старце-дяде, он ревностно стал внимать его наставлениям и скоро привязался к нему искреннею любовью.

Спустя шесть месяцев по поступлении в монастырь, в 1805 году, вслед за отцом Феодором Иакинф перешел в Белобережскую пустынь Брянского уезда в своей губернии. Здесь он в 1807 году так тяжело заболел, что не было надежды на его выздоровление, и потому был особорован святым елеем. Таинство совершил строитель обители отец Леонид, причем он постриг больного в рясофор, дав ему новое имя — Иоанникий, приготовляя таким образом к переходу в вечность. Впрочем, больной оправился от болезни без особых врачебных пособий. В 1808 году отец Иоанникий был пострижен в мантию уже без перемены имени. Восприемным его отцом при постриге был сам строитель отец Леонид, находившийся в тесном духовном союзе о Христе Иисусе с его старцем отцом Феодором, которого и вызвал из Чолнского монастыря в Белые Берега для купножития. В Белых Берегах отец Иоанникий сначала полтора года состоял келейником у строителя отца Леонида, а потом порядно проходил послушания просфорника, свечника и пономаря. Все эти трудные послушания, как он сам говорил, казались ему легкими при руководстве столь опытных в жизни духовной старцев, каковы были схимонахи отец Феодор и отец Леонид, которым и в то время не много было равных среди русского монашества. Отец Феодор отеческим, согретым духом истинной любви о Христе, обращением с учениками, а главнее всего — личным примером умел поддержать в них спасительную ревность к трудам постничества. "Трудитесь, учитесь, братия,— часто говаривал он им,— придет время (сие впоследствии отец Иоанникий относил к себе), и рады были бы сделать что-либо для Господа и своего спасения, да уже сил не будет". Слова эти отец Иоанникий с самоукорением вспоминал в то время, когда лишился зрения.

В Белых Берегах предлагали ему посвящение в иеродиакона, но, по совету своего наставника, отца Феодора, коему оставался верен до самой кончины, он решительно отказался от принятия сего сана, твердо держа в памяти иносказательный отзыв о сем своего старца. "Держитесь,— так говорил старец своему ученику,— пока на горе, а очутишься под горой, некогда будет держаться!". То есть уклонись от санов вначале, а если согласишься принять сан иеродиакона, то иеромонахом, а потом и начальником скита сделают уже против воли, не спрашивая согласия. Можно полагать, что на молодого инока кроме совета старца немало подействовал и пример его восприемного от пострижения отца, иеромонаха Леонида, добровольно сложившего с себя настоятельскую должность для удобнейшего прохождения подвигов в сожительстве с отцом Феодором.

Обстоятельства разлучили на некоторое время отца Иоанникия с его дядею и духовным наставником, который в 1809 году переселился в северные пределы России: сперва провел три скорбных для него года в Палеостровской обители, а потом в 1812 году перешел на жительство в скит Валаамского монастыря, куда за год до него переселились из Белобережской пустыни прежние его сожители, отцы Леонид и Клеопа. Когда оставшиеся в Белых Берегах ученики отца Феодора узнали, что он основался на жительство в Валааме, тогда и они понемногу потянулись туда. В числе их и отец Иоанникий имел радость присоединиться к отцам своим уже в 1814 году. По прибытии его на Валаам он был там просфорником, потом два года декарем, а в 1821 году по воле настоятеля отправлен был в Петербург на монастырское подворье, где три года исправлял должность эконома. В 1824 году 29 февраля, уже по выходе из Валаамского скита старцев Феодора и Леонида, отец Иоанникий перешел в Александро-Невскую Лавру, где и пробыл до 1834 года. Почти все это время он состоял при продаже свечей. А известно, что послушание это поручается лишь доверенным и опытным из братии. В это время отец Иоанникий имел случай сблизиться со многими купеческими домами, в которых, как ученик славного по жизни старца, пользовался особым уважением. Особенно он был близок с домом купца П. В. Лесникова.

В 1834 году отец Иоанникий, почувствовав влечение к прежней пустынной жизни, подал прошение о перемещении его в число братства Оптиной пустыни, куда и был

переведен указом от 19 апреля того же 1834 года, и поселился в скиту, где тогда пребывал со своими учениками и его духовный отец старец иеромонах Леонид (в схиме Лев), бывший строитель Белобережской пустыни. В 1842 году указом от 1 июня на основании определения Святейшего Синода он по старости лет был исключен из штата, а в 1849 году по приглашению игумена Тихоновой пустыни отца Геронтия, с которым был весьма близок, 7 октября переместился на жительство к нему в Тихонову пустынь. Здесь, по настоятельному убеждению отца Геронтия, он в 1851 году 31 марта принял постриг в схиму и в память своего старца отца Леонида (скончавшегося в 1841 году) наречен Леонидом.

В 1852 году новый схимник, посетив Оптину пустынь, подал отсюда прошение к Преосвященному Григорию о дозволении окончить поприще своей жизни там, где он провел большую его часть, то есть в Оптинском скиту, поставляя на вид и то, что по слабости своих сил он решительно не может возвратиться в Тихонову пустынь. Владыка дал на сие свое соизволение, повелев указом от 30 октября 1852 года переместить отца Леонида, согласно желанию его, в Оптину пустынь, в число больничных. По прибытии в Оптину пустынь отец Леонид окончательно лишился зрения от темной воды[72] и благодушно принял сие посещение Божие, считая его посланным к очищению грехов юности и неведения, вольных и невольных. Мирно провел он последний год своей жизни. В 1853 году 18 июля старец праздновал окончание 70-го года своей жизни, проживши в монастыре 47 лет. По рассказу покойного старца иеросхимонаха Амвросия, намереваясь пойти к службе церковной или, может быть, на общее молитвенное правило, отец Леонид при сходе с крыльца упал, но так, как будто его сзади кто-то столкнул. Когда случившиеся здесь братия заметили, чтобы он поосторожнее сходил по приступкам, он только проговорил: "Нет, не то!", давая тем разуметь, что это просто было искушение, послужившее для него предзнаменованием близкой смерти.

Отличительной чертой характера описываемого старца была прямота, вследствие которой он был враг всякой хитрости, лести, притворства, пустосвятства. Вследствие того же свойства судил он о людях и вещах и говорил откровенно и прямодушно о том, как они ему представлялись, не изыскивая выражений для смягчения оттенков речи или превращения белого в черное. Наоборот, сам не оскорблялся, когда ему говорили откровенно и прямодушно о том, что касалось до него лично. Присущее русскому человеку радушие осталось при нем до самой кончины. Всякую услугу он любил оплачивать или взаимной услугой, или подарком. К вещам был непристрастен. В келлии имел только самое необходимое: несколько образов, большей частью подаренных от разных духовных лиц, между коими замечательна была Владимирская икона Божией Матери, данная ему в благословение дядею его схимонахом Феодором, привезшим ее из Молдавии, портреты старцев своих отца Феодора и отца Леонида.

До кончины своей старец сохранил быструю память. Знал и любил преимущественно рассказывать о жизни современных ему старцев и вообще духовных лиц; при этих случаях память его была изумительна. Большую часть этих людей он знал лично, о других собирал сведения от достоверных людей. И если бы умел он излагать эти рассказы на бумаге, то в состоянии был бы написать весьма любопытное сочинение по этому предмету.

Чувствуя еще в Тихоновой пустыни ослабление своего зрения, старец подарил бывшему казначею сей обители отцу Ефрему свои книги, коих у него было немало и между которыми замечательна была рукописная книга святого Исаака Сирина, принадлежавшая старцу Феодору; а сам в последнее время питался духовно воспоминанием наставлений старца Феодора, удержавшихся в его богатой памяти и преданном старцу сему сердце. Иногда просил он кого-либо из сожительствующих с ним братий прочесть что-либо из Добротолюбия, говоря на память: "Прочитайте-ка мне вот такого-то отца, такой-то стих". Потом до перехода к другому стиху останавливался и

[72] Темная вода — простонародное название глаукомы.— *Ред.*

задумывался, после чего иногда пояснял прочтенный стих, говоря: "Старец Феодор толковал его вот так",— или приводил в указание при каком-либо случае. К церковным службам отец Леонид был весьма усерден; посещал церковь, пока не слег в постель. И только за месяц до кончины перестал ходить на общее вечернее и утреннее правило, которое ему вычитывал прислуживавший ему брат. Отправляя в скиту несколько лет пономарскую должность, он знал хорошо церковный устав, помнил дни святых и, будучи больным, часто нарочито захаживал к своим соседям с вопросом: "А какого в тот-то день святого память?". Пользуясь этим случаем, он иногда рассказывал сокращенно житие святого или, если был день великого праздника, вспоминал, как в оный правили службу в предшествовавшие годы, кто служил и т. п.

Чувствуя вследствие ослабления сил телесных приближение кончины, отец Леонид пожелал особороваться святым елеем. Таинство это теперь совершено было над ним во второй раз за время пребывания его в монастыре 13 октября 1853 года в 10 часов утра в скитской церкви; после чего силы его телесные несколько оживились, так что он до самой кончины с помощью костыля мог ходить по келлии и только за день до исхода в жизнь вечную слег в постель. До последней минуты жизни он сохранил благоговейное воспоминание о своем духовном наставнике и благодетеле схимонахе Феодоре. Это всегда было его любимым разговором. Даже и во время предсмертного томления, уже немеющим языком он шептал: "Феодор! Помолись обо мне!".

Скончался отец Леонид тихо и без особенных страданий в 1853 году 4 декабря на 71-м году от роду. При жизни отца Феодора отец Леонид получал от него много писем, из коих только малая часть напечатана в конце жизнеописания старца Феодора, остальные же отец Леонид по доброте своей раздал на память о своем старце духовным его детям.

Схимонах Макарий (Грузинов)

(†5/18 мая 1869)

В миру Матвей Яковлевич Грузинов, родом из петербургских купцов. Мать его, принявши ангельский образ, известна была под именем схимонахини Мелании и была благотворительница Оптиной пустыни. Отец Макарий предварительно жил в Александро-Свирском монастыре и был учеником и приближенным человеком великого приснопамятного старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Там он в 1826 году и в мантию пострижен с именем Макарий. Когда же старец Леонид перешел на жительство в Оптинский скит, тогда и отец Макарий прибыл сюда же. Это было в 1829 году. С того времени, а может быть, еще и прежде он был у старца келейником и находился при нем безотлучно до самой его кончины. В 1836 году старец Леонид по воле епархиального начальства переведен был из скита в монастырь. И отец Макарий следовал за ним. Любил он пребывать в келлии и по возможности держался уединения и молчания. Никогда, бывало, сам не выйдет из келлии, пока его не позовут. Соберутся, например, келейники старца ужинать или начнется келейное бдение у старца, вдруг хватятся — отца Макария нет. Его забыли позвать, а он преспокойно сидит в своей келлии. Был он хорошим чтецом и на келейных бдениях и молитвенных правилах у старца всегда читал канон. По разрешению старца он в келлии у себя прочитывали газеты и после передавал старцу вычитанные им новости. Между прочим, отец Макарий так пристрастился к газетам, что и после всегда читал их, но это впоследствии нехорошо отозвалось в его духовной жизни.

Любимым его занятием в келейном уединении было, по благословению старца, писать иконы и портреты, но только он не очень искусно владел живописной кистью. Замечания, которые приходилось по этому поводу слышать отцу Макарию, принимал он без огорчения, всегда соглашаясь с мнениями других, какого бы рода они ни были. Бывало, кто-нибудь, рассматривая его искусство, скажет: "Отец Макарий! Ведь портрет у тебя вышел нехорошо".— "Да, да,— смиренно ответит он,— нехорошо, нехорошо". Если же, продолжая его испытывать, скажут наоборот: "Впрочем, если хорошенько всмотреться, то, пожалуй, портрет-то и не совсем дурно написан". Он и опять согласится:

"Да, да, порядочно!". Вообще, отец Макарий имел нрав тихий и кроткий и был незлобив, как малое дитя. Зная его незлобие, старец Леонид и другие монахи нередко подшучивали над ним, но он все это переносил благодушно с самоукорением и всегда всем и во всем уступал. По кончине старца отца Леонида отец Макарий возвратился в скит.

Тут случилось с ним искушение. 16 января 1849 года он поддался лукавому помыслу сходить без благословения старца, уже отца Макария (Иванова), в Козельск, верстах в двух от монастыря. Но вскоре поднялась вьюга, и отец Макарий сбился с дороги. В глубокий вечер он потерял в снегу валеный сапог с одной ноги и едва добрался до сенных сараев, где и переночевал, а мороз в ту ночь был 24˚С. Потому он отморозил у себя одну ногу, так что после сего до самой смерти ходил на деревяшке, опираясь при том на костыль, и много пострадал он от больной ноги. Вследствие сего он в 1850 году выключен был из штата. Сочувствуя сильной от ноги боли, козельский врач Плетнер предлагал отцу Макарию отнять поврежденные морозом части без боли, при помощи хлороформа, но он не согласился и решил терпеть боль как наказание Божие, посланное ему за самочиние. И терпел благодушно, так что братия удивлялись его терпению и пользовались этим примером. Впоследствии, вспоминая о старце отце Леониде, отец Макарий сказывал, что старец в свое время неоднократно говаривал ему: "Ерема ты, Ерема! Сидел бы ты дома, точил веретена!". Под точением веретен, думается, не разумел ли старец занятия в уединенной келлии молитвенным четочным правилом. В то время отец Макарий не понимал смысла слов старца, которыми тот предостерегал его от искушения, а после понял.

С 1850 по 1861 год в соседстве с отцом Макарием жил иеромонах Иннокентий (в схиме Иов), который ради Господа принял на себя труд ходить за больным и покоить его. И он так свято исполнял свой долг и с таким усердием и любовью заботился об отце Макарии, что когда скончался, то болящий отец Макарий до того опечалился, что и не думал пережить эту потерю. Совершенно растерявшись, он всем прямо говорил: "Нет, уж и мне не жить, нет, умру и я, не могу жить после него". Однако Господь судил иначе. Отец Макарий пожил еще несколько лет после отца Иннокентия. Кончина его последовала от паралича. 1 августа 1868 года с ним был первый легкий удар. Немедленно после того он был особорован святым елеем и приобщен Святых Христовых Таин, после чего ему сделалось легче.

17 февраля 1869 года последовал второй удар, но и после сего ему становилось лучше. Хотя он чувствовал слабость, но все же особенного с ним ничего не произошло. Наконец 3 мая того же года во время обеда последовал третий, самый сильный, удар, после которого он остался без памяти, ничего не говорил и не стонал, а был как бы во сне, и до самой кончины лежал на правом боку. Впрочем, перед самой кончиной сознание к нему возвратилось, и он мог даже выговаривать некоторые слова. 5 мая вечером, когда уже с часу на час ожидали кончины умирающего, к нему приставлены были два молодых послушника наблюдать за ним. По рассказу одного из них, Владимира Фокина, они, по неопытности своей, обратились к отцу Макарию с искусительным вопросом: "Батюшка! Боитесь ли вы смерти?". А тот, находясь в благодушии, имел неосторожность ответить им так: "Да кажется, не боюсь". Затем послушники сели за столик и при свете свечи занялись чем-то между собою. Вдруг послышался от умирающего такой потрясающий душу стон, что оба они пришли в ужас, и тотчас жизнь старца угасла. Нелишне при сем будет заметить, что до тех пор смерть для нас бывает не страшна, пока не заглянула нам в очи. Кончина отца Макария последовала 5 мая 1869 года в понедельник 3-й седмицы по Пасхе, в 9 ½ часов вечера, накануне тезоименитства его духовного друга и сотаинника, вышеупомянутого иеромонаха Иннокентия, в схиме Иова. Всей его земной жизни было более 80 лет. На третий день после кончины, 7 мая, после окончания литургии были похороны. На отпевание тела выходил настоятель обители отец игумен Исаакий в шестью иеромонахами. Тело похоронено рядом с могилою иеромонаха Иннокентия.

Вечная память простому и незлобивому старцу-страдальцу!

Монах Макарий (Дектярев)

(†8/21 июня 1832)

В миру Марк Евдокимович Дектярев, из московских купцов. Поступил в скит в 1832 году, где и прожил четыре года. Был пострижен в мантию и, поболев 9 месяцев, скончался о Господе 8 июня 1832 года. От роду ему было, как значится в скитской летописи, 76 лет, а по надгробной надписи —– 78 годов. Вечная ему память!

Монах Макарий утопший

(†28 июня /11 июля 1841)

Монах Макарий — из экономических крестьян. Родился в 1775 году. Был неграмотный. Поступил в скит в 1823 году. Странствовал (вероятно, до поступления в Оптину пустынь) в Иерусалиме, где, как значится в монастырских записях, пострижен был в мантию (в скитской летописи сказано, что монах Макарий пострижен в скиту в 1824 году, но чтобы он был пострижен в мантию через год по поступлении в скит — это в Оптиной пустыни немыслимое дело. Потому считаем монастырскую запись более достоверною), был и на Святой Афонской Горе.

28 июня 1841 года в полуденное время нечаянно утонул в скитской сажалке[73], находящейся вблизи восточной стороны скитской ограды. Передавали старожилы-монахи, что отец Макарий любил в летнее знойное время после трапезы окунуться в воду в белье и балахоне, но, должно быть, попал в глубокое место, а плавать не умел, так там и остался. Лежавшее на берегу его платье (подрясник с шапкой) дало знать скитским братиям о случившемся несчастии. Тело его было найдено, вынуто из воды и предано обычному христианскому погребению. Все братия очень жалели о нем за его простодушие и непритворную ко всем любовь. От роду покойному было 66 лет, а на гробовой доске по ошибке выставлено 70.

Послушник Максим Горностаев

(†20 декабря 1888 /2 января 1889)

Из крестьян Ливенского уезда Орловской губернии Зубцовской волости деревни Белый Колодезь. Поступил в скит 17 декабря 1887 года 19 лет от роду. Исполнял общие послушания — куда позовут — и отличался трудолюбием. Во время служб церковных очень хорошо пел на клиросе первым тенором. Имел неосторожность в зимнее время сильно натопить печь в своей келлии и поспешил закрыть трубу, почему во время сна, вероятно от угара, скончался 20 декабря 1888 года, прожив в обители только один год. Бог да ублажит и упокоит душу почившего раба Своего Максима в Царствии Небесном.

Монах Мартин (Кривенков)

(†4/17 августа 1863)

Мартин Андреевич Кривенков — из дворовых людей помещика Болховского уезда Тульской губернии, свиты Его Высочества генерал-майора князя Владимира Дмитриевича Голицына. Родился в 1841 году, поступил в скит 3 июля 1862 года. Отличался простодушием, преданностью старцу и послушанием. Во время церковных служб углублялся в молитву, проходя четки. Когда же братия стала это замечать, он возразил: "Да разве они думают, что я делаю это без благословения батюшки?". Старцем в то время был иеросхимонах Амвросий.

Но недолго ему пришлось пожить в скиту. Зимой 1862 года он заболел чахоткою. На следующий год болезнь очень усилилась. 22 апреля он переведен был в Ключаревский корпус, что на восточной стороне Предтеченской церкви. 26 июля особорован, чем был

---

[73] Сажалка, садок — запруда, в которую *сажают* рыбу и разводят ее. Здесь: небольшой пруд на северо-западной стороне скита.— *Ред.*

очень утешен, а 4 августа 1863 года в воскресенье во втором часу пополудни скончался 22 лет от роду, келейно пострижен в мантию. Во время болезни неоднократно приобщался Святых Христовых Таин. Приблизительно за месяц до смерти в сильном изнеможении, как бы в исступлении, произнес следующие замечательные слова: "Мне надо в августе все дела свои покончить", что и исполнилось. Умер в надежде на милосердие Искупителя.

Схииеродиакон Мартирий (Кашнов)

(†2/15 января 1908)

В миру Михаил Павлов Кашнов, из крестьян Тульской губернии Ефремовского уезда Старогольской волости деревни Нижнегольской. Родился в 1854 году и был холост. Еще мальчиком, кажется, в начале 60-х годов поступил было в Оптину пустынь в число братства, но, поживши немного, опять по обстоятельствам возвратился в мир. Между тем желание иноческой жизни не ослабевало в нем, и он в 1884 году 17 апреля опять прибыл в Оптину и поступил в скит. 1895 года 3 июля пострижен в мантию и наречен Мартирием. Главным его послушанием в скиту было варить квас. Это очень трудное послушание. Варят в скиту квас обыкновенно Великим постом на 2-й неделе, когда снег начинает уже несколько таять. Квасовару приходится быть то в сильном тепле у кипящей воды или вынимать из горячей печи котлы с запаренным для кваса тестом; то распотевши выходить на холод для наблюдения за прочими работами. И потому отец Мартирий всегда почти за этим послушанием простужался.

Как хороший квасовар, он в мае 1899 года вытребован был в Калугу в Архиерейский дом сварить квас; и за удачное исполнение сего послушания Преосвященным Макарием посвящен был 27 мая в иеродиакона. В конце 1907 года он готовился было и к посвящению в сан иеромонаха, но почувствовал нездоровье — с ним часто стала случаться рвота. Потому он перешел в больницу. Тут рвота у него все более и более стала учащаться. Доктор козельский Карасев нашел, что у отца Мартирия рак в желудке. Потому он был особорован, пострижен в схиму и, пока было возможно, сообщался Святых Христовых Таин. Он также до последней возможности перебирал четки с молитвой Иисусовой. Перед самым же исходом души из тела он был в большой тревоге, бился и руками, и ногами. Когда же он троекратно был осенен иерейским благословением и окроплен святой Богоявленской водой, тотчас стал утихать. Когда же прочтен был над ним канон на исход души, он совершенно успокоился и вскоре мирно почил о Господе 2 января 1908 года 53 лет. Тело его перенесено было в скитскую церковь и там [в скиту], по обычаю после литургии, погребено.

Инок Матфий (Кузнецов)

(†26 ноября /9 декабря 1904)

В миру Матфий Егорович Кузнецов, из крестьян Калужской губернии Тарусского уезда Салапенской волости села Салапенок. Первоначально поступил в Оптину пустынь в монастырь 8 мая 1886 года, когда ему было уже лет за сорок. Тут он был несколько времени гостинником. Но вот [случилось] для него большое искушение: он имел пристрастие к винопийству, а в пьяном виде, как известно, человек ни Бога не боится, ни людей добрых не стыдится. "Однажды,— как он сам впоследствии сказывал о себе,— в летнее время едет в экипаже старец батюшка отец Амвросий, а я был в угаре. Снял с себя всю одежду да и выбежал к нему навстречу в адамовском костюме. Взглянув на меня, любвеобильный и снисходительный старец только промолвил: "Ну, еще благодать Божия не отступила от него". Однако, вероятно, по той же самой причине, что по временам он лишнее выпивал и безобразил, его уволили из обители 23 августа 1892 года. Вторично он уже поступил в скит 1 июня 1899 года, и сначала дали ему келлию на пасеке, а потом перевели в соседство к одному старичку для послужения. В скиту Матфий Егорович при помощи Божией укрепился и в продолжение пятилетнего пребывания в скиту вина нисколько не пил.

Он имел жену и семейство. Одна из дочерей его выдана была в замужество в городе Лихвин, отстоящий от Оптиной пустыни верстах в 35-ти, но была несчастлива в жизни. При ней жила и мать ее, разделяя с нею горькую долю. И потому Матфий Егорович изредка с благословения начальства ходил пешком в Лихвин, дабы по возможности облегчить тяжелую их участь добрым словом, а иногда и вещественным пособием, так как он имел деньжонки и любил помогать не только родным, но даже и не родным, больным и бедным.

В порученном ему послушании был исправен, очень послушлив и уважителен. Последняя черта в нем отобразилась преимущественно незадолго до его кончины, как будто он предчувствовал свой близкий уход, смиряясь и низко кланяясь. Любил он еще читать душеполезные книги, а также интересовался и политическими новостями. Впрочем, среди разговоров Матфий любил вспоминать о некоторых замечательных крестьянах своего села. Был, например, у них один блаженный. Случился в селе сильный пожар. В опасности была хата одной бедной вдовы. Блаженный вбежал в эту хату и затворился в ней вместе с бедной крестьянкой. Опасаясь, как бы не загорелась хата и не сгорели бы в ней блаженный с вдовой, находившиеся на пожаре начали употреблять все усилия, чтобы отворить дверь. Но блаженный так уперся в нее ногами, что несколько сильных крестьян никак не могли отворить дверь. Что же вышло? Все дворы вокруг бедной хаты погорели, а хата вдовицы уцелела.

Еще: был в их селе один крестьянин, который жил обычно, как и прочие крестьяне, по-грешному, любил иногда и лишнее выпивать. И вот однажды он до того напился, что едва и жизни не лишился. Находясь в таком безвыходном положении, он, однако, помнил и понимал свою опасность. Боясь, как бы не умереть сугубою смертью, душевною и телесною, и ужасаясь Страшного Суда Божия и вечного мучения, он мысленно обратился ко Всеблагому Господу, прося Его о помиловании. При этом он дал Богу такой обет: "Господи, если теперь Ты сохранишь мою жизнь, то я уже никогда не буду пить вина". И Господь помиловал его. Крестьянин же этот не только во всю свою остальную жизнь исполнял свой обет — не пил вина, но и вообще вел истинно благочестивую жизнь: отказался от мясной пищи, желал бы даже довольствоваться сухоядением, но от сухоядения мало было сил для домашних работ, потому пищу для него жена подправляла конопляным маслом. Жена его по наваждению вражию одно время грешила с другим и имела незаконную дочь, но хозяин-крестьянин нисколько не оскорбился за это на свою жену и даже с любовью нянчил незаконнорожденную девочку. Всегдашним любимым чтением его была славянская Псалтирь. Он так полюбил эту книгу и так услаждался ее чтением, что сам собственною рукою, несмотря на постоянные домашние тяжелые работы, всю ее списал. Всегда в разговорах с другими выражался так: "Я жду смерти как праздника". Наконец перед самой кончиной просил, чтобы и в гроб с ним положили Псалтирь. Это его благое желание и было исполнено. Дал бы Бог, чтобы побольше у нас на Руси было таких крестьян!

Матфий Егорович пострижен был в рясофор, но когда именно, неизвестно. Можно полагать, что это было еще при первом его пребывании в монастыре, так как старых и пожилых послушников постригают в Оптиной вскоре по поступлении их в обитель. Кончина его последовала от паралича 26 ноября 1904 года. Дня за три или четыре до нее, когда все скитяне готовились к принятию Святых Христовых Таин, и он вместе со всеми говел, исповедался и причастился Святых Христовых Таин. В день самой кончины, утром, он еще ходил в монастырь и привез оттуда на тачке тяжелый старый мельничный жернов, имея в мыслях устроить что-то вроде машины на пользу скитян. Но так как голова у него всегда была очень слаба, то, думается, не подействовало ли это излишнее напряжение сил на такой печальный исход.

Среди дня в послеобеденное время соседи отца Матфия по келлии увидели его спящим на пороге своей келлии. Думая, что он проснется, оставили его несколько времени в таком положении. Но, видя, что он не просыпается, доложили о сем

скитоначальнику отцу Иосифу и по его благословению позвали фельдшера-монаха, который хотел было привести спавшего нашатырным спиртом в чувство, но не мог. Затем отец Матфий перенесен был на койку, где он и спал остальную часть дня и всю последующую за ним ночь и наконец рано утром вышеозначенного числа заснул уже вечным сном. О сем дали знать телеграммой в Москву его родному младшему брату, казначею Новоспасского монастыря иеромонаху Тихону, который успел прибыть к погребению своего почившего брата, к коему всегда питал любовь и уважение. Отец Тихон и совершил погребение тела. Всей жизни отца Матфия было 65 лет. Мир и спасение душе твоей, достоблаженный брате Матфие!

Иеросхимонах Михаил (Андреев)

(†21 декабря 1897 /3 января 1898)

В миру Максим Лукич Андреев, родом из московских мещан. Занятие имел на ткацкой фабрике и управлял некоей частью работавших там женщин. Некоторые из последних, как признавался он, во время работы покушались пошалить со своим управляющим, но он, оберегая свое девство, очень просто поступал с таковыми. Даст хорошую оплеуху, тем и оканчивались все любезности. Живя в Москве, Максим Лукич был в тесной дружбе с Тимофеем Петровичем Труновым (впоследствии монахом Тимоном), каковая дружба не прерывалась у них и в скиту. Первым их удовольствием в Москве было ходить в великие праздники к Божественной литургии в ту церковь, где служил митрополит Филарет. Проживши уже более половины своей жизни в миру, оба они согласились поступить в монастырь. Максим Лукич первый порвал связь с миром. В летнее время 1860 года он, предварительно уволившись с фабрики, пошел странствовать в Киев к угодникам Божиим Печерским и по другим монастырям. И так как родился он и вырос в Москве и никуда с фабрики не отлучался, то даже не имел надлежащего понятия о всех хлебных растениях. "Пошел я странствовать,— так после рассказывал он,— смотрю — растет просо, но не понимаю, что за растение, так как вижу это первый раз в жизни. Сорвал одну былку, иду и помахиваю ею. Встречается мужик, и я спрашиваю: "Что это такое?". Мужик смотрит на меня и улыбается. "Да скажи, пожалуйста,— говорю ему,— ведь я всю жизнь прожил в Москве, не знаю, на чем хлеб и растет".— "Да просо",— ответил он. "Ну, вот и спасибо тебе",— сказал я и пошел в путь далее".

Побывавши в некоторых обителях, странствующий Максим прибыл наконец в 1861 году в Оптинский скит. Здесь увидел его батюшка старец Амвросий и, узнав о его намерении поступить в монастырь, стал уговаривать его остаться в скиту. И Максим, после некоего колебания, остался. Это было Великим постом, в марте упомянутого года. От роду тогда ему было 40 лет. Помещен он был на жительство сначала в Ключаревский корпус (на восточной стороне от Предтеченской церкви), а потом в 1863 году 24 февраля взят был в келейники к старцу батюшке отцу Амвросию. Келейником у старца он пробыл более 20 лет. 15 апреля 1864 года послушник Максим пострижен был в рясофор, а в 1870 году 5 апреля в Неделю ваий — в мантию, причем получил новое имя — Михаил. 16 мая 1877 года отец Михаил посвящен в Калуге архиепископом Григорием II в сан иеродиакона, а 29 июня 1883 года в городе Козельске в соборе посвящен был в иеромонаха уже епископом Калужским Владимиром.

Отличительные свойства отца Михаила — большая любовь и преданность старцу батюшке отцу Амвросию, соединенная с беспрекословным послушанием. Келейническая обязанность, сама по себе трудная и суетная, при старце Амвросии вследствие многочисленных посетителей в особенности была тяжела. Но отец Михаил долгое время, хотя и не без скорбей, проходил это святое послушание, пока наконец, будучи уже иеромонахом, не был определен на другое послушание — в соборную келлию отправлять вместе со скитскими братиями известные скитские правила. В разговорах он был грубоват, но имел доброе сердце и был человек доброжелательный. Кроме того, отец Михаил отличался практичностью в хозяйственном отношении, потому какие бы

хозяйственные дела ни предпринимались старцем Амвросием, всегда он поручал отцу Михаилу присматривать за ними. Так, например, нужно было поставить корпус для отца Климента (Зедергольма), или перестроить внутренность келлии самого отца Амвросия и переложить в ней печь, или только что купленное у Калыгина Шамординское, почти развалившееся имение, привести на первый раз несколько в порядок и т. п., везде отец Михаил был в числе главных деятелей.

И в миру, и в скиту он был сторонником любителей состязаться с раскольниками и сам по возможности принимал в этом деле некое участие. Он даже некоторое время имел по этому поводу переписку с известным профессором Московской [Духовной] Академии [Н. И.] Субботиным.

К службам Божиим отец Михаил был очень усерден и, несмотря на свои престарелые годы с ослаблением сил телесных, не отказывался служить в скиту Божественную литургию до последней возможности. Раз, взглянув на отца Михаила, старец Амвросий как бы в шутку проговорил: "Еще попущением Божиим может быть старцем". И вправду, хотя много людей к нему не относилось, однако все-таки некоторые пользовались его советом.

Незадолго до кончины своей отец Михаил был под сильным искушением от помыслов, которые побуждали его перейти из Оптинского скита в Гефсиманский при Троице-Сергиевой Лавре, где, как он говорил, были в то время близкие знакомые ему монахи, но по молитвам старцев живых и отшедших искушение это миновало.

С течением времени отец Михаил все более и более ослабевал в силах и келейно принял постриг в схиму без перемены имени. К концу 1897 года он уже не в силах был выходить из келлии, был особорован святым елеем и часто сообщаем Пречистых Таин Христовых.

Настало 21 декабря упомянутого года. Утром часов в девять сидел он и спокойно разговаривал с прислуживающим ему братом. Вдруг последовал с больным удар. Он упал на пол, издал предсмертный стон и испустил дух. На третий день после кончины по обычаю служилась в скиту Божественная литургия, а после были похороны. Всех лет его жизни было 76. На могильной его плите означено 72 года, но это, вероятно, по ошибке.

Послушник Михаил Бакин

(†18 июня /1 июля 1826)

Послушник Михаил по фамилии Бакин — из орловских мещан. По выходе из мира в молодых летах пожил сначала в Площанской пустыни, потом в Белых Берегах и, наконец, в 1826 году поступил в Оптинский скит, где прожил всего только два месяца. Был болен 40 дней лихорадкой и 18 июня упомянутого года преставился ко Господу. От роду ему было 26 лет.

Схимонах Нестор (Фуфаев)

(†25 января / 7 февраля 1905)

В миру Николай Васильевич Фуфаев, родом из мещан города Торопца Псковской губернии. Поступил в скит холостым в молодых летах 24 декабря 1864 года. Ему было от роду лет 20. Когда появилось у него желание иноческой жизни, он, по его словам, стал рассуждать так: "В монастыре, без сомнения, чай не пьют; куплю же я себе табачку и буду от скуки понюхивать". Как вздумал, так и сделал. Но, поступивши в скит, он увидел, что здесь делается совсем наоборот: чай пить дозволяют, а табак нюхать не велят. Так и пришлось его выкинуть в навоз. С июня 1865 года он проходил послушание келейника у скитоначальника иеромонаха Илариона до самой его кончины, последовавшей 18 сентября 1873 года, после чего он перешел по собственному желанию из скита в монастырь. После сего 1 декабря того же года он пострижен был вместе с другими в мантию и наречен Нестором. Пострижение совершено было отцом игуменом Исаакием в

скитской церкви. Восприемным отцом его от Евангелия был старец батюшка отец Амвросий.

Летом следующего года отец Нестор смертельно заболел тифозной горячкой, так что доктора — монастырский отец Нифонт и козельский Кустов — заявили, что надежды на выздоровление никакой нет. И потому его уже готовили к смерти: особоровали святым елеем, каждый день сообщали Святых Христовых Таин и, наконец, по благословению отца настоятеля и старца, постригли в схиму. Ему было тогда 28 лет. Но, к удивлению всех, и в особенности докторов, отец Нестор по молитвам старца батюшки отца Амвросия и при помощи Божией стал немного поправляться и наконец совершенно оздоровел. В феврале 1896 года он опять перешел на жительство в скит.

В продолжение всего своего пребывания в монастыре и в скиту отец Нестор имел непреодолимую охоту к пению, обучался хотя по малоспособности с трудом ноте церковной и партесной, стоял на правом клиросе и неустанно лет 40 воспевал хвалу Богу. Голос у него был сильный, первый тенор, но только не имел вкуса в пении и потому не гнался за стройностью, а только чтобы погромче пелось. В этом было все его удовольствие. Вообще, он был человек добрый и благожелательный. Но только к старости последовало с ним искушение. По временам он стал предаваться винопитию. За то уже и скорбей много понес. Его поневоле перевели в скит, где проводится жизнь более строгая, становили в трапезе на поклоны во все продолжение обеда, делали строгие замечания. К концу жизни отец Нестор стал болеть мочезадержанием и другими недугами, и болел долго. Вследствие своей болезненности перешел в монастырскую больницу и там скончался 1905 года 25 января около полуночи, будучи приготовлен к исходу из сей жизни всеми христианскими Таинствами. Кончина его была мирная и покойная. Всей жизни его было более 60 лет. Тело его перенесено было в скитскую церковь и, несмотря на то что стояло в тепле, нисколько не издавало мертвенного запаха. На третий день после соборной литургии совершено было и погребение.

Инок Никита (Костинский)

(†3/16 апреля 1913)

Рясофорный монах Никита Иванович Костинский — мещанин города Покрова Владимирской губернии. Обучался в доме родителей чтению и письму. Овдовел в первом браке. Одет в подрясник (время внесения в братскую книгу, то есть официального принятия в число добровольных послушников) 21 ноября 1902 года, 58 лет от роду. Пострижен в рясофор 25 мая 1905 года, по указу Калужской Духовной консистории от 2 мая 1905 года за № 5162. Скончался 3 апреля 1913 года от паралича, 68 лет от роду. Погребен 5 апреля на скитском кладбище. Погребение совершали начальник скита иеромонах Феодосий и иеродиакон Зосима.

Схимонах Николай (Книжников)

(†3/16 декабря 1907)

В миру Николай Васильевич Книжников, родом из крестьян Воронежской губернии Богучаровского уезда Новокрушинской волости и слободы, малоросс.

Поступил в скит 27 мая 1894 года уже в старых летах. Ему было более 60 годов.

30 марта 1895 года был накрыт рясофором. До самой кончины своей он не был приукажен в обители, так как имел жену, которая его пережила. Достигши надлежащего возраста, он в свое время успешно занимался торговлей хлебом, скотом и т. п., был очень аккуратен, экономен в хозяйственном отношении и сумел нажить хорошее состояние; так что перед поступлением в обитель, по его собственным словам, имел возможность наградить жену с дочерью и невестку от умершего единственного сына с пятью внучатами достаточным количеством денег. Живя в скиту, отец Николай по старости лет не имел особенных каких-либо послушаний. Он только в назначенные часы читал Псалтирь по благодетелям живым и умершим.

Жил тихо и скромно. По его собственному желанию он был пострижен келейно сначала в мантию, а потом, года за два до смерти, и в схиму без перемены имени. Был усерден к службам Божиим и молитвенным правилам. Любимым его развлечением как в миру, так и в скиту было удить рыбу. Но это не мешало его благочестию. Возвратившись с рыбной ловли, он нередко тотчас же становился пред святыми иконами, читал Псалтирь и молился. Сказывал он о своем единственном сыне, умершем в молодости, Льве Николаевиче, что он был очень добр и всегда принимал живое участие во всех обратившихся к нему с какими бы то ни было нуждами, и потому, когда скончался он, великое множество народа собралось на его похороны. Отрадное явление! Сам отец Николай в последние годы своей жизни неоднократно болел, кажется, более инфлуэнцей[74]; также жаловался на боль в ногах, а за несколько дней до кончины испытал тяжкие страдания. Был особорован святым елеем и неоднократно сообщался Святых Христовых Таин. Наконец, 3 декабря 1907 года и скончался мирною христианскою кончиною, прожив на свете, по его собственным словам, около 80 лет. Рядом вместе с вышеупомянутым отцом Матфием (Кузнецовым) отец Николай жил в келлии, рядом они и похоронены.

Схимонах Николай (Лопатин)

(†10/23 мая 1893)

В миру Николай Георгиевич Лопатин. Из потомственных почетных граждан города Ярославля. Родился 13 июня 1864 года. Поступил в скит 5 ноября 1890 года. Был здоровья слабого. Послушание его было вместе с другими читать Псалтирь по благодетелям. 16 февраля 1892 года по болезни пострижен был келейно в мантию, а 2 апреля — в схиму. Болел чахоткою. Всю зиму и затем весну 1892 года здоровье его постепенно ухудшалось. Нрава был кроткого.

Однажды обратился он к старцу отцу Иосифу с просьбой: "Благословите мне, батюшка, в церкви во время службы потихоньку подпевать певчим, а то рассеянность очень одолевает". Но старец дал ему такой совет: "Нет, подпевание ты оставь, а вместо того во время службы твори постоянно Иисусову молитву". Отец Николай послушался старцева совета и вскоре так привык к этой молитве, что всячески старался быть наедине. И если слышал когда-либо или разговоры братий, или какой-либо стук, то жаловался, что все ему мешают. Незадолго до смерти он расписал все свои келейные вещицы, кому из братий что дать после его кончины. Когда болезнь его усилилась, дали о сем знать его матери. Она вместе с другим сыном поспешила приехать в Оптину, чтобы проститься с умирающим. Но пробывши в монастыре несколько дней и видя, что отец Николай не умирает, она хотела уже отправиться восвояси, сказав: "Ведь Коля хотя слаб, но может еще долго прожить". А Коля попросил ее еще одну ночь переночевать в Оптиной. Это было под 10 мая 1893 года. Переночевала. А на другой день, именно 10 мая 1893 года, Коля предал дух свой Господу, часто и многократно пред сим был напутствован Святыми Таинами. И родственники его имели утешение присутствовать при его погребении.

Монах Нил

(†15/28 января 1869)

В миру Николай Павлов, родом из города Мценска Орловской губернии, купеческий сын. Росту он был небольшого и горбат, но был человек умный и практичный. Поступил сначала с монастырь в июне 1853 года, лет 20 от роду, и был у настоятеля отца архимандрита Моисея младшим келейником.

Вспоминал он после о взаимных отношениях духовных старцев — родных братьев отца архимандрита Моисея и жившего в Оптиной пустыни на покое отца игумена Антония. Зная, что по словам святого Иоанна Лествичника: "Кажущиеся мужественными

---

[74] Инфлуэнца (итал. influenza) — грипп.— *Ред.*

и терпеливыми, подвижники, бывши оставлены на время, и как утвердившиеся в добродетели, не получая уже от настоятеля ни обличений, ни поношений, лишаются снисканной кротости и терпения" (Лествица. Слово 4: 27), отец архимандрит не переставал упражнять своего брата, болезненного старца, в добродетелях послушания, терпения и смирения. Раз как-то отец Моисей налил в малый горшочек супу и подмешал туда разных разностей, так что из супа буквально вышли помои, и велел келейнику отцу Николаю отнести их отцу Антонию. Тот отнес. Отведав принесенного снадобья, отец игумен как бы несколько с неудовольствием спросил: "Николай! Какую-то бурду ты принес мне?". Тот обыкновенно ответил: "Это отец архимандрит велел отнести к вам". Отец Антоний только протянул: "А!".. — и затем все покушал за святое послушание. К келейникам же своим и вообще к братиям, еще не утвердившимся в монашеской жизни, отец архимандрит был весьма снисходителен. "Однажды,— сказал Николай,— залез я в погребок, где хранились для угощения почетных посетителей варенье и другие сласти, и вздумал испробовать вареньица: то из той банки съем ложку, то из другой. Вдруг настоятель заглядывает в погребок и, увидев меня, спрашивает: "А что ты тут, брат, делаешь?". Смешавшись и не зная, что ответить, я только мог промолвить: "Да вот, батюшка, кушаю".— "Да уж, нужно кушать",— сказал только настоятель, повернулся и ушел. Таким образом и напугал, намекнув чрез это о должном воздержании, и помиловал. Так поступал этот мудрый старец почти всегда и со всеми братиями.

5 августа 1856 года послушник Николай перешел в скит. Причина сему неизвестна. Но можно полагать, что старцу Макарию нужен был келейник, так как Николай занял эту должность у старца. 16 марта 1857 года он определен был в число братства указом консистории, а 19 февраля 1858 года пострижен в рясофор. Зимой 1862 года уже по кончине старца Макария отец Николай стал болеть ногами, которые наконец и совсем у него отнялись. Доктора Кустов, Кеслер, Шереметьевский и другие признали болезнь его неизлечимой. Как последнее средство они ему предлагали прижигание спинного хребта смолой, впрочем, [не высказывали] надежды на успех и после этой мучительной операции, посему предложение это больным не было принято.

31 июля 1863 года перевезли больного отца Николая в Задонский монастырь Воронежской губернии и там по молитвам великого новоявленного угодника Божия чудотворца, святителя Христова Тихона, отец Николай при употреблении простых медицинских пособий так поправился, что 4 июня 1864 года прибыл в Оптинский скит исцеленным. Хотя в ногах ощущал он слабость, но все-таки ходил свободно даже и без палки, а по времени ноги у него и еще более укрепились. По возвращении в скит он опять занял должность келейника у нового скитоначальника и старца иеромонаха Илариона. Когда исцеленный прибыл из Задонска в Оптину, бывший в то время еще в живых духовный старец игумен Антоний при личном с ним свидании проговорил ему замечательные слова, изреченные Господом исцеленному Им расслабленному: "Ну, Николай, се здрав еси, к тому не согрешай, да не горше ти что будет!" [см.: Ин. 5, 14]. Но в чем заключались согрешения Николая, известно только Господу. По внешности он был человек исправный: жизнь проводил воздержанную, к церковным службам и вообще к молитвенным правилам был усерден, келейное послушание исполнял тщательно; словом, мог служить примером для прочих братий.

28 августа 1866 года отец Николай пострижен был настоятелем обители отцом игуменом Исаакием в мантию, причем дано было ему новое имя — Нил. Проходя попрежнему келейное послушание, он в первых числах октября 1868 года заболел опять прежней болезнью, опять отнялись у него ноги, и эта болезнь его была уже предсмертной. Три с половиной месяца он тяжело хворал. Все это время он неоднократно сообщался Святых Христовых Таин; также и особорован был святым елеем. Но по неведомым судьбам Божиим кончина его, как передавали очевидцы, была трудная. Она последовала 15 января 1869 года. Всего жития его было 35 лет. После его кончины старец его, скитоначальник отец Иларион, сказал: "О нем нужно молиться". И молились скитские

братия по чувству любви братней кто как мог и сколько мог. Через несколько времени скитский пономарь, рясофорный монах Сергий (впоследствии иеросхимонах Савватий, скончавшийся в 1895 году) увидел во сне отца Нила в смиренном положении. Зная, что он скончался, отец Сергий спросил: "Каково тебе, отец Нил?".— Он ответил: "Прежде было плохо, а теперь полегче". Помилуй нас, Господи, помилуй нас, всякого бо ответа недоумеюще, сию Ти молитву яко Владыце, грешнии, приносим: помилуй нас!

Монах Нифонт (Пономарев)

(†28 декабря 1849 /10 января 1850)

В миру Никита Филимонович Пономарев, родитель вышеописанного схимонаха Сергия и иеросхимонаха Илариона[75]. Купец города Саратова, а прежде был крепостным господ Ширинкиных. Дед его Матвей был пономарем села Макарова Новохоперского уезда Воронежской губернии, отчего получилась и фамилия Пономаревых. У сего Матвея был брат Меркурий, тоже пономарь. Пономари эти во время солдатского набора с духовного звания, чтобы избежать воинской повинности, укрывались в имении господ Ширинкиных в селе Ключи, недалеко от села Макарова. По времени Ширинкин и записал их в свои ревизские сказки и таким образом закрепостил.

Но через несколько лет внук Матвея Никита Филимонович Пономарев в 1820 году со всем своим семейством отпущен был на волю. По ремеслу он был портной, и по отпуске на волю поселился со своей семьей в городе Новохоперске, а через девять лет, именно в 1829 году, когда младший сын его Иродион прекрасно усвоил себе в Москве отцовское ремесло, перебрался на жительство в город Саратов. Десять лет прожили в Саратове Пономаревы, год от года богатея от своего ремесла, но к концу этого времени пошли у них по разным предприятиям неудачи. Наконец главный их деятель по хозяйству, сын Никиты Филимоновича Иродион Никитич по влечению своего боголюбивого сердца избрал монашескую жизнь и в 1839 году поступил в скит Оптиной пустыни под руководство опытных в жизни духовной старцев, иеросхимонахов Льва и Макария, а через три года после сего, именно в феврале 1842 года, прибыл к нему и родитель его. Во все время своего семилетнего в скиту пребывания Никита Филимонович, несмотря на свои престарелые годы, до самой предсмертной своей болезни ревностно нес возлагаемые на него послушания, между прочим заведовал в церкви свечным ящиком. Грамоте он умел очень слабо, но эту слабость восполнял благочестивым размышлением. Например, прочитает с расстановками одно слово: "По-ка-я-ни-е". Остановится и начнет размышлять: "Покаяние! А я как живу? Какое у меня покаяние?". И долго так рассуждает с сердечными воздыханиями. Затем продолжает чтение дальше.

К концу жизни Никиты Филимоновича его стало огорчать то обстоятельство, что живший долгое время в скиту сын его Иродион Никитич, во всем исправный послушник, не получает мантии. Многих, после него поступивших, братий постригали в мантию, а его все обходили. Каждый такой раз Никита Филимонович обращался к сыну с горьким вопросом: "Иродион! А нас-то когда же?". От Иродиона же слышался только один ответ: "Потерпим!". Так ждал Никита Филимонович пострига своего сына до самой своей кончины и все-таки не дождался. Он скончался 28 декабря 1849 года, 76 лет от роду, с напутствием Святых Христовых Таин, предварительно приняв постриг в мантию с именем Нифонт.

Монах Нифонт

(†14/27 мая 1826)

Родом из мещан города Карачева Орловской губернии. Сначала проводил жизнь монашескую по разным обителям, потом в рославльских лесах Смоленской губернии с подвизавшимися там старцами, наконец поступил в Оптинский скит, где прожил только

[75] Преподобного Илариона, старца Оптинского.— *Ред.*

пять месяцев. Был болен 70 дней и 14 мая 1826 года преставился ко Господу. Это был, с основания скита, первый покойник, обновивший скитское кладбище. От роду ему было 47 лет. Неизвестно, где был пострижен в мантию.

Послушник Павел Бородин

(†28 мая /10 июня 1914)

Указный послушник Павел Яковлевич Бородин. Из крестьян Орловской губернии Ливенского уезда Вышне-Ольшанской волости села Студеный Колодезь; запасный писарь Амурской речной флотилии. Родился 1 июня 1884 года. Обучался в сельской школе чтению и письму. Холост. Записан в братскую книгу 5 мая 1904 года, 19 лет от роду. 5 октября 1905 года выехал на родину для отбывания воинской повинности. Возвратился с военной службы и вновь поступил в обитель 22 ноября 1913 года. Определен в число братства (приукажен) по указу Духовной консистории от 25 ноября 1913 года за № 20096. В 1913 году проходил разные послушания в скиту. Скончался 28 мая 1914 года от туберкулеза легких, 28 лет от роду. Исповедовал и приобщал [его] перед смертью иеромонах Дионисий. Погребен 30 мая на скитском кладбище. Совершали погребение скитские — иеромонах Осия и иеродиакон Зосима.

Инок Павел (Тамбовцев)

(†4/17 августа 1835)

Павел Петрович Тамбовцев — уроженец Курской губернии города Белгорода, сын богатого купца. Поступил в скит в 1829 году, где, вероятно, года через три–четыре пострижен был в рясофор. Воспитание получил, судя по его природным способностям, весьма недостаточное, но образовал себя прилежным чтением Священного Писания и отеческих книг, а более всего советами и увещаниями известного в то время Оптинского великого старца иеросхимонаха Леонида, занимаясь притом перепиской творений святых отцов-аскетов и временно, под диктовку старца, писал ответы к многочисленным его духовным детям. На все свои недоумения отец Павел испрашивал разрешения у богомудрого старца Леонида, а старец всегда отвечал на них с отличавшими его пред всеми ясностью и опытностью. Эти "Вопросы ученика и ответы старца", записанные отцом Павлом, помещены в "Жизнеописании Оптинского старца Леонида (в схиме Льва)", издаваемом Оптиной пустынью. Отец Павел (Тамбовцев) был одним из пламенных и ревностных воспитанников старца Леонида, ловивший из уст его капли благодати, сохранивший их в горячем своем сердце и передававший их своим языком несколько восторженно. Но иначе объясняться он и не мог по восторженному настроению своего ума.

Кратка была жизнь сего юноши, которую окончил он на 26-м году от рождения если не в победе над всеми страстями, по крайней мере в борьбе с ними, низложенный на смертный одр величайшим для него несчастьем. Отец его, которого он любил и уважал чрезмерно, сделался самоубийцею. Для него, верующего христианина, что могло быть страшнее мысли, что погибла навсегда душа, ближайшая к нему? Это помышление, повсюду преследуя юного страдальца, было выше его сил. Сначала он впал в меланхолию от борения духа, потом огонь душевный воспламенил внутренность, и горячка прервала дни его.

Незадолго до кончины отец Павел видел страшный сон, по пробуждении от которого в первом часу пополуночи он немедленно отправился для объяснения к старцу Леониду, у которого прием был во всякое время дня и ночи. Разбудив старца, отец Павел сначала спросил: "Должно ли верить снам?". Но получив отрицательный ответ, он начал говорить так: "Что же значит виденный мною сон и заключает ли он в себе что-либо достойное вероятия? Может быть, он не заслуживает внимания, но я обязан открыть его старцу.

Вижу я внезапный и мгновенный свет столь лучезарный, что он много превышал свет солнечный. Из этого лучезарного сияния выходил голос громкий и нежный,

приказывавший как бы подчиненным существам: "Возьмите его (то есть меня) на крест". С сими словами (не знаю кто) меня взяли и, обнажив одежды, повлекли как бы умственно на крест, который мне живо представился и, казалось мне, был сделан из приятного желтого строевого дерева, достаточный, чтобы меня на оном крестообразно распростерли. Но кто со мною так поступал? Смотрю во все стороны, ничего другого не мог я приметить, как только шум и самую скорую деятельность. Когда меня подняли на крест, то действующие говорили тихо, но внятно: "Подавайте гвозди". Предложены были четыре гвоздя, каждый не менее как в четверть аршина; и тогда начали мне прибивать правую руку одним из них ко кресту. Здесь я ощущал величайшую боль, хотя и желал в душе своей быть распятым. Имея такие желания сердца, от боли я, однако, колебался в духе и едва не выразил голосом ощущаемое страдание, но с помощью Божией, не знаю, как-то удержался. Когда же мне вонзен был гвоздь, то спустя несколько минут я почувствовал облегчение боли и потом уже почти не ощущал ее.

Затем подали другой гвоздь, подобный первому, и начали вбивать его в левую руку. Здесь хотя я и ощущал боль, только несравненно легчайшую первой. Подали третий гвоздь, которым назначено было прибить к кресту мою правую ногу. Видя, как этот гвоздь был устремлен на меня, я поколебался в духе и хотел воскликнуть: "Помилуйте!". Но, будучи удержан изнеможением собственного духа, ощутив свой недостаток в терпении, за коим, однако же, следовало в сердце большее первого желание претерпеть, я обратился умом своим к Всемогущему Богу, имея в душе неизъяснимую уверенность в том, что Он мне поможет. С такою надеждою я мысленно просил у Бога об укреплении: трепетал, желал претерпеть и боялся неустойки, сообразной слабости непостоянного моего духа. Но, действительно, Милосердный Господь хотя и дал мне ощутить ужасную боль во всем моем составе, но по милосердию Своему удивительно укрепил меня. Вонзили гвоздь. В духе я весьма ослабел; однако же невольно вынесши боль, я скоро начал чувствовать облегчение, потом умеренную болезнь, или лучше одну слабость. Подали четвертый гвоздь и с необыкновенным стремлением вонзили мне в левую ногу, так что я не успел ни вообразить, ни подумать что-либо. Полагаю, это от ощущаемой слабости. Но боль в то время была средняя; так что, казалось, можно было стерпеть.

Несколько времени спустя возгремел от Превыспреннего Света вторично громкий голос, гораздо яснее первого, но все сопровождаемый духом любви, нежности и благоволения: "Вонзите ему (как бы указуя на меня духовным перстом) в самое сердце гвоздь!". Услышав такое определение и зная свою слабость, я крайне возмутился. Решительность моя поколебалась. Тучи страшных мыслей отяготели надо мною. Мое сердце то горело желанием, то приходило от страха в оцепенение. Наконец решительность посвятить себя на претерпение взяла перевес. Все смутные мысли рассеялись, и ум мой воспарил к Богу с молитвой о помощи. После сего, как бы ощутив в своем сердце обещание от Господа подать мне помощь, с некоторым трепетом, но вместе с любовью и признательностью к сильному имени Сердцеведца, Который болий есть сердца и весть вся, приготовился выдержать действие страшного приговора, излетевшего из недр невидимого гласа. (Все это делалось так скоро, что нужно более времени не только описать, но и пересказать словами.)

Подали пятый гвоздь, который прямо приближался против моего сердца. Судя по величине, он мог насквозь пронзить меня и, кажется, еще осталось бы с обеих сторон более полуаршина. Пока еще гвоздь приближался к моей груди, я находился готовым в надежде на силу Божескую, а как только совершенно приблизился, то я вдруг изменил свое решение и хотел было воскликнуть: "Помилуйте, за что же?". Мне казалось, что как только исполнится определение, то я лишусь жизни от безмерной боли. Начали забивать гвоздь против самого сердца как будто молотками. Я почувствовал необыкновенную, столь нестерпимую боль, что дух мой был сражен совершенно. Душа, как будто собрав в себя пораженные слабые силы, оставила меня без чувств на кресте и, излетев из тела,

держима была несколько минут каким-то невидимым и неизъяснимым существом. Глаза мои помертвели и закатились, голова склонилась, не помню, на какую сторону.

Ужасное было зрелище! Душа моя была во мне, но, казалось, вне тела. Вскоре, впрочем, начало мне казаться, что я только чрезмерно изнемог, но душа моя во мне. Болезнь стала умеряться, и вдруг не стало слышно и следов ее. Мгновенно открылись мои глаза, но я более ничего не ощущал, кроме того, что я на кресте. Но сердце мое бедное восхищено было и преисполнено толикою сладостью, что того неизобразимого веселия ни тысяча великих умов, ни я сам, испытавший, выразить не в состоянии. Сладость моя есть чаша предложения сладостей премирных от Пресладкого Мироправителя, Господа нашего Иисуса Христа. Ему только свойственно иметь такого рода стамну манны и по непостижимой тайне милосердия Его даровать смертным. Но что я начинаю говорить, безумный, о том, что выразить всей жизни моей недостаточно! Простите! Возвеселилось сердце мое неизреченно; и тогда пламенеющие в мирном духе глаза мои опустились вниз. Я видел себя всего в крови, пригвожденного на кресте. Сладость восхитила мой дух. В сердце остались следы какого-то изумления, которое меня и пробудило от сна.

Теперь первый час после полуночи. Вот я пришел немедленно к вам. Удивляюсь, недоумеваю, радуюсь и ужасаюсь. Трепещет сердце мое без боязни от следов сладости и удивления. Скажите мне, что значит этот необыкновенный сон?".

Старец отвечал: "Преподобный Варсануфий Великий пишет, что Самого Иисуса Христа, Господа, Ангела и другое лицо бесы могут представлять не только во сне, но и наяву: обыче бо сатана преображатися во Ангела светла. Но креста Господня, на силу которого, как поет Святая Церковь, диавол не смеет взирати: "трепещет бо и трясется, не могий взирати на силу его",— он представить не может. Итак крест, виденный тобою во сне, предзнаменует величайшую какую-то скорбь, а сладость — заступление. Чем ты готовее будешь, тем и легче можешь переносить, яко *уготовихся и не смутихся* [Пс. 118, 60], восклицает святой Давид. Если же ты поколебался в скорби, держись правила: *смятохся, и не глаголах* [Пс. 75, 5]. Если же скорбь твоя будет безмерна, помни следующее: *Терпя, потерпех Господа, и внят ми* [Пс. 39, 2]. Убо воля Господня да будет! Иди, не беспокойся! Верен Бог!".

Спустя несколько дней после виденного отцом Павлом сна, известясь о несчастной насильственной кончине отца своего, он вопросил старца: "Я чувствую, что сон мой был предвестник настоящей неизгладимой скорби, хотя относить его к сему предмету не смею. Несчастная кончина моего родителя есть для меня тяжкий крест, виденный мною. Да, я нахожусь теперь на кресте, которого болезни пойдут со мною в гроб. Воображая об ужасной для грешников вечности, в которой нет уже покаяния, я мучуся представлением вечных мучений, которые ожидают моего родителя, без покаяния умершего. Скажи, отче, чем я могу утешить себя в настоящей горести?".— "Вручай,— отвечал старец,— как себя, так и участь родителя воле Господней. Не испытывай Вышнего судеб. Тщися смиренномудрием укреплять себя в пределах умеренной печали. Молись Преблагому Создателю, исполняй этим долг любви и сыновней обязанности".— "Но каким образом молиться о таковых?".— "По духу добродетельных и мудрых так: "Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего; аще возможно есть, помилуй! Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне во грех сей молитвы моей. Но да будет святая воля Твоя!". Молись же просто, без испытания, предавая сердце твое в десницу Вышнего. Конечно, не было воли Божией на столь горестную кончину родителя твоего; но ныне он в воле Могущего и душу и тело ввергнуть в пещь огненную; и Который смиряет и высит, мертвит и живит, низводит во ад и возводит. При том Он столь милосерд, всемогущ и любвеобилен, что благие качества всех земнородных пред Его высочайшею благостью — ничто. Для сего ты не должен чрезвычайно печалиться. Ты скажешь: "Я люблю моего родителя, почему и скорблю неутешно". Справедливо. Но Бог без сравнения более, чем ты, любил и любит его. Значит, тебе остается предоставить вечную участь родителя твоего благости и милосердию Бога, Который, если соблаговолит помиловать, то кто может противиться Ему?".

Кроме описанного сна, который был предвестником страданий отца Павла, замечательно еще бывшее ему видение. В скиту Оптиной пустыни по установленному чиноположению денноощно отправляется в церкви чтение Псалтири ради поминовения о упокоении и о здравии живых благодетелей. Отец Павел читал полунощную чреду. И когда начал он поминать усопших и творить положенные поклоны, увидел в конце правого клироса (в Предтеченской церкви) собственное подобие. Он долго смотрел на это явление; наконец решился подойти к клиросу; но лишь только дошел до него, видение исчезло, а его объял страх. Отец Павел немедленно вышел из церкви, запер ее, пошел к старцу и, разбудив его, передал ему виденное. Отец Леонид успокоил его и послал доканчивать свою череду.

Отец Павел скончался во время совершаемого над ним Таинства Елеосвящения, в твердой памяти. Быстро смотрел он наверх и обращал взор свой по сторонам в воздухе, закрывал глаза, содрогался и опять смотрел со вниманием на предмет, которого никто не видел. Только всем заметно было, что он видел врагов своей души, которые возмущали ее в страшный час ее исхода. Потом, смежив очи, он перекрестился, вздохнул — и жизнь его угасла. В сей день он был исповедан и сообщен Святых Христовых Таин. Кончина его последовала 4 августа 1835 года.

Иеромонах Палладий (Белоусов)

(†22 марта /4 апреля 1888)

В миру Петр Семенович Белоусов, из зажиточных 3-й гильдии купцов города Устюжны Новгородской губернии. Выговор имел на "о". (В тамошней стороне у жителей особое наречие. Например, крапива там называлась стрикива, девочка — девочка и проч.) В своем городе Петр Семенович служил по городским выборам гласным три трехлетия, исправлял некоторое время должность городского головы, был ратманом, а потом бургомистром. В Оптину пустынь предварительно поступил он в монастырь в 1860 году 9 сентября 40 лет от роду, но 22 марта 1863 года в пятницу, перед Вербным воскресеньем, по воле монастырского начальства, перешел из монастыря в скит ради того, чтобы управлять левоклиросными певчими, так как он мог петь басом простое пение. 28 марта того же 1863 года в Великий Пяток пострижен был в рясофор, а указом Духовной консистории определен в число скитского братства 12 марта 1864 года. 16 декабря 1867 года пострижен был в скитской церкви отцом игуменом Исаакием в мантию, при чем дано было ему новое имя — Палладий. 7 сентября 1869 года он был посвящен в иеродиакона, а в 1876 году 27 июля — в иеромонаха, во время служения Высокопреосвященного Григория в городе Козельске. 26 июня 1883 года награжден набедренником.

Живя в скиту, отец Палладий, кроме пения и чередного, начиная с иеродиаконства, служения, по поручению скитского начальства вел скитскую летопись и кое-что писал по уставу. В обхождении с братиями был очень прост. К слову заметим здесь, что отец Палладий был тучного телосложения, так что монастырский иеромонах отец Леонтий (Мигунов) всегда отзывался о нем так: "В отце Палладии столько толстоты, сколько же и простоты". Очень хорошо отец Палладий знал церковный устав и к концу своей жизни некоторое время в скиту отправлял должность уставщика. От него были ценные пожертвования в скитскую церковь. Например, 12 февраля 1872 года по его ходатайству привезен был от братьев его на диаконский стихарь серебряный глазет с прикладом стоимостью 115 рублей. Кажется, были и еще ценные вклады.

Во все время жизни своей отец Палладий пользовался хорошим здоровьем. Но вот в марте 1888 года неожиданно старец отец Амвросий присылает к нему своего келейника с таким решительным повелением: "Скажи отцу Палладию, чтобы он немедленно принял постриг в схиму и особоровался". Отец Палладий, не быв приготовлен к сему мыслью, отклонил предложение старца, сказав: "Что это? Я здоров". Вскоре затем старец в другой раз присылает к нему келейника с тем же повелением. Отец Палладий и в другой раз отказался от предложения. Наконец, старец в третий раз присылает сказать, чтобы скорее

постригался и соборовался. После сего отец Палладий уже согласился, сказав: "Ну, пожалуй!". Но пока собирались и готовились к совершению Святых Таинств, с отцом Палладием последовал паралич. Он весь расслабел, и язык у него отнялся, но был в памяти. Потому его предварительно особоровали, а затем спросили, желает ли он сообщиться Святых Христовых Таин. Не имея возможности говорить, он ясно дал знать губами, что желает. Его тотчас и сообщили. Но постричь в схиму не успели. Он мирно скончался о Господе 22 марта помянутого 1888 года на 68-м году от рождения. На третий день после кончины, по обычаю, были похороны. Тело отца Палладия лежало в гробу как живое, ни малейшего мертвенного запаха не было у него.

Послушник Пармен Феодоров

(†17/30 июля 1856)

В скитской летописи под 17 июля 1856 года написано о нем следующее: "Среда. Сего числа в 5-м часу пополудни скончался скитский послушник Пармен Денисьевич Феодоров на 21-м году от рождения. Родом из мещан города Епифани Тульской губернии. Отец его, Ефимов сын, Феодоров, торговал в уезде скотом, медом, воском. Кроме Пармена у старика было три дочери. Одна из них умерла прошлою зимою[76], а две проводили жизнь в келейке на городском кладбище. У старика составился маленький капиталец, нажитый трудами, и два дома. Пармен поступил в скит на жительство в 1853 году и, побыв несколько времени на послушании в кухне, взят был в келейники к отцу Макарию. Был простодушен и незлобив. Возвратясь от господ Киреевских, куда ездил со старцем Макарием совершенно здоровым, он через день или два заболел. Вскоре болезнь его приняла серьезный характер; то была горячка в сильной степени. Три дня пролежал он в бреду, не принимая никакой пищи. Во вторник 16-го числа в 10 часов вечера после глухой исповеди (как значится под 16-м числом) удостоился причаститься Святых Таин — Тела и Крови Христовых. В минуту причащения пришел в себя и проглотил Святую Частицу, а потом опять забылся и проговорил: "Поеду домой!". В среду на 9-й день болезни положение больного не улучшилось и не подавало надежды на выздоровление. В 4-м часу его особоровали, а в 5-м мирно почил о Господе. Бред его во время болезни явно обнаруживал детское состояние души его. "Пармен умрет,— говорил он между прочим,— будут жалеть: батюшка (старец Макарий), отец Иларион (старший келейник), монахи". В пятницу, в день святого пророка Илии, после обедни тело усопшего предано было земле на скитском кладбище, неподалеку от другого юного послушника, почившего в 1855 году Владимира Кавелина, который особенно дружелюбно прощался с ним во время своей предсмертной болезни, как бы намекая тем на скорое свидание за гробом. Прожил Пармен в скиту всего три года.

Безутешно плакал на погребении старик, Парменов отец, который вслед за сыном пришел в Оптину пустынь и поместился на жительство в монастыре. Устроив свои домашние дела, он думал, что вот сын закроет ему глаза. "А пока,— говорил он,— буду жить да утешаться его сопребыванием". Но Бог судил иначе, и старику отцу пришлось пережить юного сына. За несколько дней до его кончины старик видел во сне, будто лежит он на печи, а близ ее роют какой-то погреб. "На что это?" — спросил с удивлением старик у роющих. "Да так надо"— отвечали ему. "Когда же,— сказывал после старик,— услышал я о болезни сына, то сердце-вещун тотчас подсказывало мне, что сон этот недаром мне приснился: вот что значит: Так надо! — подумал я. Что делать! Буди Его святая воля! И мне недолго проскрипеть. Жаль старухи и дочерей, их одолеет горе",— твердил неутешный старик, едва оправившийся от трудной физической болезни и вновь пораженный горем душевным".

Но судьбы Господни неисповедимы. Человек предполагает, а Бог располагает. Немалое время пришлось проскрипеть старику после кончины своего сына. Каждый год в

[76] Т.е. зимой 1856 года.— *Ред.*

день его памяти он приходил из монастыря в скит и просил послужить по сыне своем панихиду, во время которой усердно-усердно молился о упокоении его души в Царствии Небесном. Сам же старец жил всегда в монастыре, там и скончался, там и погребен на новом кладбище. Могила его накрыта большой чугунной плитой с надписью, из которой видно, что монах Дионисий прожил в обители после сына лет 26, имея от роду 90 лет. Мир и покой вечный добрым сыну и отцу!

Схимонах Пахомий

(†1/14 декабря 1890)

В миру Пахомий Марков, из крестьян Елецкого уезда Орловской губернии. Поступил в скит в 1878 году 53 лет. Был в скиту несколько времени привратником и вместе с тем мостил иногда камнем дороги. Отличался особенным усердием к послушанию. Однажды мостил он дорогу от западных скитских ворот по направлению к монастырю. Проходя мимо него этой дорогой, скитоначальник иеромонах Анатолий обратился к нему с вопросом: "Небось тебе, отец Пахомий, трудно и скучно с этим делом-то?". Тот ответил: "Батюшка, послушание прохожу — мед пью". Келейно принял он постриг в схиму и мирно отошел в жизнь вечную с напутствием Святых Таин 1 декабря 1890 года, 65 лет от роду.

Монах Пахомий (Сабодаш)

(†9/22 марта 1908)

В миру Петр Игнатьевич Сабодаш. Казак Полтавской губернии Роменского уезда Баумановской волости села Бауманова. Родился 1869 года 21 декабря. Достигнув лет 20, он лишился матери. И так как у родителя его были еще дети младшие и даже маленькие, то все односельчане, по смерти хозяйки дома, переговаривались между собой: "Пропали Сабодаши!". "А у нас,— сказывал впоследствии Петр,— после смерти матери стало еще тише в семье. Я, как умевший шить на машине, всех семейных обшивал. И вообще, все наши домашние дела шли добрым порядком". Когда исполнилось Петру 30 лет и прочие члены семейства уже выросли, он по влечению сердца своего к монастырской жизни оставил родной дом и поступил в скит Оптиной пустыни в число братства 13 июня 1900 года. Так как он имел порядочный бас, то несколько времени был певчим на правом клиросе и исполнял некоторые другие послушания. Но вскоре взят был старцем Иосифом к себе в келейники, каковое хлопотливое послушание и проходил лет шесть, до самой своей кончины. 1907 года 21 сентября он пострижен в мантию, при чем получил новое имя — Пахомий.

Находясь под разными искушениями, отец Пахомий неоднократно собирался оставить скит и перейти в другую обитель, забывая о том, что от искушений никуда невозможно уйти. По убеждению настоятеля обители отца архимандрита Ксенофонта и старца отца Иосифа он, однако, отлагал свое намерение навсегда проститься со скитом, куда всеблагий Промысл Божий привел его для спасения души. Наконец в исходе февраля 1908 года он заболел пятнистым тифом и перевезен был в монастырскую больницу. Здесь он был исповедан, сообщен Святых Христовых Таин и особорован.

После сего он скоро впал в беспамятство. Но для всех замечательно и удивительно было, что, находясь в беспамятстве, отец Пахомий постоянно твердил Иисусову молитву: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго". Оказалось, что вскоре, по поступлении в скит и потерявши голос, он по необходимости во время служб церковных становился в храме Божием позади и, вместо того чтобы петь басом, пел уже мытаревым гласом, непрестанно повторяя про себя молитву Иисусову, и так свыкся с ней, что даже и в беспамятстве повторял ее.

1908 года 9 марта, на память святых сорока мучеников, отец Пахомий скончался и похоронен на скитском кладбище. По кончине его на столе в его келлии осталось приготовленное им письмо, в котором он убедительно просил одного настоятеля из

другого монастыря о принятии его в свою обитель. И это было последнее для отца Пахомия предсмертное искушение. Такое же явление, как непрестанно произносившаяся в беспамятстве отцом Пахомием молитва, показывает, как полезно всем и каждому из православных христиан навыкать Иисусовой молитве, ибо при исходе из сей жизни только в молитве душа и находит для себя опору и утешение.

Монах Петр (Иванов)

(†12/25 декабря 1867)

В миру Петр Иванович Иванов. Родился в 1794 году. Пришедши в возраст, служил в военной части обер-аудитором 6-го пехотного корпуса. По выслуге пенсии вышел в отставку в чин титулярного советника. При воспоминании о своей мирской жизни Петр Иванович говорил, что жил весело. У всего служившего с ним офицерства было тогда в обычае, проснувшись по утрам, напиться чаю, не вставая с постели. Затем он рассказывал такой случай: "Разместили нас всех однажды по квартирам. Мне пришлось остановиться у некоего малоросса. Так как я хорошо играл на гитаре, то, настроивши свой музыкальный инструмент, и начал наигрывать веселую пьесу. Бывшая тут хозяйка дома слушала, слушала, да как пустится плясать. На этот грех вдруг растворяется дверь и входит хозяин. Обращается ко мне с грозными словами: "Ах ты, благородная собака! Вздумал мою жену соблазнять!", и лезет меня бить. Я так-сяк: "Что ты? Что ты? И не думал соблазнять твою жену". Уж едва-едва отвязался кое-как". Были в жизни и тяжелые случаи. Вспоминал Петр Иванович, как ему однажды во время военных действий пришлось очутиться под перекрестным огнем. "Ох, батюшка, страшно было",— заключал он свое воспоминание об этом. Между прочим, он встретился тут с солдатом, у которого конец носа был отрублен и висел как на ниточке. Солдат стоял и плакал. Вдруг подходит к нему военный доктор и говорит: "Дай-ка я тебе нос-то пришью!". Впоследствии у него нос и прирос. Вспоминал также Петр Иванович, как русский солдат формирует по-своему иностранные слова. Например, был в то время генерал, фамилия его Бистром, а солдаты все называли его Быстров. Или бывала стрельба бранцкугелем, а солдаты говорили: брянским уголем.

По выходе в отставку Петр Иванович был лет уже не молодых, ему перевалило за пятьдесят. Теперь, оглянувшись назад и в своей жизни видя много сделанного им недолжного, а впереди неминуемость смерти и Страшного Суда Божия, он задумался: "Как быть и что творить?". "Купил я себе,— так он сам рассказывал,— книжку "Житие Саровского старца", а в настоящее время преподобного Серафима. Пришел в гостиницу, попросил себе отдельную комнатку, велел подать чаю, а сам между прочим стал читать купленную мною книгу. Чтение так повлияло на мою грешную душу, всегда прежде бывшую в рассеянности, что слезы градом катились по щекам моим. Проходя мимо моей комнатки и видя меня плачущим, половые только пожимали плечами, недоумевая, отчего это барин плачет. Тут же и пришла мне благая мысль провести остаток своей жизни в святой обители".

И вот с этой целью в 1846 году прибыл Петр Иванович в Оптину пустынь, которая в то время была в полном расцвете жизни духовной. Но так как после развеселой жизни трудно было вдруг подчиниться строгим правилам монастырской жизни, то он и вздумал сначала поместиться с благословения отца настоятеля в номере монастырской гостиницы, где и прожил девять годов. Когда же он укрепился в духе и посвыкся с монастырской жизнью, тогда уже и поступил в скит на жительство. Это было в 1855 году 5 ноября, а в 1859 году он был облачен в рясофор. В рясофоре он проходил до самой своей кончины, потому что, привыкши давать себе в жизни некую ослабу, не мог отказаться от пенсии, а не отказавшись от пенсии, не мог, по церковным законам, пострижен быть в мантию, о чем старичок немало скорбел и иногда даже высказывался так: "Я бы, может быть, теперь уже был иеромонахом и благословлял, если бы не пенсия".

Несмотря, впрочем, на это, отец Петр пользовался между скитскими братиями почетом. Его заставляли, наряду с иеромонахами и иеродиаконами, во время праздничных

бдений читать в церкви канон или положенное поучение. Послушание его было заведовать свечным ящиком. Вообще, все братия любили его за простоту и любовное обращение. Когда он получал от казначейства пенсию, тогда покупал в городе хорошего чаю и баранок и по возвращении в скит угощал своих соседей по келлии. Любил он иногда писать кое-какие мелкие статейки, которые и отсылал в "Странник" или "Душеполезное чтение". Это было в продолжение 50-х и 60-х годов прошлого [XIX] века. Но так как отец Петр в этих статейках описывал некоторые обстоятельства по своему личному взгляду и потому не совсем правильно, то статейки его вследствие этого не всем нравились. В особенности восставал против них одновременно с ним живший в скиту рясофорный монах отец Константин (впоследствии иеромонах Климент) Зедергольм. По кончине отца Петра остались две объемистые рукописи — выписки из творений святых отцов, которые теперь хранятся в скитской библиотеке.

Вот что еще интересно. При жизни отец Петр коротко был знаком с жившим в монастыре тоже рясофорным монахом отцом Павлом Моисеевичем, который тоже был в военной службе и вышел в отставку с чином майора. Этот последний передал отцу Петру следующий рассказ: "Пришла мне,— говорил он,— мысль помолиться Богу, чтобы Он мне открыл, в каком положении находится душа императора французов Наполеона I. И по времени я увидел Наполеона (неизвестно только, во сне или наяву) в виде лягушки". Вот как ценится у Бога земная слава и величие человеческое! *Еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом* (Лк. 16, 15).

До осени 1860 года, пока старец Макарий был жив, отец Петр пользовался его советами и наставлениями и после всегда вспоминал о нем с великою любовью и глубокопочитанием. "Бывало,— рассказывал отец Петр,— стою я в церкви. Туча смущающих помыслов найдет на грешную мою душу. Старец заметит это, сам подойдет ко мне, благословит, укажет на какую-либо святую икону и скажет: "Вон молись такому-то угоднику Божию", и тотчас рассеется мое смущение и благодатный мир водворится в душе моей". Этот великий старец до тонкости знал, с кем и как обращаться, и умел соединять строгость со снисходительностью. Издавна соблюдалось в скиту старческое правило — пить чай по три чашки средней величины, не больше. Вот пришел к нему однажды отец Петр и просит разрешить ему пить по четвертой, а то трех для него недостаточно. "Нет, нет,— положительно сказал ему старец,— по три, по три пей". Однако, уступая его просьбе и немощи естества, прибавил в утешение его: "А ты как будешь в чашку наливать чай-то, возьми да и перелей несколько на блюдце". А все-таки счет чашек не должно было терять. Таковыми, по-видимому, незначительными случаями старец обучал учеников своих отсекать свою волю, ибо для души ничто не проходит бесследно, но укрепляет ее в навыках или добрых или худых. Верный в малом и во многом будет верен. Все начинается с малого.

20 июня 1864 года отец Петр отправился было на богомолье, но 30 июля возвратился в скит. В Тихвине Новгородской губернии испугал его слух о сибирской язве. С 1 октября 1867 года сделался он нездоров. В это время ему привиделось во сне, будто он собирается ехать в город Землянск Воронежской губернии, где давно, может быть, лет 30 тому назад, ему приходилось квартировать вместе с солдатами. Проснувшись, он понял, в какой Землянск настало время для него ехать. Это — общий для всех погост. Собравшись с силами, он сходил к старцу батюшке отцу Амвросию для объяснения и с тех пор стал готовиться к смерти. Все свои черновые бумаги пожег в печке. Затем все более и более стал чувствовать ослабление сил телесных, но боли никакой не чувствовал. Принял келейно постриг в мантию, был напутствован всеми Святыми Таинствами и наконец 12 декабря в 8 часов утра скончался мирно христианской кончиной 73 лет от роду. Того же числа вечером был вынос тела его из келлии в церковь. 13-го числа была в скиту своя вечерня, а после нее служилась панихида над телом почившего. 14-го была заупокойная утреня и литургия, после которой совершал погребение настоятель обители отец игумен Исаакий со скитоначальником иеромонахом отцом Иларионом и монастырским

духовником иеромонахом Пименом. После погребения все скитские братия в келлиях скитоначальника угощались чаем при искреннем благожелании. Да упокоит Господь душу новопреставленного монаха Петра в вечных обителях!

Монах Петр (Никифоров)

(†8/21 июля 1848)

Летом 1848 года в Калужской губернии свирепствовала холера. В Оптинском скиту обнаружилась она у молодого послушника Петра Никифорова. К излечению его употреблены были известные в то время средства, но успеха не было. Больной исповедался и приобщился Святых Христовых Таин, был особорован и, судя по надгробной надписи (где он назван монахом), без сомнения пострижен был в монашество. Наконец, после жестоких страданий от внутреннего огня, окончил путь своей жизни 8 июля во втором часу пополуночи, прожив на свете 28 лет. Тело его погребено было 9 июля на общем скитском кладбище. Родом он был из новосильских мещан. Усердным своим в скиту послушанием служил примером для братии.

Монах Рафаил (Фомин)

(†13/26 апреля 1913)

Из крестьян Орловской губернии Ливенского уезда Знаменской волости села Космодамиановского; в миру Роман Васильевич Фомин, холост. Обучался в сельской школе чтению и письму. Записан в братскую книгу (одет в подрясник) 22 мая 1898 года (22 лет от роду). Пострижен в рясофор 12 апреля 1902 года, определен в число братства (приукажен) 19 февраля 1903 года; пострижен в монашество 16 декабря 1907 года в Оптиной пустыни. Проходил в 1912 году послушание цветника в скиту. Скончался 13 апреля 1913 года от туберкулеза легких, 37 лет от роду. Перед смертью пострижен в схиму; исповедовал и приобщал его иеромонах Пантелеимон. Погребен 15 апреля на скитском кладбище. Совершали погребение иеромонах Кукша и монастырский иеродиакон Макарий.

Иеросхимонах Савватий (Нехорошев)

(†9/22 августа 1895)

В миру Сергей Андрианович Нехорошев, из мещан города Болхова Орловской губернии, по ремеслу кузнец. В детстве обучался грамоте вместе с другими детьми у настоятеля Болховского монастыря, знаменитого архимандрита отца Макария (Глухарева)[77], бывшего Алтайского миссионера. Поступил в скит в ноябре 1856 года, будучи от роду лет 23. Он был небольшого роста, но крепкого телосложения и обладал хорошим телесным здоровьем. Послушание поручено ему было быть помощником пономаря. В это время главным пономарем в скиту был монах отец Флавиан (впоследствии казначей Оптиной пустыни), человек тоже крепких сил и здоровья. По скитскому уставу в Оптинском скиту в будничные дни вместо служб церковных отправляются в определенной келлии соборные молитвенные правила. После этих правил по большей части скитяне, разошедшись по келлиям, несколько отдыхают. Но послушник Сергий с отцом Флавианом никогда в это время не ложились отдыхать, а, пришедши от правил, занимались каким-либо рукоделием и в зимнее время оба делали ложки, которые в свое время и относили старцу иеромонаху Макарию. Пономарское послушание и одно — нелегкое послушание. Но в описываемое время пономари были вместе и садовниками, и цветниками, и занимались парниками, и потому они находились в непрерывных тяжелых трудах.

Из этого времени известен один происшедший с послушником Сергием случай: "Установлено было старцем Макарием,— так передавал впоследствии сам Сергий,—

[77] Память преподобного Макария Алтайского празднуется 18/31 мая.— *Ред.*

чтобы каждый скитянин, когда, конечно, поспеют плоды, съедал в день не больше трех яблок. В один день очень усилился у меня аппетит на яблоки, и я, конечно, не вдруг, а вперемежку, даже и незаметно для себя, кушал яблоко за яблоком, даже и сверх положенного, и к концу дня оказалось, что я съел в день 13 яблок, вместо трех-то. А вечером каждого дня необходимо было идти к старцу на откровение своих помыслов и, тем паче, дел. Думаю, что мне теперь делать? Как показаться к старцу и что говорить? Прихожу, становлюсь, по обычаю, пред старцем на колена и начинаю говорить не прямо, а издалека: "Простите, батюшка, я ныне много яблок поел". Старец: "А сколько же ты съел? Пять?". Отвечаю: "Больше".— "Шесть?" — "Больше". Не дождавшись конца этому "больше", старец как начал меня рукою по голове стукать! Стук!.. Стук! Тем и завершилось мое откровение".

12 августа 1857 года послушник Сергий указом консистории определен был в число скитского братства, а в начале 60-х годов пострижен в рясофор. К концу 1860 года отец Флавиан, будучи уже иеродиаконом, по распоряжению начальства оставил пономарскую должность, и Сергий после него сделан был главным пономарем. Послушание это он проходил более 25 лет, до самого иеромонашества, и притом с таким усердием и тщательностью, что поистине мог служить примером для всех пономарей. Во всякое время при нем была такая чистота и опрятность в храме Божием, что как будто он нарочно готовился к какому празднику. Впрочем, в это время он только и знал одно пономарское послушание; а ходить за садом и цветами приставлены были уже другие люди. По любви к чистоте и опрятности он не раз своими руками, конечно, при помощи других, тщательно отмывал закоптелые от каждения ладаном стены и потолок в церкви; на каковой труд последующие за ним пономари уже не решались.

26 октября 1866 года отец Сергий пострижен был отцом игуменом Исаакием в мантию и получил новое имя — Савватий. 31 декабря 1872 года он посвящен был в Калуге архиепископом Григорием в сан иеродиакона, а в 1878 году 31 декабря, тоже в Калуге,— в иеромонаха. Летом следующего 1879 года вздумали в монастыре промыть закоптевшую от ладана теплую церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Сам ли иеромонах Савватий поревновал принять участие в этом труде или, может быть, приглашен был начальствующими, неизвестно. Но только случилось тут несчастье. Промывание должно было начаться с потолка. Для того поставлены были подмостки, но, по недосмотру строителей, не совсем прочные. Потому, когда отец Савватий вместе с другими трудившимися братиями взобрался на эти подмостки, они обрушились. Все на них находившиеся, конечно, попадали на пол, но иные зашиблись, и только. А отцу Савватию свалившаяся сверху доска раздробила одну ногу в самом суставе около ступни, так что из раны по времени выпадали малые осколки кости. Да кажется, поврежден был при этом и крестец. Отца Савватия тотчас же снесли в монастырскую больницу. Приглашен был из ближней деревни Стенино опытный костоправ, который и связал ему ногу в лубки. А смотритель больницы, монах Филарет, и сам принимавший участие в трудах по церкви и тоже пораненный, хотя несколько легче, постоянно прикладывал лед к его ране и тем не дал возгореться антонову огню. Месяцев восемь пробыл отец Савватий в больнице и только в 1880 году на 5-й неделе Великого поста вышел из больницы. А в Великую Субботу мог уже участвовать в соборном служении Божественной литургии. Но хотя нога его и зажила, однако уже до самой кончины не давала ему полного спокойствия. Часто ощущалась в ней боль, особенно когда, бывало, отслужит он литургию; и ходил по большей части, опираясь на палку. В последние же годы жизни отец Савватий сильно страдал от своей больной ноги. Незадолго до кончины он принял постриг в схиму и скончался мирною христианскою кончиною 9 августа 1895 года, напутствованный в жизнь вечную всеми христианскими Таинствами. Всего жития его на земле было 62 года.

Монах Савватий

(†24 декабря 1833 /6 января 1834)

Из дворовых людей. Первоначально жил несколько времени в рославльских пустынных лесах Смоленской губернии вместе с монахом Досифеем и другими пустынниками. В 1821 году, когда живший в тех же рославльских лесах монах Моисей (впоследствии оптинский настоятель) с родным своим братом Антонием (впоследствии скитоначальником), привлеченные любовью Калужского епископа Филарета (впоследствии митрополита Киевского), прибыли в Оптину пустынь для устроения при ней скита, прибыл вместе с ними и отец Савватий, который был некоторое время у скитоначальника отца Анатолия келейником.

Одновременно с вышеупомянутым послушником Георгием заболел он холерой и в один день, то есть 24 декабря 1833 года, преставился ко Господу из жизни сей временной, прожив в скиту 12 лет с лишним. А всей его жизни было 52 года.

Схимонах Сергий (Пономарев)

(†7/20 апреля 1881)

В миру Стефан Никитич Пономарев, родной брат бывшего скитоначальника иеросхимонаха Илариона[78] (скончавшегося 18 сентября 1873 года), сын рядом погребенного с ним его родителя Никиты Филимоновича Пономарева, в монашестве монаха Нифонта, из саратовских купцов. А прежде был, как и родитель его, крепостной господ Ширинкиных, затем вольноотпущенный и купец. Был в свое время женат и очень счастлив своим подружием. Бывши крепостным человеком, ездил со своим барином за границу: был в Италии и, сопровождая барина, всходил с ним на вершину огнедышащей горы Везувия. Там он видел громадных размеров огненное озеро. Высоко вздымались на нем наподобие морской волны волны огненные. Страшно было смотреть на эту адскую картину. Между прочим, в виду их[79] какой-то господин, должно быть разочарованный жизнью, бросился в эту бездну и мгновенно в ней бесследно исчез.

После смерти своей супруги Стефан Никитич прибыл в Оптину пустынь, где уже давно подвизался младший брат его, вышеупомянутый иеросхимонах Иларион, с намерением поступить в число братства оного монастыря. Был отцом настоятелем принят на жительство в монастырь, и так как в миру был хороший портной, то и определен в монастырскую рухлядную закройщиком. В первое время своего пребывания в святой обители, должно быть, он очень скучал по своей супруге, так как не мог без слез вспоминать о ней и потому, вероятно, имел немощь по временам лишнее выпивать. По этой-то, кажется, причине еще при жизни своего брата, уже болящего и доживавшего свой век скитоначальника отца Илариона, Стефан Никитич, теперь уже монах рясофорный, в 1872 году 27 августа переведен был из монастыря в скит, где надзор за ним был построже и где он уже не предавался винопитию до самой своей кончины. Характера он был тихого. Никто из братий не видел, чтобы он с кем-либо поссорился или кого-либо обидел.

Уже будучи в преклонных летах, он никогда не пропускал ни служб церковных, ни скитских молитвенных правил. Сему, впрочем, очень способствовало его крепкое телесное здоровье. О простуде он и понятия не имел. В раннее, например, весеннее время, в апреле месяце, когда снег только начинает сходить и когда в скиту, окруженном со всех сторон лесом, в особенности бывает слишком сыро, отец Стефан, утром, напившись горячего чаю, разогретый и потный выйдет на крыльцо в одном балахоне и с открытой лысой головой. Поглаживая по голове рукой, начнет говорить: "Ах, как прекрасно! Как прохладно!". Кто-то из монахов заметит ему: "Отец Стефан! Простудишься!". Только ответит: "Во!.. выдумал, что сказать, язёвый лоб" (от слова "язь" — рыба). Язёвый лоб — это у него были шуточно-бранные слова. Вообще, он до самой своей смерти не болел. И только в последний год его жизни заметно было, что лицо его начало принимать

[78] Преподобного Илариона, старца Оптинского.— *Ред.*
[79] Т. е. на их глазах.— *Ред.*

мертвенный цвет. В ноябре 1873 года келейно пострижен был в мантию, при чем ему дано было имя Сергий.

При жизни старика отца Сергия пришел в монастырь его родной сын, по имени тоже Сергий. В монастыре был принят в число братства, там жил, там и скончался.

Незадолго до своей смерти отец Сергий, любивший в свое время с братиями пошутить, неожиданно начинает говорить: "Что это я? Восьмидесятый год живу на свете и никогда редьку с медом не ел. Нужно попробовать". И покушал. Говорил, что кушанье не противное.

В феврале 1881 года отец Сергий заболел и пострижен был в схиму. Перед самой кончиной, лежа уже на смертном одре, он чувствовал сильный жар в груди и говорил: "Ох, терпенья нет, все равно как огненные уголья насыпаны в моей груди". Но вот ходивший за ним монах, по совету понимавших людей, наложил ему на грудь холодный компресс, и страдалец тотчас почувствовал успокоение. 7 апреля того же года, во вторник Страстной недели, в третьем часу пополудни отец Сергий скончался мирно христианской кончиной с напутствием всех Святых Таинств на 80-м году от рождения. Чин погребения, или отпевание тела, совершил иеромонах Агапит в Великий Четверток после часов, а предал земле тело покойника новый скитоначальник иеромонах Анатолий после литургии.

Через несколько дней после погребения схимонаха Сергия скитский иеромонах Нектарий (в то время бывший еще рясофорный монах Николай) имел во сне замечательное видение. "Вижу,— сказывал он,— отца Сергия и в то же время очень хорошо знаю, что он скончался. Спрашиваю: "Отец Сергий, ведь ты умер?" Отвечает: "Да, умер, но только телом".— Спрашиваю еще: "Ну, каково тебе там?" Отвечает: "Да слава Богу! Милость Божию получил, но только я нахожусь в общем помещении. А кто подвизался усердно в земной жизни, у тех уж какие красивые домики!". Тем сновидение кончилось".

Схииеродиакон Сергий (Трунов)

(†31 августа /13 сентября 1884)

В миру Симеон Феодотович Трунов, сын помещика Курской губернии Щигровского уезда Феодота Саввича, имение коего было в селе Большие Щигры. Прибыл в Оптину пустынь в 1833 году вместе со старшим братом своим Павлом. Оба они ушли в монастырь тайно от родителей, которые немало поскорбели о сем, но впоследствии, узнавши, что дети их поступили в святую обитель на служение Богу, простили им это спасительное своеволие. Павлу в то время было 20 лет, а Симеону не более как лет 16. В скит ли прямо поступил Симеон или предварительно в монастырь, достоверно не известно, но только в сороковых годах прошлого [XIX] столетия он по спискам уже показан в числе скитских насельников. Так как он поступил в обитель в очень молодых летах, то и долго ему пришлось ждать приуказки. Она последовала только 4 декабря 1853 года. А в 1857 году 7 сентября он пострижен был в мантию с получением нового имени — Сергий. 17 августа 1862 года посвящен был в иеродиакона, но с февраля 1873 года, по случаю потери голоса, церковных служб не мог отправлять.

Иеродиакон Сергий в свое время отличался твердым и точным знанием церковного устава, которое прекрасно усвоил себе под руководством великого Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Келейным его занятием было письмо по уставу. Он прекрасно написал целую книгу, именуемую "Лествицей" святого Иоанна Лествичника. Одновременно с отцом Сергием жил в монастыре искусный писец, монах Астион[80], который тоже всю эту книгу переписал по уставу своей рукой. По благословению же

[80] Монах Астион (Голосов; †6/19 января 1856) подвизался в Оптиной с 1834 г. Исполнял послушания столярного мастера, пономаря, переплетчика книг, трудился в больнице. 20 декабря 1854 г. в связи с неизлечимой болезнью выбыл за штат.— *Ред.*

старца отца Макария "Лествица" монастырского монаха Астиона поступила в скитскую библиотеку, а "Лествица" скитского монаха Сергия — в монастырскую, на память о них обоих. Кроме того, отец Сергий и скорописью писал очень хорошо. Вместе с тем отец Сергий весьма искусно вырезал параманные кресты из дерева и из кости. В настоящее время крест из кости его работы хранится в святом алтаре скитской Предтеченской церкви, надетый на венец Калужской иконы Божией Матери, украшенной серебряной ризой с камнями, которая вместе с другими иконами стоит за престолом на горнем месте.

При доброте сердца и мирном и тихом характере добрый отец Сергий имел и недостаток. Пришедши в надлежащий возраст, он побежден был немощью поддаться страсти излишнего винопития. Но так как в скиту строго за этим следят и еще строже взыскивают виновных, то отцу Сергию приходилось много терпеть за свою оплошность. Его, старика, становили в трапезе на поклоны в продолжение всего братского обеда, запирали в особую келлию на несколько дней, на хлеб и воду. И он беспрекословно подчинялся всем требованиям начальства, стараясь ни в чем не нарушать возлагаемой на него епитимии. Так, однажды сидел он голодный в уединенной келлии. Сжалившись над ним, наблюдавший за ним монах предложил ему чашку чаю. Но отец Сергий смиренно ответил: "Нет, уж как определено, так пусть и будет".

В июле 1884 года отец Сергий заболел внутренней болезнью и по этой причине перебрался из скита в монастырскую больницу, в которой того же месяца 30 числа был особорован святым елеем и пострижен в схиму без перемены имени. Весь август месяц он постепенно ослабевал в силах, не ощущая при этом в теле никакой боли. Неоднократно в это время сообщаем был Святых Христовых Таин. Наконец ночью при наступлении 31 числа августа, во время утрени, скончался мирною христианскою кончиною. По опрятании тела и положении во гроб его вынесли во Владимирскую церковь, где братиями деннонощно читается Псалтирь по усопшим и живым братиям и благодетелям, а 2 сентября, в воскресный день (кстати, празднование чудотворной Калужской иконы Божией Матери), пред ранней обедней оно перенесено было из монастыря в скитскую Предтеченскую церковь и после литургии, по обычаю, было отпето и погребено на скитском кладбище. Чин погребения совершали три скитских иеромонаха и один иеродиакон, а певчие на погребении пели монастырские. Всего жития иеродиакона Сергия в юдоли сей плачевной было 67 лет, из которых проведен им был в монастыре 51 год. Царство Небесное доброй душе его!

Монах Сергий

(†1/14 сентября 1830)

Поступил в скит в 1825 году из причетников села Брыни Жиздринского уезда Калужской губернии. Двоюродный брат оптинского приснопамятного схимонаха Иоанникия, который еще до основания скита немалое время жил и подвизался на этом месте в уединенной келлии с двумя монахами: Мисаилом и Феофаном. По единогласному свидетельству современников, старец Иоанникий украшен был всеми монашескими добродетелями. Его кротость, смирение, братолюбие и беспрекословное послушание настоятелю были образцом спасительной жизни для всех братий Оптиной пустыни. Корпусок, в котором жил отец Иоанникий, и теперь в скиту существует, но только внутренность его перестроена. Стоит он возле сажалки вблизи пасеки (схимонах Иоанникий скончался в 1815 году и тело его погребено в монастыре, так как скита в то время еще не было).

Описываемый монах Сергий по возможности старался подражать жительству своего двоюродного брата. Послушание его было ходить за пчелами. Вместе с тем он был весьма усерден и способен к церковному чтению и пению. Был пострижен в мантию. Прожил в скиту пять лет с половиною и преставился о Господе в жизнь вечную 1 сентября 1830 года, имея от роду 65 годов.

Инок Стефан

(†29 февраля /13 марта 1836)

Родом из мещан города Козельска, живописец, был пострижен в рясофор. Перед смертью он был тревожим бесовскими привидениями и потому просил старца отца Леонида навестить его. Старец исполнил его желание, был у одра больного, утешал его духовною беседою и укреплял надеждою на помощь и заступление Божие. Отец Стефан скончался в преклонных летах 29 февраля 1836 года, прожив на свете свыше 80 годов.

Инок Стефан

(†14/27 июля 1831)

Рясофорный, поступил в скит в 1829 году, родом из Вологодской губернии Грязовецкого уезда, из экономических крестьян. Болел лихорадкою полтора месяца. В скиту жил два года с небольшим. Скончался в надежде жизни вечной 14 июля 1831 года. Всех лет ему от роду было 67.

Схимонах Тимон (Трунов)

(†22 января /4 февраля 1894)

В миру Тимофей Петрович Трунов, родом из мещан города Коломны Московской губернии, но жил долгое время в Москве, работал на ткацкой фабрике и управлял некой частью работавших на фабрике женщин. Рассказывал он, что однажды во время работ фабричных едва не поплатился он своею жизнью. По недосмотру как-то нога его попала в ременную петлю, и потянуло было его кверху. Ткавшие около него женщины испугались и закричали, но сам Тимофей Петрович не растерялся, успел вовремя сбросить с ноги петлю и дать знать, чтобы остановили машину. Иначе всего бы его истрепало как мочало.

Поступил он в скит в октябре 1863 года, имея от роду 41 год. Послушание ему определено было быть келейником у отца Константина, впоследствии отца Климента (Зедергольма), на каковом послушании он находился до самой кончины отца Климента. По времени к этому послушанию было ему прибавлено и другое — печь хлебы на скитскую братию. Все это он исполнял рачительно и с любовью. Нередко вследствие вспыльчивого своего характера отец Климент и нехотя оскорблял Тимофея, но он, зная доброту сердца отца Климента, переносил это благодушно, ибо отец Климент так был дружелюбен и благожелателен, что готов был, как говорят, последним поделиться со своим келейником. Потому, когда отец Климент скончался, келейник его долго скучал о нем, даже и с болью сердечною.

14 августа 1866 года Тимофей пострижен был в рясофор. В июле 1873 года он сопровождал за границу, в Швейцарию, отца Климента, который по благословению Оптинских старцев ездил туда для христианского напутствия графа Александра Петровича Толстого, бывшего обер-прокурором Святейшего Синода; а 1 декабря того же года пострижен был в мантию, при чем дано было ему новое имя — Тимон. Будучи знаком вообще с механикой, отец Тимон вздумал обучаться исправлять порченые часы. Скоро он в этом успел и по благословению старца иеросхимонаха Амвросия очень удачно поправлял стенные и карманные часы за самую умеренную цену. Однажды он очень искусно сделал для старца костыль и в свое время поднес ему. А старец, взявши костыль, нагнул мастера да так-то славно приударил его по спине новым костылем-то дважды. Не довольствуясь этой наградой, отец Тимон по смирению проговорил: "Еще, в третий раз!". Батюшка и в третий раз не поскупился. Так старец при удобных случаях каждого смирял по-своему.

Издавна у отца Тимона был неисправен желудок и к концу жизни совсем испортился. В предсмертной своей болезни он в продолжение сорока дней не мог принимать никакой пищи, так как все принимаемое тотчас извергалось вон. В это время предлагали болящему принять пострижение в схиму, но он, не имея надлежащего понятия о схиме, отказывался. Раз в болезни, лежа на койке, он размышлял: "Что это такое — схима? И для чего ее

принимают?". Вдруг он явственно услышал обращенный к нему голос давно скончавшегося старца иеросхимонаха Амвросия: "Схимник!". Приняв это за волю Божию, он немедленно выразил желание постричься, что и было исполнено келейно. В сороковой день его неядения он увидел в сонном видении уважаемого всем православным миром Кронштадтского протоиерея отца Иоанна, который сказал ему так: "Сорок дней ты постился, теперь Бог да благословит причаститься Святых Христовых Таин". По слову доброго пастыря церкви Христовой отец Тимон сподоблен был причастия Божественных и Животворящих Таин, причем рвоты не было. Вскоре затем он с миром почил о Господе. Кончина его последовала 22 января 1894 года. Жития его от роду было более 70 лет.

Монах Феодосий (Жарков)

(†22 августа /4 сентября 1851)

В миру Флор Ильич Жарков, из вольноотпущенных. В 1830 году поступил он в скит, в 1836 году пострижен в рясофор, а в 1837 году 8 ноября — в мантию. Послушание его было — быть на посылках в разные места, в особенности в Калугу, и исполнять разные монастырские поручения. Был человек воздержанный, молчаливый и жизнь проводил скрытно. Страдал сильно грыжею, начало которой получил еще в мирской жизни.

13 августа 1851 года он почувствовал лихорадочные припадки. Несмотря на это, 17-го числа по монастырской, а кстати и своей надобности отправился в Калугу. Но 19-го числа возвратился в скит и уже сильно ослабевал, хотя все еще понуждался ходить. 21-го числа утром нашли отца Феодосия в келлии лежащим без чувств, с закрытыми глазами. Дыхание у него было тяжелое. По временам он стонал и телом был совершенно недвижим. На оклик никому не откликался. Видя его в таком опасном положении, в 8 часов утра особоровали его святым елеем и ожидали, не придет ли в чувство. На другой день, 22 числа, в среду, он мог принять Святые Христовы Таины и после проглотил немного теплоты, но глаза не открывал и не отзывался. В тот же день в 6 ½ часов пополудни настал час разлучения души его и тела. В последнюю минуту жизни окружающие умирающего заметили, что он мало стиснул зубы и как будто проглотил что-то горькое и затем тихо испустил последний вздох на 63-м году от роду. На третий день после его кончины настоятель обители отец игумен Моисей служил собором в скиту литургию, по окончании которой отправил и погребение.

Игумен Феодосий (Попов)

(†10/23 октября[81] 1903)

В миру Феодор Афанасьевич Попов, из купеческого звания города Балашова Саратовской губернии. С детства имел большую веру ко Господу и Пречистой Его Матери и усердие к молитве. По вере он часто получал от Господа просимое, конечно, не противное Его святой воле. По кончине его остались автобиографические записки, из которых видно, что он с детства имел стремление к разным подвигам. Так, однажды, будучи еще мальчиком, обнаженным телом сидел в муравьиной кочке до тех пор, пока муравьи не искусали его до крови. Ходил пешком в Киев на богомолье, и даже, все еще малолеткой, ушел без ведома родителей в Оптину пустынь с целью совсем остаться на жительство в монастыре, но, по неимению паспорта, чрез козельскую полицию был возвращен домой. В мужеском возрасте, живя еще в миру, некоторое время носил вериги до тех пор, пока на теле его не открылись раны. Имел наяву искушения от бесов, от которых милостью и помощью Божией избавлялся; но как человек подвергался иногда и немощам человеческим. Видал замечательные сны, которые у него всегда сбывались. Но только Оптинский старец Макарий, к которому отец Феодосий в свое время относился, всячески предупреждал его, чтобы снам отнюдь не верил, так как через них легко впасть в

[81] Или 20 октября /2 ноября.— *Ред.*

прелесть бесовскую. Да и святой Иоанн Лествичник говорит: "Кто верит снам, тот вовсе не искусен" (Лествица. Слово 3:28).

Имея с юных лет стремление к иноческим подвигам и вообще к монашеской жизни, Феодор Афанасьевич не связывал уже себя узами брака. И так как он некоторое время служил по питейным откупам в городе Лебедяни Тамбовской губернии и уже знаком был с Лебедянским Троицким монастырем, то по благословению известного троекуровского затворника отца Илариона поступил сначала в число братства в этот монастырь. Это было 27 июля 1860 года. Тут он был и в мантию пострижен 28 июля 1863 года и наречен Феодосием, затем рукоположен был в иеродиакона 15 июля 1864 года и в иеромонаха 28 января 1868 года.

По обстоятельствам же пришлось ему переместиться в Оптину пустынь 1875 года 19 января. По благословению старца батюшки отца Амвросия он поместился было в скиту, но тут ему пришлось пожить недолго. 8 апреля 1877 года по определению Святейшего Синода он назначен был настоятелем Перемышльского Лютикова монастыря Калужской епархии, где и возведен был в сан игумена 31 марта 1885 года. Находясь в Лебедянском Троицком монастыре, отец Феодосий по благословению доброго настоятеля отца игумена Иоасафа с самого поступления в монастырь до перехода в Оптину пустынь жил в монастырском саду, в уединенной келлии. Так, как видно из его записок, он проводил строгую подвижническую жизнь: временем по целой ночи проводил в молитве и слезах; но при том, как видно из его же записок, очень строго относился в суждениях своих к немощам своих собратий, начиная с самого отца настоятеля, казначея и т. д. Потому, промыслительно попустилось и ему самому впасть в те же погрешности, которые он осуждал в своих собратиях, когда Господь судил ему самому быть настоятелем Лютикова монастыря. Он даже так ослабел в жизни духовной, что приехал однажды к старцу батюшке отцу Амвросию и просил у него благословения оставить настоятельскую должность. Но старец сказал ему так: "Живи до тех пор, пока не прогонят". И слова старца не остались без исполнения. Дело было так. В 1893 году, когда Калужскую архиерейскую кафедру занимал епископ Анатолий (впоследствии член Московской Синодальной конторы и настоятель Новоспасского монастыря), в Лютиковом Троицком монастыре украдена была неизвестно кем вся капитальная монастырская сумма в несколько тысяч рублей. Скрыть это было нельзя. И хотя по опубликованию деньги вскоре нашлись, тем не менее владыка приписал это неосмотрительности настоятеля и велел ему подать в отставку. 10 февраля 1894 года отец игумен Феодосий был отставлен от настоятельской должности.

Для более внимательной жизни Промысл Божий, чрез высшее начальство, указал отцу Феодосию самое благонадежное место — скит Оптиной пустыни. Тут он жил очень скромно и своим простым обращением заслужил любовь братии. Нередко за святое послушание он ездил в Шамординскую женскую обитель для отправления богослужений наряду с другими иеромонахами. Там жила его родная сестра Екатерина Афанасьевна, которая пострижена была келейно в схиму и скончалась раньше своего брата дней на пять или шесть. И сам отец Феодосий незадолго до своей кончины тоже желал быть постриженным в схиму, но почему-то это дело не состоялось. В скиту он прожил немалое время — лет девять с лишком. Любил часто служить Божественную литургию и служил с умилением сердечным. А в свободное время имел привычку удить рыбу, в чем находил всегда большое удовольствие. Вообще, он был добрый и благожелательный монах и в свое время гостеприимный настоятель.

Смерть застала его неожиданно. Дня за три или за четыре он служил; и это было последним напутствием его в жизнь вечную. Затем, как говорили, у него открылась сильная рвота, и 10 октября 1903 года он мирно скончался на 80-м году от рождения. На третий день была соборная литургия и похороны.

Схимонах Феодот (Герасимов)

(†16/29 января 1900)

В миру Феодор Иванович Герасимов, из крестьян Тульской губернии Ефремовского уезда Дмитриевской волости деревни Лоташка. В раннем детстве остался от родителей сиротой. Сказывал он, что в начале 40-х годов прошлого XIX века в их местности было сряду два голодных года, и потому приходилось по целому дню работать у зажиточных крестьян за один ломоть хлеба, чтобы только не умереть с голоду. Но зато по прошествии этих голодных годов уж и урожай был хорош! Феодор Иванович в свое время был женат, но был бездетный и потому вместо детей воспитывал у себя двух мальчиков племянников-сирот, которые почитали его как родного отца. Занятие его, как сельского жителя, было обычное крестьянское — хлебопашество. А кроме того, он занимался рыболовством, и очень удачно. "Бывало,— вспоминал он,— крестьяне наши везут на базар в Ефремов огромные возы сена и соломы, а я повезу рыбки пуда три или побольше. Ее в телеге-то и не видать, а денег выручу больше всех". Так жил он и нажил, судя по-крестьянски, порядочное состояние. Когда же скончалась у него жена, а племянники выросли, тогда он увидел, что ему не для чего уже оставаться в миру, и потому в 1874 году поступил в Оптину пустынь в число братства. Ему тогда было от роду около 50 годов. И так как в миру он занимался рыболовством, то и в монастыре послушанием его было вместе с другими ловить рыбу. Сказывал он, что перед тем как идти на ловлю, никогда не пил чаю, а только закусывал; другие же его товарищи чай пили. Но как вскоре приходилось всем рыболовам быть мокрыми, то все они потеряли на этом послушании здоровье и в ранних летах померли, а он при своей аккуратности здоровье свое сберег и долго пожил на свете. Затем Феодор Иванов был несколько времени гостинником и пострижен в рясофор, но не был приукажен к Оптиной пустыни.

Проживши здесь годов десять с лишком, он по обстоятельствам должен был перейти в Лихвинский Покровский Добрый монастырь, где и приукажен и пострижен в мантию с наречением его Феодотом. Тут он исполнял должность келейника настоятельского и вместе был свечником. В 1834 году, когда добринского настоятеля перевели на ту же должность в Мещевский Георгиевский монастырь, отец Феодот перешел туда же за ним, где и прожил три года, проходя послушание свечника.

В ноябре 1897 года, когда настоятель этот по нездоровью был уволен от должности и прибыл на покой в Оптинский скит, отец Феодот в то же время перешел в скит за своим настоятелем. Здесь он, по старости лет и по слабости сил, уже никакого послушания не нес. Но чтобы не быть в тягость обители, он пожертвовал в скит почти все сберегавшиеся у него деньжонки. А кроме того, сделана была за его счет сребропозлащеная риза на икону Божией Матери "Споручница грешных" в скитскую церковь, стоимостью около 150 рублей.

Главным отличительным свойством отца Феодота было его усердие в Божественной службе и вообще к молитве. В каком бы монастыре он ни жил, всегда неопустительно ходил ко всем службам церковным — к утрени, к обедне и вечерне, что составляет для монаха немалый подвиг и требует от него крепости физических сил. Кроме того, он каждый день, как он сам признавался, проговаривал по 7000 Иисусовых молитв. Грамоте же он почти не умел — так как едва мог разбирать слова; только довольно порядочно затвердил молитвы на сон грядущим и иногда прочитывал для своего настоятеля. В употреблении пищи был воздержан. Вспоминал он про своего первого настоятеля оптинского архимандрита Исаакия, который в свое время дал ему совет никогда не наедаться досыта, а выходить из-за стола с малым ощущением голода. Этого правила и держался всегда отец Феодот. Кроме того, он был человек верный и исполнял поручавшиеся ему послушания по совести.

Немного пришлось пожить ему в скиту — всего два года и два месяца с днями. Прибывши в скит, он постепенно, видимо, ослабевал в силах, но все продолжал ходить, хотя через силу и с оханьем, на скитские молитвенные правила и к службам церковным.

Наконец, идя однажды, кажется, в январе 1900 года, от утреннего правила, он около крыльца своей келлии упал без чувств. Его подняли и внесли в келлию. Затем он свезен был в монастырскую больницу, там особорован, пострижен в схиму и несколько дней ежедневно сообщался Святых Христовых Таин, а 16 января сподобился мирной христианской кончины. Кончина его была так тиха, что из бывших при нем монахов никто не заметил ее. Думали, что он спит, а он уже уснул вечным сном. Скончался лет 72. Тело покойника перенесено было в скит и на третий день, после соборного служения литургии в чине погребения, похоронено было по обычаю.

Глава VI. Окрыленные Оптиной

"Не отбивайся от Оптиной. Верую в то, что каждый приходящий в Оптину пустынь в крайней своей потребности найдет удовлетворение милостию Божией и за молитвы великих наших отец Льва, Макария, Амвросия… Они весьма многих и многих воспитали духовно для Небесного Отечества. Не престают и теперь духовно воспитывать и призирать, особенно тех, которые приходят в Оптину на поклонение их св<ятым> останкам".

Преподобный Иосиф Оптинский
(Из письма к монахине Агриппине (Кишкинкиной),
насельнице Каширского Никитского монастыря, от 1 мая 1904 года //
Житие иеросхимонаха Иосифа. М., 1993. С. 275)

Многие подвижники, приходившие в Оптину пустынь, Промыслом Божиим были переводимы потом в другие монастыри или даже на архиерейские кафедры. А в результате закрытия и разорения пустыни в 20-х годах XX века оптинские насельники были вынуждены покинуть стены родной обители. Но где бы они ни подвизались, свет Оптиной, свет ее старчества жил в их сердцах и светил окружающему миру.

О воспитанниках Оптинских старцев, чей жизненный путь продолжался вне стен святой обители, повествуется в этой главе.

Схиархимандрит Амвросий Балабановский (Иванов)

(†2/15 октября 1978)

Один из последних Оптинских старцев схиархимандрит Амвросий (Василий Федорович Иванов) родился 2 января 1882 года в Тамбовской губернии. Он рано лишился отца и с 9 лет стал единственным кормильцем в семье. С детства Василий отличался особенной тягой к духовной жизни.

Когда в 1897 году мать его ушла в монастырь, то по ее совету и он поступил в Оптину. Обладая хорошими музыкальными способностями, Василий вскоре оказался на правом клиросе. Здесь же, в обители, он научился играть на фисгармонии, на которой любил потом играть до самой старости. Живя в Оптиной, Василий относился к преподобному старцу Иосифу. Добрые качества его души — послушание, молчаливость и скромность — стали крепнуть и развиваться под благотворным влиянием старческого воспитания. В Оптиной он пробыл послушником 7 лет, после чего был переведен в Пафнутиев-Боровский монастырь на послушание регента. Там Василий ввел оптинское пение, чем привлек в монастырь огромное число богомольцев, и в 1911 году был пострижен в мантию с именем Амвросий, в 1912 году посвящен в сан иеродиакона, в 1913 году — иеромонаха.

О первых днях своего служения в сане иеромонаха он рассказывал, что обычно при рукоположении в священный сан человек испытывает новизну этого состояния и необыкновенную благодать. И вот он, молодой священник, каждую складочку разглаживал на своей мантии, смотрел, ровно ли висит крест, следил за чистотой своей одежды. А на одном этаже с ним жил блаженный старец. Он постоянно ходил грязный, неопрятный, от его одежды дурно пахло, и стремившийся всегда быть аккуратным отец Амвросий немного сторонился этого монаха. Но однажды раздался стук в дверь его

келлии: "Молитвами святых отец наших…" — "Аминь". Вошел этот старец, как всегда неопрятный, в рваном подряснике и, неожиданно упав на колени, стал умолять отца Амвросия непременно поисповедовать его. "Что вы?! Я молодой монах! В нашем монастыре есть опытный духовник, так вы и идите к нему!".— "Да нет, отец Амвросий, я именно тебе хочу исповедаться!" — настаивал старец.

"И когда он начал свою исповедь,— вспоминал отец Амвросий,— то все во мне перевернулось. До такой степени тяжело мне было слушать его, так сильно я переживал… Да как же он живет в монастыре, такой человек?! Такие грехи! Кошмар просто!.. Старец ушел, а у меня тяжесть на сердце осталась. А ведь как мне до этого было хорошо! И мантия-то у меня чистая, и крест блестит, и на душе светло, и пою прямо ангельски. А он явился и все испортил! Но вдруг в голову пришла мысль: подожди! А что он мне наговорил-то? И когда стал вспоминать, то мороз по коже пошел: старец-то, оказывается, перечислял мне все то, что я сам совершил, а говорил вроде бы о себе! Я залился слезами, выскочил из келлии и бегом побежал к нему. "Батюшка,— говорю я,— простите меня. Я, глупец, ничего не понял. Это же все мои грехи, которые я забыл!"". После этого случая отец Амвросий перестал гордиться своим блестящим крестом и одеждами и не создавал искусственный образ иеромонаха, каким, ему казалось, он должен был быть[82].

В 1920-х годах монастырь закрыли, и отец Амвросий служил на приходе в сельском храме Калужской епархии. В страшные годы гонения на Церковь двери его дома были всегда открыты для всех ищущих спасения, страждущих и нуждающихся в духовной помощи и утешении. А приютить и накормить приезжающих помогали батюшке местные жители, которые относились к нему с большой любовью и уважением.

В 1930 году отец Амвросий был арестован, отправлен в семипалатинскую тюрьму, но, вымолив исцеление одной безнадежно больной матери (жены начальника городской тюрьмы), был выпущен из-под стражи на поселение. Три года он регентовал в местном храме и подрабатывал по хозяйству, а в 1933 году смог вернуться на свой приход.

В 1942 году отец Амвросий был назначен священником в Преображенский храм села Спас-Прогнань, близ станции Балабаново, где прослужил 36 лет до самой своей кончины. Весть о старце Амвросии Балабановском разнеслась далеко за пределы Калужской епархии, и верующие со всех концов России стекались к нему за благодатной помощью, советом и утешением.

Преподобный схиархимандрит Гавриил Седмиезерский (Зырянов)

(†24 сентября /7 октября 1915)

Будущий старец схиархимандрит Гавриил родился 14 марта 1844 года в деревне Фролово Пермской губернии Ирбитского уезда в крестьянской семье.

13 августа 1864 года Гавриил прибыл в Оптину пустынь. Отец Исаакий, бывший в ту пору настоятелем монастыря, принял его в число послушников и, послав в хлебню, велел со всяким смущением, со всяким помыслом ежедневно обращаться к старцу, ибо никакая духовная брань невозможна без послушания и откровения помыслов. Еще одним послушанием было пение на клиросе за ранними литургиями. Так в послушании, собранности, постоянном самоукорении и наблюдении за собою проходила послушническая жизнь брата Гавриила. "Да, мы чувствовали себя там как в среде святых и ходили со страхом, как по земле святой… Я присматривался ко всем и видел: хотя были разные степени, но все они по духу были равны между собой; никто не был ни больше, ни меньше, а были все одно — одна душа и одна воля — в Боге"[83],— вспоминал потом он.

---

[82] Свет Оптиной. Жизнеописание подвижника XX века Калужского старца Амвросия (Иванова Василия Федоровича). Спас-Прогнань, 1998. С. 21–23.— *Ред.*

[83] Цит. по: *Симеон (Холмогоров), архимандрит.* Един от древних. Повесть о жизни и подвигах схиархимандрита Гавриила (Зырянова). М., 1996. С. 21.— *Ред.*

Однажды, сильно простудившись на колокольне после пекарни, Гавриил тяжело заболел: хворь не оставляла его целых пять лет. А затем постигла его тяжелая духовная брань. Когда он пришел к преподобному Амвросию, старец заставил его вспомнить один застарелый грех, после чего сказал, что болезнь его пройдет. Еле живого Гавриила отправили на новое послушание — на рыбные ловли, где здоровье его стало поправляться. В конце лета он вернулся в обитель и поселился в холодной, сырой башне. Тяжелые послушания и еще более тяжелые искушения и скорби закалили дух молодого подвижника, и вот в 1869 году Гавриила облекли в рясофор.

Однако при постриге инока Гавриила неоднократно обходили. Его друг, старший келейник игумена, однажды сказал отцу Гавриилу на его недоумение: "Касатик, я просил игумена постричь тебя в мантию, а он ответил: "Да-а, постриги его, а он уйдет от нас…"".

Поняв, что пострига в Оптиной ему не видать, отец Гавриил решил уйти. Его стали уговаривать остаться, дали новую, хорошую, теплую келлию, перевели на щадящее послушание и т. д.

В 1874 году инок Гавриил поступил в Московский Высокопетровский монастырь, где получил послушание эконома.

В 1882 году иеродиакон Тихон (такое имя получил он при постриге) покинул стольный град, точнее, бежал из него по настоятельному совету старца Амвросия и водворился в Раифской пустыни Казанской епархии, где его рукоположили в иеромонаха и назначили братским духовником. Но оставался он там совсем ненадолго, и уже в ноябре 1883 года перевелся в Седмиезерную Богородицкую пустынь, где произошло созревание и преображение монаха-подвижника в великого старца, наделенного благодатными дарами Святого Духа. На одре тяжкой болезни он провел пять лет. В 1892 году старец принял постриг в схиму, в которой он был наречен именем своего небесного покровителя от купели — Архангела Гавриила.

Там у старца Гавриила появился круг учеников и почитателей. Совершенно особые отношения стали складываться у старца со студентами и преподавателями Казанской Духовной Академии, преимущественно из числа монашествующих, для которых он стал духовным отцом и наставником. Студенты часто ездили в Седмиезерную пустынь на исповедь к благодатному духовнику. Здесь они чувствовали себя как дома у родного отца. С благословения старца они даже произносили проповеди в монастырском храме. Несмотря на доброту и простоту старца в обращении, его подчеркнутую веселость и открытость, он сохранял в своем сердце и прививал своим ученикам чрезвычайно высокие понятия о монашестве: "Смотрите,— шутил он,— чтобы у меня от вас за версту монахом пахло!". И не удивительно, что среди учеников и постриженников старца оказалось так много исповедников и новомучеников, стойких и непоколебимых воинов Христовых, дерзновенно противоставших сатанинской злобе и насилию богоборцев. Ни один из учеников старца Гавриила не оказался ни в числе обновленцев, ни в числе "павших", то есть духовно отрекшихся от Христа и Его страдающей Церкви. Постоянной посетительницей старца была и Великая княгиня Елисавета Феодоровна.

Среди духовных чад преподобного Гавриила были: священномученик Иувеналий (Масловский), архиепископ Рязанский и Шацкий; священномученик Анатолий (Грисюк), митрополит Одесский; исповедник архиепископ Феодор (Поздеевский); архиепископ Герман (Ряшенцев); архиепископ Иннокентий (Ястребов); архиепископ Гурий (Степанов); архиепископ Стефан (Знамировский); епископ Иосиф (Удалов); епископ Иона (Покровский); епископ Варнава (Беляев); архимандрит Варсонофий; схиархимандрит Симеон (Холмогоров), списатель самой известной биографии старца и исповедник; протоиерей Алексий Воробьев; игумен Ефросин; монахиня Мария (Анисимова) и многие другие.

Но чем дальше простирались труды старца в Седмиезерной обители, тем более множились доносы недовольных из числа братии. Тогда один из близких духовных сыновей старца Гавриила, будущий священномученик Иувеналий (Масловский), в то

время игумен Псковской Спасо-Елеазаровой пустыни, смог выхлопотать перевод старца к себе.

Это было время расцвета старческой деятельности преподобного Гавриила. Множество любящих духовных чад окружало его.

27 августа 1915 года он вернулся в Казань. Месяц длилось здесь его последнее предсмертное пребывание и прощание с духовными учениками.

Наступили последние дни земной жизни старца Гавриила, которые сопровождались тяжелой болезнью. Его предсмертными словами были: "Спастися подобает многими скорбями".

В 23 часа 10 минут 24 сентября 1915 года, причастившись Святых Христовых Таин, под последние слова "отходной" душа старца покинула многотрудное тело подвижника.

25 декабря 1996 года архиепископом Казанским и Татарстанским Анастасием было получено благословение от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II совершить прославление в лике местночтимых святых Казанской епархии преподобного схиархимандрита Гавриила (Зырянова).

30 июля 2000 года мощи преподобного старца Гавриила вновь вернулись в Седмиезерную пустынь.

Преподобноисповедник архимандрит Георгий (Лавров)

(†21 июня /4 июля 1932)

Герасим Дмитриевич Лавров родился 28 февраля 1868 года в городе Ельце Орловской губернии в благочестивой состоятельной торговой семье. Когда в 12 лет (1880) он с родителями приехал на богомолье в Оптину пустынь и подошел под благословение к преподобному Амвросию, тот обнял его за голову, благословил и сказал, что ему следует остаться здесь. Так в 12 лет Герасим стал послушником монастыря.

В Оптиной Герасим принял монашеский постриг с именем Георгий и был рукоположен в иеродиакона. Будучи игуменом, отец Георгий был назначен настоятелем Мещевского Георгиевского монастыря Калужской епархии.

В 1918 году он был арестован и обвинен в хранении оружия. Монастырь был закрыт, монастырские святыни поруганы безбожниками. Настоятеля при этом лживо обвинили в хранении пулеметов и учинили показательное судилище, где выступали разные лжесвидетели, среди которых даже нашелся еврей по имени Иуда. Несмотря на нелепость обвинения, отец Георгий был приговорен к расстрелу и заключен в камеру смертников, из которой каждую ночь забирали на казнь по пять-шесть человек. Однажды днем к нему подошел тюремный сторож и сказал, что в списке на расстрел в ближайшую ночь значится и отец Георгий. Ночью его и еще шестерых приговоренных посадили на поезд и отвезли на полустанок, где их должны были встретить для исполнения приговора. Но назначенных красноармейцев-палачей там почему-то не оказалось, и поезд проследовал в Москву, где заключенных сдали в Таганскую тюрьму. За переездом "дело" отца Георгия затерялось, и после нового рассмотрения его приговорили к 5 годам заключения.

В тюрьме отец Георгий был поставлен на должность санитара, благодаря чему имел доступ к самым разным людям, в том числе и в камеры смертников. Как милосердный самарянин обмывал он гнойные язвы заключенным, стараясь всех утешить и ободрить, исповедуя и причащая желающих. Там же, в тюрьме, он получил благословение на старчество от митрополита Кирилла (Смирнова), был взят из тюрьмы на поруки владыкой Феодором (Поздеевским), с которым до того вместе находился там в заключении, и принят им в число насельников Данилова монастыря.

После освобождения в 1922 году игумен Георгий был возведен в сан архимандрита в Даниловом монастыре.

Его простота, вмещавшая в себя и мудрость, и крепкую волю, а главное, удивительную мягкость, терпимость, широту воззрений и безграничную любовь, привлекала к нему многих духовных чад, особенно среди людей высокообразованных и

подростков. Во время возникших разногласий из-за политики митрополита Сергия отец Георгий убеждал братию не вносить новых разделений в Церковь, и без того бедствующую, и остался на стороне Заместителя Патриаршего Местоблюстителя.

В 1928 году архимандрит Георгий был вновь арестован за то, что "играл роль "старца" в черносотенном монастыре, вел антисоветскую пропаганду среди обслуживаемого контингента" и приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан (Уральская область, поселок Кара-Тюбе).

В ссылке у отца Георгия открылся рак гортани, каждый прием пищи с этого времени стал для него невыносимо мучительным. Несмотря на это, власти затягивали его освобождение, долго не присылая необходимых бумаг и после истечения срока заключения. Вместо освобождения в мае 1931 года отец Георгий был вынужден остаться в степной ссылке еще на одну тяжелую зиму вплоть до следующей весны. Спустя год он наконец был освобожден без права проживания в Москве и еще 12 городах с прикреплением к определенному месту в течение 3 лет.

В 1932 году 4 июля архимандрит Георгий умер в Нижнем Новгороде вскоре после освобождения из ссылки. Он был отпет своим духовным сыном архимандритом Сергием (впоследствии митрополитом Виленским) в сослужении с многочисленным духовенством и похоронен на городском Бугровском кладбище.

Преподобноисповедник архимандрит Георгий (Лавров) был причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских 20 августа 2000 года Архиерейским Собором Русской Православной Церкви. Его святые мощи были обретены и ныне пребывают в Московском Свято-Даниловом монастыре.

Святитель Игнатий (Брянчанинов)

(†30 апреля /13 мая 1867)

Дмитрий Александрович Брянчанинов родился 5 февраля 1807 года в селе Покровском Грязновецкого уезда Вологодской губернии в дворянской семье. Уже в детские годы обнаружилась его исключительная религиозность. Дмитрий получил прекрасное домашнее воспитание и образование.

В 1822 году, когда юноше исполнилось 15 лет, он по настоянию отца поступил в Петербургское главное инженерное училище, хотя уже в то время запросы души его были совсем другие. Сын высказал отцу свое желание "поступить в монахи", но это его пожелание было воспринято как шутка.

В училище Дмитрий проявил незаурядные способности. 13 декабря 1824 года ему было присвоено звание инженера-прапорщика.

В 1826 году он окончил училище первым учеником. Происхождение, воспитание, блестящие способности и родственные связи молодого инженера открывали пред ним блестящую светскую карьеру. Но никакие блага мира не могли удовлетворить его души. Стремление к монашеству не ослабело в нем и с годами. Единомышленником Дмитрия Александровича был его друг Михаил Чихачев, с которым объединяло их родство душ. В 1827 году Дмитрий уехал к своему духовнику отцу Леониду (будущему преподобному Оптинскому старцу) в Александро-Свирский монастырь, где был принят послушником. Началась новая страница в жизни будущего епископа. В течение нескольких лет ему пришлось странствовать из одного монастыря в другой вслед за своим старцем отцом Леонидом.

В мае 1829 года послушник Дмитрий Брянчанинов и его друг Михаил Чихачев поселились в Оптиной пустыни, где начали жить уединенно в отведенной им келлии. Однако суровые условия жизни в скиту и тяжелая пища вскоре очень сильно расстроили их здоровье. Некоторое время они пытались питаться самостоятельно, но и это доставляло немало трудностей. Дмитрий Александрович почти непрестанно болел, а его товарищ, вначале ухаживающий за Брянчаниновым, со временем захворал тяжелой лихорадкой и

уже не вставал с постели. Получив письмо от родных, послушники уехали лечиться в имение Брянчаниновых и в Оптину уже не вернулись.

Преподобный Варсонофий Оптинский рассказывал о пребывании будущего святителя в стенах Оптинского скита: "У нас в Оптиной некоторое время жил инок Игнатий (Брянчанинов), впоследствии епископ. Батюшка Лев говорил, что из него может выйти Арсений Великий. Но Арсения не вышло, не выдержал искуса. Отец Лев, желая приготовить из него подвижника, испытывал его смирение. Бывало, пойдет куда-нибудь, возьмет и молодого Брянчанинова с собой и велит ему ехать за кучера. Остановится где — оставит его в конюшне с лошадьми, как будто забудет про него. Потом скажет: "А у меня там дворянчик с лошадьми остался, нужно ему чайку предложить". Подобным испытаниям батюшка частенько подвергал его, и он не выдержал. Однажды Брянчанинов заболел и временно, как бы на поправку, перешел в Любенский монастырь, но оттуда не вернулся. Потом стал он епископом, но Арсением Великим не сделался".

28 июня 1831 года в Вологодском Воскресенском соборе Дмитрий был пострижен в монашество с именем Игнатий; 5 июля рукоположен во иеродиакона, а 20 июля — во иеромонаха. 6 января 1832 года иеромонах Игнатий был назначен настоятелем Пельшемского Лопотова монастыря Вологодской епархии. 28 мая 1833 года он был возведен в сан игумена. Вскоре он заболел изнурительной лихорадкой. Для восстановления здоровья требовалась перемена климата.

6 ноября 1833 года он был назначен настоятелем Николо-Угрешского монастыря под Москвой (по ходатайству митрополита Московского Филарета). Но это назначение осталось только на бумаге. В то время отец Игнатий уже приобрел известность как способный настоятель. Хорошо знавший его и прежде император вызвал отца Игнатия в Петербург.

25 декабря 1833 года игумен Игнатий был назначен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, а 1 января 1834 года возведен в сан архимандрита. В должности настоятеля Троице-Сергиевой пустыни он трудился в течение 24 лет.

22 июня 1838 года архимандрит Игнатий был назначен благочинным монастырей Санкт-Петербургской епархии. На этом поприще ему пришлось, в частности, потратить много энергии для наведения порядков среди братии Валаамской обители.

Между тем отец Игнатий тосковал по уединению, по аскетическим подвигам. Постоянно отвлекаемый от своего идеала — безмолвия монашеского жития — множеством служебных обязанностей и приемом многочисленных посетителей, он вел самый суровый образ жизни. Среди многих и тяжких испытаний и переживаний приходили к нему и новые утешения: все более ширился круг лиц, настроение которых гармонично сочеталось с высокой духовностью архимандрита Игнатия. Они видели в нем истинного духовного отца, а он радовался сердцем и усматривал в этом общении с духовными детьми исполнение своего жизненного призвания.

В 1847 году архимандрит Игнатий (Брянчанинов) по причине крайне болезненного состояния подал прошение об увольнении на покой. В 1856 году он предпринял путешествие в скит Оптиной пустыни с целью поселиться там для любезного сердцу безмолвия. Он условился с отцом настоятелем о предоставлении ему келлии в скиту и о переделке ее, дал 200 рублей задатка и, возвратившись в свою Сергиеву пустынь, письмом просил Калужского епископа Григория о содействии ему и инокам оптинским в деле о перемещении его к ним в обитель.

На это письмо архимандрит Игнатий получил ответ Преосвященного, который сообщал ему, что настоятель Оптиной пустыни сразу по отъезде архимандрита обратился к нему от лица всего братства с просьбой явить им архипастырскую милость и оградить обитель их от переселения в оную архимандрита Игнатия (Брянчанинова). По всей вероятности, случилось это из-за опасения оптинского братства, что многочисленные ученики архимандрита Игнатия, которые не замедлят явиться в скит вслед за своим духовным наставником, нарушат тишину и безмолвие скита.

Но, несмотря на это обстоятельство, духовно-дружественные отношения епископа Игнатия с иеросхимонахом Макарием не прекращались до самой кончины старца. Святитель Игнатий вел переписку с преподобными Львом и Макарием.

И хотя святитель Игнатий положительно отзывался об Оптинской обители и особенно о ее старцах, но считал, что в Оптиной пустыни придают особое значение лишь телесным подвигам, не ведая о внутреннем делании.

27 октября 1857 года архимандрит Игнатий был хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. 4 января 1858 года он прибыл на место своего нового назначения в город Ставрополь и в канун Богоявления совершил здесь первое свое служение.

Епархия, во главе которой был поставлен епископ Игнатий, потребовала от него крайнего напряжения сил. Учреждена она была сравнительно недавно (епископ Игнатий был третьим архиереем на этой кафедре). Но здоровье его все ухудшалось. В июле 1861 года он почувствовал полное изнеможение и невозможность продолжать управление епархией и подал прошение об увольнении на покой с определением ему места жительства в Николо-Бабаевском монастыре. Прошение это было удовлетворено 5 августа 1861 года, а в октябре того же года он приехал в избранную им пустынную обитель, которую получил в управление. Этой обители суждено было стать его последним земным пристанищем.

В 1867 году владыка с большим трудом совершал последнюю литургию на Святую Пасху. Уклоняясь от общения с людьми, он жил еще телом на земле, но душой уже был в другом мире.

30 апреля 1867 года святитель Игнатий мирно преставился ко Господу.

Погребение владыки Игнатия было совершено по пасхальному чину 5 мая 1867 года в Николо-Бабаевском монастыре епископом Кинешемским Ионафаном, викарием Костромской епархии.

Епископ Игнатий был светлой личностью, отличительной чертой которой являлась внутренняя сосредоточенность и самособранность. В нем постоянно ощущалось преобладание жизни внутренней над внешней. Он был аскет-подвижник, искатель и ревнитель душевного спасения для себя и ближних. В душе этого Божьего избранника никогда не гас яркий благодатный светильник веры во Христа. Его вера, к какой он призывал всех своих духовных детей, была та, которая может родиться только в детски чистом сердце, которая все принимает с любовью.

Святитель Игнатий был наделен светлым и глубоким умом, но этот могучий светлый ум был соединен не с гордым превозношением и дерзким самомнением, а с истинно монашеским смирением. Он считал и называл себя "непотребным грешником" и постоянно плакал о грехах своих. Он не стремился к благам земным, но неизменно желал только одного блага — душевного спасения. "Ничто тленное, преходящее не может удовлетворить человека,— говорил он.— Если оно кажется удовлетворяющим, не верьте ему: оно только льстит. Не долго будет льстить, обманет, ускользнет, исчезнет, оставит человека во всех ужасах нищеты и бедствия. Божие — положительно, вечно". К этому вечному, к познанию истины он стремился всю свою жизнь и шел, не отступая ни на шаг от избранного пути.

Святитель Игнатий оставил нам богатое духовное наследие — свои произведедия и письма. Его сочинения активно переиздаются и поныне являются азбукой и руководством в духовной жизни для всех, желающих спасения. Его труды — это бесценное сокровище святоотеческого опыта и мудрости.

Святитель Игнатий был причислен к лику святых в 1988 году. Его святые мощи ныне пребывают в Толгском женском монастыре.

Священномученик архимандрит Иоанникий (Дмитриев)

(†10/23 ноября 1937)

Иван Алексеевич Дмитриев родился в 1875 году в деревне Редкие Дворы Московской губернии, в многодетной крестьянской семье. В течение трех лет Иван зимой ходил на дом к учителю и обучался грамоте, а летом пас скотину на пастбище. После смерти матери он взял к себе на содержание всю семью — отца и братьев с сестрами. В юности Иван почти ежедневно посещал церковь и часто читал книги духовного содержания. Два года он жил с мыслью уйти в монастырь и остановился в своем выборе на ските Оптиной пустыни.

В 1908 году Иван приехал в Оптину. Здесь он был пострижен в монашество с именем Иоанникий и в 1915 году рукоположен в сан иеродиакона.

С 1917 года он был экономом в Архиерейском доме у епископа Калужского и Боровского Феофана (Тулякова). В 1918 году иеродиакон Иоанникий был мобилизован в тыловое ополчение, где и прослужил два года. В 1921 году епископ Феофан рукоположил его в сан иеромонаха и направил служить в село Сухиничи. В 1927 году епископ Феофан был переведен на другую кафедру. Назначенный вместо него епископ Стефан (Виноградов) возвел в 1928 году иеромонаха Иоанникия в сан игумена и определил его настоятелем Георгиевского монастыря в городе Мещевске.

В 1929 году монастырь закрыли, а на его месте была организована коммуна "Искра". Отец Иоанникий после закрытия монастыря был назначен настоятелем Мещевского собора. В октябре 1932 года власти арестовали в городе Мещевске 19 человек, из них 11 были монахами и монахинями. Игумен Иоанникий был арестован 31 октября и заключен в тюрьму города Брянска. 16 ноября он был вызван на допрос и на вопрос следователя ответил: "По существу предъявленного мне обвинения в создании контрреволюционной группировки из монашествующих и бывших торговцев и проведении агитации против мероприятий советской власти виновным себя не признаю".

Следователи, собрав против игумена Иоанникия показания "свидетелей", зачитали их. Выслушав, отец игумен ответил: "Указанные мне якобы конкретные случаи моей контрреволюционной деятельности категорически отрицаю и заявляю, что я нигде и никогда не говорил против тех или иных мероприятий советской власти. Со стороны арестованных со мною я также ни разу не слышал что-либо против мероприятий советской власти".

15 марта 1933 года тройка ОГПУ приговорила игумена Иоанникия к ссылке в Северный край на 5 лет.

По возвращении из ссылки он был возведен в сан архимандрита и направлен служить в Николо-Казинский храм в Калуге. Осенью 1937 года власти арестовали архимандрита Иоанникия вместе с архиепископом Августином (Беляевым) и группой калужского духовенства.

Следователь: "Вы арестованы за активную контрреволюционную деятельность. Следствие предлагает вам по этому вопросу дать откровенные показания".

Архимандрит Иоанникий: "Я среди духовенства и верующих неоднократно высказывал недовольство советской властью, обвиняя ее в том, что в результате ее политики по всему Советскому Союзу по требованию советской общественности закрылись церкви, кроме этого, я говорил о том, что советская власть несправедливо проводит репрессии в отношении "бывших" людей… и духовенства".

При этом отец Иоанникий отказался признавать себя виновным в контрреволюционной деятельности и оговаривать других.

Отца Иоанникия приговорили к высшей мере наказания — расстрелу. Он причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских от Ивановской епархии. Память его празднуется вместе со священномучеником Августином, архиепископом Калужским, 10/23 ноября.

Монах Климент (Константин Леонтьев)

(†12/25 ноября 1891)

Константин Николаевич Леонтьев родился в 1831 году. После одной из поездок в Оптину пустынь, еще отроком, он сказал своей матери: "Вы меня больше сюда не возите, а то я непременно тут останусь". Жизнь Леонтьева была полна страстей и резких поворотов, но тайное его стремление к Богу постепенно возрастало. Он много писал, довольно долго находился в Турции на дипломатической службе. В 1871 году он тяжело заболел холерой, которая в то время чаще всего предвещала летальный исход. Тогда Константин Николаевич дал тайный обет поступить в монастырь, после чего болезнь отступила. Тут же Леонтьев пожелал исполнить свой обет и отправился на Афон, где прожил около года. Но великие духовные старцы иеросхимонах Иероним и схиархимандрит Макарий отправили его в Оптину пустынь к преподобному Амвросию.

Не признанный никем, кроме нескольких ближайших друзей, измученный и больной, Леонтьев нашел душевный покой, поселившись в Оптиной пустыни в усадьбе, построенной бывшим учеником старца Льва, составившим его жизнеописание,— архиепископом Ювеналием (Половцевым). Годы, проведенные в Оптиной, были самыми мирными и спокойными в его жизни и даже плодотворными в смысле его писаний. Здесь его духовником сначала стал отец Климент (Зедергольм), после кончины которого Леонтьев посвятил ему замечательную монографию и перешел под непосредственное духовное руководство преподобного старца Амвросия.

В 1891 году старец Амвросий постриг его в монашество с именем Климент и отправил на жительство в Троице-Сергиеву Лавру, зная, что отец Климент не способен подвизаться в Оптиной пустыни в качестве рядового оптинского монаха, выполняя все положенные послушания. Прощаясь с отцом Климентом, старец Амвросий сказал ему: "Мы скоро увидимся". Старец скончался 10/23 октября 1891 года, а 12/25 ноября того же года последовал за ним его постриженик отец Климент. Он умер от воспаления легких.

Архимандрит Леонид (Кавелин)

(†22 октября /4 ноября 1891)

Лев Александрович Кавелин (архимандрит Леонид) родился в 1822 году в дворянской семье. Детство его прошло в родовом поместье близ Оптиной пустыни. Учился он в 1-м Московском кадетском корпусе, служил в гвардии. До 1852 года Лев Александрович находился на военной службе. Он увлекался литературой и публиковался в светских изданиях.

В 1852 году Лев Александрович поступил в число послушников Оптиной пустыни, где под руководством своего старца Макария трудился над святоотеческими переводами. В 1857 году он был пострижен в монашество с именем Леонид. В 1859 отец Леонид был рукоположен в иеромонаха.

В 1863–1865 годах отец Леонид являлся начальником Российской Духовной миссии в Иерусалиме и был посвящен в архимандрита; позднее он был настоятелем Русской посольской церкви в Константинополе, настоятелем Воскресенского монастыря Новый Иерусалим и, наконец, в 1877–1891 годах — наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Архимандрит Леонид известен как человек очень высокой духовной жизни.

Еще в миру он получил известность как талантливый литератор в области русской исторической библиографии и археологии. Живя в Оптиной пустыни, он составил следующие труды: "Каталог старопечатных и редких книг библиотеки Козельской Оптиной пустыни", "Обозрение Козельского Оптина монастыря и бывших в нем до начала XVIII века храмов", "Обозрение рукописей и старопечатных книг в книгохранилищах монастырей, городских и сельских церквей Калужской губернии", "Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни", "Историческое описание скита при Козельской Оптиной пустыни", "Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария", "Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси". Аналогичные работы он исполнил и в других местах своего служения: он описал рукописи Иерусалимской патриархии, святыни и

достопримечательности Святой Горы Афон, Константинополя, работал в крупнейших книгохранилищах православного Востока. Отец Леонид был членом-корреспондентом Императорской археографической комиссии, почетным членом русских и иностранных научных обществ. Полного списка статей, заметок, изданий архимандрита Леонида нет в печати. Незадолго до смерти отец Леонид закончил обширную работу: "Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова" (М., 1893–1894).

Архимандрит Леонид скончался 22 октября 1891 года.

Схимонах Михаил (Чихачев)

(†16/29 января 1873)

Схимонах Михаил (Чихачев) — близкий духовный друг и сподвижник святителя Игнатия (Брянчанинова). Будучи послушниками, они на протяжении года подвизались в скиту Оптиной пустыни. "Не будь у меня такого друга,— писал схимонах Михаил о святителе Игнатии,— который и благоразумием своим меня вразумлял, и душу свою за меня всегда полагал, и вместе со мной всякое горе разделял, не уцелел бы я на этом поприще — поприще мученичества добровольного и исповедничества". В 1831 году Дмитрий Брянчанинов был пострижен в малую схиму с именем Игнатий и вскоре назначен игуменом Лопотова монастыря близ Вологды. Здесь он сам облек своего друга Михаила Васильевича в рясофор и руководил его в духовной жизни уже как настоятель и духовник. Отец же Михаил со своей стороны проявлял сердечную заботу о друге. Когда он увидел, что и без того слабое здоровье отца Игнатия совсем расстроилось из-за сырого климата болотистой местности, на которой находился монастырь, он поехал в Петербург хлопотать о перемещении друга в более здоровую местность. Отец Михаил был принят митрополитом Филаретом (Дроздовым) и получил заверение в том, что отец Игнатий будет переведен в подмосковный Николо-Угрешский монастырь.

Но Господу было угодно поставить святых иноков на иное поприще служения. Государь император Николай Павлович изволил приблизить бывших своих воспитанников к Северной столице, призвав их к восстановлению Сергиевой пустыни.

Главным помощником отца Игнатия в этом деле стал отец Михаил (Чихачев) — знаток устава, превосходный певец и чтец. И во всех скорбях отца архимандрита за 23 года настоятельства друг был его сотаинником и сомолитвенником.

После ухода святителя Игнатия на покой, по взаимному решению, отец Михаил (Чихачев), посетивший своего друга-святителя в Бабайках, остался до конца дней в Сергиевой пустыни. Здесь с благословения святителя Игнатия он в 1860 году принял схиму с именем Михаил. И потом в течение семи лет он нес послушание "корреспондента" (по словам епископа Игнатия) — докладывал своему другу о делах в монастыре и епархии, а также о духовных чадах владыки.

Отец Михаил (Чихачев) не достиг высоких иерархических степеней и к ним не стремился. Ему всю жизнь нравилось тихое, незаметное положение, он всегда старался быть незаметным при своем друге и устранял от себя всякое покушение разглашать что-либо о каких бы то ни было его особых духовных дарах. Одно было явно всем видевшим и знавшим его — истинное смирение подвижника Сергиевой пустыни.

Схимонах Михаил отошел ко Господу 16 января 1873 года, пережив своего друга на шесть лет. Ныне честные мощи схимонаха Михаила обретены и пребывают во вновь возрождающейся Приморской Троице-Сергиевой пустыни.

Преподобный схиархимандрит Севастиан Карагандинский (Фомин) исповедник

(†6/19 апреля 1966)

Преподобного Севастиана Карагандинского называют одним из последних Оптинских старцев.

Стефан Васильевич Фомин родился 28 ноября 1884 года в селе Космодемьянское Орловской губернии в бедной крестьянской семье и рано остался сиротой.

В 1905 году он был принят келейником к преподобному Иосифу Оптинскому, который стал его духовным наставником, а по кончине старца Стефан стал келейником преподобного Нектария. Иногда старец Нектарий, как бы юродствуя, отсылал к нему приходивших богомольцев. "Спросите об этом моего келейника, отца Севастиана,— он лучше меня посоветует, он прозорлив",— говорил преподобный. Через послушание у старцев Иосифа и Нектария отец Севастиан включился в златую цепь преемственности традиции оптинского старчества.

Монашеский постриг он принял в 1917 году в Оптиной пустыни за год до закрытия монастыря. После 1918 года еще несколько лет монастырь продолжал существовать под видом сельхозартели.

В 1923 году монах Севастиан был рукоположен в иеродиакона за 2 месяца до ареста старца Нектария и высылки всех монахов из монастыря. Затем, уже живя в Козельске, в 1927 году он был рукоположен в иеромонаха. Преподобный Севастиан оставался келейником старца Нектария вплоть до самой его кончины, последовавшей 29 апреля 1928 года. По благословению старца после его смерти иеромонах Севастиан уехал служить на приход, сначала в Козельск, затем в Калугу, а потом в Тамбов, где получил назначение на приход в городе Козлове (Мичуринске) в Ильинскую церковь (1928–1933). Именно в Козлове, по свидетельству духовных чад, стали открыто проявляться высокие духовные дарования отца Севастиана.

В 1933 году отец Севастиан был арестован и осужден на 7 лет исправительно-трудовых лагерей.

На допросе в Тамбовском ГПУ иеромонах Севастиан сказал следователю: "На все мероприятия советской власти я смотрю как на гнев Божий, и эта власть есть наказание для людей". Тюремщики, желая вынудить священника отречься от веры в Бога, в одной рясе поставили его на всю ночь на мороз и приставили стражу, которую сменяли каждые 2 часа. Батюшка сам рассказывал духовным чадам, каким чудом он спасся тогда от неминуемой смерти: он молился, и "Матерь Божия опустила надо мной такой "шалашик", что мне было в нем тепло". Батюшку отправили сначала на лесоповал в Тамбовскую область, а потом в Карагандинский лагерь, ставший местом мученичества и духовного подвига тысяч людей. В лагере били, истязали, заставляли отречься от Бога. Заключенные мерзли и голодали, но отец Севастиан находил силы и здесь соблюдать все посты: если в баланде попадался кусочек мяса, он не ел ее, а менял на пайку хлеба.

В последние годы заключения отца Севастиана расконвоировали, хотя жил он по-прежнему на территории лагеря, возил на быках воду для промышленных огородов. В Карлаге был основан показательный "Карагандинский совхоз-гигант ОГПУ", использовавший даровой труд зэков. Рекордные урожаи давали здесь овощи, селекционеры-заключенные выводили новые сорта сельскохозяйственных культур. Карлаг кормил страну, а зэки умирали с голоду. Когда вольные карагандинцы, жалея батюшку, давали ему продукты, он делился ими с заключенными. В лагере его полюбили, и многие через него пришли к вере в Бога.

Когда отца Севастиана в 1939 году наконец освободили, он никуда не захотел уезжать из Караганды, да и всем своим духовным чадам благословлял оставаться: "Здесь будем жить. Здесь вся жизнь другая и люди другие. Люди здесь душевные, сознательные, хлебнувшие горя". За поселком Тихоновка было общее кладбище, где хоронили в день по 200 покойников — ссыльных, умерших от голода и болезней. Старец Севастиан говорил: "Здесь день и ночь на этих общих могилах мучеников горят свечи от земли до неба".

Служить отцу Севастиану долгое время не разрешали, но литургию он все-таки тайно совершал по ночам. Съехавшиеся к отцу Севастиану со всех концов страны духовные чада покупали домики в карагандинском поселке Михайловка (города тогда, по сути, еще не было), и со временем вокруг старца образовалась сплоченная община, где разрешили

служить отцу Севастиану: в 50-е годы жизнь карагандинской общины начала налаживаться. В 1953 году хлопотами верующих было получено разрешение на молитвенный дом, а в 1955 году удалось добиться регистрации религиозной общины и открытия церкви.

В 1957 году отец Севастиан был возведен в сан архимандрита.

Все члены общины знали: что бы ни случилось, только бы прийти к батюшке, и все станет на свои места, все выправится. Сила его молитвы была необыкновенной. Иногда в своем домике отец Севастиан вдруг подходил к святому углу и начинал молча молиться — значит, откуда-то опять долетел до него зов о помощи... Известен случай, когда одна из его духовных чад ехала в автобусе, который вел нетрезвый водитель. Вдруг он свернул с дороги и на большой скорости "поскакал" по полю, по кочкам, приведя в неописуемый ужас всех пассажиров. Женщина в страхе взмолилась своему старцу: "Батюшка, спаси! Батюшка, помоги!". Тут же автобус выехал на дорогу и спокойно поехал дальше, благополучно доставив всех пассажиров. Отец Севастиан, встретив свою духовную дочь, прямо с порога сказал ей: "Что значит: "Батюшка, спаси! Батюшка, помоги!"? Ты можешь связно говорить: от чего "спаси", в чем "помоги"?!".

В 1966 году за три дня до смерти преподобный Севастиан был пострижен в схиму епископом Питиримом (Нечаевым; впоследствии митрополитом Волоколамским и Юрьевским).

Схиархимандрит Севастиан мирно почил о Господе 19 апреля 1966 года, в день Радоницы, и похоронен в Караганде на Михайловском кладбище.

19 октября 1997 года Синодальная комиссия при Московском Патриархате причислила к лику местночтимых святых преподобного Севастиана Карагандинского.

22 октября 1997 года были обретены мощи старца и отслужен первый молебен преподобному.

20 августа 2000 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви по представлению от Алма-Атинской епархии причислил преподобного Севастиана к Собору новомучеников и исповедников Российских.

Митрополит Трифон (Туркестанов)

(†1/14 июня 1934)

Трифон, митрополит Дмитровский, викарий Московской епархии (князь Борис Петрович Туркестанов), родился в 1861 году. Однажды маленький Борис приехал с матерью в Оптину. Видя огромную толпу богомольцев у крыльца преподобного Амвросия, они совсем не надеялись получить его благословение. Но преподобный, прозрев будущее мальчика, сказал, обращаясь к народу: "Пропустите архиерея с матерью!".

В 1884 году он был принят послушником в Оптину, но в 1888–1890 годах был командирован на Кавказ, где принял постриг и рукоположение. Вернувшись в Оптину, иеромонах Трифон вскоре поступил в Московскую Духовную Академию, по окончании которой он представил к защите кандидатскую работу "Древнехристианские и Оптинские старцы". Эта работа особенно ценна тем, что автор ее на себе познал пользу старческого окормления. Достаточно назвать двух его духовных отцов — это преподобный Амвросий Оптинский и преподобный Варнава Гефсиманский. Особенные духовно близкие отношения были у митрополита Трифона со священномучеником Исаакием II Оптинским, святым праведным Иоанном Кронштадтским, старцем Зосимой-Захарией, духовником Троице-Сергиевой Лавры, с преподобным Варсонофием Оптинским, которого он сам возводил в сан архимандрита, сам же и отпевал, произнеся над его гробом проникновенную речь. Именно митрополит Трифон в 1907 году послал в Оптину к старцу Варсонофию двух юношей — Николая и Ивана Беляевых, первый из которых стал преподобным Никоном Оптинским исповедником.

Интересен и тот факт, что когда преподобный Варсонофий служил у владыки в Богоявленском соборе, митрополит Трифон из благоговения не служил с ним, но лишь молился в алтаре.

В 1897–1901 годах владыка был ректором Вифанской и Московской Семинарий. С 1901 года он — епископ Дмитровский. В 1910 году управлял Московской епархией. В 1914–1915 годах был полковым священником на передовых позициях. На фронте он был контужен, ослеп на один глаз, вследствие чего просился на покой в родную Оптину, но Святейший Синод назначил его настоятелем Ново-Иерусалимского монастыря, а в 1916–1917 годах он вновь оказался на фронте, на этот раз на румынском. После октябрьского переворота владыка отошел от церковного управления и удалился на покой в Донской монастырь, но продолжал оставаться со своею паствою, служил во всех храмах, куда его приглашали. В 1923 году он был возведен в сан архиепископа, в 1931 году — митрополита.

В 1934 году владыка совершил последнюю свою службу в субботу Светлой седмицы в церкви Малого Вознесения на Никитской. В конце жизни владыка ослеп. Он хотел принять схиму и получил на это благословение митрополита Сергия (Страгородского). В день своей кончины владыка просил своих духовных детей, пришедших проститься с ним, петь пасхальные песнопения и сам подпевал им. Скончался митрополит Трифон 1/14 июня 1934 года и завещал похоронить себя как простого монаха, в клобуке и мантии, без цветов и речей. В гроб положили также все, что владыка успел приготовить к схиме.

Отпевал митрополита Трифона митрополит Сергий (Страгородский) в сослужении архиепископа Смоленского и Дорогобужского Серафима (Остроумова) и архиепископа Волоколамского Питирима (Крылова) в храме Адриана и Наталии, в котором он часто молился и где находилась чудотворная икона мученика Трифона. Затем в сопровождении множества народа его гроб перевезли на Немецкое кладбище "Введенские горы".

Владыка Трифон был известным проповедником, горячо любимым московской паствой, духовным писателем, автором драмы "Пещное действо", книг о Шамординском и Бородинском монастырях, акафиста "Слава Богу за все!".

Архиепископ Ювеналий (Половцев)

(†12/25 апреля 1904)

Архиепископ Виленский и Литовский Ювеналий (Половцев Иван Андреевич) родился 21 октября 1826 года в городе Ораниенбауме Петербургской губернии. Он окончил Михайловскую артиллерийскую академию и состоял на военной службе. Однако в его нежной душе таились такие нравственно-религиозные задатки, которые совершенно не гармонировали с его блестящим светским положением. Религиозный с самых юных лет, он постоянно "ходил пред Богом" и мечтал о скромной келлии отшельника. Его стремлений к монашеству не могли поколебать даже насмешки товарищей-артиллеристов, которые иронизировали по поводу его религиозности, "предрекая" ему белый клобук.

Но даже его мать (лютеранка по вероисповеданию, женщина умная и влиятельная в высшем петербургском обществе) должна была уступить желаниям своего сына (блестящего офицера), когда он после тяжелой болезни решительно заявил о своем намерении принять монашество.

15 марта 1847 года в возрасте 21 года Иван поступил послушником в Оптину пустынь. 29 апреля 1855 года он был пострижен в монашество с именем Ювеналий. Став учеником Оптинского старца Макария, под его руководством отец Ювеналий свыше десяти лет подвизался в смиренномудрии и послушании. Он был связан тесными узами с игуменом Исаакием Оптинским. Имел особое расположение к старцу Агапиту, который за пять-шесть лет до возведения его в епископы в Киево-Печерской Лавре увидел его (еще архимандритом) сияющим в архиерейском саккосе и омофоре.

Отец Ювеналий много потрудился, принимая участие "в Божьем деле", по выражению старца Макария, то есть занимался подготовкой к печати произведений

аскетической литературы и переводом с новогреческого языка на русский книги преподобного Дамаскина. Он в совершенстве владел языками — французским, немецким и английским, а приняв монашество, прекрасно изучил греческий, латинский и сирийский.

11 июля 1857 года отец Ювеналий был рукоположен во иеромонаха и назначен вместе с иеромонахом Леонидом (Кавелиным) сотрудником в Иерусалимскую Духовную миссию (1857–1861).

10 октября 1861 года по возвращении в Россию иеромонах Ювеналий был возведен в сан игумена и назначен настоятелем Глинской Рождества Богородицкой пустыни Курской епархии. 8 мая 1862 года он был назначен настоятелем Коренной Рождества Богородицкой пустыни, а 15 августа возведен в сан архимандрита.

21 декабря 1867 года архимандрит Ювеналий был назначен наместником Александро-Невской Лавры.

26 июня 1871 года он уволен по болезни на покой в Оптину пустынь Калужской епархии, где, однако, прожил только 13 лет.

21 мая 1884 года архимандрит Ювеналий был назначен наместником Киево-Печерской Лавры.

25 октября 1892 года архимандрит Ювеналий был хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 3 сентября 1893 года — епископ Курский и Белгородский. 7 марта 1898 года возведен в сан архиепископа Литовского и Виленского. С 1899 года — почетный член Казанской Духовной Академии.

В продолжение многолетнего служения его Церкви он явил собой светильник, горевший ярким светом православия и благочестия, владыку, сердце которого всегда горело любовью к Богу и ближним, а особенно его влекло к обездоленным, неимущим, вдовам и сиротам. Он был мудрым и заботливым начальником, отечески милостивым наставником, руководителем и высоким примером жизни, благоустроенной по правилам веры и благочестия христианского. Забота о просвещении юношества в духе благочестия была одной из самых дорогих и близких его сердцу.

Трудами архипастыря в Вильне был выстроен величественный Знаменский храм, а также построено 7, отремонтировано 9 и испрошено пособий на 13 новых храмов, что при отсутствии храмов в Литве имело огромное значение для укрепления Православия.

Среди его трудов: "Речь при наречении его во епископа", "Жизнь и творения св. Петра Дамаскина", "Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея", "Монашеская жизнь по изречениям о ней св. отцов подвижников", "Для духовного руководства ученым инокам", "Сила Божия и немощь человеческая".

Архиепископ Ювеналий скончался 12 апреля 1904 года в городе Вильно и был погребен в Свято-Духовом монастыре.

Некоторые духовные лица, имевшие тесные связи с Оптиной пустынью[84]

Многие оптинские постриженики и воспитанники впоследствии были назначены на должности настоятелей других монастырей, где, естественно, старались воплощать заветы Оптинских преподобных и насаждать дух родной обители. Всех их перечислить невозможно, но имена некоторых нам известны. К сожалению, не во всех случаях удалось установить их фамилии и даты кончины.

Схиархимандрит Авраамий (Ильянков; †22 марта /4 апреля 1889) — оптинский постриженик, впоследствии настоятель Переяславского Троицкого монастыря.

Иеромонах Акакий (Сергеев; †?) — оптинский постриженик (1853), впоследствии духовник Коренной пустыни Курской епархии (с 1863).

[84] Сведения о многих лицах, упоминаемых в этой статье, почерпнуты из издания: Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: [В 13 кн.]. М., 1906–1910.— *Ред.*

Протоиерей Александр Михайлович Аваев (†1958). Бывший поручик, поступил в Оптинский скит при старце Варсонофии и был оптинским послушником и воспитанником. В 1914 году был призван на фронт. Впоследствии — настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Войново (Польша), старец в миру.

Иеросхимонах Александр (Стрыгин; †9/22 февраля 1878), затворник, делатель молитвы Иисусовой — оптинский постриженик, впоследствии перешедший в Гефсиманский скит Свято-Троицкой Сергиевой Лавры; вместе с оптинскими же старцами **игуменом Иларием (в схиме Илия; †9/21 июля 1863)** и **схиигуменом Алексием (†6/19 мая 1882)** оказали глубокое влияние на братию скита и способствовали насаждению старчества в этой обители.

Архимандрит Алексий (начало XX века) — оптинский постриженик, впоследствии настоятель Свято-Данилова монастыря и благочинный московских монастырей.

Игумен Антоний (Бочков; †5/18 апреля 1872) — оптинский послушник, впоследствии настоятель Черменецкого Иоанно-Богословского монастыря Санкт-Петербургской епархии. Духовный писатель, собеседник святителя Игнатия (Брянчанинова). Умер от тифа в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии.

Иеросхимонах Антоний (Медведев; †10/23 октября 1880) — оптинский послушник (1833–1837), ученик и келейник Оптинского старца преподобного Леонида и сподвижник преподобного Макария Оптинского. Впоследствии старший духовник Киево-Печеской Лавры.

Иеромонах Варсонофий (Светозаров; †?), из студентов Тамбовской Духовной Семинарии, друг Александра Гренкова (впоследствии — преподобного Амвросия Оптинского). В Оптинском скиту подвизался с 1843 года, а в 1851-м был переведен в Малоярославецкий Николаевский монастырь Калужской епархии.

Схиархимандрит Венедикт (Дьяконов; †6/19 мая 1915). Был священником, овдовел, служил в селе Чеботово Дорогобужского уезда Смоленской губернии. В 1884 году определен в Оптину пустынь, в 1887 году пострижен в монашество. В 1903 году назначен настоятелем Боровского Пафнутиева монастыря с возведением в сан архимандрита и благочинным монастырей Калужской епархии.

Иеросхимонах Гавриил (Спасский; †2/15 января 1871) — оптинский насельник (с 1842) и постриженик (1844). В 1849–1851 годах был казначеем в Малоярославецком Николаевском монастыре, но по болезни вернулся в Оптину пустынь и выбыл на покой. В 1869 году устроил женскую общину (впоследствии — Казанский Белокопытовский монастырь в Калужской епархии), которой руководил до своей смерти.

Игумен Геронтий (Васильев; †6/19 июля 1857) — иеромонах Оптиной пустыни и близкий ученик преподобного Льва. Когда отца Геронтия назначили настоятелем Тихоновой пустыни Калужской епархии (1837), старец Лев сам часто приезжал туда, усердно заботясь о возрождении этого монастыря.

Архимандрит Даниил (†2/15 июня 1835) — в Оптину пустынь поступил в 1819 году из экономов Калужского Архиерейского дома. В его настоятельство (1819–1825) в Оптиной пустыни был введен устав Коневской обители; святителем Филаретом (Амфитеатровым) был основан Иоанно-Предтеченский скит и приглашены первые великие старцы. В 1825 году отец Даниил произведен в архимандрита Покровского Добринского монастыря, а из него в Трубчевский Челнский, где и скончался.

Игумен Иларий (в схиме Илия; †9/21 июля 1863) — подвизался в нескольких монастырях, в Оптину пустынь поступил, будучи уже иеромонахом, и стал преданным учеником преподобного старца Леонида. Впоследствии был назначен настоятелем Николо-Угрешского монастыря Московской епархии (1834–1853).

Иеромонах Иларий (†21 марта /3 апреля 1889) — в Оптину пустынь прибыл в сане иеромонаха и очень полюбился преподобному старцу Амвросию, который благословил его перейти в Мещевский монастырь. В 1881 году он был назначен духовником

Мещевского Георгиевского монастыря Калужской епархии и исполнял это послушание до конца своей жизни.

Иеросхимонах Иоанн (иеромонах Ефрем; †25 июня /8 июля 1884) — поступил в Оптину пустынь в 1829 году и стал учеником преподобного старца Оптинского Леонида (Льва). В 1837 году был переведен в Тихонову пустынь Калужской епархии, в которой впоследствии стал старцем-духовником.

Иеросхимонах Иосиф (Серебряков; †31 августа /13 сентября 1880) — в Оптину пустынь поступил около 1837 года послушником и в 1843 году принял монашеский постриг с именем Иов. По собственному желанию в 1846 году выбыл в Мещевский Георгиевский монастырь. В 1855 году перешел в Николо-Угрешский монастырь, где подвизался до конца своих дней. Этот старец имел дар прозорливости.

Иеромонах Ираклий — оптинский постриженик, назначенный на должность настоятеля Тихоновой пустыни Калужской епархии (1830–1835).

Схиархимандрит Иринарх (Степанов; †1948) — оптинский постриженик, впоследствии старец Щегловского монастыря Тульской епархии.

Иеросхимонах Исаия (Лунев; †1883) — оптинский постриженик (1852), нес послушание погребного. В 1875 году назначен настоятелем Лихвинского Доброго монастыря.

Монах Каллист (Сергеев; †?) — оптинский насельник (с 1852) и постриженик (1860). Нес послушание пономаря, просфорника и при больничной церкви. В 1863 году вместе с иеромонахом Акакием (Сергеевым) выбыл в Курскую Коренную пустынь.

Архимандрит Макарий (†1839) — постриженик Оптиной пустыни, назначенный на должность настоятеля Малоярославецкого монастыря Калужской епархии (1809–1839).

Архимандрит Макарий (Струков; †1908) — оптинский постриженик, впоследствии настоятель Можайского Лужецкого монастыря Московской епархии.

Архимандрит Мелетий (Антимонов; †17/30 октября 1865), родной брат преподобного Исаакия I Оптинского — оптинский постриженик, впоследствии подвизался в Тихоновой пустыни Калужской епархии, а затем в Киево-Печерской Лавре был экклесиархом Великой церкви.

Иеромонах Мефодий — оптинский постриженик, назначенный на должность настоятеля Тихоновой пустыни Калужской епархии (1803–1811).

Иеромонах Мефодий — насельник Оптиной пустыни, назначенный на должность строителя Малоярославецкого монастыря Калужской епархии.

Иеромонах Михаил — оптинский постриженик, назначенный на должность настоятеля Тихоновой пустыни Калужской епархии (1814–1816).

Архимандрит Моисей (Красильников; †4/17 ноября 1895) — оптинский постриженик, ученик преподобных старцев Льва и Макария, назначенный на должность настоятеля Тихоновой пустыни Калужской епархии (1858–1895) и благочинного монастырей Калужской епархии (с 1865).

Схиархимандрит Никодим (Демутье; †7/20 февраля 1864) — постриженик Оптиной пустыни, назначенный на должность настоятеля Мещевского Георгиевского монастыря (1842), а затем — Малоярославецкого монастыря Калужской епархии (1853–1864).

Архимандрит Нил (Кастальский; †27 февраля /12 марта 1914) — постриженик Оптиной пустыни, а впоследствии старец Лаврентиева и Крестовского монастырей Калужской епархии.

Схиигумен Павел (Драчев; †16/29 марта 1981) — оптинский воспитанник, нес послушание скитского садовника; исповедник. После закрытия Оптиной перешел в Московский Свято-Данилов монастырь. После пинежской ссылки (где он ухаживал за умирающим преподобным Никоном Оптинским исповедником) получил схиму в Почаеве. Скончался в селе Черкассы Ефремовского района Тульской области в столетнем возрасте.

У себя на приходе основал тайный женский монастырь, состоявший в основном из шамординских сестер.

Иеромонах Паисий (Аксенов; †3/16 декабря 1870) — оптинский постриженик, назначенный на должность строителя Тихоновой пустыни Калужской епархии (1857–1859) после игумена Геронтия (Васильева). Из-за болезни вернулся в Оптину и был благочинным монастыря (с 1861).

Иеросхимонах Паисий (Гришкин; †12/25 мая 1969) — воспитанник Оптиной пустыни, один из последних ее старцев; после войны числился в братии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Иеромонах Парфений (†1809) — постриженик Оптиной пустыни, ставший преемником иеромонаха Мефодия в Малоярославецком монастыре Калужской епархии (1802–1809).

Схиархимандрит Пафнутий (Осмоловский; †23 июня /6 июля 1891) — постриженик Оптиной пустыни, назначенный на должность настоятеля Малоярославецкого монастыря Калужской епархии.

Преподобный архимандрит Пимен (Мясников; †17/30 августа 1880) — в Оптиной был послушником и келейником (1833–1834) вышеупомянутого игумена Илария. Вместе с ним перешел в Московский Николо-Угрешский монастырь и по кончине своего наставника был настоятелем этой обители (1853–1880). Причислен к лику местночтимых святых Московской епархии.

Иеродиакон Порфирий (Алексеев; †?) — с 1856 года оптинский насельник и постриженик (1862); нес послушание келейника у отца настоятеля. В 1863 году выбыл на послушание в Калужский архиерейский дом, где и был рукоположен в иеродиакона.

Игумен Феодосий — постриженик Оптиной пустыни, а затем настоятель Пертоминского монастыря в Архангельской губернии.

* * *

Многие духовные лица посещали Оптину пустынь, любили ее и почитали преподобных старцев или даже окормлялись у них. Эта святая обитель, несомненно, оставила след в их душах, "окрылила", вдохновила их на дальнейшие подвиги. Поэтому будет нелишне привести здесь имена хотя бы некоторых из них

Святой праведный протоиерей Алексий Мечев (†9/22 июня 1923) — посещал Оптину пустынь, был духовно дружен со старцем преподобным Анатолием (Потаповым) и схиигуменом Феодосием (Поморцевым).

Схиархимандрит Амвросий (Курганов; †15/28 октября 1933) — настоятель Сербского монастыря в местечке Милково, оптинский воспитанник, духовный сын преподобного старца Анатолия (Потапова).

Архиепископ Рокландский Андрей (Рымаренко; †29 июня /12 июля 1978) — известный иерарх Русской Православной Церкви Зарубежом. До эмиграции был духовным сыном преподобного Нектария Оптинского, читал ему отходную.

Иеромонах Андрей (Эльбсон; †14/27 сентября 1937) — духовный сын преподобного Нектария Оптинского, член Катакомбной церкви (Москва, Муром), исповедник. Расстрелян в Бутове.

Преподобный архимандрит Антоний (Медведев; †12/25 мая 1877) — настоятель Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, духовник и духовный сын святителя Филарета Московского. Глубоко почитал Оптинских старцев и посещал Оптину пустынь.

Архимандрит Борис (Холчев; †29 октября /11 ноября 1971) — духовное чадо преподобного Нектария Оптинского, молитвенник высокой духовной жизни, выдающийся проповедник; исповедник.

Протоиерей Валентин Свенцицкий (†7/20 октября 1931) — выдающийся московский пастырь, талантливый проповедник, духовный писатель, исповедник. Духовный сын преподобного Анатолия младшего (Потапова) Оптинского.

Протоиерей Василий Евдокимов (†5/18 декабря 1990) — известный московский священник, исповедник, общался с преподобным Нектарием Оптинским.

Епископ Кинешемский Василий (Преображенский; †31 июля /13 августа 1945) — местночтимый святой Ивановской епархии, старец, аскет, молитвенник, выдающийся проповедник, исповедник, подвижник. Умер в ссылке.

Протоиерей Василий Шустин (†24 июля /6 августа 1968) — духовный сын святого праведного отца Иоанна Кронштадтского и преподобных Варсонофия и Нектария Оптинских, замечательный пастырь. В течение 30 лет был настоятелем православного прихода в Алжире, скончался в Каннах.

Митрополит Саратовский и Балашовский Вениамин (Федченков; †21 сентября /4 октября 1961 года) — неоднократно бывал в Оптиной, хорошо знал ее старцев; его современники считали его принадлежащим к оптинской школе.

Протоиерей Владимир Богданов (в монашестве Серафим; †28 октября /10 ноября 1931) — известный московский пастырь. После ареста и ссылки примкнул к Катакомбной церкви и принял тайный постриг. Основанные им общины продолжали существовать еще около 15 лет после его кончины. Духовный сын преподобного Нектария Оптинского.

Протоиерей Владимир Шамонин (†20 ноября /3 декабря 1967) — известный петербургский пастырь. Неоднократно приезжал в Оптину.

Протоиерей Георгий Коссов (†23 апреля /6 мая 1928) — замечательный пастырь села Спас-Чекряк Орловской губернии, духовный сын преподобного Амвросия Оптинского.

Иеросхимонах Герасим (Мартынов-Брагин; †16/29 июня 1898) — замечательный старец, юродивый, прозорливый, устроитель женской Никольской общины Медынского уезда Калужской губернии. Любил бывать в Оптиной и общаться со старцами.

Игумен Герасим младший (†31 июля /13 августа 1918) — ученик иеросхимонаха Герасима, основатель и строитель скита преподобного Сергия Радонежского недалеко от Калуги. Часто посещал Оптинских старцев.

Архиепископ Тульский Дамаскин (Россов; †31 июля /13 августа 1855) писал: "Если кто желает витать между небом и землей, тот должен жить в Оптиной".

Архимандрит Даниил (Мусатов; †17/30 июня 1855) — ученик Оптинских старцев, аскет, подвижник, преподаватель Калужской Духовной Семинарии, а затем Киевской Духовной Академии.

Святитель, митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Попов-Вениаминов; †31 марта /13 апреля 1879) — просветитель Сибири и Америки. Приезжал в Оптину к преподобному старцу Амвросию.

Митрополит Киевский и Галицкий Иоанникий (Руднев; †7/20 июня 1900) — великий архипастырь, приезжал в Оптину пустынь к преподобному старцу Амвросию.

Епископ Ханькоуский (Китай) Иона (Покровский; †7/20 октября 1925) — архиерей святой жизни, почитаемый не только китайцами, но и монголами. Его кончина явилась всенародной трагедией; от великой скорби на его могиле умер язычник — монгольский князь Гантимир. Будучи студентом и преподавателем Казанской Духовной Академии, часто приезжал в Оптину к своему духовному отцу преподобному Анатолию (Потапову). Очень хотел вступить в братию Оптиной пустыни.

Епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии Лаврентий (Князев; †24 октября /6 ноября 1918) — подвижник благочестия, новомученик, духовный сын преподобного Анатолия (Потапова). Расстрелян.

Святитель, митрополит Московский Макарий (Невский; †16 февраля /1 марта 1926) — апостол Алтая, ревностный миссионер. Приезжал в Шамордино и общался там с Оптинскими старцами. Его постоянное наставление — "Кто желает спастись, пусть читает письма Оптинских старцев".

Архимандрит Мефодий (†1906) — настоятель Псково-Печерского Успенского монастыря. Старец, один из любимых учеников преподобного Амвросия Оптинского.

Митрополит Сербский Михаил (Иованович; †5/18 февраля 1897) — приезжал в Оптину пустынь при настоятельстве преподобного Моисея, после чего "наслаждался сладостным воспоминанием духовного братства, исполненного любви христианской".

Протоиерей Михаил Прудников (†21 августа /3 сентября 1929) — служил в храме Спас-на-Водах в Санкт-Петербурге, великий старец, духовный друг преподобного Анатолия (Потапова), часто приезжал в Оптину.

Епископ Сиэтлинский Нектарий (Концевич; †24 января /6 февраля 1983) — видный иерарх Русской Православной Церкви Заграницей. В юности часто бывал в Оптиной, духовный сын преподобного Нектария Оптинского.

Протоиерей Николай Сангушко-Загоровский (в монашестве Серафим; †30 сентября /13 октября 1943) — исповедник, замечательный проповедник, молитвенник, чудотворец, прозорливый старец. Духовный сын преподобного Анатолия (Потапова).

Игумен Никон (Воробьев; †25 августа /7 сентября 1963) — знаменитый старец, близкий духовный сын Оптинского старца иеросхимонаха Мелетия (Бармина).

Игумен Никон (Воскресенский; †15/28 октября 1963) — подвижник благочестия, скончался в Псково-Печерском Успенском монастыре. В свое время был близок к Оптиной пустыни.

Священник Павел Флоренский (†25 ноября/ 8 декабря 1937) — неоднократно бывал в Оптиной, знал ее старцев и очень высоко ценил значение монастыря, высокодуховную атмосферу святой обители и ее влияние на всю русскую культуру.

Епископ Уфимский и Мензелинский Петр (Екатериновский; †27 мая /9 июня 1889) — духовный писатель, аскет. Несколько лет жил в Оптиной пустыни на покое.

Священномученик архиепископ Воронежский и Задонский Петр (Зверев; †25 января /7 февраля 1919) — часто посещал Оптину пустынь. Замучен на Соловках.

Иерей Петр Петриков (†14/27 сентября 1937) — видный участник Катакомбной церкви (Москва); духовный сын преподобного Нектария Оптинского. Был в ссылке. Расстрелян в Бутове.

Протоиерей Петр Чельцов (†30 августа /12 сентября 1972) — служил в селе Великодворье Гусь-Хрустального района Владимирской области. Выдающийся пастырь, в молодости часто ездил в Оптину и усвоил многие традиции Оптинских старцев.

Архимандрит Серафим (Батюков; †6/19 февраля 1943) — настоятель храма святых Кира и Иоанна на Сербском подворье в Москве. В 1928 году ушел в затвор, примкнув к Катакомбной церкви во главе со святителем Афанасием (Сахаровым), скончался в Сергиевом Посаде. Духоносный, прозорливый старец, часто приезжал в Оптину пустынь и был духовным сыном преподобного Нектария Оптинского.

Архиепископ Богучарский (Болгария) Серафим (Соболев; †13/26 февраля 1950) — аскет, молитвенник, богослов; духовный сын преподобного Анатолия (Потапова) Оптинского.

Священномученик протоиерей Сергий Мечев (†24 декабря 1941 /6 января 1942) — сын святого праведного Алексия Мечева, продолжатель его пастырско-духовнической деятельности. Духовный сын преподобного Нектария Оптинского.

Епископ Калужский и Боровский Стефан (Никитин; †15/28 апреля 1963) — старец святой жизни, исповедник. Скончался в конце Божественной литургии на амвоне, произнося проповедь. Имел духовное общение со всеми последними Оптинским старцами и братией.

Протоиерей Сергий Сидоров (†14/27 сентября 1937) — духовный писатель, ревностный священнослужитель. Духовный сын преподобного Нектария Оптинского. Расстрелян.

Протоиерей Сергий Тихомиров (†5/18 августа 1930) — известный петербургский старец, аскет, молитвенник. Окормлялся у Оптинских старцев. Расстрелян.

Протоиерей Сергий Четвериков (†16/29 апреля 1947) — известный духовный писатель, автор книг: "Жизнеописание старца Амвросия Оптинского", "Молдавский старец Паисий Величковский", "Оптина пустынь" и др. Принимал активное участие в составлении валаамского "Сборника об Иисусовой молитве" (игумена Харитона), хотя его имя там не значится. Был келейно пострижен в схиму (вероятно, на Валааме, игуменом Филимоном, его духовным отцом), то есть был иеросхимонахом в тайном постриге, что выяснилось из его завещания (13 декабря 1944 года с дополнением от 24 июня 1945 года). Любил посещать Оптинских старцев. Эмигрировал, умер в Братиславе.

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России (Беллавин; †25 марта /7 апреля 1928) — по многим вопросам церковной жизни советовался с преподобным Нектарием Оптинским, для чего к старцу посылался верный гонец.

Архимандрит Тихон (Богуславец; †17/30 января 1950) — проживал в городе Симферополе, был духовником святителя Луки (Воино-Ясенецкого), а сам окормлялся у Оптинских старцев.

Иеросхимонах Феодосий (†2/15 октября 1937) — был преподавателем Казанской Духовной Академии. По благословению своего духовного отца, преподобного Анатолия (Потапова), уехал на Афон, где стал знаменитым подвижником; жил на Каруле.

Глава VII. Тричисленные новомученики

Semen est sanguis christianorum — кровь христиан есть семя (*лат.*).
Тертуллиан

"Кровь мучеников — семя Церкви". Этот парафраз известных слов Тертуллиана как нельзя точно отражает историю христианской Церкви. От времен апостолов до наших дней мученичество ради Христа есть созидание Церкви Божией, потому что мученичество есть продолжение апостольского служения миру.

В Пасхальное утро 5/18 апреля 1993 года в Оптиной пустыни рукой сатаниста были убиты трое насельников: преподобномученики иеромонах Василий, инок Ферапонт и инок Трофим.

"Это не есть акт, связанный с какими-то личными счетами, с какой-то национальной враждой или политическими мотивами, как это сейчас пытаются представить или объяснить. Здесь все гораздо глубже. Здесь речь идет именно о **духовной войне** и о **духовной брани**, когда в первую очередь убираются те люди, которые оказывают наибольшую помощь, те люди, которые наиболее ценны для Церкви, для Православия, для народа Божия. Это — не брань с конкретными личностями, а здесь — война, война, которая началась уже при самом сотворении мира — война между Богом и дьяволом. Как сказал Господь после грехопадения человека, что семя жены сотрет главу змия: *оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту* [Быт. 3, 15].

И вот сегодня мы были свидетелями, как дьявол *ужалил в пяту* — ужалил в пяту Церковь, но через это будет стерта его глава, потому что мы потеряли людей, а приобрели Ангелов на небе. Мы потеряли монахов, потеряли священнослужителей, но мы приобрели на небе новомучеников. Их кровь явится для каждого из нас примером и назиданием, и их молитвы будут покрывать наш народ, нашу Церковь, будут покрывать весь народ Божий, который стремится к чистоте жизни и к святости".

Игумен Мелхиседек (Артюхин)
5/18 апреля 1993 // Телепередача "Русскій міръ", 1-й канал TV

Кровь мучеников — семя Церкви

Из выступления игумена Мелхиседека (Артюхина) на пресс-конференции, состоявшейся в Московском Свято-Даниловом монастыре[85] 15/28 апреля 1993

В день Святой Пасхи 1993 года мы стали свидетелями чрезвычайного, потрясшего душу каждого из нас события. Рукой убийцы были оборваны совершенно невинные святые монашеские жизни.

Пасха в Оптиной пустыни началась, как обычно, с пасхальной полунощницы, затем был крестный ход в Иоанно-Предтеченский скит, который находится в трехстах метрах от монастыря. После крестного хода началась пасхальная заутреня, затем литургия. Служба закончилась в 5 часов 10 минут утра. Вся братия пошла, как это полагается по уставу Церкви, разговляться в трапезную. На колокольне звонили в это время три инока: Ферапонт, Трофим и Лаврентий. После непродолжительного звона они вернулись в трапезную. А после трапезы, приблизительно около 6 часов утра, иноки Ферапонт и Трофим вновь пошли на звонницу совершать пасхальный звон, возвещая радость всем людям о Христе воскресшем.

Буквально через 10 минут в келлию наместника прибежали встревоженные люди, они сообщили, что с нашими братиями случилось нечто страшное. Мы все выбежали на улицу. Там увидели следующую картину: двое иноков лежат на помосте колокольни, а отец Василий — на земле. Понять ничего невозможно: то ли это сердечный приступ, то ли случайно они упали и разбились. Кругом стон, слезы… Когда увидели кровь, поняли: произошла трагедия.

Инока Трофима перенесли в Введенский собор, в нем еще теплилась жизнь, была слабая надежда спасти его. Отца Василия также перенесли в собор. Срочно позвонили в милицию и в "скорую". А мы своими силами начали оказывать помощь нашим братьям. Через 15 минут приехала "скорая", забрала еще живого отца Василия. Когда ему начали оказывать помощь, он еще мог говорить, просил сделать укол, сказал еще одно слово: "Помогите". Отца Василия отвезли в больницу, а через полчаса он скончался: убийца пронзил его мечом насквозь.

Никто ничего подробно не мог рассказать о случившемся: не было очевидцев. Кто-то из паломников видел перелезающего через монастырскую стену человека. Убегая, он сбросил с себя шинель, в шинели нашли нож. А возле башни он оставил окровавленный меч приблизительно 60 сантиметров длиною. На лезвии его были выцарапаны слова: "сатана" и число "666". На обнаруженном ноже также была выгравирована надпись: "666".

<…>

Слово иеромонаха Феофилакта (Безукладникова), сказанное во время отпевания убиенных оптинских иноков[86] 7/20 апреля 1993

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Христос воскресе! Приближается к концу, братия и сестры, чинопоследование пасхального отпевания над тремя нашими усопшими собратиями — иеромонахом Василием, иноком Трофимом и иноком Ферапонтом. Память Оптиной пустыни хранит очень много отпеваний и прощаний с ее насельниками. Очень много осталось письменных воспоминаний о том, как в Оптине провожали в последний путь, например, Оптинских старцев, о чем мы можем читать в жизнеописаниях этих подвижников благочестия. Но сегодня здесь совершается нечто необычное, чудное и дивное. Те, которые населяли Оптину пустынь и отошли ко Господу, сегодня носят разные наименования. Преподобного Амвросия Церковь причислила к лику святых, и теперь его называют преподобным и богоносным Оптинским старцем и всея России

[85] Публ по изд.: Московский церковный вестник. 1993. № 9–10 (96–97). С. 4–6; [в сокращении].— *Ред.*

[86] Публ. по изд.: Оптинская Голгофа. К убийству иноков на Святую Пасху. М., 1996. С. 9–12.— *Ред.*

чудотворцем. Остальных старцев мы поминаем наименованием приснопамятных блаженнопочивших[87]. А вот этих трех братий мы поминаем титулом убиенных.

Всякий христианин, хорошо знакомый с учением Церкви, знает, что на Пасху так просто не умирают, что в нашей жизни нет случайностей, и отойти ко Господу в день Святой Пасхи составляет особую честь и милость от Господа. С того дня, когда эти трое братий были убиты, по-особому звучит колокольный звон Оптиной пустыни. И он возвещает не только о победе Христа над антихристом, но и о том, что теперь земля Оптиной пустыни обильно полита не только потом подвижников и насельников, но и кровью оптинских братьев, и эта кровь является особым покровом и свидетельством будущей истории Оптиной пустыни. Теперь мы знаем, что за нас есть особые ходатаи пред Престолом Божиим.

Кончина этих трех собратий чем-то похожа на кончину Самого Господа нашего Иисуса Христа. Господь также был предан невинно в последние дни Своей земной жизни в руки злодеев и умерщвлен. И эти три оптинских брата погибли от руки убийцы, которого они не знали, перед которым не были ни в чем виноваты, потому причиной этого убийства послужило сатанинское озлобление, ибо дьявол является человекоубийцей изначала.

При жизни монахов хвалить нельзя. Святые отцы говорят, что вообще никакого человека хвалить нельзя, можно человека хвалить лишь в состоянии его уныния. Но теперь, когда эти три собрата предлежат перед нами здесь своими телами, а души их предстоят сегодня, на третий день по их кончине, перед Престолом Божиим, мы можем вспомнить то хорошее, что было в их жизни. Вспомнить мы можем очень немногое, потому что мы гораздо удобнее замечаем лишь пороки и недостатки друг друга и мало соответствуем христианскому устроению, которое требует искать в другом положительные черты.

Первый, о ком надо рассказать,— это иеромонах Василий. Он был уже в сане священника, и ему было трудно сокрыть те черты благочестия и подвижничества, которые он себе усвоил и усваивал с первых дней пребывания в Оптиной пустыни. Все, кто его знал, могут сказать, что он пришел проводить монашескую жизнь нелицемерно и не стремился никогда к тому, чтобы его скорее постригли, быстрее рукоположили, но думал о том, как стяжать в своем сердце Духа Святаго. Те, кто жил с ним по соседству или в ближайших келлиях, могут вспомнить о том, что по ночам через фанерную перегородку было слышно, как он читал вполголоса Псалтирь, и хотя для того, чтобы делать поклоны, он клал на пол телогрейку или кусок войлока, было слышно, что он творит Иисусову молитву. Он служил в Оптиной пустыни и в Москве при открытии подворья в первое время, которое было самым трудным, самым тяжелым. И хотя там многое сгибало, расслабляло внутренне, он остался непоколебим. По свидетельству его родственников и близких, он таким же был и в миру. Все, хорошо знавшие отца Василия, как-то внутренне надеялись, что из него получится хороший батюшка, получится настоящий монах, к которому можно будет обратиться за советом, который никогда не оставит. Но, видимо, один суд — человеческий, а другой суд — Божий. И Господь судил ему перейти путь сей земли, чтобы предстательствовать за нас там, в невечернем дне Царствия Божия.

Инок Трофим трудился еще в гражданской жизни в сельском хозяйстве, и здесь, в Оптиной пустыни, на него возлагались большие надежды в устроении подсобного хозяйства, и он эти надежды оправдал. Он отличался простотой, незлобием, великодушием и всепрощением. Его добрые голубые глаза всегда светились внутренней радостью.

Инок Ферапонт останется в нашей памяти как человек скромный, молчаливый, как человек, который втайне творил каждую ночь пятисотницу с поклонами. Находясь на

[87] Это слово на отпевании было произнесено за 5 лет до церковного прославления тринадцати Оптинских старцев.— *Ред.*

общих послушаниях, он трудился там, где ему определяло священноначалие монастырское.

Но, братия и сестры, любое событие должно нас в чем-то назидать, тем более кончина наших трех собратий. И тут вспоминается еще одно учение Церкви. Говорится о том, что Церковь не может не плодоносить, не может быть мертвым организмом, в котором или есть спасающиеся, или их нет. И если христиане, и особенно монахи, живут ревностно, благочестиво и подвижнически, Церковь Божия наслаждается миром и благоденствием, когда же ослабевает эта духовная ревность, то начинаются гонения, убийства, и, как правило, гибнут лучшие сыны Церкви, ибо всякий грех омывается кровью.

Сегодня от некоторых мирян, которые соприкасаются отчасти с жизнью монашества, можно порой услышать такие слова, что нынешние монахи в лучшем случае бывают просто людьми добрыми и хорошими, что для нашего монашества, а тем более для монашества оптинского не хватает одного очень важного момента — не хватает подвижничества. Монах не может просто оставаться тем человеком, каким он был в миру, это звание призывает к большему. Еще преподобный Амвросий говорил, что суть монашества — это досаду подъяти и укоризну, нельзя жить в монастыре прохладно, здесь требуются особая ревность и усердие. И поэтому смерть этих трех братьев служит укором и для меня лично, и назиданием для всех нас. Мы все должны очень серьезно пересмотреть свою жизнь, подумать, как мы соответствуем жизни евангельской, насколько мы соответствуем званию монашескому.

Теперь идут дни Святой Пасхи, когда запрещается сетовать, печаловаться, даже в случае похорон, отпевания. Но все равно в наших сердцах есть скорбь, и встает вопрос: как можно соединить радость со слезами? А Церковь отвечает, что можно, и это бывает не только в такой ситуации, как у нас сегодня. Например, Церковь повелевает христианам причащаться в дни двунадесятых праздников. Но причастию предшествует исповедь, а исповедь, покаяние сопряжены с раскаянием и печалованием о собственных грехах. То есть бывает такое в Церкви, когда печаль соединяется с радостью. Очень скоро, братия и сестры, в конце отпевания вы будете подходить прощаться. В чинопоследовании написано, что, подходя к усопшему, мы должны ему говорить: "Христос воскресе!" — и этим выражать нашу веру, что нет больше смерти на земле, что наша жизнь с момента Воскресения Христа приобрела вечный смысл: если люди умирают, то лишь на некоторое время, до Страшного Суда Божия.

Мы верим: эти братия сейчас благочестиво наследовали удел вечной блаженной жизни, потому что даже в отношении мирских лиц, и даже вне пасхального периода, сказано, что, убивая человека, убийца берет все грехи его на свою душу. Поэтому, братия и сестры, они отошли ко Господу, очистив свои немощи человеческие невинно пролитой кровью.

В истории Оптиной пустыни было на праздник Пасхи что-то подобное. Еще до революции, в старой Оптине, после ранней Божественной литургии богомольцы устремились к паромной переправе (тогда не было моста через Жиздру), паром только отчалил от берега, и, чтобы его не ждать, деревенская молодежь решила переправляться на лодке. В общей суете лодку переполнили больше меры и, когда выплыли на середину реки — а Жиздра тогда была в разливе,— перевернулись, люди попали в холодную, мерзлую воду между несущимися льдинами и стали тонуть. И те из них, что взывали: "Христос воскресе!" — спаслись, а остальные утонули. Мать одной молодой девушки очень печалилась и пришла к Оптинскому старцу, который запретил ей печалиться о своей усопшей в день Святой Пасхи дочери. А в скором времени сама дочь явилась ей и сказала: "Мама, ты не плачь, нам здесь очень хорошо, мы находимся вместе с Господом".

И мы сегодня не столько печалимся, сколько радуемся, потому что эти три брата благополучно начали и успешно завершили свой жизненный монашеский путь, и обращаемся к ним с радостным пасхальным приветствием: "Христос воскресе!".

Слово архиепископа Владимирского и Суздальского Евлогия на пресс-конференции, состоявшейся в Московском Свято-Даниловом монастыре[88] 15/28 апреля 1993

Слова "Оптина пустынь" в эти дни всеми нами произносятся с каким-то особым звучанием. Недаром на башне святых врат ее изображен Ангел с трубой. Глас Оптиной разошелся в Пасху как гром в ясном небе.

Я был назначен в Оптину пустынь в 1988 году, в год 1000-летия Крещения Руси. И мы начали с помощью Божией ее возрождение. Вскоре туда попал и отец Василий, теперь уже убиенный. Для меня он остался чистым, ищущим человеком, всего себя отдающим Богу. Я видел в нем редкие дарования. Чем, собственно, он себя характеризовал? Он служил прекрасно и проповедовал на редкость. Я слушал его и думал: он не кончал наших церковных школ, однако благодать Божия осенила его в тот самый период, когда возрождалась Оптина пустынь.

По благословению Его Святейшества я недавно побывал в Оптиной пустыни. Наступил 9-й день после убиения. Я вместе с братией утешился как бы второй Пасхой. Мы молились об упокоении иноков, вспоминали их блаженную мученическую кончину, прошли крестным ходом теперь уже на новое монастырское кладбище. Я его наименовал местом новых старцев, юных, не по возрасту для пустыни. Там, как вы знаете, есть знаменитые древние захоронения всех Оптинских старцев, а теперь вот и новых. И вот что удивительно: в наше время в Оптиной пустыни для всех нас все как бы повторяется.

Враг рода человеческого — дьявол, сатана — весь мир старается запугать. От него одни только страхи, одни тени. И мы по своей немощи руководствуемся больше страхами, чем существом. На самом деле наше с вами внимание должно быть сосредоточено на торжестве добра и света. В этом всемогущество Христа Спасителя Воскресшего, Который нам в Пасхе показал торжество Своей жизни. К сожалению, человек мало умиляется этим светом, который его питает, обогащает и украшает. Мы попадаем в полосу страха. То, что произошло в Оптиной, подтверждает: действительно, в день Пасхи ад стенал, как мы поем в своих песнопениях.

Радость — в победе. Казалось бы, здесь страшно, убийство в Оптиной наводит на нас печаль и ужас. Но это и радость, оттого что правда действительно всех нас захватывает и объединяет, и мы живем Светлым Воскресением Христовым. То, что произошло в Оптиной пустыни, выражает торжество православной веры. Именно в Пасху, когда разливается веселье торжества над адом, учиненное в Оптиной зло раскрывает нам, что все мы тоже подлежим искушениям, если только оставляем самих себя без внимания к своему внутреннему миру, если совершенно безразличны к духовной жизни. Тогда постигает нас зло, мрак, искушение лукавого диавола, который человека захватывает и пленяет. Тот несчастный убийца оказался в руках злого духа. Он ранил не Оптину пустынь, он себе нанес травму. Но владыка Василий [Родзянко] правильно сказал: враг позорит себя всякий раз, когда обрушивается на истину и свет.

Пасха в Оптиной преподнесла урок для всех нас, чтобы мы не были безразличны. Жизнь — это не бал, это борьба. Нам обещана в будущем вечная жизнь. Но здесь, на земле, мы, проходя эту школу борьбы, должны себя как бы выковать, чтобы устоять перед соблазнами. Евангелие как раз раскрывает эту борьбу света с тьмой, добра со злом. И от самого человека зависит, какую дорогу избрать — жизни или смерти.

Этот 9-й день глубоко умиротворил всех тех, кто был снова на захоронении новомучеников иноков Оптиной пустыни. Мы еще раз засвидетельствовали, что Пасха действительно "красная" и она творит мир и жизнь. В нынешнем году Пасха везде протекала особенным образом. Когда услышал о событиях в Оптиной, почувствовал, что враг всегда поднимает меч и нож на Церковь, на христиан, тем более на монахов, как

[88] Публ по изд.: Московский церковный вестник. 1993. № 9–10 (96–97). С. 5.— *Ред.*

строгих христиан. Но это не уничтожение, это торжество. Пасха представляет нам торжество Спасителя. Он был погребен во Гробе, все будто бы довольствовались, что нет больше Истины, можно продолжать ту же праздную жизнь. Но тут увидели, что из Гроба воссиял Свет и тьма исчезла. Это сродни настроению у нас в Отечестве. Но нам, конечно же, надо искать свет, делать больше добра. Нам надо объединиться, чтобы действительно торжествовать над злом.

Из слова схиигумена Илия (Ноздрина) на годовщину убиения Оптинских иноков[89] 5/18 апреля 1994

Для верующего человека, для христианина смерть не есть страшная участь, не есть предел нашей жизни, но за смертью есть воскресение. Другое страшно — есть зло, есть грех... Поминая наших братьев, убиенных злодейской рукой, мы видим, что наша печаль растворяется в нашей вере в то, что они по смерти живы: пострадавшие, они обретут от Господа награду, обретут от Него радость будущую. Но в то же время зло, которое действует в мире, не может быть приветствуемо, не может быть оправдано тем, что это зло Господь обращает в доброе.

Господь Иисус Христос на суде у первосвященника говорил: "Я не скрыто проповедовал, а пред всеми вами на виду говорил слово, и пусть слышавший свидетельствует, было ли что-нибудь преступное или злое в Моей проповеди" [см.: Ин. 18, 20–21]. Раб за эти слова ударил по щеке Господа, и Господь сказал: *Если Я сказал неправду, то свидетельствуй об этом, а если Я сказал правду, за что Меня биеши* [ср.: Ин.18, 23]?

Значит, это было зло, и Господь не мирится с ним. То, что раб ударил ни за что совершенно невинного Господа, есть проявление неправды, которую Господь осуждает.

Так, наши братья ни в чем не были повинны, они совершали доброе, правое дело. Эти двое звонили — вещали радость пасхальную, отец Василий шел на требу в скит. Подкравшийся злодей нанес им удары, он убивал их совершенно ни за что, а единственно по своему злому умыслу. По злой своей ненависти к чистым, невинным людям, к вере. Какой бы умысел ни привел к этому убийству — это было зло, с которым мы должны бороться. Если не можем мы каким другим путем бороться, то молитвой, силой Божией всегда должны бороться со злом. Господь пришел на землю, чтобы разрушить дела диавола. Он принял страдания, чтобы каждый верующий в Него силой Креста Господня побеждал зло. Вот, возлюбленные, мы сейчас хотя и утешаемся, что эти братья у Господа, что они получили великую награду, но мы не можем утешаться тем, что это зло существует в мире и злые умыслы человеков совершают то, что преступно. Мы не знаем, как было бы лучше, но сколько могли сделать эти братья добрых дел как иноки наиболее способные, наиболее трудолюбивые и послушные. Например, отец Василий был великий пастырь, проповедник, был и поэт, он много-много сделал для Церкви полезного. Но злодейская рука пресекла его трудолюбивость.

Мы можем Крестом, который дал нам Господь как силу для верующего человека, побеждать все зло демонское, мы больше должны пользоваться этим орудием. Будем молиться Господу, приложив наши усилия, чтобы такие злодейские акты не совершались, чтобы Господь не допускал их, потому что это приносит многий вред Церкви. Будем помнить, что сила наша — во Христе Иисусе, и идти — имея великое оружие, великую помощь от Господа, Его милость, Его Крест — молитвою и крестом против наших врагов, личных врагов и врагов Церкви.

На нашу Церковь, которая столько была разрушаема, поносима, диавол особенно страшно сейчас устремляется, потому что не хочет ее возрождения. Он смущает людей, и иные становятся послушным его орудием, чтобы как-то смутить святых и повредить

[89] Публ. по изд.: Оптинская Голгофа. К убийству иноков на Святую Пасху. М., 1996. С. 16–17.— *Ред.*

Церкви. Помолимся Господу, чтобы дал Церкви мир, благоденствие и сподобил нас в мире встретить великий праздник Христова Воскресения. Аминь.

Убиенный иеромонах Василий (Росляков)

(†5/18 апреля 1993)

Из автобиографии: "Я, Росляков Игорь Иванович, родился 23 декабря 1960 года в Москве. Окончил среднюю школу № 466 Волгоградского района города Москвы. После школы один год работал на автомобильном заводе. В 1980 году поступил в МГУ на факультет журналистики. В 1985 году закончил МГУ с квалификацией "литературный работник газеты". В составе университетской ватерпольной команды выступал на всесоюзных и международных соревнованиях. Выполнил норматив на звание мастера спорта. Был женат. Брак расторгнут отделом ЗАГСа Волгоградского района г. Москвы. Детей от брака нет. С 1985 по 1986 год работал инструктором спорта в Добровольном спортивном обществе профсоюзов".

Юного Игоря очень хорошо характеризует его собственная фраза: "Если я в день час-другой не побуду один, то чувствую себя глубоко несчастным". 17 октября 1988 года он поступил в Оптину пустынь, 20 апреля 1989 года был одет в подрясник. 5 января 1990 года послушника Игоря облекли в рясофор с новым именем в честь святителя Василия Великого, а 8 апреля 1990 года инок Василий был рукоположен в сан иеродиакона. 20 августа 1990 года иеродиакон Василий был пострижен в мантию и наречен в честь святого Василия Блаженного, Московского чудотворца, а 21 ноября того же 1990 года он был рукоположен в иеромонаха.

"Это был красивый человек во всех отношениях, и я лишь любовался им,— вспоминает иеромонах Д.— Он по-монашески любил уединение, и я видел, как тяжело ему даются частые поездки то в Москву, то в Шамордино, но он никогда не роптал. Духовно он был выше нас всех. Но эта духовность была особенная — очень искренняя и по-детски светлая, без тени ханжества или лжи. Он был монахом из старой Оптиной".

Иеромонах Василий (Росляков), прожив в монастыре всего 5 лет, оставил неизгладимое впечатление о себе в душах всех тех, кто его знал, кто наблюдал за ним только со стороны, кто общался с ним даже один раз в жизни. Все воспоминания о нем рисуют облик высокодуховного иеромонаха, привлекавшего своею святостью и скромностью взоры как новоначальных, так и духовных лиц. Невозможно на нескольких страницах показать его духовную высоту, поэтому ограничимся лишь несколькими отзывами и воспоминаниями оптинских насельников.

"После рукоположения в иеромонаха я служил 40 литургий с отцом Василием на московском подворье,— вспоминает игумен П.,— и жил в одной келлии с ним. Исповеди шли до 11 часов вечера и дольше. И когда к полуночи мы уже без сил возвращались в келлию, очень хотелось отдохнуть. Присядем на минутку, а отец Василий уже поднимается, спрашивая: "Ну что — на правило?". Спрашивал он это мельком, ничего не навязывая, и тут же уходил молиться. После правила он часов до двух читал молитвы, готовясь к службе, а в 4 утра снова вставал на молитву. Как же тщательно он готовился к службе и как благоговейно служил!".

А вот воспоминание того же игумена П., свидетельствующее о силе слова отца Василия: "Однажды была моя череда крестить, но я смутился вот от чего: приехала с кинокамерой высокопоставленная чета из мэрии, и женщина не хотела погружаться в воду с головой и портить специально сделанную для съемки красивую прическу. Я не знал, как тут поступить, и отец Василий вызвался меня заменить. Перед Крещением он сказал проповедь, и сказал ее так, что женщина была растрогана и уже не думала ни о какой прическе. Кстати, я заметил, что отец Василий перед Крещением говорил каждый раз новую проповедь. У него не было дежурной заготовки на все случаи жизни. Он говорил, как хотела сказать его душа в этот час и этим конкретным людям".

Когда однажды отца Василия спросили, чего бы он хотел больше всего на свете, он ответил: "Умереть на Пасху под звон колоколов".

5/18 апреля 1993 года иеромонах Василий вместе с другими двумя оптинскими иноками принял мученическую кончину. Все они были захоронены на братском кладбище. В 2005 году над могилами новомучениклв была возведена часовня.

Инок Трофим (Татарников)

(†5/18 апреля 1993)

Леонид Иванович Татарников родился 4 февраля 1957 года в поселке Дагон Иркутской области. После восьмилетки он окончил железнодорожное училище и работал машинистом мотовоза. Отслужив в армии, устроился электриком на траулер Сахалинского морского пароходства. Затем работал фотокорреспондентом в газете, а потом шил обувь. С 1987 года алтарничал в храме города Бийска. В августе 1990 года он приехал в Оптину и осенью был одет в подрясник. 25 сентября 1991 года послушник Леонид был пострижен в рясофор с именем Трофим (в честь апостола Трофима, память которого празднуется 15/28 апреля).

В своем последнем письме к родным инок Трофим писал: "**Монах** должен жить только в монастыре и в тайне. Стараться быть **один. Монос — один**. То есть монастырь — это житие в одиночку и молитва за всех. Это очень непросто". "Молитва за всех…". Таким его и запомнили в монастыре: вот отец Трофим помогает местным бабушкам вспахать огород, вот утешает плачущую женщину, обещая помолиться за ее пьющего мужа, вот готовит подарки своим любимым бабушкам — разноцветные платочки, приложенные к мощам преподобного, вот увещает непутевую "паломницу", которая не в силах исправить с свой гибельный образ жизни… А вот он на своем тракторе уже бороздит шамординские поля, подбадривая валящихся с ног сестер, не давая им впасть в уныние от непосильных трудов.

Отец Трофим запомнился всем оптинцам веселым, неунывающим иноком. Однако когда после мученической кончины братий стали вспоминать последние дни их земного жития и слова, то оказалось, что все трое преподобномучеников предчувствовали свою близкую кончину, усилили свои молитвенные подвиги и даже начали раздавать свои вещи.

Игумен Т. вспоминал, как в понедельник 2-й седмицы Великого поста он задержался после службы в алтаре и увидел, как инок Трофим, прибрав в пономарке, взял просфору и, благоговейно вкушая ее со святой водой, сказал: "Слава Богу, неделя прошла. Теперь и разговеться можно".— "А ты что, всю неделю не ел, что ли?" — спросил его отец Т. "Ничего, я привычный",— ответил инок. "Признаться, я не поверил ему тогда,— рассказывал игумен Т.,— а позже узнал, что отец Трофим имел привычку поститься, не принимая пищи, и куда более долгие сроки".

Отца Трофима все любили и, казалось, знали. А после убийства выяснилось — человек он был закрытый и сотаинников не имел. Отец Трофим был истинный монах — тайный, внутренний, а внешней набожности и фарисейства в нем и тени не было.

Иеромонах Ф. как-то пожаловался отцу Трофиму, что засиживается ночью за книгой, а потом просыпает полунощницу. "А я,— говорит отец Трофим,— если засижусь ночью, то уже не ложусь. Встану перед кроватью на колени и положу голову на руки. Руки в таком положении быстро затекают. Тут уж не проспишь — вскакиваешь с первым ударом колокола". А полунощницу он любил: "Держись за полунощницу!" — советовал он. Осенней порой монастырская братия мобилизуется на сбор картошки. Уставшие, вымокшие под дождем труженики возвращаются с полей поздно вечером. Однажды на общей исповеди иеромонах С. решил пристыдить молящихся: "До чего мы дожили — в храме пусто, а у всех оправдание: "Батюшка, но мы же так поздно возвращаемся с поля". Привожу в пример: вчера последним в 12 часов ночи с поля вернулся инок Трофим, и он же первым пришел на полунощницу…".

Незадолго до смерти инок Трофим сказал своему другу: "Ничего не хочу — ни иеродиаконом быть, ни священником. А вот монахом быть хочу — настоящим монахом до самой смерти". Как раз перед Пасхой инока Трофима готовили к монашескому постригу. Но в глазах Господа, вероятно, он был уже монахом. Оптинские преподобномученики являлись некоторым верующим после своей кончины, а иноки Трофим и Ферапонт были одеты при этом в мантии.

5/18 апреля 1993 года инок Трофим вместе с другими двумя оптинскими иноками принял мученическую кончину. Все они были захоронены на братском кладбище. В 2005 году над могилами новомучениклв была возведена часовня.

Инок Ферапонт (Пушкарев)

(†5/18 апреля 1993)

Из автобиографии: "Я, Пушкарев Владимир Леонидович, родился в 1955 году 17 сентября в селе Кандаурово Колыванского района Новосибирской области. Проживал и учился в Красноярском крае. Воинскую службу в Советской армии проходил с 1975 по 1977 год, а с 1977 по 1980 год — сверхсрочную службу. До 1982 года работал плотником в СУ–97. Затем учеба в лесотехникуме — по 1984 год. После учебы работал по специальности техник-лесовод в лесхозе Бурятской АССР на озере Байкал. С 1987 по 1990 год проживал в городе Ростове-на-Дону. Работал дворником в Ростовском кафедральном соборе Рождества Пресвятой Богородицы. В настоящее время освобожден от всех мирских дел…".

В Оптину пустынь Владимир пришел пешком из Калуги в конце июня 1990 года, а 22 марта 1991 года был одет в подрясник. 14 октября 1991 года послушник Владимир был пострижен в рясофор с именем Ферапонт (в честь преподобного Ферапонта Белоезерского, Можайского), а в пасхальное утро 5/18 апреля 1993 года принял мученическую кончину. Подвизаясь в монастыре, отец Ферапонт ежедневно исповедовался, а когда была исповедь на всенощной, то и дважды в день. И в этом неустанном подвиге покаяния прошла вся его короткая иноческая жизнь.

Тщательно исполняя все монастырские послушания, инок Ферапонт, однако, так умел отрешаться от всего земного, постоянно пребывая в молитве, что многие из братий даже не знали его. Однажды приезжий иконописец шел по монастырю и спрашивал: "Где мне найти отца Ферапонта?". Встречающиеся оптинские братия с удивлением переспрашивали друг друга: "А кто у нас отец Ферапонт?".

"Молитва должна быть главным подвигом инока",— писал святитель Игнатий (Брянчанинов). У инока Ферапонта была такая жажда молитвы, что ее не насыщали даже долгие монастырские службы. Его сокелейники рассказывали, что, сотворив монашеское правило с пятисотницей, кстати, не обязательной для иноков, он потом еще долго молился ночью, полагая многие земные поклоны. Один из сокелейников признался, что как-то он решил сосчитать, а сколько же поклонов полагает инок за ночь? Келлию разделяла пополам занавеска, и инок Ферапонт молился в своем углу, бросив на пол пред аналоем овчинный тулуп. Поклоны звучали мягко. Сокелейник считал их, считал и уснул, все еще слыша во сне звуки поклонов. Словом, как нам бывает трудно встать на молитву, так отцу Ферапонту было трудно прервать ее.

Однажды под окном рухольной остановился трактор с прицепом, в котором сидели отец Ферапонт и еще несколько человек. Тут заморосил мелкий дождик со снежной крупой, и все ушли в укрытие. В кузове остался один инок Ферапонт. Выглянув в окно, N. подумала: "Почему он спит в странной позе — на коленях и пав лицом вниз?". Через полчаса она снова выглянула в окно и увидела, что инок находится в той же позе, а рука его мерно перебирает четки. Когда через два часа она опять подошла к окну, то очень удивилась, не понимая, что происходит: рясу инока уже припорошило сверху снежком, а он все так же перебирал четки, пав молитвенно ниц. То была неразвлекаемая монашеская молитва, которую не в силах прервать ни дождь, ни снег.

Иеродиакон Р., живший в ту пору в одной келлии с иноком Ферапонтом, рассказывал, что перед смертью инок уже не ложился спать, молясь ночами и позволяя себе для отдыха лишь опереться о стул.

5/18 апреля 1993 года инок Ферапонт вместе с другими двумя оптинскими иноками принял мученическую кончину. Все они были захоронены на братском кладбище. В 2005 году над могилами новомучеников была возведена часовня.

Приложения

Молитвы

Собору преподобных отцев и старцев Оптинских

(11/24 октября)

Тропарь, глас 6:

Православныя веры светильницы,/ монашества непоколебимии столпи,/ земли Российския утешителие,/ преподобнии старцы Оптинстии,/ любовь Христову стяжавшии/ и души своя за чада полагавшии,/ молитеся ко Господу,/ да утвердит земное отечество ваше/ в Православии и благочестии// и спасет души наша.

Кондак, глас 4:

Воистину дивен Бог во святых Своих,/ пустынь Оптину якоже вертоград старчества явивый,/ идеже богопросвещеннии отцы,/ тайная сердца человеческаго ведуще,/ народа Божия печальницы доблии явишася:/ сии бо на путь покаяния грехом отягощенныя наставиша,/ в вере колеблющияся светом Христова учения просветиша/ и Божией премудрости научиша,/ страждущим и немощным спострадаша и исцеления дароваша,/ ныне же, во славе Божией пребывающе,// молитеся непрестанно о душах наших.

Величание:

Ублажаем вас,/ преподобнии отцы наши старцы Оптинстии,/ и чтим святую память вашу,/ наставницы монахов// и собеседницы Ангелов.

Молитва преподобным отцем и старцем, в Оптиной пустыни просиявшим

О велиции угодницы Божии, столпи и светильницы земли Российстей, преподобнии и богоноснии отцы наши Оптинстии, Льве, Макарие, Моисее, Антоние, Иларионе, Амвросие, Анатолие, Исаакие и Иосифе, Варсонофие, Анатолие, Нектарие, Никоне и Исаакие, по закону евангельскому Господа Бога всем сердцем и всею душею и всем разумением возлюбившии и всему народу Божию во спасение бывшии; сего ради под покров Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы во обитель Оптину, покаявшимся разбойником основанную, притекшии, путем тесным и прискорбным смирения и самоукорения до конца дней ваших ходившии, темже убо благодатныя дары Святаго Духа преизобильно стяжавшии; старых и младых, знатных и препростых, мудрых века сего и худоумных, никогоже от грядущих к вам ижденувшии, николиже тща и неутешна отпустившии, но светом истины Христовы всех просветившии и духовно воскресившии, ближних ваших, яко себе самех, возлюбившии и тех в сердце своем вместившии, по словеси апостола, пророчествующе и назидающе, увещающе и утешающе. Умолите Милосердаго Господа, во обитель райскую разбойника благоразумнаго с Собою вземшаго, даровати нам, недостойным, яко работником единонадесятаго часа, дух сокрушения, сердца очищение, уст хранение, правоту деяний, мудрование смиренное, слезы покаяния, веру непостыдную, любовь нелицемерную, мир душевный и здравие телесное, да предстательством вашим сподобит нас Господь добраго ответа на Страшнем Судищи Своем, вечных мук избавляя, и Царствия Небеснаго купно с вами да удостоит во веки веков. Аминь.

Преподобному Амвросию, старцу Оптинскому

(10/23 октября)

Тропарь, глас 5:

Яко к целебному источнику/ притекаем к тебе, Амвросие, отче наш,/ ты бо на путь спасения нас верно наставляеши,/ молитвами от бед и напастей охраняеши,/ в телесных и душевных скорбех утешаеши,/ паче же смирению, терпению и любви научаеши,/ моли Человеколюбца Христа/ и Заступницу усердную// спастися душам нашим.

Кондак, глас 2:

Завет пастыреначальника исполнив,/ старчества благодать наследовал еси,/ болезнуя сердцем о всех с верою притекающих к тебе./ Темже и мы, чада твоя, с любовию вопием ти:/ отче святый Амвросие,// моли Христа Бога спастися душам нашим.

Величание:

Ублажаем тя,/ преподобне отче наш Амвросие,/ и чтим святую память твою,/ наставниче монахов// и собеседниче Ангелов.

Молитва 1

О великий старче и угодниче Божий, преподобне отче наш Амвросие, Оптинская похвало и всея Руси учителю благочестия! Славим твое во Христе смиренное житие, имже Бог превознесе имя твое еще на земли тебе суща, наипаче же увенча тя небесною честию по отшествии твоем в чертог славы вечныя. Приими ныне моление нас, недостойных чад твоих, чтущих тя и призывающих имя твое святое. Избави нас твоим предстательством пред Престолом Божиим от всех скорбных обстояний, душевных и телесных недугов, злых напастей, тлетворных и лукавых искушений. Низпосли Отечеству нашему от Великодаровитаго Бога мир, тишину и благоденствие, буди непреложный покровитель святыя обители сия, в нейже в преуспеянии сам подвизался еси и угодил еси всеми в Троице славимому Богу нашему, Емуже подобает всякая слава, честь и поклонение, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва 2

О преподобне и богоносне отче наш Амвросие! Ты поработати Господеви желая, зде вселился еси, и неленостно во трудех, во бдениих, в молитвах и постех подвизался еси, и был еси наставник монашествующим, всем же людем учитель ревностный. Ныне убо, по отшествии твоем от земных, Небесному Царю предстоя, моли благость Его, еже ущедрити место селения твоего, святую обитель сию, идеже духом любве твоея неотступно пребываеши, и всем людем твоим, с верою к раце мощей твоих припадающим, во благая прошения их исполнити. Испроси у милостиваго Господа нашего, да низпослет нам обилие небесных и земных благ, паче же яже на пользу душ наших да дарует нам, и скончати житие сие привременное в покаянии да сподобит, в день же судный деснаго предстояния и наслаждения во Царствии Своем да удостоит во веки веков. Аминь.

Молитва 3

О всечестный старче преславныя и дивныя Оптины пустыни, преподобне и богосносне отче наш Амвросие! Церкве нашея доброе украшение и благодатный светильниче, небесным светом всех озаряяй, красный и духовный плод России и всея подсолнечныя, души верных обильно услаждаяй и увеселяяй! Ныне с верою и трепетом припадаем пред цельбоносною ракою святых мощей твоих, иже на утешение и помощь страждущим милостивно даровал еси, смиренно молим тя сердцем и усты, отче святый, яко Всероссийскаго наставника и учителя благочестия, пастыря и врача душевных и телесных недуг наших: воззри на чад твоих, зело согрешающих в словесех и делех, и посети нас многою и святою своею любовию, еюже славно преуспел еси еще во дни земныя, а наипаче по праведней твоей кончине, наставляя в правилех святых и богопросвященных отцев, вразумляя нас в заповедех Христовых, в нихже добре поревновал еси до последняго часа твоея многотрудныя иноческия жизни; испроси нам, немощствующим душею и бедствующим в скорбех, благоприятное и спасительное время на покаяние, истинное исправление и обновление нашего жития, в немже и мы, грешнии, осуетихомся умом и сердцем, предахом себе непотребным и лютым страстем, пороком и беззаконием имже несть числа; приими убо, соблюди и покрый нас кровом твоея многия милости, низпосли нам благословение от Господа, да понесем благое иго Христово в

долготерпении до конца дней наших, чающе будущаго живота и Царствия, идеже несть печаль, ни воздыхание, но жизнь и радость безконечная, изобильно проистекаемая от единаго, Всесвятаго и блаженнаго Источника безсмертия в Троице покланяемаго Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Молитва Оптинских старцев

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день.

Господи, дай мне вполне предаться Твоей святой воле.

Господи, на всякий час этого дня во всем наставь и поддержи меня.

Господи, какие бы я ни получал известия в течение этого дня, научи принять их со спокойною душою и с твердым убеждением, что на все есть Твоя святая воля.

Господи, открой мне волю Твою святую для меня и окружающих меня.

Господи, во всех моих словах и помышлениях Сам руководи моими мыслями и чувствами.

Господи, во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобою.

Господи, научи правильно, просто, разумно обращаться со всеми домашними и окружающими меня, старшими, равными и младшими, чтобы мне никого не огорчить, но всем содействовать ко благу.

Господи, дай мне силу перенести утомления наступающего дня и все события в течение дня.

Господи, руководи Сам Ты моею волею и научи меня молиться, надеяться, верить, любить, терпеть и прощать.

Господи, не дай меня на произвол врагам моим, но ради имени Твоего святого Сам води и управляй мною.

Господи, просвети мой ум и сердце мое для разумения Твоих вечных и неизменных законов, управляющих миром, чтобы я, грешный раб Твой, мог правильно служить Тебе и ближним моим.

Господи, благодарю Тебя за все, что со мною будет, ибо твердо верую, что любящим Тебя все содействует ко благу.

Господи, благослови все мои выхождения и вхождения, деяния дел, слова и помышления, удостой меня всегда радостно прославлять, воспевать и благословлять Тебя, ибо Ты благословен еси во веки веков. Аминь.

Алфавитный указатель оптинских насельников, о которых повествуется в патерике

Авраамий, игумен
Агапит (Беловидов), схиархимандрит
Агапит (Таубе), монах
Аифал (Панаев), иеромонах
Александр (Лихарев), монах
Алексей Гуляев, послушник
Алексий (Виноградов), иеромонах
Алексий (Лебедев), монах
Алексий, монах
Амвросий (Гренков), иеросхимонах, преподобный старец Оптинский
Амвросий Балабановский (Иванов), схиархимандрит
Анатолий (Зерцалов), иеросхимонах, преподобный старец Оптинский
Анатолий (Потапов), иеросхимонах, преподобный старец Оптинский
Андрей (Петровский), монах
Андрей (Свешников), инок

Иоанн (Скорняков), монах
Иоанн (Соколов), игумен
Иоанн (Чернов), схимонах
Иоанн, послушник
Иоанникий (Дмитриев), архимандрит, священномученик
Иоанникий (Королев), схимонах
Иоанникий (Руфов), схимонах
Иоасаф (Моисеев), схимонах
Иов, иеромонах
Иоиль (Токарев), схимонах
Иосиф (Литовкин), иеросхимонах, преподобный старец Оптинский
Иосиф, монах
Исаакий I (Антимонов), схиархимандрит, преподобный старец Оптинский
Исаакий II (Бобриков), архимандрит, Оптинский священномученик
Карп слепой (Алексеев), схимонах
Кирилл (Зленко), иеродиакон
Кирилл (Мусатов), схимонах
Кирилл, иеродиакон
Климент (Зедергольм), иеромонах
Климент (Константин Леонтьев), монах
Ксенофонт (Клюкин), схиархимандрит
Лаврентий (Левченко), иеромонах
Лев (Наголкин), иеросхимонах, преподобный старец Оптинский
Леонид (Бочаров), схимонах
Леонид (Кавелин), архимандрит
Макарий (Грузинов), схимонах
Макарий (Дектярев), монах
Макарий (Иванов), иеросхимонах, преподобный старец Оптинский
Макарий (Иноземцев), иеросхимонах
Макарий (Чельцов), иеромонах
Макарий утопший, монах
Макарий, иеросхимонах
Максим Горностаев, послушник
Мартин (Кривенков), монах
Мартирий (Гришин), архимандрит
Мартирий (Кашнов), схииеродиакон
Матфий (Кузнецов), инок
Мелетий (Бармин), иеросхимонах
Мелхиседек (Короткий), архимандрит
Мелхиседек (Разумов), иеросхимонах
Мефодий (Шкломбовский), иеродиакон
Михаил (Андреев), иеросхимонах
Михаил (Чихачев), схимонах
Михаил Бакин, послушник
Михей (Алексеев), епископ
Моисей (Путилов), схиархимандрит, преподобный старец Оптинский
Нектарий (Тихонов), иеросхимонах, преподобный старец Оптинский
Нестор (Фуфаев), схимонах
Никита (Костинский), инок
Никита (Чувенков), монах
Николай (Абрулах), схимонах
Николай (Книжников), схимонах

Николай (Лопатин), схимонах
Никон (Беляев), иеромонах, Оптинский исповедник
Никон (Огиевский), иеромонах
Нил, монах
Нифонт (Пономарев), монах
Нифонт, монах
Павел (Тамбовцев), инок
Павел Бородин, послушник
Палладий (Белоусов), иеромонах
Палладий (Иванов), иеродиакон
Памва (Панов или Попов?), иеросхимонах
Памва, инок
Пантелеимон (Аржаных), игумен, Оптинский преподобномученик
Пармен Феодоров, послушник
Пахомий (Сабодаш), монах
Пахомий (Соловьев), схимонах
Пахомий, схимонах
Петр (Иванов), монах
Петр (Никифоров), монах
Пимен (Пащенко), иеросхимонах
Платон (Покровский), иеромонах
Порфирий (Григоров), монах
Рафаил (Фомин), монах
Рафаил (Шейченко), иеромонах
Савва (Кудрявцев, иеромонах
Савватий (Нехорошев), иеросхимонах
Савватий, иеромонах
Савватий, монах
Севастиан Карагандинский (Фомин), схиархимандрит, преподобноисповедник
Серапион (Машкин), архимандрит
Серафим (Гущин), иеродиакон
Сергий (Борисов), монах
Сергий (Пономарев), схимонах
Сергий (Трунов), схииеродиакон
Сергий, монах
Спиридон, иеромонах
Стефан, инок
Стефан, инок
Тимон (Трунов), схимонах
Тихон (Лебедев), иеромонах
Трифон (Туркестанов), митрополит
Трофим (Татарников), инок, убиенный
Феодор (Ключарев Феодор Захарович), схимонах
Феодор (Лавров), монах
Феодосий (Жарков), монах
Феодосий (Поморцев), схиигумен
Феодот (Герасимов), схимонах
Феодот (Кольцов), иеросхимонах
Феофан (Талунин), архимандрит
Ферапонт (Пушкарев), инок, убиенный
Флавиан (Маленков), иеросхимонах

Ювеналий (Половцев), архиепископ

Библиография

Литература об Оптиной пустыни

[Агапит (Беловидов), архимандрит]. Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Макария. М., 1996.

Агапит (Беловидов), схиархимандрит. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия с портретом и факсимиле: В 2 ч. ТСЛ[90], 1992.

Амвросия (Оберучева), монахиня. Очерки из многолетней жизни одной старушки, которую не по заслугам Господь не оставлял Своею милостью и которая считала себя счастливой всегда, даже среди самых тяжелых страданий. М., б. г.

Андроник (Трубачев), игумен. Преподобный Амвросий Оптинский. Жизнь и творения. Валаам, 1993. (Библиогр.: с. 218–222).

Афанасьев В. Оптинские были. Очерки и рассказы из истории Введенской Оптиной Пустыни. М., 2003.

Благословенная Оптина. Воспоминания паломников об обители и ее старцах. М., 1998.

Быков В. П. Оптина пустынь // *Быков В. П.* Тихие приюты. Изд. Св.-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1993. С. 106–292.

Варсонофий Оптинский, *преподобный*. Духовные стихотворения. М., 1996.

Вениамин (Федченков), митрополит. Оптина; Старец Нектарий; Заметки о последних годах жизни старца иеромонаха Нектария; Рассказы об о. Нектарии // *Вениамин (Федченков), митрополит.* Божьи люди: Мои духовные встречи. М., 1997. С. 100–191.

Венок от Шамордина на могилу Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Ко дню столетия со дня рождения (23 ноября 1812 – 23 ноября 1912). Шамордино, 1912.

Воспоминание духовной дочери об Оптинском старце иеросхимонахе Амвросии Гренкове. Б. м., б. г.

Высокопреосвященный Филарет, в схимонашестве Феодосий (Амфитеатров), митрополит Киевский и Галицкий, и его время: В 3 т. / Сост. архим. Сергий (Василевский). Казань, 1888.

Григорий (Борисоглебский), архимандрит. Сказание о житии Оптинского старца отца иеросхимонаха Амвросия. М., 1893.

Е[раст, иеромонах] В[ытропский]. История Козельской Введенской Оптиной пустыни (краткая). Изд. Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1906.

Е[раст, иеромонах] В[ытропский]. Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха отца Амвросия. С приложением избранных поучений его. Сергиев Посад, 1908.

Ераст [Вытропский], иеромонах. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губ.) // Неизвестная Оптина. СПб., 1998.

Ефрем (Кицай), епископ. Митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров), его жизнь и пастырское служение. Киев, 1999.

Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. М., 2002.

Жизнеописание Оптинских новомучеников иеромонаха Василия, инока Ферапонта, инока Трофима. Благословенно воинство. Мученичество в жизни Церкви. Оптина Пустынь, 2003.

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков: [В 13 кн.]. М., 1906–1910. (См. жизнеописания преподобных Оптинских старцев и подвижников благочестия по датам их памяти.)

Житие и поучения Оптинского старца Анатолия (Зерцалова). Оптина Пустынь, 1994. (Преподобные старцы Оптинские).

---

[90] Свято-Троицкая Сергиева Лавра.— *Ред.*

Житие Оптинского старца Анатолия (Потапова). Оптина Пустынь, 1995. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие Оптинского старца Варсонофия. Оптина Пустынь, 1995. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Оптина Пустынь, 1994. (Преподобные старцы Оптинские).

Житие Оптинского старца Иосифа. Оптина Пустынь, 1993. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие Оптинского старца Макария / Сост. архим. Леонид (Кавелин). Оптина Пустынь, 1995. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие Оптинского старца Нектария. Оптина пустынь, 1996. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие Оптинского старца Никона / Сост. М. С. Добромыслова. Оптина Пустынь, 1996. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие Оптинского старца схиархимандрита Исаакия (Антимонова). Оптина Пустынь, 1995. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие преподобного иеросхимонаха Илариона Оптинского. 1805–1873. Оптина Пустынь, 1993. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие преподобного схиархимандрита Моисея Путилова. Оптина Пустынь, 1992. (Преподобные старцы Оптинские).

Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского. 1795–1865. Оптина Пустынь, 1992. (Преподобные Оптинские старцы).

Житие священномученика архимандрита Исаакия. Оптина Пустынь, 1996. (Преподобные Оптинские старцы).

Иеросхимонах Амвросий старец Оптиной пустыни (в мире Александр Михайлович Гренков). Б. м., 1991.

Ильинская А. Мученики и исповедники. Судьбы оптинской братии и шамординских сестер в годы советской власти // Журнал Московской Патриархии. М., 1991. № 11.

Ильинская А. Страницы жизни шамординской схимонахини Серафимы // Литературная учеба. М., 1990. Кн. 5.

Иоанн (Маслов), архимандрит. Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М., 1993.

Кавелин Л. [впосл. архимандрит Леонид]. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Свято-Введенская Оптина пустынь, б. г.

Казанская Амвросиевская женская пустынь Калужской губернии при с. Шамордине и ее основатель Оптинский старец иеросхимонах Амвросий. Шамордино, 1908.

Карагандинский Старец преподобный Севастиан / Сост. В. Королева. М., 1998.

Козельская Оптина пустынь и ее значение в истории русского монашества // ЧОЛДП. 1893. Кн. 9. Отдел I. С. 155–208; Кн. 10. Отдел I. С. 328–362; Кн. 11. Отдел I. С. 399–440.

Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. ТСЛ; Владимирская епархия, 1995.

Концевич И. М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. М., 1993.

Леонтьев К. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни. М., 1997.

Летопись Скита Оптиной пустыни. Избранные страницы 1845–1882 гг. по плану монаха Варсонофия (Плиханкова) // Православие и русская народная культура: Научный сборник. М., 1994. (Вып. 1).

Монахи — возлюбленные дети Господни: Книга воспоминаний о иеромонахе Василии (Рослякове) и о иеромонахе Рафаиле (Огородникове). М., 2003.

Муравьев А. Н. Святые горы и Оптина пустынь. СПб., 1852.

Н[икодим], а[рхимандрит]. Старцы отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. М., 1909.

На службе Богу — на службе ближним. Какую пользу приносят русскому народу православные монастыри? (По письмам Оптинских старцев о. Амвросия и о. Анатолия). Изд. Оптиной пустыни. Шамордино, 1909.

Никон (Беляев), преподобный, Иосиф (Полевой), иеромонах. Жизнеописания почивших скитян // Неизвестная Оптина. СПб., 1998.

Об оптинском иеромонахе Тихоне. Рассказ Марии Никитичны Депутатовой // Град Китеж. М., 1992. № 3 (8). С. 24–26.

Оптина пустынь. Русская православная духовность / Сост. и послесл. А. Горелова. М., 1997. (История христианской мысли в памятниках).

Оптина пустынь. Светлое Христово Воскресение. 1993 год // Московский церковный вестник. М., 1999. № 9–10 (96–97). С. 1, 4–6.

Оптина Пустынь: Православный альманах. СПб., 1996. № 1.

Оптинская Голгофа. К убийству иноков на Святую Пасху. М., 1996.

Оптинский календарь на 2005 год / Сост. монахиня Иулиания (Самсонова). М., 2004. 431 с.: ил.

Оптинский старец Иоасаф [Моисеев]. Воспоминания келейницы. СПб., 2002.

Отец Амвросий — Оптинский старец. Тамбов, 1912.

Очерк жизни настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Исаакия. М., 1899.

Павлова Н. А. Пасха красная. О трех Оптинских новомучениках, убиенных на Пасху 1993 года. Льялово, 2002.

Первый великий старец оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев). Шамордино, 1917.

Поселянин Е. Н. Детская вера и оптинский старец Амвросий. СПб., 1901.

Поселянин Е. Н. Праведник нашего времени оптинский старец Амвросий. Жизнь его и подвиги. СПб., 1907.

Преподробные старцы Оптиной пустыни. Жития. Чудеса. Поучения. М.; Рига, 1995.

Просвирнин А. Введенская Оптина пустынь в истории русского монашества. Курсовое кандидатское сочинение по кафедре истории Русской Церкви МДА. Загорск: МДА, 1968. На правах ркп.

Прославление в лике святых Собора преподобных отцев и старцев, в Оптиной Пустыни просиявших. 26–27 июля 1996 года. Оптина пустынь, 1996.

Путь на небо — через Голгофу. Оптинский старец Рафаил (Шейченко). Воспоминания. Письма. М., 2004.

Розанов В. В. Оптина пустынь // Около церковных стен. Т. 2. СПб., 1906.

Свет Оптиной. Жизнеописание подвижника XX века Калужского старца Амвросия (Иванова Василия Федоровича). Спас-Прогнань, 1998.

Смолич И. К. Русское монашество. М., 1999.

Созвездие иноческого небосвода. Новые чудеса Оптинских старцев. М., 2002.

Соколов Д. Значение Козельской Оптиной пустыни в XIX столетии. Калуга, 1898.

Соколов Ф. С. Приснопамятный старец Русской земли подвижник Козельской Оптиной пустыни отец Амвросий (Гренков). Биографический очерк. Тамбов, 1902.

Старец Нектарий: подвиги и чудеса. М., 1994.

Трифон (Туркестанов), епископ. Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель старец иеросхимонах Амвросий. Сергиев Посад, 1912.

Трифон (Туркестанов), митрополит. Древнехристианские и Оптинские старцы. М., 1997.

Успенский С. Е. Учитель благочестивой жизни Оптинский старец Амвросий. Б. м., 1904.

Филадельф, иеромонах. Заступница Усердная. Слово о деяниях Пресвятой Богородицы. М., 1992.

Цветочки Оптиной пустыни. Воспоминания о последних Оптинских старцах о. Анатолии (Потапове) и о. Нектарии (Тихонове). М., 1995.

Четвериков С., протоиерей. Оптина Пустынь // *Четвериков С., протоиерей*. Правда христианства. М., 1998. С. 337–398.

Четвериков. С., протоиерей. Описание жизни блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной пустыни и ее старчества. М., 1998.

Ч-н Ф. П. Тяжелая утрата (Оптинский старец Амвросий †). М., 1892.

Шишкова А. Несколько дополнений к статьям об отце Амвросии. М., 1893.

Шустин В., священник. Запись об о. Иоанне Кронштадтском и об Оптинских старцах. Из личных воспоминаний. М., 1991.

Письменное наследие Оптинских преподобных

Амвросий Оптинский, преподобный. Молитвенное правило преподобного Амвросия Оптинского, читаемое во время скорби и искушений. М., 1996.

Амвросий, преподобный. Собрание писем Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим и мирянам: В 3 ч. М., 1995.

Амвросий, старец Оптинский, преподобный. Собрание писем преподобного Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к превосходительной NN и настоятельницам N общины. Оптина пустынь, 1997.

Анатолий (Зерцалов) Оптинский, преподобный. Письма Оптинского старца иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова). Оптина пустынь, 1998.

Антоний, игумен. Письма к разным лицам. [М.], 1996.

Варсонофий Оптинский, *преподобный*. Беседы с духовными детьми. Машинопись.

Варсонофий Оптинский, *преподобный*. Беседы старца Варсонофия с духовными детьми. Воспоминания духовных детей о старце Варсонофии. М.; Рига, 1995.

Варсонофий Оптинский, *преподобный*. Духовные стихотворения. М., 1996.

Варсонофий Оптинский, *преподобный*. Жизнеописание схимонаха Оптиной пустыни Николая исповедника, изложенное с его слов преподобным старцем Варсонофием Оптинским. ТСЛ, 2003.

Василий (Росляков), иеромонах. "Скажи ми, Господи, кончину мою" (Пс. 37, 5). Стихотворное переложение псалмов святого пророка Давида. Б. м., б. г.

Василий (Росляков), иеромонах. "Хотим или нет, но величит нас Бог…": Дневники, духовные беседы, стихи иеромонаха Василия (Рослякова). М., 2002.

Василий (Росляков), иеромонах. Я создан Божественным Словом: иеромонах Василий: [Проповеди, статьи, интервью, богослужебные тексты, стихотворения; воспоминания о нем]. М., 2002.

Душеполезные поучения преподобных Оптинских старцев: В 2 т. Оптина Пустынь, 2000.

Иларион Оптинский, преподобный. Письма. Оптина Пустынь, 1998.

Иосиф (Литовкин), иеросхимонах. Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Леонтьев пред "старцами" Оптиной пустыни. М., 1898.

Иосиф Оптинский, преподобный. Собрание писем Оптинского старца Иосифа. Оптина Пустынь, 2005.

Лев Оптинский, преподобный. Письма Оптинского старца Льва к монаху Иоанникию. Оптина пустынь, 2002.

Макарий Оптинский, преподобный. Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского / Сост. архимандрита Иоанна (Захарченко). Оптина Пустынь, 1997.

Макарий Оптинский, преподобный. Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву. М., 1997.

Макарий Оптинский, преподобный. Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца Макария. Письма к мирским особам. СПб., 1993.

Макарий Оптинский, преподобный. Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца Макария к монашествующим. СПб., [1994].

Никон (Беляев), преподобный. Дневник послушника Николая Беляева (преподобного Оптинского старца Никона) [1907–1910 гг.]. М., 2004.

Никон Оптинский, преподобный. Жизнеописание и духовные наставления. М., 1998.

Никон Оптинский, преподобный. Завещание Оптинского старца преподобного Никона. М., 1996.

Никон Оптинский, преподобный. Письма, проповеди, поучения. Машинопись.

Прошу тебя отеческим гласом. Письма преподобного Иосифа Оптинского и воспоминания о нем. М., 1998.

Путеводитель по письмам Оптинского старца Макария. Предметный указатель к "Собранию писем блаженной памяти Оптинского старца Макария к монашествующим" / Сост. И. В. Дубинина. М., 2001.

Советы Оптинских старцев христианам, живущим в миру. М., 1996.